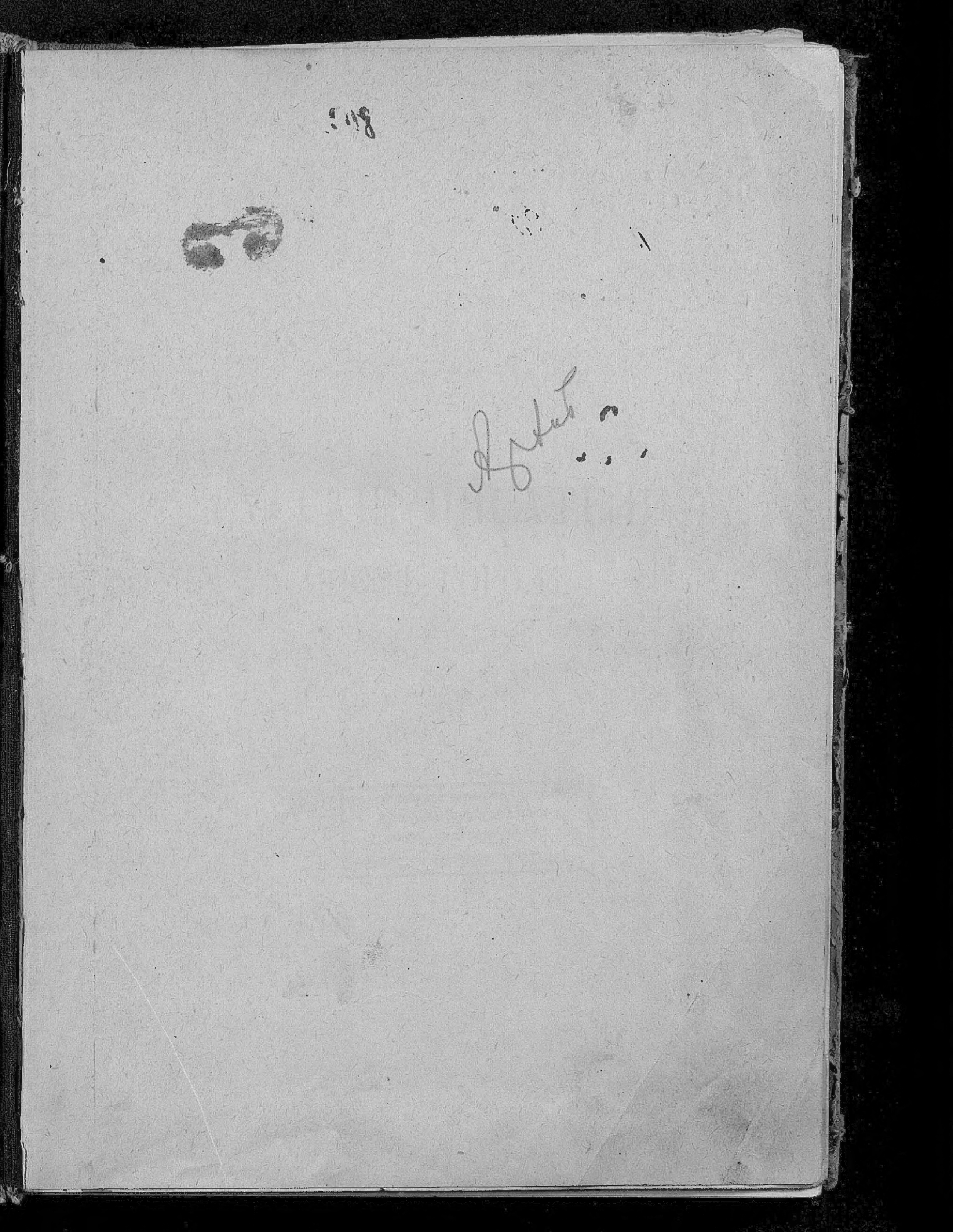
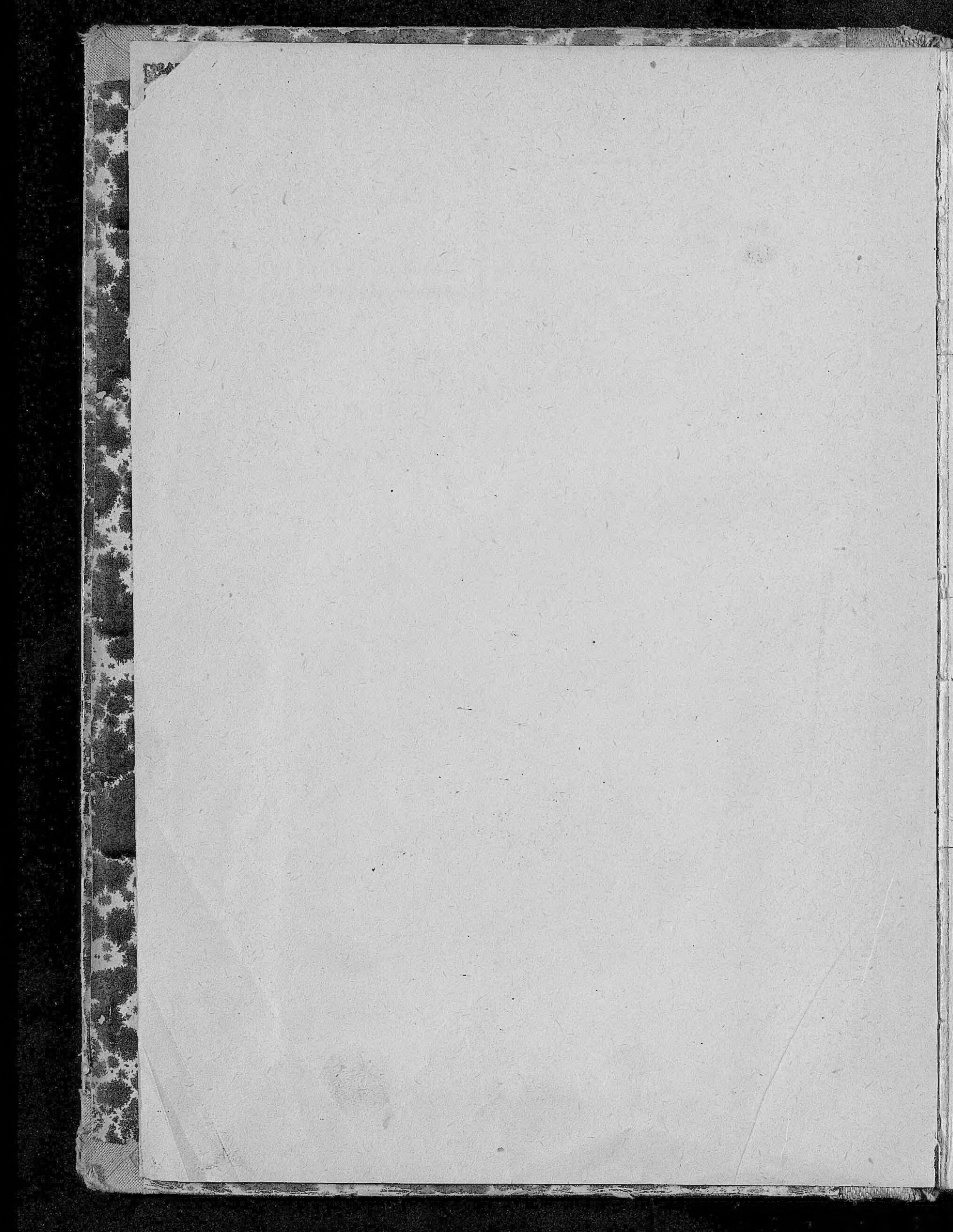
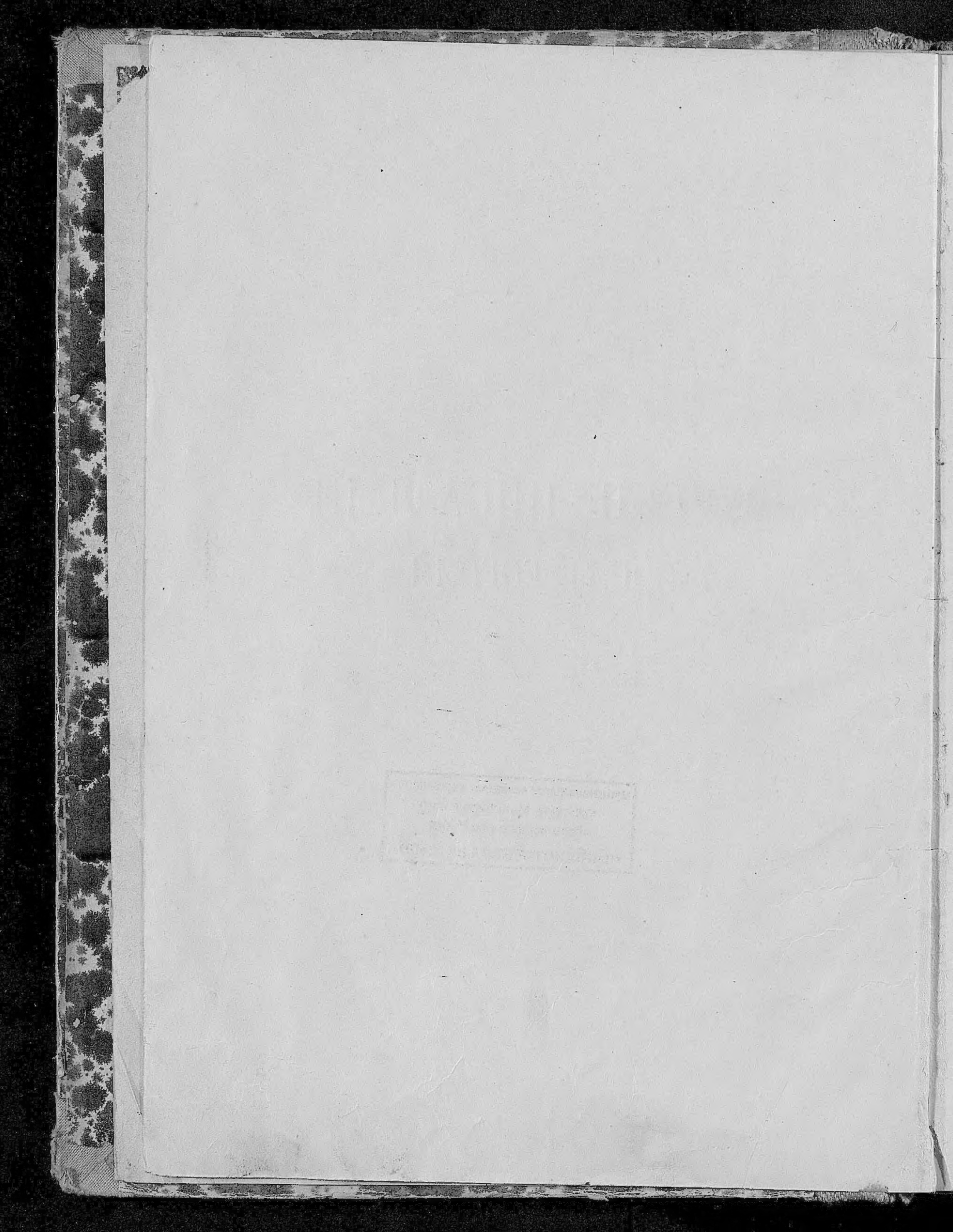
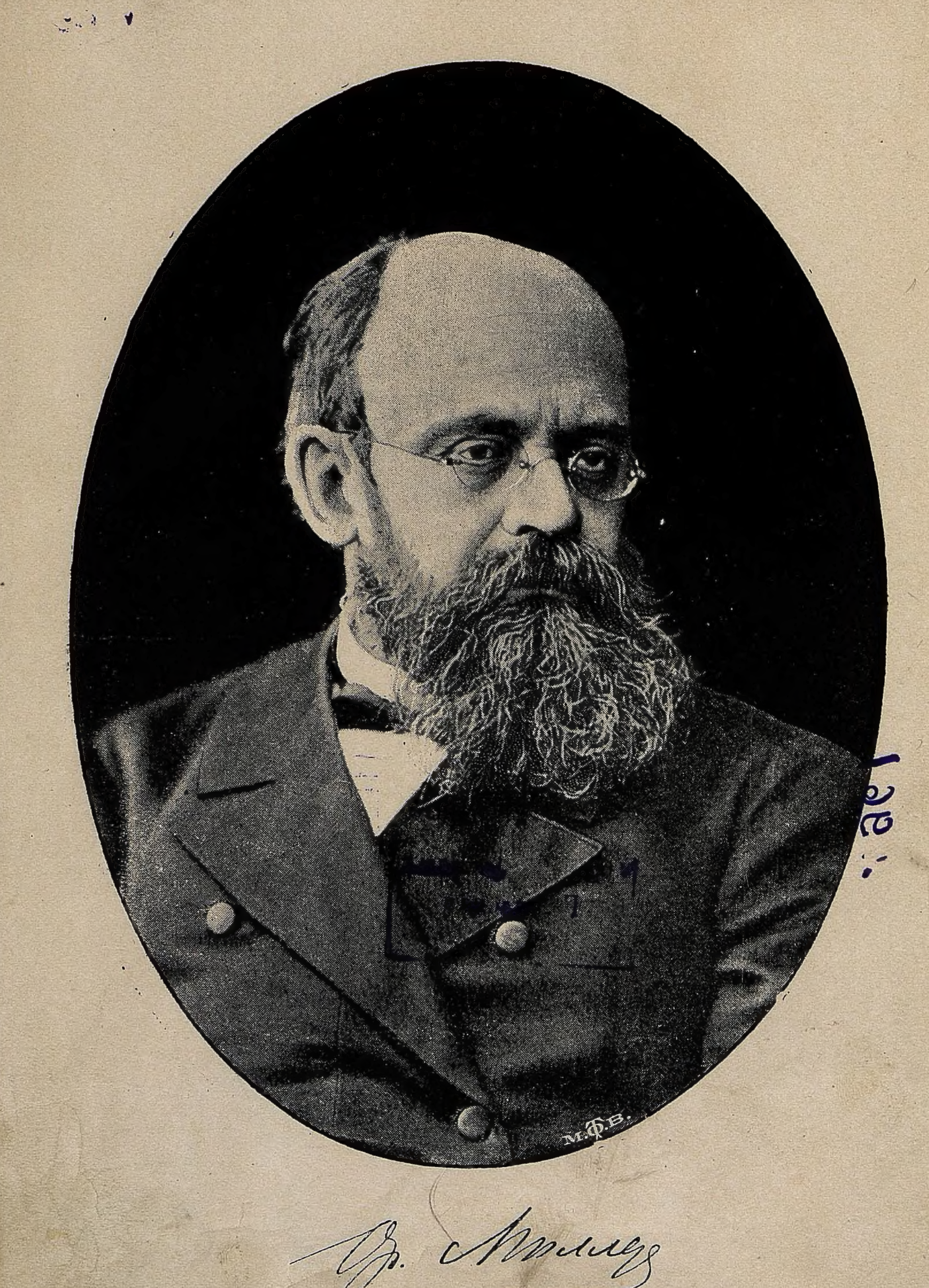

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

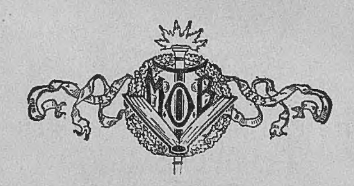

М.Ф.В.
Ор. Миллеръ

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

ЧТЕНІЯ, РѢЧИ И СТАТЬИ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА

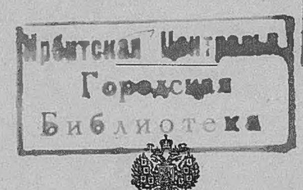
Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. Шляпкина

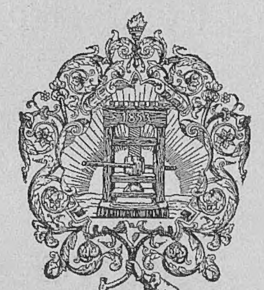
ТОМЪ I

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.—Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

Изданіе пятое

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
• С.-ПБУРГЪ • МОСКВА •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ.

Біографическій очеркъ О. Ѳ. Миллера [1]. (1833—1889).

Оскаръ Миллеръ, сынъ таможеннаго чиновника Эстляндской губерніи Фридриха Миллера, родился 4 августа 1833 года въ городѣ Гапсалѣ. Рожденіе Оскара стоило жизни его матери (урожд. баронессѣ Унгернъ-Штернбергъ), а черезъ три года скончался и отецъ его, происходившій изъ шведскихъ выходцевъ въ Эстляндіи. Круглый сирота былъ взятъ въ домъ бездѣтнымъ дядей своимъ Иваномъ Петровичемъ Миллеромъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ (по артиллеріи), а супруга его Екатерина Николаевна (урожд. Чирикова) сдѣлалась Оскару второю матерью. Тѣсная горячая любовь привязывала покойнаго профессора къ его тетушкѣ, или, какъ онъ обыкновенно называлъ ее, матушкѣ. Трогательно было видѣть впослѣдствіи, какъ немолодой уже профессоръ ухаживалъ за своей пріемною матерью, самъ наливалъ ей супъ, откладывалъ лучшіе куски и безропотно выносилъ капризы больной старушки. «Отчего вы не женитесь?»—спрашивали его близкіе люди.—«Богъ знаетъ, какъ поладила-бы моя жена съ матушкой,—говорилъ онъ добродушнымъ тономъ,—да и вообще людямъ, по-

---

[1]) Пособіями служили: О. Ѳ. Миллеръ, біографическій очеркъ Б. Г. Глинскаго, Спб. 1890. Очеркъ научной дѣятельности проф. О. Ѳ. Миллера сост. И. Шляпкинъ Спб. 1889. Памяти О. Ѳ. Миллера (рѣчь въ Славянскомъ обществѣ И. Шляпкина. Слав. извѣстія 1889 № 51), рукописные дневники и письма О. Ѳ. Миллера, находящіеся у автора.

святившимъ себя общественной дѣятельности, лучше не жениться: это еще и Хомяковъ говорилъ—семья связываетъ».

Семья, въ которую попалъ четырехлѣтній Оскаръ, была совершенно русская. Иванъ Петровичъ былъ лютеранинъ, но нѣмецкаго языка не зналъ и даже любилъ подсмѣиваться надъ нѣмцами. Катерину Николаевну ея пріемный сынъ самъ характеризуетъ (въ 1885 г.) такими словами: «при недостаткѣ настоящаго образованія, она отличалась, однако, замѣчательнымъ природнымъ умомъ и тѣмъ *чутьемъ правды*, которое заставляло ее, при всей властности ея привычекъ, а отчасти и ея характера, понимать всю мерзость крѣпостного права». Офицерскій кругъ знакомства семьи Миллера съ ихъ разговоромъ и разсказы о святыхъ бѣдной старушки Вассы Савишны причудливо переплетались въ воображеніи ребенка «и отсюда должно быть,—говоритъ О. Ѳ. въ своихъ воспоминаніяхъ,—и произошла та картина, которая мысленно носилась передъ моими глазами: это взятіе Цареграда ратью будущихъ русскихъ крестоносцевъ, во главѣ которыхъ находился не кто другой, какъ я самъ, святой Оскаръ Великій, какъ величалъ я себя въ ребяческомъ полетѣ своего разыгравшагося воображенія». Семья Миллеровъ, по условіямъ военной жизни, побывала въ Петербургѣ, Осташковѣ, Валдаѣ и наконецъ въ Вильнѣ. Въ Вильнѣ Миллеръ началъ учиться подъ руководствомъ гимназиста Нѣмшевича, о которомъ онъ вспоминалъ съ большою любовью. Мальчикъ издавалъ рукописный журналъ, писалъ драматическія сцены, учился музыкѣ, рисованію, гимнастикѣ и верховой ѣздѣ. Рисовалъ онъ недурно: у меня сохранились копіи масляными красками съ портретовъ Ванъ-Дейка. Въ Вильнѣ было положено основаніе глубокому религіозному чувству и тѣмъ высокимъ нравственнымъ требованіямъ къ себѣ, которыми отличался покойный. Въ семьѣ часто бывалъ арх. Платонъ, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, говорившій, что онъ за такого лютеранина, какъ Иванъ Петровичъ, отдалъ бы десять

православныхъ... Бывала семья и у архіепископа литовскаго Іосифа, возсоединителя уніатовъ. Чистый религіозный пламень охватилъ душу маленькаго Оскара. «Христосъ,—разсуждалъ я,—пострадалъ, чтобы искупить человѣческій родъ отъ внутреннихъ послѣдствій грѣхопаденія. Но внѣшнія послѣдствія его, болѣзни и бѣдствія, до сихъ поръ остаются не искупленными. Надо, — представлялось мнѣ, — чтобы опять кто-нибудь *одинъ* принялъ на себя добровольно всѣ болѣзни и всѣ бѣдствія человѣчества. И вотъ мнѣ страстно захотѣлось быть этимъ однимъ. Я сталъ молиться о томъ, чтобы меня постигли всевозможные недуги, всевозможные виды уродства и искалѣченія, чтобы я былъ всѣми заброшенъ, вслѣдствіе моей ужасающей отвратительности, чтобы при этомъ я былъ также вполнѣ лишенъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и жилъ въ такомъ состояніи долго, долго, только бы цѣною моихъ неимовѣрныхъ страданій куплено было прекращеніе всякихъ болѣзней и всякихъ бѣдствій на землѣ. Я не переставалъ молиться объ этомъ довольно долго и не повѣрялъ такого моего настроенія рѣшительно никому». Рядомъ съ этимъ шелъ рядъ искушеній обычныхъ юности, но юноша не сдался... шалунъ и шутникъ, онъ вынесъ твердое убѣжденіе, ни разу не поколебавшееся въ немъ до конца жизни, что «человѣкъ, что тамъ ни говори, *не животное* или, по крайней мѣрѣ, *не только животное*». Въ одномъ изъ своихъ позднихъ стихотвореній Миллеръ прямо говоритъ:

«За то, что юности кипучей
Соблазновъ сладкихъ я не зналъ,
Молю, чтобъ сердца жаръ могучій
Во мнѣ по гробъ не остывалъ».

Такъ оно, какъ увидимъ, и случилось.

По переѣздѣ изъ Вильны въ Варшаву, въ 1848 г., шестнадцатилѣтній мальчикъ перешелъ въ православіе и и получилъ имя Ореста. «На самомъ дѣлѣ,—пишетъ Миллеръ,—это даже и не было переходомъ, а этимъ только придавалась внѣшняя форма тому, что существовало на

дѣлѣ съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню». Въ Варшавѣ, среди учителей О. Ѳ., особое вліяніе имѣлъ нѣмецкій учитель А. Г. Плеве (родомъ жмудинъ). При чтеніи Шиллера и вообще на урокахъ онъ старался пробудить въ ученикѣ философскую пытливость и политическое свободомысліе: въ этомъ отношеніи онъ нашелъ себѣ непредвидѣннаго союзника въ одномъ изъ офицеровъ дядиной дивизіи Н. А. Веревкинѣ. Вліяніе Шиллера сопровождало Миллера всю жизнь, и не даромъ, теперь тоже покойный, а тогда ректоръ университета, А. Н. Бекетовъ въ надгробной рѣчи (1889 г.) упомянулъ о Шиллерѣ, какъ основномъ камнѣ міросозерцанія О. Ѳ. Это не мѣшало тогдашнему «квасному», какъ самъ Миллеръ окрестилъ его, патріотизму будущаго профессора. «Началась Венгерская война, предпринятая Николаемъ Павловичемъ, конечно, не ради того, что венгерцы враги славянъ, а просто, чтобы поддержать подлую, но милую его деспотическому сердцу Австрію. Она разлучила насъ съ дядей и кончилась для него жестокой контузіей подъ Дебречинымъ съ переломомъ реберъ». Въ 1850 г. Миллеры уѣхали въ Теплицъ и посѣтили Дрезденъ, гдѣ О. Ѳ. восхищался знаменитой Мадонной Рафаэля. Больной дядя получилъ назначеніе членомъ Совѣта Государственнаго Контроля въ Спб., и туда отправился и Орестъ Ѳедоровичъ. Сначала юноша порывался поступить въ военную службу, но затѣмъ по настоянію дяди въ августѣ 1851 г. выдержалъ первымъ университетскій экзаменъ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ всѣхъ студентовъ, по тогдашнему комплекту, было шестеро. «Мы не знали ни кутежа, ни какихъ-либо романическихъ похожденій. Если бы кто-нибудь изъ студентовъ вздумалъ въ то время жениться, то это не только не было бы позволено, но и сами товарищи насмѣшливо подвели бы его подъ Митрофанушкину пословицу: «не хочу учиться, а хочу жениться». Я и теперь (1886) того же мнѣнія... Насъ въ университетѣ занимала только наука, литература, искусство, понимаемыя пожалуй слишкомъ отвлеченно, помимо непосредственной связи съ жизнью...» Между

профессорами Миллеръ вспоминаетъ даровитаго М. С. Куторгу по всеобщей исторіи и А. В. Никитенко по русской словесности. Личность А. В. Никитенки, этого превосходнаго человѣка, прекрасно выяснена, благодаря его напечатанному трехтомному дневнику. Проводя эстетическую точку зрѣнія въ своихъ лекціяхъ, Никитенко, по словамъ историка Спб. университета В. В. Григорьева, всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе литературы, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка. При отсутствіи курса философіи, исключенной изъ тогдашняго университетскаго преподаванія, Никитенко философской стороной своихъ лекцій восполнялъ насколько возможно было этотъ важный пробѣлъ студенческаго образованія. Въ 1852 году 30 мая въ «Сѣверной пчелѣ» Миллеръ помѣстилъ стихотвореніе «На смерть Жуковскаго»—первое свое печатное произведеніе:

«И онъ угасъ, нашъ старецъ, духомъ юный,
Нашъ лебедь сладостный, нашъ голубь *чистотой*.
Замолкли *дѣвственныя* струны,
И кто коснется ихъ невѣрною рукой?
Какъ дѣва чистая, поэзія его
Средь вѣка буйнаго невинностью сіяла,
И мысль безплотную въ видѣнья облекало
Его небесное перо...»

Въ 1854 г. на сценѣ Михайловскаго театра была поставлена патріотическая драма Миллера (безъ имени автора) изъ войны 1812 года «Подвигъ матери», посвященная «драгоцѣнной русскому сердцу памяти В. А. Жуковскаго». Въ университетѣ Миллеръ писалъ на медаль сочиненіе о комедіяхъ Сумарокова, Фонвизина, Княжнина и кн. Шаховского, и вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ оба получили по золотой медали.

«Подъ конецъ моей студенческой жизни,—писалъ О. Ѳ.,—въ университетѣ заведена была, въ связи съ тогдашней войной, обязательная маршировка каждый день послѣ лекцій. Попечитель постоянно при этомъ присут-

ствовалъ. Но вотъ вдругъ умираетъ императоръ Николай Павловичъ, и на другой-же день послѣ его смерти попечитель на маршировку уже не пріѣзжалъ, мы же ее обратили въ шутку... Сразу повѣяло новымъ воздухомъ».

Въ томъ же 1855 г. Миллеръ кончилъ университетскій курсъ и остался при кафедрѣ Никитенки для приготовленія къ профессорскому званію. Въ семьѣ своего профессора О. Ѳ. встрѣтилъ и ту дѣвушку, о которой онъ мечталъ, какъ о своей будущей подругѣ, но мысль объ обязанностяхъ сына по отношенію къ тетушкѣ и присутствіе мнимаго соперника, извѣстнаго писателя И. А. Гончарова, заставили Миллера отказаться отъ мысли о собственной семьѣ. «И вотъ я принесъ жертву, не знаю даже и теперь, *заслуга* это съ моей стороны или *грѣхъ?..»* [1]) У Никитенки Миллеръ познакомился, между прочимъ, съ Н. Г. Чернышевскимъ, но отношенія съ послѣднимъ были не дружелюбныя. Начиная съ 1856 г., на страницахъ Журнала Мин. Народн. Просвѣщенія стали печататься статьи Миллера подъ общимъ заглавіемъ «Историческія очерки поэзіи», вошедшія впослѣдствіи въ 1858 г. въ магистерскую диссертацію «*О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ*». Въ основѣ книги лежитъ сочиненіе праваго гегеліанца Карла Розенкранца: «Die Poesie und ihre Geschichte. Eine Entwickelung der poetischen Ideale der Völker». О славянофильствѣ и народничествѣ тогда покойный профессоръ еще и не думалъ. Вотъ какъ онъ самъ характеризовалъ свою диссертацію въ 1870 году. «Книга «О нравственной стихіи въ поэзіи» была построена такимъ образомъ, что въ ней не затрогивалась ни одна изъ славянскихъ литературъ. Тотъ отвлеченно-нравственный и художественный космополитизмъ, котораго я держался, довели меня до того, что я считалъ непозволительнымъ урывать время отъ чтенія первосте-

---

[1]) Эта особа, недавно умершая, такъ и осталась въ дѣвицахъ, и до конца жизни сохраняла теплое чувство къ покойному профессору, могилу котораго она нерѣдко посѣщала.

пенныхъ поэтовъ западно-европейскихъ народовъ для изученія славянскихъ нарѣчій и знакомства съ какими-нибудь бѣдными литературами народовъ, обреченныхъ, по тогдашнему моему пониманію, на вѣчное заимствованіе изъ Европы». Самое строеніе книги страдаетъ большими недостатками, туманностью и расплывчатостью съ замѣной точнаго историческаго обзора своеобразными философскими обобщеніями. Разсмотрѣвъ литературу индійскую въ ея идеалахъ самоотверженія и греческую, какъ выставлявшую начало личной самостоятельности, и отдавъ преимущество первой, авторъ указываетъ на высоту христіанской идеи самопожертвованія и отказа отъ своей воли, непонятую въ средневѣковой романтической поэзіи и достигшую своего полнаго выраженія у Шекспира. Начало частной жизни и низкаго быта въ новеллахъ и Донъ-Кихотѣ слилось гармонически съ началомъ свободной воли у Шекспира. Поэзія Шекспира возсоздаетъ жизнь такъ, какъ она есть, но самыми недостатками своихъ героевъ указываетъ на нравственный идеалъ, общечеловѣческою высотою и полнотою своей превышающій всѣ отдѣльно-народные идеалы. На туманность и неопредѣленность, на странную широту темы, на приниженіе значенія личности, на квіетическіе идеалы автора напалъ ученый критикъ диссертаціи, упомянутый уже Котляревскій. Недостатки книги, впрочемъ, не помѣшали полученію авторомъ магистерской степени. Ю. Ѳ. Самаринъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своей статьѣ о крестьянскомъ вопросѣ, цитировалъ книгу, не называя автора, и утверждалъ, что въ виду предстоящей крестьянской реформы именно самоотверженіе-то и должно быть проповѣдуемо. Но буря уже собиралась и поднялась съ другой стороны. Будучи живымъ человѣкомъ, Миллеръ не остался на почвѣ умозрѣній, а кольнулъ и тогдашнее направленіе литературы—литературы 60 годовъ, уже начинавшей «*разрушеніе эстетики*». «Ознакомленіе съ наукой о поэзіи, которая и есть выразительница нравственности,—писалъ О. Ѳ.,—особенно необходимо въ наше время, когда преимущественное

развитіе такъ называемыхъ естественныхъ и реальныхъ наукъ приковываетъ все вниманіе человѣка до того, что онъ наконецъ во всемъ видитъ одну матерію и ею ограничиваетъ свое собственное существо. Въ виду другихъ наукъ идеальныхъ, наука поэзіи можетъ служить сильнымъ противодѣйствіемъ такой односторонности... Она имѣетъ еще особенное, мѣстное значеніе для насъ и именно въ настоящее время... Странное и тягостное чувство овладѣваетъ душою, когда, проходя весь кругъ нашей современной литературы, находишь въ ней только однѣ и тѣ-же постоянныя темы современной намъ жизни съ ихъ ограниченнымъ добромъ, съ избыткомъ зла или пустоты... Не выпускаютъ насъ изъ тѣснаго очерченнаго около насъ круга, и не является у насъ поэта, который мощною рукою сорвалъ бы всѣ запоры и вывелъ насъ на вольный свѣтъ Божій, далъ бы подышать намъ всѣмъ, что есть въ немъ прекраснаго и живительнаго для него». (О нрав. стихіи стр. 294). Этихъ словъ, соединенныхъ съ проповѣдью отреченія отъ своей воли для высшаго нравственнаго совершенствованія, было достаточно для Добролюбова, кстати сказать, лично Миллера вовсе не знавшаго. Смѣшавъ юнаго романтика съ ненавистною для него партіею обскурантовъ, туманныя отвлеченности Миллера съ филистерствомъ и прекраснодушіемъ, онъ обрушился на молодого ученаго со всѣмъ жаромъ своей кипучей натуры и грубостью семинариста 50 годовъ. «Не вѣрьте,—писалъ Добролюбовъ,—что нравственность состоитъ въ отреченіи отъ своей воли и ума, какъ силится увѣрить г. Орестъ Миллеръ, и знайте, что, напротивъ, всякій, кто поступаетъ противъ внутренняго убѣжденія, поступаетъ безчестно и подло, всякій, потерявшій силу свободнаго самостоятельнаго дѣйствія, есть жалкая дрянь и тряпка и только напрасно позоритъ свое существованіе». (Соч. Добролюбова, изд. 2-е, т. II, стр. 380).

Молодой авторъ былъ придавленъ такимъ отзывомъ. Онъ хотѣлъ отвѣчать, объяснить, что его не поняли, что его передергиваютъ—напрасно: имя его было ошель-

мовано, ни одна редакція не соглашалась напечатать его отвѣта [1]), многіе изъ представителей литературы отъ него отворачивались... «На меня была наложена какая-то печать отверженія. Я сильно страдалъ отъ этого, хотя въ настоящее время и долженъ признать свое уязвленное самолюбіе крайнимъ малодушіемъ. Только, когда мой университетскій товарищъ Н. Х. Вессель сталъ издавать вмѣстѣ съ О. И. Паульсономъ педагогическій журналъ «Учитель», представилась мнѣ возможность печатать въ немъ сперва статью «Бѣлинскій, какъ педагогъ», а потомъ отдѣльными главами мой «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности». Но все проходитъ въ этомъ мірѣ... Лекціи о Шиллерѣ, читанныя въ 1860 г. по поводу столѣтняго юбилея рожденія поэта, имѣли успѣхъ среди публики, несмотря на то, что основныя идеи лектора остались тѣ же, что и въ «Нравственной стихіи», но на этотъ разъ строже формулированныя. Въ Шиллерѣ всего выше стоитъ его идеализмъ, а идеализмъ этотъ, по словамъ Миллера, не уживаясь вообще съ дѣйствительностью, какъ она есть, не уживается и съ дѣйствительностью отдѣльныхъ личностей, предписываетъ упорный трудъ надъ самимъ собой, внутреннюю переработку себя по идеальному образцу. Вотъ этого-то труда мы не любимъ: намъ хотѣлось бы двигать общество къ лучшему, не исправляя отдѣльныхъ личностей, потому что къ этимъ личностямъ принадлежимъ и мы сами; намъ хотѣлось бы быть прогрессистами, но дешевымъ образомъ—безъ подвиговъ и борьбы съ собой, безъ самоотверженія и самогосподства» (Шиллеръ и его время. Спб. 1801, стр. 113). Публичныя лекціи о Бѣлинскомъ не были разрѣшены Миллеру по «нецензурности темы», но были прочитаны частнымъ образомъ въ квартирѣ дяди О. Ѳ., гдѣ была большая зала.

---

[1]) Статья Миллера, утверждавшаго, что безъ нравственнаго начала невозможна и настоящая гражданская свобода, была отвергнута и редакторомъ тогдашняго «Русскаго Вѣстника». Тогда Катковъ былъ англоманомъ и въ то-же время цензоръ Касторскій называлъ Миллера — краснымъ. Впослѣдствіи въ томъ же журналѣ Миллера обвиняли въ политической неблагонадежности.

Крестьянской реформѣ 1861 г. горячо сочувствовалъ и самъ О. Ѳ., и его тетушка, и дядя, хотя и ворчавшій по поводу земельныхъ надѣловъ. Въ это время Миллеръ сотрудничалъ въ журналѣ «Учитель», давалъ уроки въ Смольномъ институтѣ во времена инспектора К. Д. Ушинскаго, съ которымъ О. Ѳ. прожилъ цѣлое лѣто на кумысѣ, въ Маріинскомъ институтѣ и наконецъ знакомится съ русской народной поэзіей—богатырскимъ эпосомъ. «Покойный дядя мой,—пишетъ О, Ѳ.,—положилъ на рабочій мой столъ, вскорѣ по ихъ появленіи въ свѣтъ, первые выпуски пѣсенъ Кирѣевскаго... Я въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ даже не раскрывалъ этихъ завѣтныхъ книжекъ, продолжая усердно учиться «гражданству вселенной» у Шиллера или отвлеченно наслаждаться Шекспиромъ и вовсе не воображая, что вскорѣ придется отъ нихъ перейти къ безграмотнымъ Ильямъ Муромцамъ» (Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Спб. 1869, I). Въ концѣ 1862 г. О. Ѳ. отправился за границу сначала въ Гейдельбергъ и Берлинъ, гдѣ, между прочимъ, познакомился съ знаменитымъ Яковомъ Гриммомъ, восхищавшимся реформой 19 февраля. Въ Прагѣ Миллеръ воочію познакомился со славянствомъ. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что его особыя симпатіи вызывалъ къ себѣ тотъ славянскій народъ, который по высотѣ своего развитія стоитъ наравнѣ съ романо-германскимъ міромъ — чехи. Вотъ какъ горячо говорилъ профессоръ о чехахъ и Іоаннѣ Гуссѣ въ своей рѣчи 1885 г. (Поэма Меѳодіевскаго дня). «Между западными нашими братьями есть великій народъ, на знамени котораго написано имя, ярко сіяющее въ воспоминаніяхъ славянства наряду съ именами солунскихъ братьевъ. Когда папство, не удовольствовавшись запретомъ на народный языкъ въ богослуженіи, запретило народу и доступъ къ Христовой чашѣ, святотатственно обративъ ее, страшно сказать, въ монополію одного духовенства, тогда смѣло возсталъ за Христовы слова «піите отъ нея вси!», какъ и за благодатный даръ Духа Святого, даръ языковъ, тотъ для всѣхъ великій славянскій мученикъ, о грѣшномъ судѣ надъ которымъ,

конечно, не могли позабыть да и не позабыли чехи...» Въ письмахъ изъ Праги, посланныхъ И. С. Аксакову и напечатанныхъ въ «Днѣ», Миллеръ, по его позднѣйшимъ словамъ, «проводилъ мысль, которую и теперь провожу въ рѣчахъ своихъ въ Славянскомъ обществѣ, мысль о томъ, что Россіи, для исполненія своей славянской миссіи, слѣдуетъ усвоить себѣ самую свободолюбивую, радикальную политику». Въ это время профессоръ—уже убѣжденный славянофилъ - народникъ: «Въ 1862 году попались мнѣ первые листы «Дня» И. С. Аксакова и, уже подготовленный народными пѣснями, я почуялъ и въ этихъ листахъ что-то свѣжее, новое и такое, съ чѣмъ, казалось, давно бы надобно согласиться... Если самъ я оставался до той поры не затронутымъ чувствомъ русской народности, то только вслѣдствіе односторонняго направленія въ ходѣ развитія нашей образованности... Могучее чувство народности вдругъ меня охватило, и въ силу его я съ тѣхъ поръ посвятилъ свою жизнь изученію народности и родной старины». Осенью 1863 г. Миллеръ въ качествѣ приватъ-доцента началъ чтеніе лекцій въ Спб. университетѣ по народной словесности. Въ 1867 году онъ былъ членомъ славянскаго съѣзда и лично познакомился со многими представителями славянства. Въ прощальной рѣчи при отправленіи славянъ въ Москву вызвало шумное одобреніе заявленіе Миллера, что онъ «дорожитъ самостоятельностью каждаго изъ славянскихъ народовъ и не жужжитъ имъ въ уши о главенствѣ Россіи... Общность и равноправность—вотъ она, славянская правда; не удивляйтесь-же, что о ней говоритъ человѣкъ съ нѣмецкимъ именемъ». Въ мартѣ 1867 г. скончался дядя Миллера: новыя обязанности легли на О. Ѳ., и онъ терпѣливо и любовно несъ ихъ до смерти своей тетушки († 1884). Научная дѣятельность профессора за это время главнымъ образомъ была посвящена изученію народной психологіи вообще и русской народной поэзіи въ связи съ славянскими пѣснями въ частности. Ему пришлось изучить для этой работы почти всѣ славянскія нарѣчія и перебрать все, что было написано

о славянской народной поэзіи. Плодомъ этихъ занятій явилась объемистая, почти въ 1000 стр. книга: сравнительно критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. «Илья Муромецъ и богатырство кіевское». Спб. 1870 г. Книга эта, доставившая автору докторскій дипломъ, представляетъ по истинѣ гигантскую работу по всему русскому эпосу; въ ней заключаются матеріалы и зародыши большинства мнѣній, появлявшихся впослѣдствіи въ этой области, хотя общее построеніе ея и личные взгляды автора теперь уже устарѣли. Въ главныхъ положеніяхъ слышится тотъ же непоколебимый ревнитель нравственной стихіи въ поэзіи. «Какъ Владиміръ кіевскій служилъ въ эпосѣ средоточіемъ внѣшнимъ, такъ средоточіемъ внутреннимъ, душой эпоса является у насъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Онъ является представителемъ заботы о ненарушимости свободныхъ порядковъ, сохраненныхъ отъ древней вѣчевой поры и хранителемъ объединенной Руси и защиты отъ всякихъ внѣшнихъ враговъ. Рядомъ съ этимъ, Илья Муромецъ представляетъ такой выработавшійся вѣками, совершенно живой, вполнѣ удавшійся идеалъ народный, которому ничего соотвѣтственнаго не можетъ представить наша литература, до сихъ поръ (1870) отличающаяся замѣчательными созданіями преимущественно въ отрицательномъ родѣ, съ другой же стороны скорѣе вооружающая противъ всего идеальнаго неудачностью своихъ, по большей части заоблачныхъ, безпочвенныхъ идеаловъ». Съ тѣхъ поръ идеальный образъ Ильи Муромца явился для О. Ѳ. живымъ образомъ, живымъ воплощеніемъ народнаго идеала. Вотъ какими чертами нарисовалъ его Миллеръ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Илья Муромецъ.

Передо мной ты съ плотью, съ кровью
Возсталъ нашъ богатырь Илья,
И съ изумленьемъ, и съ любовью
Въ тебя сталъ всматриваться я:
Ты не берешь сребра иль злата,

Не падокъ ты на славу, власть,
Ты обуздать умѣешь страсть,
За то душа твоя богата
Любовью къ вдовамъ, сиротамъ...
Не ради князя и княгини,
Не ради райской благостыни,
Ты ради Руси—страхъ врагамъ!
Не дашь ты стольному забыться,
Ты поприжмешь князей, бояръ
Замѣсто недруговъ-татаръ;
Пойдешь съ Владиміромъ мириться,
Лишь настрѣлявъ златыхъ верховъ
Для угощенья бѣдняковъ,
Лишь съ тѣмъ, чтобъ *всѣхъ* ихъ за собою
Вести на княженецкій пиръ...
Я вѣрю: день не за горою,
Когда съ повинной головою
Къ тебѣ на судъ придетъ весь міръ...

Свою рѣчь на диспутѣ Миллеръ закончилъ словами: «Будущее должно принадлежать народнымъ началамъ, если вѣрно, что будущее принадлежитъ народамъ». Мы не будемъ поднимать изъ пыли тѣ полемическіе пріемы, которыми была встрѣчена эта книга. Досталось порядочно «этому отчаянному любителю первоначальнаго арійскаго сродства древнихъ литературныхъ произведеній; этому бѣдному близорукому (О. Ѳ. дѣйствительно былъ близорукъ) человѣку, вынужденному говорить о томъ, что ему не по плечу; этому «Менцелю», уморительному своимъ лжелиберальничаньемъ и лжедемократизмомъ etc.» Книга Миллера быстро разошлась, легла въ основу нашихъ учебниковъ, трактующихъ о народной словесности, да и доселѣ цитируется въ ученой литературѣ. Но съ трудомъ О. Ѳ. получилъ утвержденіе въ званіи экстраординарнаго профессора. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой производилъ классическую реформу гимназій, а Миллеръ писалъ противъ нея въ «Голосѣ» указывая, какъ и князь А. И. Васильчиковъ, на затаенную цѣль классицизма—аристократизированіе нашего средняго образованія. Но Миллеръ сталъ уже «популярнымъ» профессоромъ и съ увольненіемъ его по 3 пункту, которымъ грозилъ попечитель кн. Ливенъ, пока поцеремонились.

Частое чтеніе публичныхъ лекцій въ пользу студентовъ постепенно перевело Миллера въ общедоступную область новѣйшей литературы. Онѣ начались съ 1871 г. чтеніями «Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева. Ни постоянныя отрицательныя тенденціи журнальной публицистики, ни эстетическая критика не были по душѣ лектору. Онъ прямо и неоднократно заявлялъ: «Разбирая писателя, я не говорю о самомъ писателѣ, о его міросозерцаніи или о пріемахъ его творчества и о степени присущей ему силы; я разбираю тѣ явленія общественной среды, которыя отразились въ его главнѣйшихъ типахъ». Отмѣчая въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о Тургеневѣ и Толстомъ 1874 года отличительныя черты героевъ этихъ романистовъ, онъ объясняетъ ихъ постоянную «тоску», ихъ прерывистое увлеченіе то тѣмъ, то другимъ идеаломъ именно оторванностью отъ почвы, отъ простого народа, народа той земли, которую «въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ благословляя».

Въ 1876 г. произошло извѣстное славянское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, и вспыхнули русскія симпатіи къ славянству. Миллеръ считалъ эту пору самой счастливой порой въ жизни, хотя онъ былъ лишенъ, правда на короткое время, права читать публичныя лекціи и могъ лишь произносить рѣчи въ Славянскомъ обществѣ. Это была пора... но мы опишемъ ее словами самого Миллера: «Это была пора страстнаго порыванія русскихъ людей на выручку къ сербамъ, возставшимъ за славянскую независимость, пора всенароднаго трепетнаго расхватыванія телеграммъ съ вѣстями о ходѣ неравной борьбы, о новыхъ турецкихъ жестокостяхъ, новыхъ многочисленныхъ жертвахъ, принесенныхъ добровольцами, но за то порой и о новыхъ, богатырски-неимовѣрныхъ черногорскихъ побѣдахъ. Это была пора, когда становилось такъ трудно отдаться своимъ обычнымъ житейскимъ занятіямъ, потому что такъ постоянно и сильно щемило сердце, и совсѣмъ невозможнымъ становился покой, но когда ощущался за то такой могучій

подъемъ во всемъ вашемъ существѣ отъ живого участія въ великомъ всенародномъ движеніи». О. Ѳ. горячо взялся за дѣло помощи нуждающимся славянамъ. Онъ содѣйствовалъ и обширною своею перепискою съ нашими и иностранными дѣятелями за границей и на востокѣ (митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ, П. Л. Куликовскимъ, А. П. Хитрово, П. Л. Ровинскимъ, Фарлеемъ, Рамбо и др.), писалъ пылкія статьи въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ, составлялъ тексты воззваній о помощи славянамъ, читалъ о нихъ лекціи, посылалъ деньги и книги въ славянскія земли и т. д. Плодомъ этого служенія «новой наступившей исторической эрѣ» была книга «*Славянство и Европа*», Спб. 1878, гдѣ противополагается восточное начало свободной общины западному началу исключительности свободной личности. Впрочемъ, вскорѣ Миллеру «пришлось горько убѣдиться въ томъ, что новая историческая эра далеко еще не наступила—это было одно изъ самыхъ убійственныхъ разочарованій въ его жизни». Славянское общество сблизило Миллера съ Достоевскимъ, гдѣ послѣдній подъ конецъ своей жизни былъ товарищемъ предсѣдателя, чрезъ совмѣстное участіе съ Достоевскимъ въ публичныхъ чтеніяхъ, на которыхъ доставались великому писателю именно со стороны молодежи самыя восторженныя оваціи. Въ 1874 году Миллеръ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о русской литературѣ послѣ Гоголя, гдѣ собиралось до тысячи человѣкъ, нападалъ отчасти на «Бѣсовъ» Достоевскаго—эту пророческую книгу, какъ назвалъ ее де-Вогюэ въ своихъ этюдахъ о Достоевскомъ.

Мрачные восмидесятые года, время безпрестанныхъ взрывовъ, подкоповъ, выстрѣловъ, спутанности и недоумѣнія выдвинули Ѳ. М. Достоевскаго такъ высоко, какъ никогда еще не подымался ни одинъ изъ русскихъ писателей. Разъяснителемъ значенія произведеній Достоевскаго, указавшимъ сходство его идеаловъ съ идеаломъ русскаго народа, и явился покойный профессоръ. Послѣ смерти Достоевскаго въ 1882 г. Миллеръ уже открыто и смѣло выступилъ защитникомъ «Бѣсовъ» и заповѣди

«не убій». Не разсчитывая на популярность, Миллеръ напалъ на то направленіе, которымъ было подготовлено 1 марта 1881 года и его пагубныя послѣдствія. «Студенты сочувствовали моимъ словамъ, хотя многое въ нихъ, какъ и у Достоевскаго, гладило нашу молодежь совсѣмъ не по шерсткѣ. Тогдашній ректоръ университета И. Е. Андреевскій какъ-то замѣтилъ мнѣ, что только *я* могу такъ говорить, не рискуя быть освистаннымъ. Христіанство, проповѣдываемое огнемъ и мечомъ, не оказалось настоящимъ христіанствомъ; цивилизація, насажденная у насъ петровскимъ терроромъ, не оказалась настоящей цивилизаціей; такъ и рай земной, насаждаемый тѣмъ же терроромъ, выстрѣлами и взрывами, никогда не окажется настоящимъ раемъ. Цѣль никогда и нигдѣ не оправдываетъ средствъ. Идея, какая-бы она ни была, никогда не должна быть навязываема силою, она есть результатъ убѣжденія, а убѣжденіе возможно только при полной свободѣ слова». Эти идеи представляютъ общее credo профессора въ 80 годахъ, и ихъ онъ проводилъ и въ своихъ лекціяхъ въ университетѣ, и на высшихъ женскихъ курсахъ, и въ своей біографіи Достоевскаго, и въ этой, выдержавшей четыре и нынѣ выходящей въ пятомъ изданіи, книгѣ «Русскіе писатели послѣ Гоголя», и въ послѣдней своей книжкѣ «Г. И. Успенскій». Но книгу прочтетъ не всякій, книга убита газетой, и вотъ О. Ѳ. съ свойственнымъ ему юношескимъ пыломъ отдается публицистикѣ, оставивъ въ сторонѣ кабинетную научную дѣятельность. Да и личныя обстоятельства жизни вели его къ тому-же. Въ 1884 году скончалась его тетушка, и профессоръ остался совершенно одинокимъ. 30 ноября 1885 г. онъ началъ читать въ Соляномъ Городкѣ лекціи о русской поэзіи послѣ Пушкина; ихъ должно было быть 12, но прочтено 3. При объясненіи стихотворенія «*Чернь*» Пушкина, Миллеръ указалъ, что подъ черныю можно подразумѣвать и аристократовъ и придворныхъ, ни о чемъ кромѣ себя не думающихъ. Это вызвало нападки «Гражданина» Мещерскаго. Лекціи были прекращены, В. П. Коховскому завѣ-

дывавшему лекціями Соляного Городка сдѣланъ выговоръ. Въ 1886 г. справляли юбилей Миллера, вызвавшій взрывъ единодушнаго къ нему сочувствія учениковъ, товарищей и почитателей; все лѣто этого года онъ проработалъ надъ книгой «Русскіе писатели послѣ Гоголя»; а въ 1888 году О. Ѳ. Миллеръ былъ уволенъ безъ прошенія изъ Спб. университета по постановленію совѣщанія министровъ Ванновскаго, Делянова и оберъ-прокурора Побѣдоносцева. Дѣло произошло такимъ образомъ. Горячій поборникъ свободы слова, онъ понималъ его значеніе въ ту мрачную эпоху русской жизни. «Мы живемъ въ такую пору, когда не только за всякое сфальшивленное, но и за всякое недосказанное слово приходится отвѣчать передъ Богомъ... свобода слова представляется не только правомъ, но и обязанностью каждаго гражданина. Свобода слова, по такому понятію, не есть что-нибудь даруемое и отнимаемое по человѣческому велѣнію, она есть прирожденный даръ Божій:

Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И солнцу въ небѣ запретить....

И я по мѣрѣ силъ моихъ останусь вѣренъ такому взгляду до послѣдняго моего издыханія».

Эти слова помѣщены въ статьѣ «Славянофилы и Катковъ» въ «Русскомъ курьерѣ» 1887 г. № 267. Статья эта представляла изъ себя сокращеніе университетской лекціи по поводу кончины Каткова, жестоко преслѣдовавшаго, какъ извѣстно, реформаціонную дѣятельность императора Александра II-го. Эта лекція и была причиной увольненія Миллера изъ университета и негласнаго за нимъ полицейскаго надзора.

«Славянофильское направленіе, — писалъ Миллеръ, — дорогое уму моему и сердцу, не должно быть смѣшиваемо съ другими направленіями, которыя безразлично называются исповѣданіемъ de vieux parti russe, der altrussischen Partei. Я, какъ убѣжденный послѣдователь Хо-

мякова, Самарина и Аксаковыхъ, всегда возставалъ противъ такого смѣшенія. Они утверждали, что государство почерпаетъ свою настоящую силу въ постоянномъ общеніи съ землею, въ узнаваніи отъ нея же самой ея нуждъ и стремленій, возможномъ только при свободѣ голоса земли... Народосовѣтіе—совѣтъ всенародныхъ людей представляетъ не право, а обязанность свободно заявлять свою нужду, святую обязанность, оказывать верховной власти ту помощь, безъ которой она безсильна на то, къ чему ее призываетъ церковь—на вѣрное служеніе человѣчеству. На этой вовсе не политической почвѣ вполнѣ сходятся потомокъ удѣльныхъ князей—Курбскій и мизинный человѣкъ или простецъ, какъ называлъ себя Посошковъ. Они сходятся на ней, не какъ аристократъ съ демократомъ, которымъ никогда и нигдѣ не сойтись, а какъ сыны той единой Христовой церкви, въ лонѣ которой всѣ братья и *только* братья. Это то русское понятіе, которое исповѣдывалъ передъ Петромъ Великимъ Посошковъ, голосъ котораго, вполнѣ сочувственный просвѣтительной реформѣ, но не сочувственный проведенію ея безъ всякаго спроса у земли, такъ и заглохъ у насъ, пока не раздался снова въ ученіи славянофиловъ. Нашъ типъ государства—это не тотъ старый, по преимуществу типъ полицейскаго государства (*теперь сказали бы бюрократическаго И. Ш.*), усвоенный было нами съ петровской реформой. Это и не тотъ византійскій государственный типъ, который является для насъ политическимъ соблазномъ въ ту древнюю пору, когда, по мѣткому выраженію митрополита Макарія (Булгакова), греки играли у насъ роль впослѣдствіи перешедшую къ нѣмцамъ. Правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. Но это народосовѣтіе, этотъ голосъ земли — не сословная привиллегія, не демократизмъ... Гдѣ демократизмъ—тамъ и любоначаліе народной массы, котораго, какъ и *всякаго* дурного любоначалія не благословляетъ и не можетъ благословить церковь»...

Невольная разлука съ университетомъ, поднадзорное положеніе опальнаго, трудное денежное положеніе, тог-

дашняя внутренняя политика, все это тяжело ложилось на душу профессора-идеалиста. Единственною тихою отрадою для О. Ѳ. былъ юноша, его родственникъ, который составлялъ для него всю семью. Какъ будто провидя грядущее, Миллеръ посвятилъ ему стихотвореніе, въ которомъ горячо желалъ,

Чтобъ вслѣдъ за *страшною борьбою,*
Которой намъ не миновать,
Съ иною лучшею порою
Настала тишь, да благодать,
Когда Россія всѣ народы
На мирный подвигъ призоветъ
И знамя братства и свободы
Надъ Божьимъ міромъ развернетъ.

Но, несмотря на эту надежду, тяжело жилось нашему идеалисту, и онъ писалъ:

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума,
Не дай и оскудѣть трудами,
И не достанься мнѣ съ годами
Недужной старости тюрьма.

Поэтъ желалъ бы, чтобъ онъ

Въ бою съ неправдою суровой
Столпомъ стоялъ врагу на страхъ,
Съ неодолимо-сильнымъ словомъ
На несмолкающихъ устахъ,
И смертью на людяхъ мгновенной
Закончилъ путь свой дерзновенный...

Его желаніе исполнилось. 1 іюня 1889 года около полудня Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ почувствовалъ себя дурно, упалъ на улицѣ, недалеко отъ своего дома, но пришелъ домой и нѣсколько оправился. Послалъ за докторомъ. Подписавъ нѣсколько бланковъ для выдачи вспомоществованія бѣднымъ студентамъ отъ Общества вспомоществованія студентамъ, онъ снова почувствовалъ себя дурно и скончался пять минутъ спустя въ креслѣ у письменнаго стола. Несмотря на лѣтнее пустынное время, Миллера провожала до мѣста его успокоенія (на Смолен-

скомъ кадбищѣ, близъ церкви Смоленской Божьей Матери) громадная толпа со множествомъ вѣнковъ. Рѣчи произносили о. Антоній Храповицкій, А. Н. Бекетовъ, В. И. Семевскій, А. С. Будиловичъ, Н. С. Карцовъ, В. М. Тупиковъ и пишущій эти строки.

Прошло десять лѣтъ, и въ 1899 г. на могилѣ говорилъ какому-нибудь десятку слушателей ученикъ покойнаго, тоже покойный, проф. И. Н. Ждановъ. Но университетъ не забылъ Миллера; студенческая столовая посвящена его имени и не даромъ. Сколько бѣдняковъ благословляло его имя, имя человѣка, который буквально *роздалъ* свое имущество неимущимъ,—его пришлось похоронить въ старомъ рваномъ платьѣ и бѣльѣ. Сколько широкихъ дѣлъ общественнаго благотворенія совершилось благодаря его неутомимой настойчивости въ Литературномъ фондѣ, въ Обществѣ вспомоществованія студентамъ, въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ... Онъ не зналъ враговъ, кромѣ враговъ по убѣжденіямъ. Убѣжденія шли у него рядомъ съ жизнью, напоминавшей житія первыхъ христіанъ. Миллеръ жилъ и умеръ дѣвственникомъ при страстной кипучей натурѣ, и не даромъ лица, знавшія его близко, называли его евангельскимъ, святымъ человѣкомъ.

Проф. И. Шляпкинъ.

ОТЪ АВТОРА

Восьмилѣтній промежутокъ времени отдѣляетъ настоящее изданіе отъ предыдущаго, вышедшаго подъ общимъ заглавіемъ моихъ «Публичныхъ лекцій» въ 1878 г. Много съ тѣхъ поръ утекло воды. Мнѣ пришлось послѣ того читать новыя публичныя лекціи и болѣе вдумчиво, какъ мнѣ кажется, отнестись въ нихъ ко многому. Эти лекціи посвящены были Ѳ. М. Достоевскому, передъ которымъ я считалъ себя виноватымъ, въ чемъ и признался въ некрологѣ его, напечатанномъ мною въ «Русской Мысли» (мартъ 1881 г.). «Я недавно перечелъ, сказано было тамъ, мой отзывъ о «Бѣсахъ» и нашелъ въ немъ не что иное, какъ общее мѣсто съ казенно-либеральнымъ оттѣнкомъ. Тутъ-же я понялъ и односторонность моего тогдашняго взгляда на «Преступленіе и наказаніе»... Я все еще былъ тогда, такъ сказать, въ переходномъ періодѣ, и это выразилось въ моихъ лекціяхъ обиліемъ общихъ мѣстъ. А Ѳедоръ Михайловичъ именно ихъ-то и не могъ выносить. Дѣло въ томъ, что въ нихъ сказывается не одна недодуманность, но и недостатокъ характера».

Вмѣсто тѣхъ двухъ лекцій, которыя посвящены были Достоевскому въ двухъ прежнихъ изданіяхъ, въ настоящемъ помѣщены цѣлыхъ пять, посвященныхъ его дѣятельности вообще, сверхъ же того еще и другія лекціи, посвященныя отдѣльнымъ ея сторонамъ, а также двѣ рѣчи и двѣ статьи. Такія-же точно пополненія позднѣйшими чтеніями, рѣчами или статьями внесены и въ отдѣлы, посвященные И. С. Тургеневу и Л. Н. Толстому (обзоръ дѣятельности М. Е. Салтыкова пополненъ тѣмъ, что имъ написано было съ 1878 г., хотя я нигдѣ не читалъ и ничего не печаталъ о немъ съ тѣхъ поръ). За то изъ настоящаго изданія исключено то, что посвящено было въ прежнихъ Н. А. Некрасову, такъ какъ я имѣю въ виду включить его современемъ въ особый трудъ о нашихъ писателяхъ въ стихотворной формѣ послѣ Пушкина и Лермонтова (что составляло предметъ задуманныхъ мною въ прошломъ году публичныхъ лекцій, которыхъ прочитано было всего три).

Соотвѣтственно сдѣланнымъ въ настоящемъ изданіи измѣненіямъ ему дано и другое заглавіе, и оно выходитъ въ двухъ частяхъ, вслѣдъ за которыми, подъ тѣмъ-же заглавіемъ, удобно могутъ появляться въ свѣтъ и дальнѣйшія. Поживемъ — поработаемъ [1]).

Ор. Миллеръ.

28-го іюля
1886 г.

---

[1]) Цитаты приведены у меня безъ указанія страницъ, такъ какъ это не было бы удобно при различныхъ изданіяхъ разбираемыхъ мною писателей. Но въ разборѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» такія указанія есть, при чемъ я имѣю въ виду полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго въ 14 томахъ. Такія же указанія есть и въ статьѣ, посвященной послѣднему (XII-му) тому сочиненій гр. Л. Н. Толстого, и еще кое-гдѣ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ГОГОЛѢ И КРИТИКѢ ГОГОЛЕВСКАГО ПЕРІОДА

(вмѣсто введенія).

Гоголь окончательно водворилъ въ русской литературѣ то, въ чемъ она такъ долго нуждалась, но что ей далось не легко. Въ русской литературѣ такъ долго преобладало направленіе, чуждое жизни. Оно неизмѣнно въ ней сохранялось не только при долгосрочномъ вліяніи на насъ Византіи, вовсе не подходившей къ намъ ни по возрасту, ни по своимъ, неподдавшимся христіанству, бытовымъ и культурнымъ основамъ, но и при позднѣйшей, все болѣе и болѣе учащавшейся, смѣнѣ различныхъ постороннихъ вліяній. Въ этомъ смыслѣ у насъ постоянно господствовала *схоластика*, хотя собственно такъ-называемое *схоластическое направленіе* пришло къ намъ заднимъ числомъ изъ западной Европы уже на смѣну заматерѣлому византійству. Такъ-называемое схоластическое направленіе замѣнилось *псевдо-классицизмомъ*; въ сущности-же оно продолжало существовать и въ этой новой литературной школѣ со всѣми ея героями, не имѣющими ничего общаго не только съ нашею жизнью, но даже и съ жизнью какой-либо опредѣленной страны. Затѣмъ совершился переходъ къ сентиментальному направленію, дѣланнымъ слезамъ, дѣланнымъ чувствамъ, къ изображенію житья-бытья нашихъ русскихъ простолюдиновъ въ

идиллическомъ блескѣ пастушеской Аркадіи—та-же старая ложь, тотъ-же вѣчный разладъ съ дѣйствительностью! Затѣмъ настала пора романтизма съ его заоблачными мечтами, съ его удаленіемъ въ глубь чужой средневѣковой поры и вообще въ отдаленную глубь временъ. Но даже и позже, у Пушкина, этого великаго провозвѣстника новаго направленія, жизненнаго и правдиваго, даже и у него старая закваска порою сказывается еще въ видѣ того *художническаго квіэтизма* (покоелюбія), который запирался въ своемъ самодовольномъ *я* и среди этой привольной пустыни не хотѣлъ уже знать ничего о «житейскихъ волненіяхъ». Но издавна уже, съ другой стороны, начинаетъ просачиваться и иная струя, струя жизненная, правдивая. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, запечатлѣнныхъ свѣжестью красокъ нашей родной дѣйствительности, въ горячо затрогивающей современность чисто христіанской проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, въ стремленіи пѣвца Игорева пѣть «по былинамъ своего времени», въ его глубокомъ горѣ о розни въ родной землѣ, она сказывается въ яркой прямотѣ посланія архіепископа Вассіана къ Іоанну III и писемъ Курбскаго къ Грозному, въ прямо христіанскомъ духѣ посланія заволжскихъ старцевъ къ одному изъ столповъ нашего византійствующаго фанатизма. Позже мы видимъ ту-же живую струю и въ той вѣрной картинѣ нашихъ до-Петровскихъ порядковъ, которую рисуетъ смѣлое перо самоучки Посошкова, и въ различныхъ запискахъ по современнымъ вопросамъ великаго Ломоносова. Та-же струя сказывается въ сатирѣ Кантемира, Фонвизина и Новикова, въ лирическомъ сатиризмѣ Державина, неожиданно и пріятно изумившемъ тогдашнюю публику, утомившуюся отъ прежнихъ надутыхъ одъ. Въ XIX в. струя эта расширяется въ комедіи Грибоѣдова, въ басняхъ Крылова, въ полныхъ жизненной правды картинахъ русскаго быта у Пушкина и у Лермонтова. Но окончательно пробивается эта струя и становится цѣлымъ могучимъ потокомъ, потокомъ, захватывающимъ почти всю нашу литературу,—уже со временъ Гоголя.

Кто не знаетъ Гоголя? Кто не помнитъ его типовъ? Кто не помнитъ, между прочимъ, его «очаровательнаго» Манилова, въ составъ котораго «было черезъ-чуръ много передано сахара»; кто не помнитъ этого милаго человѣка, который такъ любилъ мечтать о томъ, «какъ было-бы хорошо, если-бы вдругъ отъ дома провели подземный ходъ, или черезъ прудъ выстроить каменный мостъ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли-бы лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали мелкіе товары, необходимые для крестьянъ», а между тѣмъ, при его сентиментальномъ ничегонедѣланіи, временщикъ-приказчикъ выжималъ сокъ изъ тѣхъ-же крестьянъ. Всѣ у Манилова — самые добрые, самые достойные люди. Въ разрядъ этихъ добрѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей попалъ, какъ извѣстно, и самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Маниловъ готовъ, на словахъ по крайней мѣрѣ, отдать половину состоянія, чтобы хоть сколько-нибудь усвоить себѣ высокія душевныя качества Павла Ивановича. Извѣстно, что даже намекъ на покупку мертвыхъ душъ только на-время смущаетъ прекраснодушно глядящаго на все, вполнѣ довѣрчиваго Манилова. Павлу Ивановичу достаточно сказать, что это вовсе не будетъ вредить интересамъ Россіи, что онъ самъ благоговѣетъ передъ закономъ, что онъ не даромъ во все продолженіе своей жизни много страдалъ за правду; Маниловъ вѣритъ всему, и, согласившись на продажу мертвыхъ душъ, думаетъ о томъ, какъ-бы было пріятно пофилософствовать съ Павломъ Ивановичемъ подъ тѣнью вяза и какъ-бы «ихъ за эту трогательную дружбу само начальство отличило и пожаловало генералами». Но почему-же мы вспомнили именно этотъ всѣмъ извѣстный типъ? А потому, что Гоголевскіе типы имѣли самое широкое значеніе; онъ и самъ вѣдь указываетъ на это въ пояснительныхъ замѣткахъ къ своему «Ревизору». Дѣло въ томъ, что такимъ Маниловымъ, такимъ сладкимъ, все въ розовомъ цвѣтѣ рисующимъ себѣ Маниловымъ оставалась долгое время и русская литература. *Гоголь уничтожилъ разъ навсегда маниловщину въ русской литературѣ.*

Правда, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, особыхъ явленій своей внутренней жизни, онъ было пытался самъ до нѣкоторой степени воскресить эту самую маниловщину на нѣкоторыхъ страницахъ своей злополучной «Переписки съ друзьями»; но это, къ счастью, не удалось ему. Публика, привѣтствовавшая съ такимъ сочувствіемъ его прежнія произведенія, отвернулась отъ постылой маниловщины. Критика, въ лицѣ своего даровитѣйшаго представителя, Бѣлинскаго, ополчилась на Гоголя именно за его «Переписку». Къ сожалѣнію, въ лучшую пору литературной дѣятельности Гоголя самъ Бѣлинскій еще не былъ вполнѣ въ состояніи оцѣнить ее во всей глубинѣ ея значенія. Критика Бѣлинскаго, какъ извѣстно, прошла черезъ нѣсколько видовъ развитія. Но въ свой позднѣйшій, наиболѣе жизненный видъ, тотъ, который запечатлѣнъ *общественнымъ направленіемъ*, она перешла только тогда, когда Бѣлинскимъ уже были разобраны прежнія и лучшія произведенія Гоголя, разобраны съ точки зрѣнія такъ-называемаго «искусства для искусства», притомъ-же подъ вліяніемъ и съ употребленіемъ терминовъ господствовавшей въ то время философской школы — гегеліанства. «Миргородъ» и «Ревизоръ» разобраны были Бѣлинскимъ еще въ эту пору; потому-то, при всей необыкновенной талантливости критика, эти произведенія Гоголя не могли быть оцѣнены имъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ-бы онъ несомнѣнно оцѣнилъ ихъ впослѣдствіи, послѣ совершившагося въ немъ поворота. Повѣсти «Миргорода» и особенно «Ревизоръ» разсмотрѣны были Бѣлинскимъ преимущественно съ точки зрѣнія художническихъ требованій соотвѣтствія идеи и формы, соразмѣрности отдѣльныхъ частей и т. п. Гегелевская-же терминологія привела критика къ тому, что всѣ тѣ уклоненія отъ разумной жизни, которыя, попадаясь на всякомъ шагу, стали у насъ едва-ли не господствующимъ явленіемъ, должны были признаваться *призрачными*. Такимъ образомъ, напримѣръ, и самъ Сквозникъ-Дмухановскій, такъ и бьющій въ глаза яркою выпуклостью своей живой личности, которая воспроизведена у Гоголя, такъ

сказать, съ плотью и кровью,—и онъ даже представлялся *призракомъ*, и это, разумѣется, не могло не мѣшать раскрытію настоящаго общественнаго смысла Гоголевскихъ произведеній. Затѣмъ уже совершился въ Бѣлинскомъ поворотъ, послѣ котораго его критика сдѣлалась по преимуществу общественной. Но въ эту-то пору ему и не удалось уже возвратиться къ подробному разбору лучшихъ произведеній Гоголя. Къ этой порѣ относится краткій разборъ «Мертвыхъ душъ» въ томъ ихъ злополучномъ 2-мъ изданіи, въ предисловіи къ которому уже съ достаточною ясностью обозначилось то, что мы называемъ возрожденьемъ маниловщины у самого Гоголя.

Къ лучшей порѣ Бѣлинскаго относится и оцѣнка «Переписки съ друзьями». Но надо помнить, что, кромѣ того, Бѣлинскій явился тогда и истолкователемъ общаго смысла того направленія, которое было внесено Гоголемъ въ русскую литературу. Оно называется у Бѣлинскаго «школой Гоголя», направленіемъ «натуральнымъ», въ смыслѣ его противоположности прежней литературной лжи во всѣхъ ея видахъ. Въ натуральной школѣ Бѣлинскій превозносилъ то, что, подъ ея вліяніемъ, «поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, отказалась быть гремушкою, подъ которую пріятно прыгать и засыпать». Бѣлинскій хвалилъ въ натуральной школѣ и то, что она обнимаетъ весь человѣческій міръ, не гнушаясь никакими его углами; что она обращается ко всякаго рода людямъ и во всѣхъ этихъ людяхъ умѣетъ отыскать и выставить на видъ человѣческія черты. Вотъ въ этомъ-то широкомъ смыслѣ школа Гоголя продолжается и до сихъ поръ. Господствующій литературный родъ, выдвинутый этой школой, есть, какъ извѣстно, «нравоописательная повѣсть». Съ другой стороны, Гоголь оставилъ глубокій слѣдъ и на поприщѣ драматическомъ; послѣ его знаменитой комедіи явились талантливые послѣдователи, изъ ряда которыхъ особенно выдавался въ наше время Островскій. Но я рѣшился на этотъ разъ оставить въ сторонѣ драматическую литературу послѣ Гоголя; русская комедія и вообще русская

драма послѣ Гоголя и Пушкина можетъ составить когда-нибудь предметъ особаго труда. Въ настоящее-же время, избирая собственно главныхъ представителей нашей нравоописательной повѣсти и сатиры, я даже и при такомъ ограниченіи моей задачи не берусь съ одинаковой подробностью разобрать и каждаго изъ выбранныхъ мною писателей.

Началомъ дѣятельности лучшихъ нашихъ представителей нравоописательной повѣсти являются такъ-называемые «сороковые года», славные вмѣстѣ съ тѣмъ и по своей критикѣ, главный представитель которой до сихъ поръ еще остается у насъ незамѣненнымъ. Счастливы были всѣ эти писатели, въ своемъ положеніи еще начинающихъ, счастливы тѣмъ, что ихъ сразу привѣтствовала теплая, задушевная, вполнѣ честная критика Бѣлинскаго, которая каждому таланту готова была воздать должное, которая, если часто и увлекалась, если, ради несогласія во взглядѣ, и не вполнѣ оцѣнивала тотъ или другой талантъ, то никогда не руководствовалась личностями.

Критика Бѣлинскаго въ то время достигла высшаго періода своего развитія, но достигла его, къ сожалѣнію, незадолго до его преждевременной смерти. Тѣ два направленія, которыя боролись въ Бѣлинскомъ, — направленіе чисто художническое и направленіе общественное, въ этотъ послѣдній періодъ его дѣятельности вполнѣ примирились; одно стало только дополненіемъ другого. «Искусство,—говорилъ въ эту пору Бѣлинскій,—прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху». Развивая свою мысль, онъ доказывалъ, что послѣднее вполнѣ достижимо только въ томъ случаѣ, когда искусство вполнѣ искусство, потому что только тогда оно обладаетъ силою дѣйствительно уловить и воплотить въ своихъ созданьяхъ духъ времени.

«Многихъ увлекаетъ волшебное словцо *направленіе*,— говорилъ Бѣлинскій,—не понимаютъ, что въ сферѣ искусства никакое направленіе гроша не стоитъ безъ таланта.

Самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови пишущаго».

Но если направленіе должно быть *въ крови*, то оно оказывается неразрывно связаннымъ съ художникомъ какъ съ *живымъ человѣкомъ*, а живой человѣкъ не можетъ не откликаться на явленія современной ему дѣйствительности. Поэтому-то,—находилъ Бѣлинскій,—и ошибаются тѣ, которые «хотятъ видѣть въ искусствѣ какой-то умственный Китай, рѣзко отдѣленный точными границами отъ всего, что не искусство въ строгомъ смыслѣ слова». Вотъ въ эту-то пору, когда критическіе взгляды Бѣлинскаго окончательно выяснились и опредѣлились, начали свое поприще тѣ молодые тогда таланты, которые теперь справедливо считаются у насъ первостепенными.

Одна сторона тогдашней нравоописательной повѣсти не могла быть, при тогдашнихъ условіяхъ нашей печати, вполнѣ выяснена критикой Бѣлинскаго; на эту сторону, особенно близкую его теплому сердцу, онъ могъ только дѣлать намеки. Такъ, напр., повѣсти г. Григоровича «Антонъ Горемыка» Бѣлинскій даже не посвятилъ полнаго разбора; онъ отозвался о ней совершенно кратко въ литературномъ обозрѣніи 1847 г. при чемъ лишь вообще указалъ на человѣчность, которою она пропитана. Только въ общей характеристикѣ натуральной школы упоминается у него, въ видѣ примѣра, одно изъ дѣйствующихъ лицъ Григоровича (при чемъ не поименовывается ни авторъ, ни самая повѣсть); это именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о непріятномъ впечатлѣніи, производимомъ натуральной школой на тѣхъ людей, которые привыкли смотрѣть на книгу, какъ на особаго рода десертъ послѣ вкуснаго обѣда. Представляя себѣ одного изъ подобныхъ людей, Бѣлинскій говоритъ между прочимъ: «Ему надобно было дать балъ, срокъ приближается, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедоровичъ, что-то замѣшкался высылкой. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и, отъ нечего дѣлать, руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ.—Опять та-же исторія: проклятая

книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Өедоровича, и ему-то, незнакомому ни съ какими человѣческими чувствами, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!» Уже совершенно невыясненнымъ осталось у Бѣлинскаго содержаніе другой повѣсти г. Григоровича — «Деревня». Тутъ, какъ извѣстно, для препровожденія времени барыни, которая никогда не видала крестьянской свадьбы, супругу ея приходитъ въ голову выдать замужъ за перваго попавшагося крестьянина бѣдную сироту, и этимъ довершается рядъ тѣхъ бѣдствій, которыя испытала она съ самаго дѣтства. Извѣстно, что когда, послѣ свадьбы, молодые являются съ поклономъ, барыня замѣчаетъ, что у молодой очень печальный видъ: но баринъ успокоиваетъ ее тѣмъ, что у народа самый обрядъ требуетъ слезъ въ продолженіе цѣлой недѣли. Кто глубже Бѣлинскаго могъ чувствовать все значеніе такихъ повѣстей, кто былъ способнѣе его указать на то, что авторъ, идя по стопамъ Гоголя, ушелъ значительно дальше его въ правдивомъ воспроизведеніи народнаго быта? Гоголь, какъ извѣстно, только косвенно указывалъ на язву крѣпостного права; прямого выставленья ея со всѣми ея послѣдствіями мы не видимъ у Гоголя. Но язва эта вполнѣ раскрывается въ знаменитыхъ, сразу доставившихъ извѣстность Тургеневу, «Запискахъ охотника». И именно эта-то ихъ сторона и не могла быть выяснена Бѣлинскимъ, который съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ это произведеніе, но долженъ былъ ограничиться однимъ указаніемъ на то, съ какой теплотой понимаетъ Тургеневъ «человѣческое» въ народѣ.

Другія произведенія Тургенева, появившіяся при Бѣлинскомъ, не подавали уже такихъ большихъ надеждъ, какъ «Записки охотника». Ни «Андрей Колосовъ», личность котораго осталась не довольно выясненной, ни даже гораздо глубже задуманные и лучше выполненные «Три портрета [1]) не могли еще дать понятія о томъ, чѣмъ дол-

[1]) Имъ большое значеніе придавалъ Ө. М. Достоевскій, даже винившій Бѣлинскаго въ томъ, что онъ недостаточно оцѣнилъ Тургенева.

женъ былъ сдѣлаться Тургеневъ; но Бѣлинскій, со свойственнымъ ему чутьемъ знатока, обратилъ вниманіе на тѣ стихотворныя произведенія Тургенева, которыя оставались потомъ забытыми и даже самимъ авторомъ считались, повидимому, недостойными помѣщенія въ полномъ собраніи его сочиненій. Между тѣмъ, Бѣлинскій и въ этихъ опытахъ умѣлъ замѣтить задатки таланта, хотя еще не попавшаго на настоящую свою дорогу.

Объ одной изъ Тургеневскихъ поэмъ, а именно о «Помѣщикѣ», Бѣлинскій справедливо, однако, замѣтилъ, что въ ней Тургеневъ нашелъ свой истинный родъ. «Поэма эта,—по опредѣленію критика,—легкая, живая, блестящая импровизація, исполненная ума, ироніи, остроумія и граціи». Для насъ она должна представляться теперь прекраснымъ стихотворнымъ *pendant* къ «Запискамъ охотника»—какъ по своему бытовому значенію, такъ и по проходящей въ ней черезъ сатиру теплой грусти и непритязательному глубокомыслію. Стоитъ только вспомнить въ поэмѣ стихи:

...сильному не нужно счастья.
О немъ не думай... Но судьбѣ
Не покоряйся; знай: въ борьбѣ
Съ людьми таится наслажденье
Неистощимое — презрѣнье.

Говоря о стихотворной повѣсти Тургенева «Андрей», герой которой представляетъ существовавшій и до Тургенева типъ русскаго человѣка, поучившагося кое-чему, далеко не глупаго, но не знающаго, что предпринять, и отъ нечего дѣлать начинающаго видѣть всю цѣль жизни въ одной любви, Бѣлинскій страннымъ образомъ заявилъ мнѣніе, будто бы изображать любовь «не въ талантѣ автора». Но что же тогда составляетъ прелесть «Параши», этой столь превознесенной Бѣлинскимъ поэмы Тургенева? Множество Тургеневскихъ повѣстей, появившихся уже послѣ Бѣлинскаго, конечно, окончательно говорятъ противъ критика.

Бѣлинскій обратилъ вниманіе на стихотвореніе Тургенева «Разговоръ»; онъ призналъ въ немъ звучный и

сильный стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль несамостоятельную. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, это странное стихотвореніе поражаетъ какимъ-то запоздалымъ Байронизмомъ во вкусѣ Козлова. Но въ старомъ отшельникѣ, удалившемся въ пустыню отъ неудачной любви, и въ приходящемъ къ нему молодомъ человѣкѣ, разочарованномъ и махнувшемъ на все рукою, Тургеневъ тогда уже выставилъ два поколѣнія, взаимно упрекающія одно другое.

«Такъ будь же проклятъ ты на вѣкъ,
Больной безсильный человѣкъ...
Я, грѣшникъ, здѣсь, одинъ, въ лѣсахъ
Мечталъ о *жизни молодой*,
О новыхъ, сильныхъ племенахъ —
Желалъ блаженныхъ, ясныхъ дней
Землѣ возлюбленной своей...»

Но молодой человѣкъ обращается къ нему самому съ такимъ упрекомъ:

«Теперь я спрашиваю васъ,
О предки наши! Что для насъ
Вы сдѣлали? скажите намъ:
Вотъ — нашимъ доблестнымъ трудамъ
Благодаря — смотрите — вотъ
Насколько выросъ нашъ народъ...
Чтожъ? отвѣчайте намъ... Увы!
Какъ ваши внуки — на покой
Безсмысленный — спѣшили вы
Съ работы трудной, по пустой.

Въ этомъ сопоставленіи двухъ поколѣній, въ формѣ, конечно, странной, уже устарѣлой, заключается какъ-бы програма многихъ послѣдующихъ произведеній какъ самого Тургенева, такъ и другихъ представителей нашей нравоописательной повѣсти; но Бѣлинскій, конечно, не могъ предвидѣть появленія подобныхъ произведеній. Полноту творческой силы Бѣлинскій видѣлъ собственно въ Ѳ. М. Достоевскомъ и И. А. Гончаровѣ, а это легко объясняется тѣмъ, что они сразу заявили себя такими крупными произведеніями, какъ «Бѣдные люди» и «Обыкновенная исторія». Что касается насъ, то, имѣя уже

передъ глазами цѣлый рядъ позднѣйшихъ капитальныхъ произведеній Тургенева, мы, конечно, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Бѣлинскаго объ его способности собственно на физіологическіе очерки. Хотя повѣсти Тургенева, сравнительно съ большими романами Достоевскаго и Гончарова, могутъ представиться и теперь какъ бы очерками, но, въ сущности, оно только такъ кажется, и остаться при такомъ мнѣніи можно только глядя съ внѣшней стороны. Тургеневъ никогда не вдается въ мелкія подробности, но онъ умѣетъ выдѣлить изъ жизни своихъ героевъ нѣсколько такихъ моментовъ, которыми ясно обозначается ихъ природа.

Бѣлинскій находилъ также, что Тургеневъ можетъ изображать только то, что онъ видѣлъ своими глазами и что предварительно изучалъ,—чистаго творчества нашъ критикъ не признавалъ въ немъ. Мы въ настоящее время должны видоизмѣнить это мнѣніе въ томъ смыслѣ, что, дѣйствительно, на Тургенева имѣло большое вліяніе все, что происходитъ вокругъ него; что онъ былъ въ высшей степени отзывчивъ на всѣ явленія современной жизни. Онъ слѣдилъ за нарожденіемъ новыхъ типовъ, новыхъ направленій, онъ ихъ немедленно схватывалъ и воспроизводилъ и, дѣйствительно, могъ воспроизводить только то, что было у него на глазахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ только рѣдко, и то не надолго, бывать въ Россіи, мы уже не находили въ его повѣстяхъ воспроизведенія новыхъ явленій русской жизни. Если въ «Дымѣ» еще выказались многія современныя стороны, то это только такія, которыя Тургеневъ могъ непосредственно подмѣтить въ своихъ соотечественникахъ въ Баденъ-Баденѣ. Позднѣйшая крупная повѣсть Тургенева «Вешнія воды», при удивительной художественности выполненія, только повторила старый типъ празднаго русскаго барича, проводящаго время въ сердечныхъ дѣлахъ, да и въ нихъ-то оказывающагося пошленькимъ. Именно такой писатель, какъ Тургеневъ, и не долженъ бы былъ покидать своего отечества, чтобы остаться художникомъ-лѣтописцемъ дальнѣйшаго хода его внутренней жизни.

Со смертью Бѣлинскаго для тѣхъ писателей, которыхъ первое появленіе онъ такъ задушевно привѣтствовалъ, а равно и для тѣхъ, которые вскорѣ примкнули къ нимъ, наступали уже менѣе благопріятныя времена. Наша критика, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, становилась все менѣе и менѣе способною вникать въ самую сущность писателя, чтобы схватить въ немъ и выставить передъ читателями именно его самого, а затѣмъ уже произносить надъ нимъ и свой приговоръ. Чуткость въ распознаваніи существенныхъ свойствъ писателя, это правда, безпрепятственно проявлялась у Ап. Григорьева—благодаря его широкому, но часто за то не довольно опредѣленному кругозору. Но оригинальнаго критика слишкомъ также рано не стало. Онъ оставилъ по себѣ даровитаго послѣдователя, но отъ него по преимуществу посчастливилось Л. Н. Толстому. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становилось въ области нашей критики смутно и непріютно отъ идейнаго или, пожалуй, и совсѣмъ безъидейнаго произвола. Были, правда, и проблески лучшаго, но крайне не много. Такимъ образомъ и выходило, что «наша литература въ упадкѣ, что читать нечего», между тѣмъ, какъ у насъ появлялись одно за другимъ такія произведенія, которыя обратили, наконецъ, на себя восторженное вниманіе иностранцевъ. Тутъ пришлось наконецъ и намъ спохватиться и повнимательнѣе оглянуться на свое добро.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ТИПАХЪ ВЪ ПОВѢСТЯХЪ И. С. ТУРГЕНЕВА

ЧИТАНО ВЪ 1871 ГОДУ.

I.

«Записки охотника» и «Рудинъ».

Рѣшаясь подвергнуть разбору цѣлый, годами слагавшійся, рядъ созданій писателя, котораго мы имѣемъ счастіе считать своимъ современникомъ, я вполнѣ сознаю затруднительность моего положенія. Если и вообще подведеніе итоговъ дѣятельности, происходившей у насъ на глазахъ и еще не вполнѣ закончившейся, является дѣломъ весьма щекотливымъ, то тѣмъ болѣе щекотливо оно въ томъ случаѣ, когда дѣятельность эта подвергалась уже различнымъ, болѣе или менѣе пристрастнымъ, толкамъ, раздававшимся съ противоположныхъ сторонъ. Но вѣдь именно такъ оно и случилось, какъ всѣмъ извѣстно, съ дѣятельностью г. Тургенева, и тѣмъ живѣе лишь долженъ я сознавать за собою обязанность — отнестись къ нему трезво и сдержанно и не дать проникнуть въ мою оцѣнку страстному голосу какой-бы то ни было партіи. Вотъ почему я и берусь говорить — не столько о самомъ писателѣ, объ его міросозерцаніи или даже о пріемахъ его творчества и степени присущей ему силы, сколько о тѣхъ явленіяхъ общественной нашей среды, которыя отразились въ его главнѣйшихъ типахъ. Нашъ писатель,

къ тому-же, и самъ облегчаетъ такую постановку задачи, выдвигая передъ нами въ своихъ повѣстяхъ за цѣлую четверть вѣка цѣлый послѣдовательный рядъ такихъ типовъ, изученіе которыхъ даетъ намъ возможность прослѣдить главнѣйшія перемѣны, происходившія въ нашей общественной жизни за все это время. Если замѣчательная чуткость И. С. Тургенева ко всякому, вновь слагающемуся, направленію, если эта неоспоримая отзывчивость его живой художнической природы и навлекала на него, на первыхъ порахъ, нападки представителей того или другого, по мнѣнію ихъ, невѣрно имъ истолкованнаго направленія, то то же свойство его дарованія даетъ возможность, говоря о немъ, какъ о литературномъ представителѣ цѣлой эпохи, находить чрезвычайно богатую почву и совершенно помимо его собственной личности.

Являясь въ нашей литературѣ однимъ изъ довольно многочисленныхъ представителей *нравоописательной повѣсти*—литературнаго рода, какъ-то особенно намъ удающагося—г. Тургеневъ оказывается и однимъ изъ самыхъ многообъемлющихъ—по крайней мѣрѣ изъ живыхъ писателей нашихъ въ этомъ родѣ. Обозрѣть, хотя-бы и бѣгло, содержаніе всей его общественно-литературной дѣятельности въ какія-нибудь три лекціи было-бы рѣшительно невозможно, а потому и приходится ограничиться только самыми выдающимися, самыми *жизненными* изъ его произведеній. Выборъ въ этомъ отношеніи не труденъ, такъ какъ нельзя не сознаться, что изъ-подъ пера нашего писателя выходили нерѣдко и вещи, лишенныя особенно дѣльнаго содержанія; у него даже были цѣлыя полосы, не особенно содержательныя, какъ-бы служившія роздыхомъ для его творческой силы.

Думаю, что я могу, не подвергаясь упрекамъ, совершенно обойти все, предшествовавшее «Запискамъ Охотника», хотя уже и первые опыты г. Тургенева въ свое время заслужили самый сочувственный отзывъ со стороны нашего высоко-даровитаго Бѣлинскаго. Что касается «Записокъ Охотника», которыя еще при жизни незаб-

веннаго критика стали печататься отдѣльными очерками въ «Современникѣ», то о нихъ, еслибы онѣ и вышли при немъ всѣ сполна, Бѣлинскій едва-ли-бы могъ отозваться такъ, какъ-бы ему, конечно, хотѣлось. Извѣстно, какія были тогда времена, и какой переполохъ возбудилъ общій смыслъ «Записокъ Охотника», когда онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Этотъ роковой общій смыслъ, повидимому, совершенно разрозненныхъ и неумышленно-правдивыхъ разсказовъ заключался, какъ всѣмъ извѣстно, въ обнаруженіи всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ положенія нашего простого народа подъ крѣпостною властью помѣщиковъ, вмѣстѣ-же съ тѣмъ весьма многихъ, вполнѣ привлекательныхъ сторонъ нрава простого русскаго человѣка, умѣвшаго оставаться *человѣкомъ* и при самомъ нечеловѣческомъ положеніи. Умѣніе указать на все это въ сороковыхъ годахъ составляетъ со стороны И. С. Тургенева (вмѣстѣ съ г. Григоровичемъ) тѣмъ болѣе неоцѣнимую заслугу, что до того наша литература текущаго вѣка, въ лицѣ именно крупныхъ своихъ представителей, умѣла какъ-то оставаться почти безучастною ко всему этому. Извѣстно, что и Пушкинъ почти не подходилъ къ народу съ этой стороны. Даже у Гоголя онъ выставлялся преимущественно во внѣшнихъ комическихъ своихъ проявленіяхъ, на язву-же крѣпостного права указывалось только косвеннымъ образомъ—тѣмъ, что выводилась во всей ея отвратительной наготѣ нечеловѣческая пошлость нашего помѣщичьяго быта,—пошлость, зависѣвшая, главнымъ образомъ, отъ возможности пользоваться всѣми благами, не прилагая и малѣйшей капли труда. Въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей наша литература XIX вѣка часто совсѣмъ забывала тѣ доблестныя преданія, представителями которыхъ являлись въ XVIII в., съ одной стороны, наши комики, съ другой, публицисты въ родѣ Полѣнова, Новикова и Радищева. Но XIX вѣку даже мало было забыть о нихъ: онъ рѣшился, въ лицѣ Пушкина, болѣе чѣмъ критически отнестись къ Радищеву, преданья котораго, впрочемъ, оставались живы у Пнина,

1*

Арсеньева, Анастасевича и особенно у Н. И. Тургенева. Нашъ вѣкъ ознаменовалъ себя сладкогласнымъ ратованьемъ за отсрочку рѣшенія крѣпостного вопроса въ лицѣ Карамзина, который, отвернувшись отъ Новиковскаго мистицизма, не задумавшись отвернулся и отъ самыхъ человѣчныхъ стремленій этого хотя-бы притомъ и мистика. И не только одни умозрѣнія, но и живые пріемы повѣсти послужили позорному дѣлу такой отсрочки, создавая изъ нашей народной жизни пріятно-убаюкивающую идиллію. И отголоски такой идилліи сохранялись у насъ до временъ, ближайшихъ къ Тургеневу, между тѣмъ, какъ, съ другой стороны, обнаруживались и зародыши противоположной крайности—выставленія народа совсѣмъ уже отупѣлымъ, почти низведеннымъ на степень животнаго. Какъ-же послѣ этого не превознесть въ «Запискахъ Охотника» именно того, что, правдиво обнаруживая всю бѣдственность положенія народа, онѣ столько-же правдиво, не убѣляя и не черня, представляютъ намъ въ простомъ народѣ—людей.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ своихъ охотникъ, т.-е. нашъ писатель, даже не затрогиваетъ крѣпостного вопроса, а просто рисуетъ намъ такіе типы крѣпостныхъ людей, въ которыхъ оказывается гораздо болѣе человѣческаго, чѣмъ во многихъ типахъ помѣщичьихъ. Вотъ передъ нами дѣтскій крестьянскій міръ въ «Бѣжиномъ Лугѣ», со всею налегшею на него съ колыбели непроглядною тьмой суевѣрій, но и со всею бодростью и находчивостью существъ, тоже почти съ колыбели выведенныхъ на открытое поле жизни и предоставленныхъ почти совершенно самимъ себѣ. Есть, однако, и между ними болѣе приголубленные судьбою въ лицѣ болѣе зажиточныхъ родителей, но нѣтъ между ними такихъ, которыхъ-бы она приголубила до того, чтобы довесть до состоянія комнатнаго растенія. А вспомните этотъ яркій, поразительный образъ Павлуши, такъ спокойно готовящагося встрѣтить волка,—и согласитесь, что въ эту минуту далеко до него какому-нибудь изнѣжившемуся барчуку, хотя-бы и вовсе не суевѣрному! А вотъ передъ

вами простой народный кабакъ со всею его непригляднoю обстановкой и со всѣми его, болѣе или менѣе сбившимися съ пути, посѣтителями («Пѣвцы»). И что-же? На этой совершенно низкой ступени тѣхъ чувственныхъ наслажденій, до какихъ въ состояніи ниспасть человѣкъ, вдругъ сказываются во всѣхъ такихъ забулдыгахъ порывы къ высшему—въ этой внезапной жаждѣ упиться пѣснею, въ этомъ, приковывающемъ всѣхъ, состязаніи двухъ пѣвцовъ и обаятельномъ дѣйствіи ихъ, всѣмъ давно извѣстныхъ, но всегда отвѣчающихъ на запросы народа, пѣсенъ. И согласитесь, что въ эту минуту кабакъ представляетъ намъ болѣе признаковъ человѣческой жизни, чѣмъ тотъ барскій покой Ивана Никифоровича, среди котораго онъ лежалъ въ натурѣ, или даже чѣмъ тотъ, поэтически выставленный Гоголемъ, уголокъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», въ которомъ почти исключительно раздавалась нескончаемая бесѣда о томъ, «чего-бы такого покушать?»—А вотъ передъ вами одинъ изъ тѣхъ характерныхъ представителей въ своемъ родѣ поэтическаго начала народной жизни, которые носятъ названіе «юродивыхъ» или «блаженныхъ». («Касьянъ съ Красивой Мечи»). Природа, не давъ ему вырости выше дѣтскаго роста, и по внутреннимъ качествамъ оставила его какъ будто-бы навсегда ребенкомъ—съ чисто-дѣтской способностью не думать о завтрашнемъ днѣ, съ чисто-дѣтской сердечной привязанностью ко всѣмъ тварямъ. Но вглядитесь, и вы замѣтите въ немъ при этомъ уже вовсе не дѣтскую способность къ широко-хватающимъ обобщеніямъ. У него не только сжимается сердце при мысли о тѣхъ бѣдныхъ пташкахъ, которымъ придется стать жертвой забавы охотника, но онъ и разсуждаетъ объ этомъ такимъ образомъ: «кровь—святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь—охъ, великій!» И въ этомъ «юродивцѣ», конечно, гораздо живѣе сказывается *человѣкъ*, чѣмъ въ свѣтски-натертыхъ, элегантныхъ представителяхъ нашего благороднаго класса въ родѣ Пѣночкина, приказывающаго выпороть своего слугу

за ненагрѣтое вино за завтракомъ («Бурмистръ»), или-же Мардарія Аполлоныча Стегунова, съ добрѣйшей улыбкой вторящаго ударамъ исправительныхъ розогъ: «чюки-чюки-чюкъ! чюки-чюки-чюкъ!» («Два помѣщика»).—Но и другимъ еще образомъ сказывается въ Касьянѣ та особаго рода разумность, которую такъ любитъ скрывать самъ народъ въ своихъ сказкахъ подъ кажущеюся глупостью любимаго ихъ лица—Иванушки. Повидимому, до совершеннѣйшей безотвѣтности выносливъ Касьянъ, и даже готовъ признать, что опека, конечно, совершенно справедливо разсудила, переселивъ его вмѣстѣ съ другими съ привольной Красивой Мечи на новое, неприволъное мѣсто. А между тѣмъ, такъ и рвется его поэтическая душа изъ этой «тѣсноты, сухменя» на широкій и вольный просторъ—«и туда, и сюда, вплоть до теплыхъ морей съ сладкогласными птицами, съ золотыми яблоками на серебренныхъ вѣткахъ и довольствомъ, и справедливостью для каждаго человѣка». И, что особенно замѣчательно, сейчасъ-же при этомъ переносится его ужь ни мало не себялюбивая мысль къ другимъ, такимъ-же какъ онъ, горемыкамъ. «Много,—тужитъ онъ,—другихъ крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да! А то что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ, вотъ оно что...» И, конечно, въ это время юродивецъ Касьянъ несравненно разумнѣе тѣхъ нашихъ литературныхъ умниковъ, которые такъ, бывало, любили васъ занимать чисто *личными* и притомъ еще большею частью напускными «страданіями поэта», эгоистически забывающаго затѣмъ весь міръ, или даже наивно увѣряющаго и себя, и васъ, будто, сравнительно съ его участью, и участь какого-нибудь бѣдняка завидна!

«Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ»,—вотъ чѣмъ оканчиваетъ Касьянъ; и въ этомъ слышится уже затаенный и кроткій, по самой своей обобщенности, жизненный выводъ народа изъ явленій крѣпостного права. Но юродивецъ Касьянъ гораздо живѣе чувствуетъ неправду его, чѣмъ другія, столько же поэтическія личности въ самомъ народѣ, только не отмѣченныя печатью «юродства». (И

въ этомъ случаѣ нашъ писатель совершенно вѣрно понялъ значенiе этого психологическаго явленiя народной жизни: кому неизвѣстны въ своемъ родѣ смѣлые, далеко хватающiе взгляды нашихъ историческихъ юродивыхъ?). Вполнѣ безотвѣтнымъ, любовно-благоговѣющимъ передъ своимъ господиномъ является въ «Запискахъ Охотника» народный романтикъ Калинычъ. «Ужъ ты его у меня не трогай»,—говоритъ онъ про помѣщика Полутыкина другу своему, народному реалисту Хорю; и на возраженiе послѣдняго: «А что-жъ онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?» спокойнѣйшимъ образомъ отвѣчаетъ: «Эка, сапоги! на что мнѣ сапоги? я мужикъ». Но при такой незлобивой готовности примиряться съ существующимъ порядкомъ вещей, тѣмъ болѣе васъ отталкиваетъ нравственный кругозоръ помѣщика Полутыкина: вспомните безчувственно откровенное признанье его про Калиныча: «Усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходитъ... Какое ужъ тутъ хозяйство, посудите сами». Въ лицѣ Калиныча г. Тургеневъ развернулъ передъ нами ту сторону природы русскаго человѣка, которая сказывалась, между прочимъ, и въ знаменитыхъ, уже совсѣмъ отживающихъ, типахъ нашихъ дядекъ и нянекъ крѣпостной поры. Наши наблюдатели нравовъ изъ «благороднаго» лагеря любили объяснять эти типы преобладанiемъ человѣчности въ отношенiяхъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; но едва-ли не вѣрнѣе его объяснять добродушiемъ самого народа. Было бы однако-же странно, еслибъ подобныя *сердечныя* отношенiя къ господамъ являлись въ немъ сплошь и къ ряду. И вотъ въ народѣ оказывались и совершенно другiя личности — съ рѣшительнымъ перевѣсомъ разсудка, замѣчательно развитого жизнью; личности *себѣ на умѣ*, умѣвшiя достигать довольно выгоднаго положенiя, несмотря на крѣпостное право, а иногда и благодаря ему. Такимъ-то является Хорь, насквозь видѣвшiй своего помѣщика, и потому-то именно не только умѣвшiй нажить себѣ и дѣтямъ своимъ сапоги, но даже находившiй совер-

шенно излишнимъ (хотя и могъ бы) выкупиться на волю. То же практическое направленіе доведено уже до самыхъ крайнихъ предѣловъ въ лицѣ бурмистра помѣщика Пѣночкина. Вспомните его холопскіе панегирики помѣщичьей власти, которые представлялись помѣщику чрезвычайно touchants, а панегиристъ, между тѣмъ, довелъ имѣніе его до того, что оно только числилось за Пѣночкинымъ, на самомъ же дѣлѣ владѣлъ имъ бурмистръ,— владѣлъ, забравъ къ себѣ въ кабалу всѣхъ крестьянъ, въ чьихъ жалобахъ Пѣночкинъ если и видѣлъ le mauvais côté de la médaille, то слишкомъ оберегалъ свой покой, чтобъ вступать въ разбирательство. Извѣстно, что это было однимъ изъ не особенно рѣдкихъ явленій нашего крѣпостничества, при чемъ неограниченный властелинъ, какъ оно бываетъ и не въ однихъ крѣпостныхъ владѣніяхъ, незамѣтнымъ образомъ обращался въ игрушку своего холопа: совершенно законная кара, но отъ которой, къ несчастью, становилось не лучше, а хуже для всѣхъ,— т.-е. для той же *мелкой четы, для тѣхъ же униженныхъ и оскорбленныхъ*. Вспомните также и конторщика г-жи Лосняковой («Контора»), къ тому-же стакнувшагося съ ея «вѣдьмой»—ключницей. Особый оттѣнокъ въ немъ составляетъ расположеніе къ сердечнымъ дѣламъ и способность изъ мести настроить г-жу Лоснякову — не давать разрѣшенія на бракъ съ ея дѣвкой ея человѣку, конторщикову сопернику. «Ея господская воля»,—неотразимо ссылается при этомъ конторщикъ, подобно какому-нибудь администратору, ссылающемуся на законъ. Но барская воля, какъ неумолимый законъ и въ самомъ вопросѣ о бракѣ, неоднократно сказывается въ «Запискахъ Охотника» во всей своей страшной и, какъ всѣмъ намъ хорошо памятно, заурядной силѣ. Едва-ли не съ самой разительной стороны представлено это въ разсказѣ «Ермолай и Мельничиха», который если-бы даже совершенно одинъ уцѣлѣлъ для потомства, то и тогда-бы могъ служить вполнѣ удовлетворительною поэтическою характеристикою крѣпостной поры. Можно сказать, что даже одинъ разсказъ г. Зв҄ѣркова о «черной неблагодарности»

дѣвки Арины достаточно ярко передаетъ всю глубину безнравственности, всю непробужденность чего-либо человѣческаго въ заурядныхъ понятіяхъ многихъ изъ нашего благороднаго класса этой еще недавней поры. Дѣвка должна быть благодарна барынѣ за то, что еще съ дѣтства вырвали ее изъ родной семьи и пожаловали въ горничныя. Неблагодарность ея заключается въ томъ, что она просится замужъ. Г-жа Звѣркова могла-бы при этомъ, подражая г-жѣ Простаковой, сказать: «любитъ, бестія, точно благородная!» Но не даромъ-же наши помѣщичьи нравы смягчились со временъ Фонвизина (должно быть, подъ вліяніемъ Карамзинской сентиментальности и т. п.): Г. Звѣрковъ считаетъ нужнымъ отвѣтить на просьбу Дарьи цѣлымъ доводомъ: «у барыни другой горничной нѣтъ, а замужнихъ она не держитъ...» (Кому не извѣстно, что это послѣднее правило и до сихъ поръ еще сохраняетъ у многихъ всю свою силу при наймѣ, конечно, уже не крѣпостной прислуги; но развѣ нужда не является и теперь своего рода крѣпостною зависимостью?). Другимъ признакомъ усовершенствованія понятій служитъ, какъ извѣстно, со стороны г. Звѣркова то, что онъ не позволяетъ Аринѣ валяться у него въ ногахъ, потому что «человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство». Во имя того же, конечно, приходитъ въ негодованіе и г-жа Звѣркова, когда не выноситъ естественныхъ послѣдствій запрета, истекшаго изъ ея же барской воли... Дѣйствительно, важный успѣхъ: при Фонвизинѣ гг. Звѣрковы не стыдились-бы прямо показываться *звѣрями*, тогда какъ Тургеневу уже пришлось ихъ представить разыгрывающими *людей*. Но нашъ авторъ умѣлъ показать, что причиною барскихъ запретовъ того же рода бывала даже и не забота о своихъ выгодахъ и привычкахъ, а просто капризный припадокъ барскаго самодурства. Глядя на Петра Петровича Каратаева, Марьѣ Ильинишнѣ вдругъ пришло въ голову женить его на зеленой своей компаньонкѣ, — и отъ этого-то, главнымъ образомъ, она такъ и разозлилась, когда онъ ей предложилъ выкупъ за полюбившуюся ему дѣвку ея Матрену.

Конечно, съ другой стороны, въ Марьѣ Ильинишнѣ заговорило при этомъ и чувство человѣческаго—виноватъ, помѣщичьяго достоинства — при возмутительной мысли о женитьбѣ дворянина на крѣпостной!

Вспомнимъ затѣмъ и о другихъ, столько-же заурядныхъ явленіяхъ крѣпостной поры, столь-же вѣрно воспроизведенныхъ г. Тургеневымъ: о графской метрескѣ, забривающей слугѣ лобъ за шоколадъ, пролитый ей на платье; о барскихъ привычкахъ самого графа Петра Ильича, который, по разсказу стараго дворецкаго Тумана, душа былъ добрая: «побьетъ, бывало, тебя, — смотришь, ужъ и позабылъ» («Малиновая Вода»); о рыбакѣ Сучкѣ, попавшемъ въ это званіе изъ кучеровъ, въ кучера изъ поваровъ, въ повара изъ актеровъ — все по барской волѣ (напоминающей въ этомъ отношеніи пріемы и не однихъ только баръ) («Льговъ») и т. д. Но особенно важно то, что г. Тургеневъ и выставлялъ почти исключительно именно такія заурядныя явленія крѣпостной поры, нимало не изыскивая и не подбирая такихъ, про которыя можно-бы было сказать, что это лишь исключенія — хотя и такихъ такъ-называемыхъ *исключеній*, отъ которыхъ-бы волосы у читателей поднялись дыбомъ, оказывалось на Руси не мало. Но въ томъ именно и заключалась неотразимая сила этихъ, какъ-бы лишенныхъ всякой умышленности, просто-правдивыхъ записокъ, что онѣ не только не преувеличивали дѣйствительности, не приправляли воспроизведенія ея никакими возгласами и не выкапывали различныхъ ужасовъ изъ уголовныхъ архивовъ, но, можно сказать, съ совершенно эпическою невозмутимостью отражали все то, что встрѣчалось само собою на каждомъ шагу и что уже само по себѣ, сведенное въ одинъ сборникъ, подавало достаточный поводъ къ тяжелымъ думамъ. А между тѣмъ, вѣдь разсказы этого сборника связаны между собою чисто-внѣшнею связью,—случайною послѣдовательностью охотничьихъ впечатлѣній и наблюденій, однородность которыхъ зависитъ исключительно отъ того, что охотникъ постоянно сталкивается съ помѣщиками и крестьянами.

Во многихъ мѣстахъ, при разсказахъ о прошломъ, онъ обнаруживаетъ готовность думать, что многаго уже теперь не дѣлается, и получаетъ при этомъ въ отвѣтъ: «теперь, вѣстимо, лучше». И опять-таки тѣмъ лишь сильнѣе дѣйствуютъ при этомъ разсказы, изъ которыхъ оказывается, что на самомъ-то дѣлѣ оно и не лучше. Такимъ образомъ, отъ стараго графа Петра Ильича вовсе не далеко ушелъ его сынъ Валеріанъ Петровичъ, отказывающій въ сбавкѣ оброка крестьянину, лишившемуся своего кормильца-сына. «Да мнѣ съ полугоря,—говоритъ крестьянинъ,—взять-то съ меня нечего... Ужъ, братъ, какъ ты тамъ ни хитри — шалишь; безотвѣтная моя голова». При этомъ мужикъ разсмѣялся... («Малиновая Вода»). И невольно коробитъ васъ, какъ подумаете, что этимъ-же горемычнымъ смѣхомъ и теперь еще нерѣдко смѣется мужикъ, когда съ него взыскиваютъ недоимку! А между тѣмъ, вѣдь и самъ, довольно близко стоящій къ народу однодворецъ Овсянниковъ еще въ то время увѣрялъ нашего охотника, что «теперь лучше, а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ». По словамъ его, «много воды утекло» съ тѣхъ поръ, какъ дѣдъ охотника, присвоивъ себѣ землю отца Овсянникова, вдобавокъ его-же и высѣкъ у себя подъ окошками, да еще поглядывалъ при этомъ съ балкона вмѣстѣ съ женой. «Много воды утекло, времена подошли другія»,—продолжаетъ Овсянниковъ. И въ дворянахъ видитъ онъ перемѣну большую, — а все-же на повѣрку выходитъ изъ собственныхъ его словъ, что на самомъ-то дѣлѣ перемѣна лишь кажущаяся. «Вы, можетъ, знаете Королева?—обращается онъ къ охотнику.—Въ ниверситетахъ обучался, кажись, и за границей побывалъ, говоритъ плавно, скромно, всѣмъ намъ руки жметъ... Какъ дошло дѣло до размежеванія, заговорилъ, что отъ этого крестьянину будетъ легче, что помѣщику грѣшно не заботиться о благосостояніи крестьянъ... Дворяне-то всѣ носы повѣсили; я самъ, ей-ей, чуть не прослезился... А чѣмъ кончилось? Самъ четырехъ десятинъ мохового болота не уступилъ и продать не захотѣлъ». Показывая подобнаго рода

примѣрами, что и въ ближайшее время къ намъ даже самое высшее образованіе не было въ силахъ, путемъ нравственнаго улучшенія дворянъ, добиться того, чего идиллически ожидалъ сладкорѣчивый Карамзинъ (не только во время «Записокъ Охотника», но еще и очень недавно имѣвшій у насъ въ этомъ отношеніи единомышленниковъ); нашъ трезвый, неумолимо правдивый писатель показываетъ вслѣдъ затѣмъ, многаго-ли можно было дождаться также и отъ тѣхъ хлыщей народнаго направленія, полагавшихъ его исключительно въ однѣхъ фразахъ, отъ тѣхъ, какъ онъ прозвалъ ихъ, Пустозвоновыхъ, которые дѣйствительно только звонили себѣ о народѣ и вовсе не умѣли или даже не хотѣли вѣрно служить ему на самомъ дѣлѣ. «Смотрятъ мужики: что за диво! Ходитъ баринъ въ плисовой поддевкѣ, словно кучеръ... Я-де русскій, и вы русскіе... я русское все люблю... ну, дѣтки, спойте-ка русскую народственную пѣсню... А самъ, словно красныя дѣвушки, все книги читаетъ али пишетъ... Прежній-то приказчикъ на первыхъ порахъ вовсе перетрусился... А вмѣсто того вышло... самъ Господь не разберетъ, что такое вышло. Позвалъ его къ себѣ Василій Николаевичъ (Пустозвоновъ) и говоритъ, а самъ краснѣетъ: «будь справедливъ у меня — не притѣсняй никого». Да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ...» Продолжалъ себѣ сидѣть, уткнувъ носъ въ свои книжки, и предаваться отвлеченнымъ соображеніямъ о народности, а жизни вокругъ себя предоставилъ идти своимъ старымъ ходомъ, благо, облекшись въ одежду простонародную, нимало не отвѣдалъ чрезъ это крестьянской доли. Такимъ образомъ, посредствомъ примѣровъ, приводимыхъ тѣмъ-же Овсянниковымъ, нашъ охотникъ въ корнѣ опровергалъ его мнѣніе, будто-бы «теперь лучше, а нашимъ дѣткамъ и еще лучше будетъ». Нѣтъ, какъ-бы хотѣлъ своей книгой сказать охотникъ, пока будетъ стоять крѣпостное право, ни намъ, ни нашимъ потомкамъ лучше не будетъ!

Нарисовавъ съ поразительной правдой нѣсколько совершенно обыкновенныхъ картинъ изъ жизни простого рус-

скаго человѣка, нашъ охотникъ срисовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ натуры и нѣсколько чудныхъ картинъ его смерти. «Удивительно умираетъ русскій мужикъ! восклицаетъ онъ. Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто». И эта совершенно покойная встрѣча смерти вполнѣ понятна послѣ жизни русскаго мужика, какою обрисовалъ ее г. Тургеневъ, жизни, въ которой терять нечего и которая точно такъ-же просто и холодно выполнялась имъ до конца, какъ заданный скучный, но неизбѣжный урокъ! Но и тутъ, какъ вездѣ у нашего писателя, подъ этимъ равнодушіемъ теплится то тихое любовное чувство, безъ котораго бы рѣшительно невыносимою сдѣлалась жизнь, и которое тутъ сказывается — то въ насущной заботѣ объ оставляемой семьѣ, то въ потребности попрощаться, т. е., по русскому смыслу слова, попросить прощенья у окружающихъ.—Но совершенно такъ-же, какъ русскій мужикъ, умираетъ, по поэтическому свидѣтельству г. Тургенева, и всякій русскій человѣкъ, въ отношеніи къ которому, по народному выраженію, судьба явилась злою мачихой. Вспомните смерть недоучившагося студента Авенира Сорокоумова, для котораго безотрадная доля домашняго наставника въ домѣ малоразвитыхъ людей оказалась, какъ и оказывается для многихъ, своего рода закрѣпощеніемъ. Вспомните, наконецъ, и смерть старушки помѣщицы, которая собиралась сама заплатить за свою отходную, заплатить, съ давнихъ поръ, можетъ быть, припасеннымъ на этотъ случай рублемъ. Очевидно, что это одна изъ тѣхъ мелкопомѣстныхъ, къ которымъ относится въ «Запискахъ Охотника» и мать больной дѣвушки, влюбляющейся въ «Уѣзднаго Лѣкаря».

Выводя передъ нами такіе, въ свою очередь, возбуждающіе жалость, типы бѣдныхъ помѣщицъ, нашъ писатель доказываетъ этимъ, какъ далекъ онъ былъ отъ того, чтобы выставлять помѣщиковъ исключительно со стороны ихъ отношеній къ крестьянамъ и исключительно въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, даже участіе возбуж-

даютъ у него не только такія, уже самой своею бѣдностью располагающія въ свою пользу, личности, но и живущая въ полномъ довольствѣ добродушная, со здравымъ умомъ, Татьяна Борисовна, или даже безгласная мать Радилова, да и самъ Радиловъ, котораго охотнику такъ и хотѣлось бы «получше узнать и полюбить, хотя въ немъ иногда и сказывался помѣщикъ» (между прочимъ, и въ чисто-барскихъ его отношеніяхъ къ прожившемуся и проживающему у него Ѳедору Михѣичу). А вспомните Чертопханова-сына, являющагося такимъ же преемникомъ своего взбалмошно-грознаго отца, какими являлись въ исторіи многіе добродушные государи, смѣнявшіе суровыхъ предшественниковъ. «Несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горою... Какъ, моихъ трогать? Да не будь я Чертопхановъ!..» Вспомните и его заступничество за Недопюскина, и въ своемъ родѣ трогательную, хотя и не безъ юмористическаго оттѣнка, дружбу обоихъ.

При такой способности г. Тургенева подмѣчать и выказывать человѣческія черты и въ самыхъ помѣщикахъ, его «Записки Охотника» не могли представляться направленными съ огульной враждой противъ нихъ и указывающими только на тѣ стороны общественнаго ихъ положенія, которыми неизбѣжнымъ образомъ искажались и самыя сочувственныя между ними натуры. Но и это опять-таки лишь придавало «Запискамъ Охотника» новую, неотразимую силу, наглядно указывая на то, что тутъ дѣло было не въ звѣрской грубости нашихъ помѣщиковъ (которой, пожалуй, могло бы оказываться и больше при всѣхъ соблазнахъ неограниченнаго права), не въ недостаткѣ между помѣщиками тѣхъ добродушныхъ личностей, которыя могутъ являться и независимо отъ образованія съ его смягчающими вліяніями, а дѣло было въ неестественности самыхъ отношеній, самой этой неразрывной связи между людьми съ неограниченными правами и людьми совершенно безправными. И хотя бы И. С. Тургеневъ не написалъ ничего послѣ «Записокъ

Охотника», все бы имя его осталось навсегда незабвеннымъ въ исторіи нашей литературы. Между тѣмъ, передъ нами еще цѣлый рядъ его общественныхъ типовъ.

Непосредственно за появившимися въ «Запискахъ Охотника» слѣдуютъ и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тянутся, однако-же, такіе, которые не представляютъ особенной содержательности, а потому и могутъ быть нами обойдены. Быть можетъ сознаніе неудобствъ постояннаго затрогиванья въ ту пору живыхъ вопросовъ общественныхъ заставляло нашего писателя ограничиться на извѣстное время старою темой — той или иной *любви*. Между тѣмъ, уже въ 1852 г., несмотря на то, что обстоятельства еще далеко не измѣнились къ лучшему, онъ не выдерживаетъ своей невольной роли *молчальника* въ самомъ разгарѣ творческихъ силъ, и какъ бы отзвукомъ, притомъ же раздавшимся очень громко и смѣло, «Записокъ Охотника» являются у него «Муму» и «Постоялый Дворъ». Особенно первая изъ этихъ повѣстей поражаетъ въ высшей степени сочувственной личностью этого получеловѣка — нѣмого дворника съ его глубокой любовью къ единственному, привязавшемуся къ нему существу, собачкѣ, и съ его величавымъ уходомъ отъ своей безсердечно-нервозной барыни. Но вотъ наступаетъ служившій переломомъ въ нашей жизни 1855 г., и нашъ писатель выводитъ передъ нами совершенно особый и глубоко-задуманный типъ—Рудина.

Типъ этотъ, существующій въ русскомъ обществѣ въ самыхъ многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ, въ извѣстномъ смыслѣ, надо замѣтить, успѣлъ проявиться у нашего сочинителя еще въ «Запискахъ Охотника», а именно въ лицѣ «Гамлета Щигровскаго уѣзда», который одною своею стороною—озлобленностью (а въ частности — озлобленностью противъ женщинъ) является какъ-бы первымъ наброскомъ другого лица — Пигасова, занимающаго, какъ извѣстно, въ своемъ родѣ видное мѣсто въ повѣсти «Рудинъ». Но самое существенное въ уѣздномъ «Гамлетѣ» — это даромъ пропадающая жизнь

въ сущности умнаго человѣка, — черта совершенно Рудинская. Разница собственно въ томъ, что Тургеневскій «Гамлетъ», какъ и подобаетъ Гамлету, съ самаго начала уже выводится передъ читателемъ вполнѣ сознающимъ свою, такъ сказать, тщету и самолюбиво страдающимъ отъ такого сознанія. Въ немъ не видать того перевѣса воображенія, которое на долгое время обольщаетъ, какъ извѣстно, на счетъ его собственныхъ силъ слишкомъ поздно доходящаго до самосознанія Рудина. Въ щигровскомъ Гамлетѣ, напротивъ того, мы замѣчаемъ лишь умъ, неумолимо разлагающій собственную природу, умъ, который и даетъ ему со всею ясностью видѣть, что разгадка его пустоты—это недостатокъ самородной, творческой силы, того, что называютъ оригинальностью. «Что мнѣ въ томъ, говоритъ онъ, что у тебя голова велика, умѣстительна, и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь, — да своего-то, особеннаго, собственнаго у тебя ничего нѣту! Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше,— да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему». Но тотъ же далеко не дюжинный умъ выясняетъ ему и причину такой пустоцвѣтности. «Какую, скажите на милость, спрашиваетъ онъ, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русской жизнью?» Но онъ идетъ далѣе, онъ съ самой ѣдкой ироніей дѣлаетъ изъ этого жизненный выводъ, выражающійся въ видѣ вопроса: «Такъ зачѣмъ же ты таскался за границу? Зачѣмъ не сидѣлъ дома да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ?... Да помилуйте... гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ! Я бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то, — да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ, а мнѣ это не подъ силу, мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте»... Такая привычка пользоваться уже готовымъ, чужою умственною работою «жаръ загребать», сложилась въ нашемъ Гамлетѣ уже издавна. Еще

въ университетѣ попалъ онъ въ такъ-называемый «кружокъ», а это, по его признанію, «гибель всякаго самобытнаго развитія»... «Кружокъ пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души... Въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю... въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ не хуже полицейскихъ чиновниковъ... о, кружокъ!... ты заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ!»... Чтобы понять все жизненное значеніе этихъ словъ Тургеневскаго «Гамлета», стоитъ только вспомнить тогдашнее значеніе кружковъ—хотя бы того, въ которомъ Бѣлинскій набрался Гегеля и, на нѣсколько лѣтъ своей кратковременной жизни сбившись, вслѣдствіе этого, съ настоящаго своего пути, только высокой своей даровитостью снова былъ выведенъ на свободу, снова сталъ говорить—не съ чужого голоса. Надо, однако-жъ, замѣтить, что коренная причина того забиванія личности, какое происходило, а отчасти и происходитъ въ нашихъ кружкахъ, осталась не вполнѣ разъясненною для нашего «Гамлета». Дѣло въ томъ, что горланы или умственные «міроѣды» кружка подвергаютъ другихъ тому же самому гнету, который вынесли на самихъ себѣ, но который представляется имъ не гнетомъ, а чѣмъ-то скорѣе освободительнымъ или просвѣтительнымъ. Если своими «готовыми взглядами» они забивали и забиваютъ умственную самодѣятельность новобранцевъ своего кружка, то потому лишь, что, сами получивъ эти взгляды уже совершенно готовыми изъ какихъ-нибудь книгъ, привыкли принимать подобный «заемъ» за собственный, добытый трудомъ, капиталъ. Все это развѣ смутно представлялось Щигровскому Гамлету, когда онъ рѣшился отправиться лично туда, гдѣ совершались наши умственные займы — въ Германію: вѣдь если ужь занимать, то изъ первыхъ рукъ. И что же? «Нечего и говорить,—сознается онъ,—что собственно Европы, европейскаго быта я не узналъ ни на волосъ; я слушалъ нѣ-

мецкихъ профессоровъ и читалъ нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ... вотъ въ чемъ состояла вся разница». Дома пріученный, подъ вліяніемъ своего кружка, читать эти нѣмецкія книжки *помимо жизни*, т.-е. окружавшей его, родной русской жизни (которая уже въ самомъ дѣтствѣ была отъ него заслонена «французскимъ его гувернеромъ — нѣмцемъ Филипповичемъ изъ Нѣжинскихъ грековъ» и развѣ украдкой проглядывала передъ нимъ въ тогдашнихъ университетскихъ, по большей части, вполнѣ отвлеченныхъ лекціяхъ); привыкнувъ мыслить только по книгамъ, совершенно помимо жизни, онъ и въ Германіи также мало былъ склоненъ къ тому, чтобы непосредственно вглядѣться въ самую жизнь, ту жизнь, на почвѣ которой родились эти книжки. Разсудивъ, при отправленіи за границу, и даже основательно разсудивъ, что «наука-то, кажись, вездѣ одна», онъ не зналъ, какъ не знаютъ еще и теперь очень многіе, что наука съ ея цѣлью — истиной не въ однѣхъ книжкахъ, что овладѣть ею — значитъ умѣть сознавать непосредственное возникновеніе ея изъ жизни, стать способнымъ и собственной смѣткой выводить ее изъ всего, что насъ окружаетъ, особливо-же изъ того, что еще не початое. Не достигнувъ этого и за границей, Щигровскій Гамлетъ, по собственному его сознанію, «остался тѣмъ-же неоригинальнымъ существомъ» и только испыталъ въ этомъ отношеніи участь цѣлаго множества нашихъ соотечественниковъ, отличаясь отъ нихъ однако-же тѣмъ, что имъ отъ подобной неоригинальности, повидимому, и горя мало, онъ-же постоянно томился ея сознаніемъ.

Разъясненіе Щигровскаго Гамлета необходимо для настоящаго пониманія Рудина, какъ съ другой стороны полный свѣтъ на этотъ послѣдній типъ кидается только позднѣйшими Тургеневскими типами. Какъ представитель нашего дѣйствительно образованнаго (а - не только свѣтски-натертаго люда) «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» ярко выдается изъ ряда другихъ «охотничьихъ» типовъ нашего писателя (такіе, тоже образованные люди, какъ

Королевъ и т. п., только слегка обрисовываются однодворцемъ Овсянниковымъ, а не выступаютъ передъ читателемъ сами, какъ непосредственно дѣйствующія лица). А между тѣмъ, если вдуматься, то и Щигровскій Гамлетъ окажется тѣсно связаннымъ съ тою барской средой, которая раскрывается передъ нами въ «Запискахъ Охотника». Вѣдь самое это отвлеченное направленіе мысли, самое это ученье помимо жизни возможно только въ барской средѣ, той средѣ, гдѣ не имѣлось живой, насущной потребности *дѣла*, а потому-то все, даже самое знаніе, могло обращаться въ *бездѣлье*, въ какой-то возвышенный способъ коротать время.

Такимъ-же созданіемъ барской среды является передъ нами и Рудинъ — человѣкъ, хотя и бѣдный, но, благодаря вредному самоотверженію своей матери, воспитанный все-таки барчукомъ. Мѣсто дѣйствія, гдѣ знакомится съ нимъ читатель, это одинъ изъ тѣхъ барскихъ салоновъ, въ которыхъ у насъ умудрялись сооружать посреди деревни столицу, или даже своего рода Парижъ эпохи энциклопедистовъ съ ея дамами ésprit fort (извѣстно, что мы постоянно проходимъ «зады» европейской жизни). Надо замѣтить, что міръ, окружающій эту доморощенную столицу съ ея салономъ, какъ-бы совершенно не существуетъ для проживающихъ въ ней и даже для ея просвѣтительнаго оратора и трибуна Рудина. Только самъ сочинитель въ началѣ даетъ намъ заглянуть мелькомъ въ этотъ окружающій міръ, вводя насъ въ душную избу крестьянки, больной горячкой, вводя съ одною изъ менѣе развитыхъ личностей повѣсти, сестрою также простодушнаго Волынцева; другимъ, болѣе развитымъ, личностямъ повѣсти некогда оглядываться вокругъ себя — онѣ слишкомъ погружены въ свои мысли. Вспомните тотъ обѣдъ у меценатствующей помѣщицы-генеральши, къ которому ожидаютъ проѣзжаго барона для слушанія его политико-экономической статьи, и первое появленіе посланнаго имъ за себя Рудина. Несмотря на нерасполагающую роль подставного лица, Рудинъ, однако-же, сразу производитъ впечатлѣніе обаятельное и совершенно,

повидимому, уничтожаетъ долго игравшаго у Ласунской чуть-ли не первую роль ядовитаго отрицателя и ненавистника человѣческаго рода, Пигасова. «Стало быть, по вашему, убѣжденій нѣтъ?» — спрашиваетъ его Рудинъ. — «Нѣтъ и не существуетъ». — «Это ваше убѣжденіе?» — «Да». — «Какъ-же вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ вамъ уже одно на первый случай». При такихъ и подобныхъ тому пріемахъ, и самъ читатель на первыхъ порахъ готовъ удивляться совершенно, повидимому, ясному и здравому уму Рудина. Но вскорѣ уже ему—то-есть только читателю, а не окружающимъ—приходится немного разочароваться. На различныя отрицательныя выходки со стороны Пигасова Рудинъ отвѣчаетъ уже совершенно неопредѣленною фразой, что надо желать «быть и жить въ истинѣ». Онъ думаетъ выяснить свою мысль наглядно, приводя скандинавскую легенду о птичкѣ, которая влетѣла во время ужина въ царскую палату и, тотчасъ-же изъ нея вылетѣвъ, пропала въ ночной темнотѣ и возбудила заботливое вниманіе царя. «Царь, птичка и въ темнотѣ не пропадетъ и свое гнѣздо сыщетъ», успокаиваютъ царя его собесѣдники. Самъ-же Рудинъ дѣлаетъ изъ этого слѣдующее заключеніе: «наша жизнь быстра и ничтожна, но все великое дѣлается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другія радости; въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо». Тутъ, какъ не трудно замѣтить, вполнѣ уже сказывается тотъ туманный идеализмъ, которымъ такъ долго у насъ пробавлялись и въ разговорахъ, и въ книгахъ. И извѣстная доля такого идеализма въ свое время не только не отталкивала, но даже отчасти могла привлекать не однѣхъ, едва разцвѣтающихъ и ищущихъ хоть какой-нибудь теплоты и свѣта, впечатлительныхъ дѣвушекъ, какова Наташа, но даже и вкусившихъ уже университетской науки юношей — въ родѣ Басистова (въ настоящее время, конечно, — и это весьма ощутительный признакъ нашего умственнаго успѣха — ни одного изъ нихъ уже не плѣнить какими-нибудь фразами). Въ пылу овладѣвшаго ими очарованія,

не только Наташа, но и Басистовъ, слушаютъ — не наслушаются Рудина, и даже студенту нисколько не представляется страннымъ, какъ это, случайно явившись съ чужимъ порученіемъ у Ласунской, Рудинъ заживается у нея на нѣсколько мѣсяцевъ и ораторствуетъ себѣ да ораторствуетъ о различнаго рода высшихъ вопросахъ, иногда ниспускаясь на землю къ вопросамъ хозяйственнымъ, предлагая Ласунской различнаго рода нововведенія (все, кромѣ освобожденія крестьянъ—о чемъ, разумѣется, подобнаго рода идеалистамъ никогда и не снилось), предлагая ихъ такъ, безъ малѣйшей надежды на осуществленіе или, лучше сказать, безъ малѣйшей заботы о томъ. И не только Наташѣ, но и Басистову не навертывается на умъ вопросъ: неужели умному человѣку нечего болѣе дѣлать, какъ только рисоваться передъ этой мишурной царицей салона? Между тѣмъ самъ Рудинъ, очевидно, воображаетъ, что онъ дѣлаетъ дѣло: онъ привыкъ видѣть дѣло въ безплодномъ ораторствованіи, онъ успѣлъ уже на это убить значительную часть своей жизни. Онъ, очевидно, и изъ этой пустѣйшей Ласунской создаетъ себѣ, силой воображенія, такую почву, которая способна воспринимать обильное сѣмя его рѣчей, и такимъ образомъ разыгрывающееся воображеніе доставляетъ богатую пищу его самолюбію: извѣстно, что оно особенно развито у людей, съ избыткомъ одаренныхъ воображеніемъ, этою волшебною силой, умѣющей создавать что угодно почти что изъ ничего, а потому и поднимать одареннаго имъ на любую, хотя-бы и неподобающую ему высоту. Но если питавшее его самолюбіе, свѣтски-холодное благоговѣніе передъ нимъ Ласунской тѣмъ болѣе заставляло его окружать эту барыню какимъ-то особымъ, отъ него-же въ главнѣйшей мѣрѣ и падавшимъ на нее сіяніемъ, то что-же должно было въ немъ возбуждать то настоящее, горячее чувство безграничной привязанности, которое онъ замѣчалъ въ Наташѣ? Въ лѣтахъ, уже вовсе немолодыхъ, сдѣлаться вдругъ предметомъ страсти дѣвушки, не успѣвшей еще никого полюбить, — не значило-ли это увидѣть свое самолюбіе до того польщеннымъ, что тѣмъ самымъ

вызывалась невольно отвѣтная страсть, которая и не замедлила, повидимому, развиться—но исключительно подъ вліяніемъ того-же, царившаго въ немъ, воображенія. И вотъ любовь къ Наташѣ представилась ему новымъ *дѣломъ*, задерживающимъ его у Ласунской.

Чѣмъ, однако-же, сильнѣе привязывается Наташа къ Рудину, чѣмъ выше становится онъ въ ея мнѣніи, тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствуетъ на нее съ его стороны всякая такая обмолвка, которая попадаетъ въ противорѣчіе съ идеаломъ, составленнымъ ея свѣтлымъ воображеніемъ. Между тѣмъ, уже въ первомъ откровенномъ своемъ разговорѣ съ нею, упомянувъ о своей деревенькѣ, онъ выражаетъ намѣреніе остаться въ ней, потому что ему «пора отдохнуть». Это сразу поражаетъ Наташу, то-есть ее поражаетъ не то, что мѣстомъ для отдыха онъ почитаетъ *деревню:* въ ту пору это никого не могло поразить, потому что въ деревнѣ именно только отдыхали, въ ней почти не видѣли возможности дѣла, и различныя тяжелыя ея впечатлѣнія не мѣшали нравственно сибаритствовать никакому идеалисту. Наташу собственно поражаетъ самое стремленіе къ *отдыху*, преждевременное, на ея взглядъ, для ея героя, прекрасныя рѣчи котораго принимала она за чистыя деньги. «Отдыхать,—говоритъ она,—могутъ другіе, а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ... Кому-же какъ не вамъ!» — И, сразу понявъ, что онъ вышелъ изъ своей, хотя-бы и безъ всякой умышленной фальши разыгрываемой роли, Рудинъ спѣшитъ поправиться: «ваше слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу... Да, я долженъ дѣйствовать... Я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, безполезную болтовню, на одни слова». Но тутъ-же опять слова, тѣ-же, какъ-бы сдѣлавшіяся его второю натурой, слова опять полились у него рѣкою, потѣшая по-прежнему его самолюбіе, по-прежнему заставляя его видѣть въ нихъ какъ-будто-бы дѣло, какъ будто-бы силу!

Но не только влюбленная и дѣтски впечатлительная Наташа,—и гораздо менѣе ея даровитая, за то гораздо

болѣе спокойная, трезвая духомъ вдовушка, сестра Волынцева, въ сильной степени увлечена Рудинымъ. И вотъ, въ ея-то глазахъ старается разоблачить его Лежневъ, его товарищъ по университету. Въ весьма несочувственной оцѣнкѣ имъ Рудина кое-что, конечно, должно быть объяснено тѣмъ, что онъ ревнуетъ ее къ нему,—обстоятельство, разумѣется, не служащее къ чести Лежнева, который, однако-же, миритъ насъ съ собою впослѣдствіи, когда самъ совершенно чистосердечно кается въ этомъ. Но такъ какъ господствующею чертою Лежнева, тѣмъ не менѣе, остается прямота и правдивость, нерасположенье ко всякой рисовкѣ или риторикѣ, то мы вполнѣ можемъ понять, что, и помимо всякихъ постороннихъ соображеній, весьма многое не могло его не отталкивать въ Рудинѣ. Между тѣмъ, въ юности самъ онъ, вмѣстѣ съ другими, увлекался Рудинымъ и разочаровался въ немъ такъ-же точно, какъ впослѣдствіи, прямо уже на глазахъ у читателя, разочаровывается Наташа. И вообще изъ того, что непосредственно происходитъ передъ читателемъ, можно, мнѣ кажется, заключить о возможности большей части того, что узнаемъ мы о Рудинѣ изъ словъ Лежнева. Единственный сынъ у матери и съ самаго нѣжнаго дѣтства предметъ ея обожанія, которому она постоянно приносила жертвы, лишая себя всего, чтобы не дать ему и почуять, что значатъ лишенья,—Рудинъ, какъ и всѣ любимцы, уже съ дѣтства пріучился считать самого себя какимъ-то центромъ всего окружающаго, т.-е. безсознательно сдѣлался себялюбцемъ. Принимая все, что дѣлала для него мать, за какую-то должную ему дань, съ другой-же стороны, чувствуя свое умственное передъ ней превосходство и при этомъ самолюбиво не сознавая, что онъ ей-же былъ имъ обязанъ, Рудинъ, проживая впослѣдствіи за границей, не чувствовалъ даже влеченія особенно часто писать къ матери. До поѣздки своей за границу, еще студентомъ университета, онъ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, сдѣлался такимъ-же собирателемъ дани съ товарищей, какимъ былъ прежде въ отношеніи къ матери. И дань эта

была не только духовная—дань удивленья—но иной разъ и матеріальная: онъ, какъ будущій геній, не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы содержаться на средства богатаго князька, своего товарища (какъ впослѣдствіи, на глазахъ у читателя, не считаетъ предосудительнымъ—кромѣ дани удивленья съ Ласунской, получить и денежную, — въ видѣ займа). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ настоящій божокъ, онъ былъ для своихъ товарищей и истолкователемъ ихъ сокровеннѣйшихъ чувствъ и посредникомъ-разрѣшителемъ ихъ сердечныхъ дѣлъ. Такъ, узнавъ о любви Лежнева къ одной дѣвушкѣ, онъ, «вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, своей и чужой, пришпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой», пустился обоимъ имъ объяснять ихъ самихъ, ихъ отношенія, вступилъ даже въ переписку съ ними— и сбилъ ихъ совершенно съ толку. Понятно послѣ всего этого, что Лежневъ его называетъ *деспотомъ* (который, какъ и многіе деспоты, силенъ только слабостью другихъ); онъ считаетъ его *холоднымъ какъ ледъ* (то-есть, не признаетъ въ немъ настоящаго чувства, которое замѣняется въ немъ воображеніемъ). «Никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди», замѣчаетъ Лежневъ, и онъ совершенно правъ, потому что они увлекаются собственно своимъ разыгрывающимся, все для нихъ замѣняющимъ, воображеніемъ. Наконецъ, какъ извѣстно, Лежневъ его называетъ *кокеткой*,—а на бѣду онъ кокетничаетъ, то-есть кокетничаетъ своимъ умомъ не передъ одной пожилой Ласунской, но и передъ ея дѣтски-довѣрчивой, чистой, отзывчивой дочерью.

Сильнымъ подтвержденіемъ вѣрности большей части того, что говоритъ о немъ Лежневъ, является странное посѣщеніе Рудинымъ Волынцева. Онъ считаетъ какъ-бы священнымъ долгомъ посвятить своего неудачливаго соперника въ тайну своей счастливой любви къ общему ихъ предмету—Наташѣ. Волынцевъ—человѣкъ простой, привыкшій, какъ самъ говоритъ, «ѣсть пряники неписанные»,—и взбѣшенъ, и поставленъ въ тупикъ этимъ, совершенно для него непонятнымъ поступкомъ, но для

Лежнева дѣло ясно. «Оно, вишь ты, и благородно, и откровенно, ну да и поговорить представляется случай, краснорѣчіе въ ходъ пустить»...

Я не стану слѣдить за извѣстной исторіей любви Рудина къ Наташѣ, то-есть постепеннаго самолюбиваго влюбленія имъ ея въ себя. Но вотъ цѣль достигнута: она не можетъ жить безъ него, но мать не согласится на ея бракъ съ нимъ, и ей остается только бѣжать съ Рудинымъ. Она готова на все,—но онъ? Въ рѣшительную минуту ему сразу становится ясно, что онъ никогда ее не любилъ «настоящей любовью, любовью сердца, а не воображенія» (собственныя его слова). Изъ того, какъ онъ отвѣчаетъ на ея готовность бѣжать, и ей становится сразу ясно, что онъ никогда ее не любилъ. Потому-то и было ему «далеко отъ слова до дѣла», потому-то онъ, по ея словамъ, и «струсилъ» передъ рѣшительнымъ шагомъ. И что-же? Слова ея только задѣваютъ въ немъ самолюбіе; оно и въ эту минуту говоритъ въ немъ сильнѣе совѣсти, такъ что у него достаетъ духу *обратить къ ней* ея упрекъ. «*Вы* трусите, а не я!» говоритъ онъ бѣдной Наташѣ, когда она, наконецъ, вспоминаетъ о томъ, какимъ нареканьямъ подвергаетъ она себя этимъ напраснымъ свиданіемъ съ нимъ.

Съ отношеніями къ Наташѣ Рудина въ эту минуту не лишнее будетъ сопоставить въ «Запискахъ Охотника» отношенія къ Петру Петровичу Каратаеву страстно имъ любимой Матрены. И эта крестьянская дѣвушка «трусила» какъ и Рудинъ, но причины ихъ трусости совершенно различны. Матрена боялась, что за побѣгъ ея поплатятся ея родные, и, чтобъ спасти ихъ, отказалась отъ Каратаева, котораго страстно любила. Напротивъ того, Рудинъ, какъ самъ онъ сознается въ письмѣ къ Наташѣ, «просто испугался отвѣтственности, которая *на него* падала»,—испугался потому, что въ сущности никогда не любилъ Наташи!

Но и при всей непривлекательности той роли, какая досталась ему при свиданіи съ Наташей, Рудинъ сейчасъ же опять находитъ возможность порисоваться въ письмѣ

къ Волынцеву. Самъ великодушно извѣщая его, что онъ уже больше ему не соперникъ, Рудинъ ублажаетъ свое самолюбіе фразами объ *исполненномъ долгѣ*. Не менѣе рисуется онъ при прощаніи съ добродушнымъ Басистовымъ. Въ сущности, разставаясь совсѣмъ не охотно со своимъ положеньемъ божка у Ласунской, онъ воображаетъ себя въ положеніи Донъ-Кихота, уѣзжающаго отъ герцогини, и приводитъ Басистову извѣстныя слова его въ эту минуту: «свобода, другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣка... Счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно за него быть обязаннымъ другимъ».

И тутъ опять невольно навертывается сопоставленіе съ однимъ изъ крестьянскихъ типовъ въ «Запискахъ Охотника». Вспомните «Бирюка», который, состоя сторожемъ барскаго лѣса, поймалъ въ немъ вора и сперва ему связалъ руки, но потомъ, разжалобленный его бѣдностью, выпустилъ его на волю. «Ну, Бирюкъ, ты, я вижу, славный малый», замѣчаетъ на это охотникъ. «Э, полноте, баринъ, не извольте только сказывать» — вотъ простой отвѣтъ Бирюка, сдѣлавшаго, и не безъ опасности для себя, дѣйствительно доброе дѣло, но далекаго отъ того, чтобъ имъ рисоваться. А Рудинъ, совершенно наоборотъ, рисуется, разыгрываетъ героя, только-что успѣвъ разыграть весьма незавидную роль. Въ суровомъ, повидимому, Бирюкѣ, совершенно невольно, какъ-бы на зло ему самому, вдругъ сказывается мягкая человѣческая натура; что же касается Рудина, то, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, несомнѣнно правъ Лежневъ, когда на слова Басистова, что Рудинъ — «натура славная», замѣчаетъ: «нѣтъ, именно *натуры* въ немъ и не видно!» И дѣйствительно она въ немъ совершенно заслонена всякими искусственными наслоеніями, и въ этомъ онъ опять — настоящій тепличный продуктъ чисто барской среды.

Есть, однако же, минуты, когда Рудинъ не играетъ роли, а говоритъ отъ души и клеймитъ совершенно искренно самого себя,—и вотъ тутъ-то онъ особенно на-

поминаетъ Щигровскаго «Гамлета». Таковъ онъ въ своемъ прощальномъ письмѣ къ Наташѣ. «Природа мнѣ много дала, но я умру, не сдѣлавъ ничего, достойнаго силъ моихъ... Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ — и не могу отдаться» (потому что отдается *только въ воображеніи*). «Я кончу тѣмъ, что пожертвую собою за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду (но который вдругъ очаруетъ его, всѣмъ пресытившееся, ищущее необычайностей, воображеніе). Боже мой! Въ 35 лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать!.. Еслибъ я могъ... побѣдить, наконецъ, свою лѣнь... Но нѣтъ, я останусь тѣмъ же неоконченнымъ существомъ... первое препятствіе—и я весь разсыпался!»... Переходя затѣмъ прямо къ своимъ отношеніямъ къ самой Наташѣ, онъ и въ этомъ нисколько не хочетъ обманывать ни себя, ни ее. На этотъ разъ совѣсть говоритъ въ немъ громче, чѣмъ самолюбіе: онъ не пускаетъ въ дѣло нетрудной, повидимому, фразы, что онъ не можетъ себя связывать бракомъ, соединеннымъ съ препятствіями, потому что это могло бы служить помѣхой его общественному служенію. Напротивъ, онъ съ неумолимою откровенностью говоритъ: «еслибъ я, по крайней мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію, но я просто испугался отвѣтственности»...

Нельзя не замѣтить, что эта способность хотя-бы и въ такую только минуту стать совершенно искреннимъ, искреннимъ даже на счетъ самолюбія, заставляетъ насъ видѣть въ Рудинѣ, не дурного, въ сущности, человѣка. Извѣстно, что самъ Лежневъ, кромѣ первой, вполнѣ несочувственной его обрисовки, прибѣгаетъ подъ-конецъ къ совершенно другой, при чемъ Рудину отдается полнѣйшее предпочтеніе предъ Пигасовымъ. Что касается послѣдняго, то хотя мы при этомъ и узнаемъ, что онъ бралъ въ свое время взятки и, при всемъ своемъ отрицательномъ направленіи, льнетъ, несмотря на положительное свое состояніе, къ богатымъ и знатнымъ, всетаки намъ не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать,

что, собственными усиліями выйдя въ люди, онъ не пересталъ понимать нужду, и *крестьяне у него не бѣдствовали.* Прямое указаніе на эту черту въ безсердечномъ на видъ, отрицающемъ все, Пигасовѣ, и полнѣйшее умолчаніе о чемъ-либо подобномъ въ идеалистѣ Рудинѣ,—такое обстоятельство не можетъ не уменьшить въ глазахъ читателя тѣхъ сочувственныхъ сторонъ Рудина, ради которыхъ пьетъ за его здоровье Лежневъ. Послѣ этого менѣе цѣны получаетъ для насъ то, что «если онъ живетъ на чужой счетъ, то единственно какъ ребенокъ, привыкшій, чтобъ его кормили, а не какъ пролазъ, составляющій себѣ состояніе». Но все-же и для читателя невольно оказывается даже весьма сочувственнымъ Рудинъ, когда онъ, уже постарѣвшій, накрѣнившійся, чуть не нищимъ встрѣчается съ Лежневымъ и окончательно располагаетъ его въ свою пользу разсказомъ о своихъ незадачахъ. Попалъ онъ было къ богачу-помѣщику компаньономъ, но, знать, зависимость подобнаго положенія не довольно замаскировывалась благоговѣніемъ патрона къ уму своего кліента, и Рудинъ, на этотъ разъ совершенно искренно, предпочелъ, вмѣстѣ съ Донъ-Кихотомъ, нравственную независимость привольному житью на всемъ на готовомъ. Не выдержалъ онъ и положенія секретаря у благонамѣреннаго сановника,—опять-таки потому, надо думать, что уму его приходилось тутъ быть не владыкою, а слугою. Не удалось оказаться зачинщикомъ широко-хватающихъ государственныхъ перестроекъ (а предвкушеніемъ ихъ уже были нововводительскія затѣи его у Ласунской, которыя если и не осуществлялись, то, по крайней мѣрѣ, благоговѣйно ею выслушивались),—и вотъ отъ своего, неподдавшагося его руководству, сановника Рудинъ вдругъ перешелъ къ какому-то, подобно ему самому, фантазеру, захотѣвшему, въ пылу разыгравшагося воображенія, сдѣлать судоходною рѣку — безъ капитала. Предпріятіе, конечно, лопнуло и тогда-то, проученный столько разъ, Рудинъ, наконецъ, принялся за дѣло, уже совершенно, повидимому, осуществимое, скромное, — даже, можетъ быть, слишкомъ скромное, на его взглядъ,

для его необыкновенныхъ способностей. Онъ сдѣлался учителемъ словесности въ провинціальной гимназіи, и его дѣйствительно рѣдкій даръ слова, такимъ образомъ, получилъ, наконецъ, вмѣстѣ съ его свѣдѣніями настоящее жизненное примѣненіе. Понятно, что къ нему крѣпко привязались ученики, и онъ привязался къ нимъ — насколько вообще въ состояніи привязываться *люди воображенія.* Настоящей, сердечной привязанности и тутъ, какъ въ отношеніяхъ его къ Наташѣ, не было. Это я позволяю себѣ усматривать изъ того, что Рудинъ не выдержалъ столкновеній съ гимназическимъ начальствомъ, что самолюбіе не позволило ему сдѣлать въ этомъ отношеніи какія-нибудь уступки — ради гимназической молодежи, чтобы не заставить ее такъ скоро лишиться одушевлявшаго ее учителя.

Не трудно послѣ всего этого заключить, что Рудинъ, согласно его собственному предсказанію, долженъ былъ кончить совершенно особеннымъ, изъ ряду выдающимся образомъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ погибаетъ въ 1848 г., сражаясь на баррикадахъ въ Парижѣ. Точно будто и безъ него не нашлось бы тамъ достаточно дѣятелей, или будто бы у насъ на Руси ихъ черезчуръ уже много.

Но что же, наконецъ, такое этотъ загадочный Рудинъ? Самъ онъ, при послѣднемъ своемъ свиданіи съ Лежневымъ, вполнѣ откровенно, повидимому, высказываетъ свой взглядъ на себя. «Фраза меня сгубила,—говоритъ Рудинъ.—Строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣтъ». Такому самоосужденію вполнѣ соотвѣтствуетъ и слѣдующій отзывъ Лежнева: «несчастіе Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно—большое несчастіе. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись». Тотъ же Лежневъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что Рудинъ у насъ не одинъ, что онъ—вполнѣ типическое явленіе. «Насъ бы очень далеко повело,—говоритъ онъ,—если бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ являются Рудины». Въ другомъ мѣстѣ, выражаясь очень рѣзко и

строго, Лежневъ находитъ, что «Рудинъ, въ сущности—пустой человѣкъ, но вѣдь и всѣ мы—пустые люди».

Есть ли это только взглядъ самого Лежнева, служащій къ тому, чтобы ярче обрисовать особенныя свойства его ума, или же къ этому именно взгляду невольно приводитъ читателя самъ сочинитель? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ сперва разсмотрѣть другіе Тургеневскіе типы, слѣдовавшіе за Рудинымъ и служившіе, такъ сказать, его продолженіемъ или же разъясненіемъ. Но это составитъ уже предметъ двухъ остальныхъ моихъ лекцій [1]).

II.

«Дворянское гнѣздо» и «Наканунѣ».

Несмотря на порядочный рядъ годовъ, отдѣляющихъ «Рудина» отъ «Записокъ Охотника», этотъ типъ неудавшейся «высшей натуры» находится въ тѣснѣйшей связи не только съ «Гамлетомъ Щигровскаго Уѣзда», но и съ цѣлымъ и основнымъ содержаніемъ «Записокъ». Отличаясь отъ большей части выведенныхъ въ нихъ дворянскихъ типовъ своею образованностью, Рудинъ сходится съ ними со всѣми въ той чисто барской подкладкѣ, какая оказывается, какъ мы видѣли, подъ этой его образованностью. Но ту-же самую барскую подкладку увидимъ мы и въ тѣхъ Тургеневскихъ типахъ, которые служатъ какъ-бы продолженіемъ Рудина. Нѣсколько такихъ ти-

---

1) Въ «Невскомъ Сборникѣ», изданномъ въ 1867 году г. Курочкинымъ, помѣщена была статья молодого критика, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ *Алкандрова*: «о воспитательномъ значеніи произведеній гг. Тургенева и Гончарова». При всѣхъ достоинствахъ автора (въ настоящее время пишущаго уже подъ своимъ настоящимъ именемъ), трудно согласиться съ его ратованіемъ противъ г. Тургенева за Рудина, какъ за какую-то высшую не оцѣненную имъ натуру. Смѣю думать, что это окончательно выяснится у меня далѣе.

повъ представляетъ намъ, во-первыхъ, «Дворянское гнѣздо»: весьма знаменательное заглавіе, самымъ непосредственнымъ образомъ соотвѣтствующее содержанію повѣсти...

Между выведенными въ немъ типами одинъ, надо замѣтить, является, повидимому, прямо противоположнымъ Рудину. Не даромъ не только въ немъ самомъ незамѣтно барства, но и друга своего Лаврецкаго онъ заставляетъ благодарить Бога за то, что въ жилахъ его течетъ (отъ матери) честная плебейская кровь [1]). Какъ мало, однако-же, она помогла Лаврецкому при той барской крови, которая наслѣдована имъ отъ отца, и, главное, при томъ чисто барскомъ воспитаніи, какое онъ получилъ,—это видно изъ самыхъ упрековъ ему Михалевича. Видя, что Лаврецкій совершенно раскисъ, опустился отъ своихъ семейныхъ невзгодъ, Михалевичъ напрасно ему говоритъ: «Ты себя вправь,—на то ты человѣкъ, мужчина!.. Развѣ позволительно чистый, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило» (т.-е. вслѣдствіе того, что пришлось обмануться въ женѣ, становиться равнодушнымъ и безучастнымъ ко всему человѣческому роду). «Ты эгоистъ— вотъ что!.. Въ тебѣ нѣтъ теплоты сердечной; умъ,—все одинъ только копѣечный умъ; ты просто жалкій, отсталый волтеріанецъ» (намекъ на воспитаніе Лаврецкаго). «Нѣтъ, ты байбакъ, и злостный байбакъ, байбакъ съ сознаніемъ, а не наивный»... Это послѣднее обстоятельство особенно возмущаетъ Михалевича, являющагося такимъ образомъ человѣкомъ дѣла. «И гдѣ вздумали люди обайбачиться? продолжаетъ онъ, — у насъ!... теперь!... въ Россіи! Когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собой!»... А что это у Михалевича не просто громкое общее мѣсто, — несомнѣнно изъ того, что слѣдуетъ далѣе. Уже совершенно опредѣ-

---

1) На происхожденіе самого Михалевича нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній у сочинителя.

ленная, точно выраженная задача представляется въ совѣтѣ его Лаврецкому заняться бытомъ своихъ крестьянъ. И вотъ именно тутъ-то, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы хорошенько пронять своего «злостнаго байбака», Михалевичъ напоминаетъ ему о томъ, что самая кровь, текущая въ его жилахъ, должна бы заставить его всѣмъ сердцемъ отдаться заботамъ о своихъ крестьянахъ.

А между тѣмъ, съ другой стороны, тотъ же самый Михалевичъ не даромъ учился вмѣстѣ съ баричами, не даромъ хлебнулъ вмѣстѣ съ ними той отвлеченной, кажущей жизнь черезъ дымку, отуманивающей образованности, какою вскормлено было у насъ на Руси столько поколѣній; въ силу этой-то образованности и сталъ онъ такимъ стихотворцемъ-энтузіастомъ, что пустѣйшая и бездушнѣйшая Варвара Павловна могла ему представиться изумительнымъ, геніальнымъ и притомъ предобрымъ существомъ, такъ что именно онъ-то и влюбилъ въ нее того самаго Лаврецкаго, котораго несчастіе она составила и которому онъ, однако-же, какъ видѣли мы, читаетъ безпощадныя наставленія. Замѣчательно, что при всемъ этомъ онъ не сознаетъ и тѣни какой-либо вины за самимъ собой, и что у него станетъ духу, при свиданіи съ Лаврецкимъ, послѣ всего другого, на цѣлую ночь завязать съ нимъ «одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди» [1]), споровъ о «самыхъ отвлеченныхъ предметахъ», но ведомыхъ такъ горячо, какъ будто бы «дѣло тутъ шло о жизни и смерти». Если обратить вниманіе на это, то Михалевичъ станетъ далеко не такъ непохожъ на Рудина, какъ оно можетъ показаться съ перваго раза. Точно также походитъ онъ на него въ ту минуту, когда, уже садясь въ тарантасъ, все еще развиваетъ свои возрѣнія на судьбы Россіи, припутывая тутъ «религію, прогресъ, человѣчность», а самъ, между тѣмъ, всѣ надежды свои возлагаетъ на откупщика (идеализируя, по

---

[1]) Т.-е. люди, получившіе русское отвлеченное, а не непосредственно изъ самой жизни вытекающее, образованіе.

всей вѣроятности, и его, какъ Варвару Павловну), который взялъ Михалевича единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ образованнаго человѣка. Правда, кончаетъ Михалевичъ не такъ, какъ Рудинъ. Послѣ долгихъ странствованій, онъ не только попадаетъ на настоящее свое дѣло, но и умѣетъ удержать его за собой. Получивъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи, онъ совершенно доволенъ своей судьбой, а воспитанники его обожаютъ, хоть и передразниваютъ.

Переходъ отъ Михалевича къ Паншину, повидимому, не переходъ, а скачокъ. Если Паншинъ вообще даровитъ, если въ немъ замѣтна своего рода художническая струя, то она вѣдь остается совсѣмъ не согрѣтою хотя бы чѣмъ-нибудь похожимъ на увлеченіе. Другая, рѣшительно перевѣшивающая сторона Паншина, сторона чиновническая, способность его являться *исполнителемъ* — при надеждѣ современемъ стать министромъ, окончательно отличаетъ его какъ отъ Михалевича, такъ и отъ Рудина. За то уже рѣшительное сходство съ послѣднимъ обнаруживается въ немъ въ то время, когда онъ услаждаетъ себя ораторствованіемъ. И при этомъ подъ нимъ точно также не оказывается почвы, онъ точно также не знаетъ Россіи, хотя, на бѣду, онъ не ограничивается однимъ составленіемъ плановъ, но, какъ чиновникъ, имѣетъ или будетъ имѣть возможность и на самомъ дѣлѣ мудрить, производить опыты надъ живымъ тѣломъ народа русскаго. Если вѣрно Лёжневское объясненіе «пустоты» Рудина тѣмъ, что онъ космополитъ, а «космополитизмъ—нуль или хуже нуля» [1]), то тѣмъ же самымъ космополитизмомъ одержимъ и Паншинъ; только онъ, какъ космополитъ-чиновникъ, къ сожалѣнію, не нуль, а скорѣе тотъ Пушкинскій живописецъ-варваръ, который чертитъ свой беззаконный рисунокъ поверхъ самородныхъ созданій народнаго творчества, и чертитъ

---

[1]) Т.-е. космополитизмъ не въ смыслѣ братской общительности со всѣми народами, а въ смыслѣ народной безхарактерности, незнанія собственной почвы, неимѣнія въ нравственномъ смыслѣ, ни кола, ни двора.

его такъ безцеремонно, что понадобилось бы немало усилій, чтобы стереть всю эту мазню. «Россія отстала отъ Европы, — говоритъ Паншинъ, — нужно подогнать ее... Мы больны отъ того, что только на половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ и лѣчиться должны...» И вотъ онъ, съ цѣлой стаей другихъ, намѣренъ приняться за такое лѣченіе — изъ, конечно, даже не прекраснаго «далека» своей канцеляріи. Чисто чиновничій характеръ предполагаемаго Паншинымъ лѣченія сказывается въ слѣдующихъ его словахъ: «Всѣ народы въ сущности одинаковы, вводите только хорошія учрежденія, и дѣло съ концомъ!...» «Пожалуй,—дѣлаетъ онъ уступку, — можно приноравливаться къ существующему народному быту»; но кто не знаетъ, какъ мало можно полагаться на эту бюрократическую готовность только *приноравливаться?...*

Противъ канцелярски-просвѣтительныхъ затѣй Паншина возсталъ, какъ извѣстно, Лаврецкій. Онъ «отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи... доказалъ невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ съ высоты чиновничьяго самосознанія, — передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе...» На основаніи этого мѣста нѣкоторые критики признали въ Лаврецкомъ славянофила, почувствовавшаго, какъ и многіе, на собственномъ примѣрѣ всю пагубу такъ-называемой «безпочвенности». Но не надо забывать, что выходка Лаврецкаго противъ Паншина вызвана, главнымъ образомъ, желаніемъ уничтожить его въ глазахъ Лизы, инстинктивно сочувствующей всему народному. Въ сущности Лаврецкій довольно далекъ отъ того, чтобы сдѣлаться настоящимъ славянофиломъ; напротивъ, въ немъ до конца сохраняется отпечатокъ чего-то Рудинскаго (хотя не надобно забывать, что есть и между такъ-называемыми славянофилами своего рода Рудины: стоитъ только вспомнить въ «Запискахъ Охотника» Любозвонова). Во всякомъ случаѣ, воспитаніе Лаврецкаго было,

какъ онъ самъ сознается, совершенно безпочвенно. Хотя и *плебей* по матери, онъ былъ искусственно высиженъ въ «дворянскомъ гнѣздѣ».

Нашъ писатель, какъ извѣстно, разсказываетъ намъ самую исторію этого «гнѣзда». Родъ Лаврецкихъ, какъ и многіе изъ нашихъ дворянскихъ родовъ, происходилъ изъ чужой земли, а именно изъ Пруссіи. Отличался онъ, какъ и многіе, тѣмъ, что совершенно вошелъ во вкусъ крѣпостного права. Прадѣдъ героя повѣсти, Андрей Лаврецкій, былъ такимъ типомъ барина, какіе, какъ видѣли мы, словно умышленно не обличались г. Тургеневымъ въ «Запискахъ Охотника», — типомъ, болѣе или менѣе *исключительнымъ* по своей жестокости. По свидѣтельству собственнаго правнука, онъ «мужиковъ за ребра вѣшалъ». «Баринъ былъ, что и говорить, — отзывается о немъ старикъ Антонъ, — и старшого надъ собой не зналъ». Сложилось въ народѣ и особое, съ примѣсью чудеснаго, сказаніе въ объясненіе его безнаказанности: будто монахъ съ Аѳонской горы далъ ему ладонку и сказалъ: «Носи и суда не бойся». Сынъ этого обладателя такого страшнаго талисмана, Петръ Андреевичъ, представлялъ въ отношеніи къ нему такую-же противоположность, какъ Чертопхановъ-сынъ въ отношеніи къ Чертопханову-отцу (вспомните «Записки Охотника»). Петръ Андреевичъ Лаврецкій былъ простой степной баринъ, крикунъ, но не злой, хлѣбосолъ. Оба, и онъ, и отецъ, во всякомъ случаѣ, были натуры цѣльныя, чуждыя и малѣйшей тѣни той раздвоенности, которая доставила Щигровскому чудаку прозваніе Гамлета и въ сущности могла-бы доставить то-же самое Рудину. Раздвоенность, а съ нею и своего рода Рудинство, начинается только съ Ивана Петровича Лаврецкаго, отца героя повѣсти. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ воспитаніе въ столицѣ у богатой тетки и старой дѣвушки, княжны Кубенской, приставившей къ нему гувернера, бывшаго аббата. Казалось-бы, ужъ и этого довольно, но бывшій аббатъ сверхъ того оказался ученикомъ Ж. Ж. Руссо. Понятно, что по переѣздѣ въ деревню къ отцу,

Ивану Лаврецкому мудрено было съ нимъ ужиться. Но зависѣло это, главнымъ образомъ, отъ французски-великосвѣтской обстановки тетки. «За столомъ привередничаетъ,—жалуется на него отецъ,—не ѣстъ, людского запаху, духоты переносить не можетъ...» Впрочемъ, жалобы этимъ не ограничивались. «Драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ... а все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ». На самомъ-же дѣлѣ не одинъ Вольтеръ, но и всѣ энциклопедисты (конечно, купно и съ Ж. Ж. Руссо) сидѣли у него въ головѣ, *но*, по прямому свидѣтельству нашего сочинителя, *въ одной только головѣ*. Въ этомъ отношеніи онъ уже совершенно подходитъ къ Рудину, всѣ «убѣжденія» котораго имѣли также характеръ по преимуществу головной, т.-е. вычитанный изъ книгъ. Впрочемъ, былъ одинъ случай, въ которомъ Иванъ Лаврецкій, повидимому, показалъ себя съ другой стороны. Дѣло въ томъ, что онъ не въ воображеніи только, какъ Рудинъ, но и на самомъ дѣлѣ влюбился въ горничную Маланью, и вотъ это-то дало ему возможность «пустить въ ходъ, оправдать на дѣлѣ Руссо, Дидерота и la déclaration des droits de l'homme». Къ неописанному ужасу своего отца, онъ женился на его крѣпостной. Но этимъ однимъ поступкомъ и ограничилось все его дѣйствительное служеніе великимъ идеямъ французскихъ мыслителей. Да и тутъ, разумѣется, онъ не выдержалъ до конца. Жениться-то онъ женился, но ужиться съ плебейской женой было ему не по силамъ. Въ самомъ скоромъ времени уѣхалъ онъ къ русской миссіи въ Лондонъ, оставивъ на жертву своей барской роднѣ жену, которой приходилось уже безъ него стать матерью. Только неожиданно разразившаяся надъ Русской землей гроза двѣнадцатаго года напомнила ему, какъ и многимъ изъ нашего дворянскаго класса, что все-же они какъ будто-бы русскіе. Онъ вернулся на родину, былъ свидѣтелемъ патріотическаго поступка своего отца, который снарядилъ на свой счетъ цѣлый полкъ ратниковъ, и, когда гроза была отведена (конечно, не такого лишь рода патріотизмомъ, а иною, гораздо глубже, въ самомъ

сердцѣ всего народа лежавшею силою), тогда Иванъ Петровичъ съ спокойнымъ сердцемъ опять укатилъ за границу. Только смерть отца окончательно его воротила на родину—уже англоманомъ (не даромъ-же жилъ онъ въ Лондонѣ). Это, конечно, не мѣшало ему считать себя патріотомъ, подобно многимъ и въ наше время, не короче его знакомымъ съ отечествомъ. Да онъ и имѣлъ на то право, вывезши изъ чужихъ краевъ нѣсколько плановъ улучшенія государства, новый фасонъ для лакейскихъ ливрей (которымъ и въ самомъ дѣлѣ воспользовался) и классическую надпись для вящшаго облагораживанія своего герба: in recto virtus. Такъ какъ улучшительные планы были широки, касались *всего* государства, то въ тѣсномъ кругу ближайшей къ нему деревенской жизни обошлось безъ малѣйшихъ улучшеній. Хозяйство по прежнему лежало на сестрицѣ Ивана Петровича, и единственная перемѣна заключалась въ томъ, что оброкъ кое-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе: не даромъ-же онъ привыкъ въ странѣ лордовъ къ комфорту... Ради того-же комфорта, надо думать, мужикамъ запрещено было прямо обращаться къ Ивану Петровичу: «патріотъ очень ужь презиралъ своихъ согражданъ» (запаха которыхъ къ тому-же не могъ онъ сносить еще въ молодости).

Но если хозяйство по прежнему оставалось на рукахъ у Глафиры Петровны, то не такъ оно вышло съ сыномъ Ивана Петровича, Ѳедоромъ, который еще и при жизни матери (довольно рано умершей) воспитывался подъ надзоромъ тетки и нанятой ею гувернантки-шведки. Хотя и подъ ихъ обоюднымъ кровомъ ему не было особенно тепло, такъ что единственные свѣтлые лучи въ его дѣтской жизни составляли его временныя свиданія съ матерью (временныя — потому что нельзя-же было его ввѣрить ей, мужичкѣ), а потомъ, послѣ ея смерти, воспоминанія о ней да, можетъ быть, живые разсказы старой сѣнной дѣвушки,—все-же Ѳедѣ Лаврецкому стало еще непривольнѣе, когда въ воспитаніе его вмѣшался отецъ. Ивану Петровичу захотѣлось сдѣлать изъ него

человѣка, *un homme* — впрочемъ, не только человѣка, но и *спартанца*, и вотъ для этой-то выдѣлки былъ къ нему приставленъ *швейцарецъ*. Учебными средствами для того служили: естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло—это послѣднее по совѣту Ж. Ж. Руссо — наконецъ геральдика — для поддержанія рыцарскихъ чувствъ (а можетъ быть и способности оцѣнить усовершенствованіе, произведенное отцомъ въ фамильномъ гербѣ; удивительно только, какъ не былъ притянутъ и латинскій языкъ—для умѣнья понять и оцѣнить составлявшую это усовершенствованіе надпись).

Начертавъ такой планъ воспитанія и поручивъ выполненіе его своему швейцарцу, Иванъ Петровичъ могъ преспокойно уѣзжать по зимамъ въ Москву и такъ-же непроизводительно ораторствовать въ тамошнихъ гостиныхъ, какъ Рудинъ ораторствовалъ у Ласунской. Между пріятелями Ивана Петровича не всѣ однако-же были только ораторами изъ любви къ искусству. Многіе изъ нихъ, поживъ за границей, вывезли оттуда не широковѣщательныя затѣи въ духѣ рабскаго подражанія чужому быту, а живое сознаніе того, что пора-же и намъ, по крайней мѣрѣ послѣ той торжественной роли, какую Россіи довелось разыграть въ 1812, 13 и 14-мъ годахъ, быть признанными совершеннолѣтними... Но этимъ людямъ, не удовлетворившимся однѣми рѣчами, не повезло, какъ извѣстно, въ 1825 г. Неудача ихъ испугала Ивана Петровича, такъ какъ онъ кое въ чемъ сходился съ ними—на словахъ [1]); но именно потому, что съ его стороны это были одни *слова*, что все это было только навѣяно, а вовсе не становилось задушевнымъ его убѣжденіемъ, онъ разомъ сжегъ свои планы, сталъ трепетать передъ губернаторомъ, егозить передъ исправникомъ. Точно также только навѣяннымъ, не пустившимъ корней, оказалось и его, въ энциклопедическомъ вкусѣ, религіозное вольнодумство: онъ вдругъ началъ ходить въ церковь и заказывать молебны. Сыну было мудрено не

1) Онъ этимъ походилъ на Репетилова, они-же на Чацкаго.

замѣтить разладицы между словами и дѣлами отца. Понятно, что послѣ этого онъ не могъ питать особеннаго довѣрія и къ установленнымъ этимъ отцомъ руководящимъ началамъ воспитанія, а равно и къ выбранному имъ воспитателю. Ѳедору Лаврецкому понятнымъ образомъ захотѣлось самому стать на ноги. Онъ собрался поступить въ университетъ, какъ вдругъ постигшая Ивана Петровича слѣпота на нѣсколько лѣтъ обратила юношу въ няньку своего отца, становившагося тѣмъ болѣе своенравнымъ, чѣмъ болѣе имъ сознавалась вся окончательная безприкладность его существованія. Когда-же отца не стало, сыну минуло двадцать четыре года. Это не удержало его отъ исполненія давнишняго желанія — стать студентомъ; но оказалось, что по понятіямъ, по знанію жизни, онъ былъ въ такомъ возрастѣ даже вовсе не юношей, а ребенкомъ. «Ему-бы слѣдовало,—поясняетъ нашъ сочинитель,—съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи». Затѣявъ выдѣлать изъ него вообще человѣка, на самомъ дѣлѣ ему помѣшали развить въ себѣ то, что составляетъ коренную особенность человѣческой природы— способность не оставаться чѣмъ-то лишь общимъ и родовымъ, а становиться настоящею особью, опредѣленною, мѣстомъ и временемъ обусловленною личностью. Понятно, что, не ставъ такою личностью, Ѳедоръ Лаврецкій долженъ былъ представлять лишь открытое поле для всякихъ наносныхъ вѣяній, и на Руси оказалось только однимъ кандидатомъ болѣе въ классъ тѣхъ безпочвенныхъ, лишнихъ, при всемъ своемъ умѣ, и неудавшихся, при всей своей даровитости, многочисленныхъ смертныхъ, къ которымъ принадлежалъ и Рудинъ. Разница только въ томъ, что въ основу Рудинскаго нрава легла его избалованность съ дѣтства, привычка къ принятію поклоненій и жертвъ, вслѣдствіе чего, куда-бы ни кидала его судьба, онъ воображалъ себя какимъ-то заправщикомъ, тогда какъ тепличная замкнутость воспитанія не дала ему научиться толково заправлять и самимъ собою; напротивъ того Лаврецкій, съ дѣтства муштруемый и вы-

держиваемый подъ началомъ, и впослѣдствіи постоянно попадаетъ въ положеніе зависимое—и въ дружбѣ съ Михалевичемъ разыгрываетъ вполнѣ страдательную, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, роль. Даже и влюбившійся-то не самъ, а скорѣе влюбленный своимъ энтузіастомъ-товарищемъ, онъ попадаетъ затѣмъ подъ ферулу жены, для нея оставляетъ университетъ, наконецъ за нею плетется туда-же, куда каждогодно плетутся лишніе русскіе люди — на заграничныя воды. Въ одномъ только отношеніи спаслось въ немъ столь свойственное человѣческой природѣ чувство независимости: онъ не захотѣлъ служить, не захотѣлъ чиновнически дѣлать видъ, что дѣлаетъ дѣло, а предпочелъ откровенно и просто ничего не дѣлать. Но «жизнь становилась подъ часъ тяжела у него на плечахъ, — тяжела, потому что пуста». Вотъ въ этомъ опять онъ значительно отличается отъ Рудина, который, за множествомъ словъ, принимаемыхъ за дѣла, такъ долго не сознавалъ своей пустоты. Въ этомъ случаѣ Лаврецкому, можетъ быть, помогла та честная плебейская его кровь, на которую указывалъ ему Михалевичъ, т.-е. помогло, надо полагать, участіе, которое онъ, ради матери, долженъ былъ съ дѣтства питать къ народу въ трудовой его долѣ, участіе, невольно растворявшееся тѣмъ уваженіемъ къ труду, которое должно было его заставлять краснѣть при мысли о собственномъ ничегонедѣланіи. Съ другой, уже чисто физической стороны, честная плебейская кровь сказалась у Лаврецкаго тою здоровой натурой, въ силу которой онъ нимало не измѣнился, несмотря на невзгоды, чѣмъ, какъ извѣстно, просто оскорбилась нервозная его родственница Марья Дмитріевна, привѣтствовавшая его, разъѣхавшагося съ женой, словами: «Видно тебѣ все какъ съ гуся вода; иной-бы съ горя зачахъ, а тебя еще разнесло». Но Лаврецкаго постигаютъ новыя испытанія. Полюбивъ Лизу, онъ, прочитавъ въ газетахъ о смерти жены, начинаетъ считать возможнымъ соединить свою участь съ участью этой дѣвушки, но сперва встрѣчаетъ отпоръ въ ея собственной, болѣзненно-чуткой совѣсти, а

потомъ попадаетъ въ положеніе, уже совершенно безвыходное, узнавъ, что слухъ о смерти жены былъ ложенъ. Но и въ этомъ безвыходномъ положеніи нравственною опорою служитъ ему — опять-таки мысль о плебейской его роднѣ. «Предъяви-же,—говоритъ онъ самому себѣ,— свои права на полное истинное счастье! Оглянись, — кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу. Можетъ, онъ наслаждается своею судьбою?» Или вспомните о томъ, какъ отправляется Лаврецкій туда, гдѣ находитъ укрѣпленіе Лиза— въ церковь, и какъ въ той-же церкви его поражаетъ крестьянинъ, молящійся съ невыразимымъ усердіемъ; припомните и вопросъ Лаврецкаго: что съ нимъ? и данный скороговоркою отвѣтъ пугливо и сурово отшатнувшагося мужика: «сынъ померъ», вслѣдъ-же затѣмъ и попытку молиться самого Лаврецкаго. Во всемъ этомъ онъ, разумѣется, нимало уже не походитъ на Рудина: Лаврецкій не только не рисуется своимъ горемъ, не только не ублажаетъ себя воображеніемъ, что я-де стоически твердъ, но, напротивъ, коритъ себя въ малодушіи. При этомъ онъ доходитъ даже до того, что, взглянувъ на портретъ свирѣпаго прадѣда своего Андрея, читаетъ въ его взглядѣ какъ-бы презрѣніе къ хилому своему потомку. Но все-таки, въ самыхъ этихъ укоризнахъ себѣ, въ самой этой готовности оглянуться вокругъ, на народъ, на самомъ дѣлѣ не оказывается какого-либо зародыша настоящей мужской силы, такой силы, которая-бы сдѣлала его наконецъ человѣкомъ не слова, а дѣла. Въ сущности онъ и тутъ попадаетъ въ Рудинство въ томъ смыслѣ, что только говоритъ и, пожалуй, думаетъ о народѣ, но, чтобъ отдѣлаться отъ жены, не задумывается снабжать ее трудовыми крестьянскими деньгами для веселаго проживанія въ Парижѣ. Точно также совершенно по-Рудински, избѣгая тяжелыхъ впечатлѣній и постоянныхъ, опредѣленныхъ (а не измышляемыхъ только) заботъ, онъ не рѣшается отнять у жены своей дочери, съ тѣмъ, чтобы самому ее воспитать, а оставляетъ ее на жертву подобной матери!

Во многихъ отношеніяхъ, повидимому, вполнѣ возрожденнымъ представляется намъ Лаврецкій въ эпилогѣ. «Въ теченіе восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ пересталъ думать о собственномъ счастьи, о своекорыстныхъ цѣляхъ». При этомъ въ немъ какъ-бы окончательно восторжествовала его честная плебейская кровь, восторжествовала надъ барствомъ, эгоистичнымъ по самой своей природѣ. «Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ... онъ дѣйствительно выучился (о чемъ уже давно мечталъ) пахать землю и трудился не для одного себя: онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ». То, что никогда и не снилось Рудину, сдѣлалось главнѣйшею жизненною отрадой Лаврецкаго. Но, если вглядѣться поглубже, то онъ не вполнѣ удовольствованъ этимъ, нисколько уже не своекорыстнымъ *дѣломъ*. Жажда личнаго счастья далеко не заглохла въ Лаврецкомъ и, считая свое личное счастье навсегда разбитымъ, онъ въ какихъ-нибудь 45 лѣтъ называетъ себя старикомъ, у котораго есть особаго рода занятія — воспоминанія. Въ нихъ-то главнымъ образомъ погруженъ онъ сердцемъ; къ настоящему, которое не сулитъ ему никакого личнаго наслажденія, онъ относится, въ сущности, холодно, сухо. Такимъ образомъ, возрожденіе далеко не охватило собою всего существа Лаврецкаго; въ сущности, въ немъ уцѣлѣлъ еще «ветхій человѣкъ». Обращаясь къ веселящемуся вокругъ него юному поколѣнію, онъ съ грустью говоритъ: «Вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, бороться, падать и вставать среди мрака (тутъ уже является и постановка себя на подмостки—какъ будто они въ самомъ дѣлѣ *боролись*); мы хлопотали о томъ, какъ-бы уцѣлѣть— и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! А вамъ надобно дѣло дѣлать, работать! Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!»

Какъ? Посреди многолюднаго Божьяго міра онъ считаетъ себя одинокимъ; думаетъ только о *догораніи* жизни,

большая часть которой осталась дѣйствительно вполнѣ безполезной, такъ что слѣдовало-бы наверстывать, а онъ уже усталъ, охладѣлъ къ труду, еще такъ недавно принявшись за трудъ! Вотъ и опять тутъ сказалось барство со всѣмъ его сибаритствомъ и пустоцвѣтствомъ!

Нѣтъ, Лаврецкій не есть еще настоящій человѣкъ *дѣла* и *почвы*; въ немъ нѣтъ еще настоящей *силы*. Но не должны-ли мы ее искать въ той, ради кого онъ напалъ на Паншина, въ Лизѣ, которой, несмотря на ея уже ни съ какой стороны не плебейское происхожденіе, «было по душѣ съ русскими людьми», въ Лизѣ, которая, «не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала со старостой, какъ съ ровней?» Не нашла-ли, по крайней мѣрѣ, Лиза, такъ рѣшительно отказавшаяся, въ силу своихъ убѣжденій, отъ личнаго счастья, не нашла-ли она настоящей отрады въ любви къ народу, въ ревностной дѣятельности на его пользу? Лиза, такъ мило признающаяся Лаврецкому, что у нея «словъ нѣтъ», тѣмъ самымъ уже прямо выдѣляетъ себя изъ разряда людей, зараженныхъ Рудинствомъ. Но если у Лизы нѣтъ *словъ*, которыми всякаго рода Рудины замѣняютъ, по большей части, *дѣла*, то водятся-ли за Лизой эти послѣднія? Лиза благочестива; но есть-ли въ ея благочестіи настоящая, дѣятельная христіанская нравственность? «Зачѣмъ оскорблять?...» «Если мы не будемъ покоряться»—вотъ тѣ коротенькія изреченія, въ которыхъ высказывается, конечно, скорѣе страдательный, чѣмъ дѣйствительный складъ ея міросозерцанія. Не сходясь съ умозрительнымъ, въ своемъ родѣ, пониманіемъ христіанства Лаврецкимъ, Лиза находитъ, что «христіаниномъ надобно быть не для того, чтобы познавать небесное тамъ, земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть». Тутъ уже прямо звучитъ даже себялюбивая струнка въ ея благочестіи: христіанство оцѣнивается лишь какъ средство *спастись*, пріютить за гробомъ свою душу, *собственную свою* душу. Такимъ образомъ, если тутъ приносятся жертвы, то вовсе не ради другихъ людей, а просто земными низшими выгодами жертвуется тутъ высшимъ — небеснымъ, но все-же

своимъ личнымъ выгодамъ. Послѣ этого совершенно особый смыслъ получаетъ и то, что Лиза любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога—восторженно, робко, нѣжно, т.-е. она любила Его какъ виновника ея будущаго блаженства на небѣ. Рѣшившись идти въ монастырь, она лишь вполнѣ отдавалась предмету своей высшей страсти. Только повидимому примѣшивалась тутъ забота и о другихъ, о земной братіи, безъ любви къ которой, по ученію настоящаго, дѣятельнаго христіанства, мы не можемъ любить и Бога. «Я все знаю,—говоритъ она,—и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ...» Но напрасно ждешь послѣ этого, что она захочетъ употребить это, такъ неправо нажитое богатство на пользу ближнимъ и такимъ образомъ на дѣлѣ загладить грѣхи отца... Эти послѣдніе тревожатъ ее не потому, что отъ нихъ приходилось, а отъ послѣдствій ихъ еще и теперь приходится плохо очень и очень многимъ людямъ; грѣхи отца тревожатъ ее потому, что отъ нихъ можетъ сдѣлаться плохо *его* душѣ. «Все это отмолить, отмолить надо»,—говоритъ Лиза; и такъ, только отмолить—ради его самого, а не залѣчить сколько возможно своею братолюбивою дѣятельностью тѣ глубокія раны, которыя онъ наносилъ другимъ. Такимъ образомъ и въ Лизѣ не видимъ мы силы дѣятельной, какъ не видимъ и настоящей любви, и, при неимѣніи «словъ», она все-таки въ своемъ родѣ рудинствуетъ.

Но откуда-же этотъ особый видъ Рудинства? Неужели возможно оно и при той близости къ простымъ русскимъ людямъ, къ *почвѣ*, какою отличается Лиза? Или Рудинство составляетъ у насъ принадлежность не только европейски-цивилизованнаго, но и народнаго міросозерцанія?

Вспомните, что у Лизы были двѣ воспитательницы. Одна, повидимому, на первомъ планѣ — гувернантка дѣвица Моро, обыкновенно отзывавшаяся обо всемъ, что только принадлежало къ области вѣрованій: tout ça c'est des bêtises. Но она не имѣла никакого вліянія на Лизу. Другая, настоящая ея воспитательница, — это была ея

няня Агафья, кающаяся грѣшница, съ увлеченьемъ разсказывавшая Лизѣ о томъ, какъ жили святые въ пустынѣ, какъ спасались... Такъ какъ обо всемъ этомъ говорила она съ дѣйствительнымъ увлеченіемъ, то вліяніе ея не могло не подѣйствовать на воспріимчиваго ребенка и подѣйствовать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе дѣйствовала сухая разсудочность и безсердечье Моро. Такимъ образомъ, мимо Лизы безслѣдно прошелъ тотъ отблескъ французской образованности во вкусѣ энциклопедистовъ, который отразился на ея гувернанткѣ, тогда какъ няня Агафья глубоко ее завела въ тотъ міръ отвлеченно-подвижническихъ идеаловъ, съ которымъ уже съ самыхъ отдаленныхъ временъ познакомился русскій народъ. Но міръ этотъ, въ свою очередь, возникъ подъ вліяніемъ особой образованности, которая, хотя и пустила у насъ корни во всемъ народѣ, но все-же не возникла первоначально на нашей почвѣ, а была только занесена къ намъ изъ Византіи. При томъ множествѣ монастырей—«этихъ университетовъ своего времени»—которыми усѣяна была земля Русская, эта византійская образованность распространялась быстро и, при извѣстной воспріимчивости русскаго народа, надолго сроднилась съ нимъ. А между тѣмъ, вѣдь она была совершенно ему не по возрасту. Явленье вполнѣ понятное въ дряхлой и развратившейся Византіи, гдѣ лучшимъ людямъ дѣйствительно не оставалось иной разъ ничего болѣе, какъ заключиться въ самомъ себѣ,—аскетизмъ, напротивъ того, являлся рѣшительно напускнымъ среди такого молодого, непочатаго народа, какимъ былъ тогда народъ русскій, и своимъ отвлеченно-созерцательнымъ направленіемъ преждевременно подрывалъ въ немъ дѣятельную силу. Но это былъ только первый изъ тѣхъ наносныхъ слоевъ, которые одинъ за другимъ налегали на самородный набросокъ картины, начатой было народомъ русскимъ,—я возвращаюсь къ сравненію, заимствованному изъ стиховъ Пушкина. За этимъ первымъ византійскимъ слоемъ, выразившимся въ нашей литературѣ аскетическо-автократическимъ риторизмомъ, начавшимъ раздаваться еще при

звукахъ вѣчевого колокола, послѣдовалъ новый, уже западно-европейскій слой схоластической образованности, прививавшейся къ намъ именно въ такую пору, когда она вырождалась на самомъ Западѣ. Затѣмъ послѣдовали, какъ извѣстно, разные, но все уже западные слои: псевдо-классицизма съ его воспѣваньемъ свѣтлыхъ дней даже въ самую пасмурную годину Бирона; сентиментализма съ его обращеніемъ крѣпостного русскаго люда въ аркадскихъ пастушковъ и пастушекъ; романтизма со всей его рыцарской чертовщиной и бѣгствомъ отъ настоящаго въ смутную даль временъ, въ міръ печально-отрадныхъ воспоминаній или заоблачно-свѣтлыхъ надеждъ; наконецъ, художническаго квіетизма съ его гордымъ незнаніемъ «злобы дня», съ его себялюбивою проповѣдью свободы «себѣ лишь одному служить и угождать».

Неоднократно видоизмѣняясь, наша образованность оставалась неизмѣнною только въ томъ, что постоянно оставалась наносною, чуждою нашей жизни. Не оттого-ли и люди, вкушавшіе отъ ея плодовъ, постоянно жили въ какомъ-то дѣланномъ мірѣ, не имѣвшемъ почти ничего общаго съ міромъ дѣйствительнымъ; жили какъ-бы помимо настоящей жизни и такимъ образомъ, даже при отмѣнныхъ способностяхъ, оставались какими-то лишними, неудавшимися людьми? Не отъ того-ли уже съ самыхъ давнишнихъ поръ водились у насъ, да и теперь еще, можетъ быть, водятся Рудины?

Какъ-бы уже прямо съ тѣмъ, чтобы показать, что настоящихъ людей дѣла у насъ еще нѣтъ и не можетъ быть, нашъ сочинитель, не болѣе, какъ черезъ годъ послѣ «Дворянскаго Гнѣзда», подарилъ насъ повѣстью «Наканунѣ» (1859 г.). Если въ лицѣ Инсарова видимъ мы тутъ человѣка, уже прямо противоположнаго Рудину, то человѣкъ этотъ — не русскій, а болгаринъ. Между тѣмъ Елена, отдающаяся Инсарову, именно какъ человѣку дѣла, Елена — русская, она какъ-бы первая изъ новаго поколѣнія русскихъ женщинъ, далеко опередившаго русскихъ мужчинъ. Какимъ путемъ, подъ какими впечатлѣніями и вліяніями, въ силу какой внутренней, самородной работы

могла сложиться эта удивительная натура, этого, къ сожалѣнію, не касается нашъ сочинитель. Онъ просто говоритъ, что Елена уже съ самаго дѣтства «жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра. Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили, она видѣла ихъ во снѣ... Всѣ притѣсненныя животныя находили въ Еленѣ покровительство и защиту...» Вспомните ея нѣжную дружбу съ нищей дѣвочкой Катей. При такомъ направленіи совершенно понятно, что «одно чтеніе не удовлетворяло Елену». Между тѣмъ, самые умные люди вокругъ нея—не забудьте, что это было въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ—еще вполнѣ удовлетворялись чтеніемъ. Не отъ того-ли Еленѣ и приходило иногда въ голову, что она «желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи?..» И вотъ вдругъ она встрѣчается съ личностью, живущею не для однѣхъ книжекъ, думающею, что «не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота для человѣка». Принадлежа народу, когда-то обладавшему зачатками образованности, но утратившему ихъ впослѣдствіи, и при этомъ стремясь содѣйствовать его возрожденію, Инсаровъ старается выбрать изъ круга знаній, раскрытыхъ передъ нимъ Московскимъ университетомъ, собственно то, что есть самаго существеннаго и наиболѣе примѣнимаго къ занимающему его дѣлу. Онъ учится русской исторіи, праву, политической экономіи, переводитъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собираетъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составляетъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую для русскихъ... Онъ старается дать себѣ отчетъ въ томъ, нужно-ли ему заняться Фейербахомъ, или-же можно обойтись безъ него... Вспомнимъ, что на вопросъ Берсеневу Шубина:—«Что Инсаровъ? умный, даровитый?»—Берсеневъ, не задумавшись, отвѣчаетъ:—«Умный, да; даровитый — не знаю, не думаю». Въ этомъ онъ, стало быть, уступаетъ Рудину, который несомнѣнно даровитъ; но Инсаровъ беретъ совершенно не тѣмъ, а дѣятельнымъ началомъ, волей... Въ немъ нѣтъ ничего похожаго на художническую, рисующуюся, ставящую себя въ эффект-

ныя положенія, натуру — ему не до этого. На шеѣ у Инсарова Берсеневъ замѣчалъ рубецъ, должно быть, слѣдъ раны (нанесенной ему, вѣроятно, какимъ-нибудь туркомъ); но онъ объ этомъ говорить не любилъ. «Онъ въ своемъ родѣ молчальникъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ, по словамъ Берсенева, рѣдкая искренность — «не наша дрянная искренность, искренность людей, которымъ скрывать рѣшительно нечего...»—«Онъ не застѣнчивъ— одни самолюбивые люди застѣнчивы...» Инсаровъ-же, напротивъ того, постоянно забываетъ самого себя. Онъ даже не останавливается на мысли о мести за своихъ родителей, павшихъ жертвою турокъ. Месть все-же личное дѣло, а имъ руководитъ не то, имъ руководитъ мысль «освободить свою родину». Вотъ, что особенно дѣйствуетъ на Елену.—«Эти слова,—говоритъ она,—даже выговорить страшно, такъ они велики!» Точно также смотритъ на Инсарова и самъ добродушный его соперникъ Шубинъ, когда говоритъ Еленѣ:—«Онъ съ своею землею связанъ— не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: лейся, молъ, въ насъ живая вода!» Прямое указанье на тѣхъ изъ нашихъ людей народнаго направленія, въ которыхъ скрываются только особаго рода Рудины. Но всего лучше понимаетъ себя, свое положеніе самъ Инсаровъ, говоря Еленѣ:—«Послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я—мы желаемъ одного и того-же. У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость».

Вотъ въ этомъ-то человѣкѣ Елена, наконецъ, нашла то, чего такъ давно искала, но проблескъ чего уже представился ей однажды въ почти-безсознательномъ подвигѣ русскаго, т.-е. *простого* русскаго человѣка.—«Разговаривая съ Инсаровымъ,—говоритъ Елена въ своемъ дневникѣ,— я вдругъ вспомнила нашего буфетчика Василія, который вытащилъ изъ горѣвшей избы безногаго старика и самъ чуть не погибъ; мнѣ хотѣлось ему въ ноги поклониться». А между тѣмъ, она сама сознается, что у него было самое глупое лицо и что потомъ онъ спился съ кругу. Что касается ума и образованности Инсарова, то Елена

ни мало не ослѣплена въ этомъ отношеніи. Въ томъ-же своемъ дневникѣ она прямо сознается, что «Берсеневъ можетъ быть ученѣе, даже умнѣе... но онъ передъ нимъ такой маленькій». Дѣло въ томъ, что Инсаровъ «не только говоритъ, онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать». Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, надобно думать, она и находитъ, что «это первый человѣкъ, который не лжетъ», т.-е., который на дѣлѣ тотъ-же, что и на словахъ. До нѣкоторой степени въ связи съ этимъ должно быть и слѣдующее признаніе Елены: «Мы оба стиховъ не любимъ, оба не знаемъ толка въ художествѣ...» Но, совпадая съ нимъ въ этомъ, она сознаетъ, что ей далеко до него въ другихъ отношеніяхъ: «У него есть дорога, — говоритъ Елена, — а гдѣ мое гнѣздо?...» «Отчего онъ не русскій?» спрашиваетъ она далѣе, и съ полною увѣренностью отвѣчаетъ: «Нѣтъ, онъ не могъ-бы быть русскимъ».

Если-же теперь мы вспомнимъ опять про Рудина, приведемъ его знаменательное признаніе: «Я хочу отдаться, но не могу», то тѣмъ болѣе вѣса получатъ слова Елены, относящіяся, конечно, опять къ Инсарову: «Кто отдался весь... весь... тому горя мало, тотъ уже ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу, *то* хочетъ...»

Самъ соперникъ Инсарова въ любви къ Еленѣ — въ высшей степени правдивый, открытый и тѣмъ самымъ привлекательный, при всей своей художнической пустоватости, Шубинъ приводитъ замѣчательное сопоставленіе русскихъ людей съ Инсаровымъ, находя весьма грустнымъ, но совершенно понятнымъ, что Елена пошла съ этимъ болгаромъ. «Кого-же она здѣсь оставляетъ? — спрашиваетъ Шубинъ,—Курнатовскихъ, да Берсеневыхъ, да нашего брата; а это еще лучшіе... Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все — либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели, да палки барабанныя!.. Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, не ушла-бы отъ насъ эта дѣвушка!..» Какъ не сознаться, что въ сущности это со-

вершенно то-же, что и знаменитый приговоръ Лежнева: «всѣ мы пустые люди!»

Но такого-же точно мнѣнія и самъ Инсаровъ, которому, уже и для пользы его родной Болгаріи, нужно-бы было, конечно, чтобы дѣло обстояло иначе. Уже незадолго до смерти, въ Венеціи, послѣ посѣщенія либеральнаго болтуна Лупоярова, Инсаровъ съ грустью приходитъ къ обобщенію такого рода: «Вотъ, вотъ ваше молодое поколѣніе! Иной и важничаетъ, и рисуется, а въ душѣ такой-же свистунъ, какъ и этотъ господинъ». Понятно послѣ этого, что Елена, и лишившись Инсарова, *предпочитаетъ* Россіи Болгарію. «Тамъ готовится возстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія... останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни... А вернуться въ Россію, — зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?»

Когда цѣлый рядъ дѣйствующихъ лицъ, и лицъ довольно разнообразныхъ, высказываютъ одинъ и тотъ-же взглядъ, то невольно приходишь къ заключенію, что взглядъ этотъ, по мнѣнію сочинителя, такая всеобщая истина, къ признанію которой онъ хочетъ привесть и своего читателя. А вспомните, наконецъ, обращеніе Шубина къ вѣчно лежащему Увару Ивановичу, этой черноземной силѣ, какъ онъ его называетъ, обращенье съ вопросомъ: «Будутъ-ли у насъ люди?» Если Уваръ Ивановичъ и отвѣчаетъ на это въ тотъ разъ, что «будутъ», то когда Шубинъ вторично, уже послѣ смерти Инсарова, въ письмѣ изъ прекраснаго своего далека (Италіи), обратился къ «черноземной силѣ» съ тѣмъ-же вопросомъ, тогда «черноземная сила» только «поиграла перстами и устремила въ отдаленіе свой загадочный взоръ». Этимъ, какъ извѣстно, и кончается «Наканунѣ».

Но что означаетъ это заглавіе? Если оно дано такъ-же соотвѣтственно содержанію, какъ и «Дворянское Гнѣздо», — то не заключается-ли въ немъ намека на то, что мы живемъ какъ-бы наканунѣ появленія у насъ «людей?» Въ самомъ дѣлѣ, не появляются-ли эти русскіе «люди» въ одной изъ слѣдующихъ знаменитыхъ повѣстей

Тургенева, въ «Отцахъ и дѣтяхъ?» Не должны-ли мы видѣть въ Базаровѣ, этомъ крупнѣйшемъ явленіи изъ «дѣтей», такъ-же преждевременно погибающемъ, какъ и Инсаровъ, нашего русскаго *человѣка дѣла*, сильнаго тѣмъ, что «не *я* хочу, а *то* хочетъ?» Но таковъ-ли Базаровъ, чтобы обладать силой привлечь къ себѣ и удержать у себя въ Россіи такихъ женщинъ, какова Елена? Или и онъ еще не изъ тѣхъ людей, которыми могъ-бы дѣйствительно обновиться наличный запасъ нашихъ нравственныхъ силъ, а только одинъ изъ выдающихся представителей переходнаго поколѣнія?

Я опять кончаю вопросомъ, разрѣшить который можно будетъ только внимательнымъ разборомъ «Отцовъ и дѣтей», чему и будетъ посвящена моя послѣдняя лекція.

III.

«Отцы и дѣти» и «Дымъ».

Видоизмѣняющееся въ различныхъ типахъ *Рудинство*, какъ видѣли мы, оказалось совершенно понятнымъ плодомъ нашей *барской* среды съ ея сибаритскимъ незнаньемъ дѣйствительной жизни, непривычкою къ настоящему производительному труду и полнѣйшею оторванностью отъ своей почвы. Вмѣстѣ-же съ тѣмъ тутъ оказался особый, опять-таки чисто барскій складъ въ самомъ историческомъ ходѣ нашей образованности, не вырабатывавшейся нами самими изъ собственныхъ нашихъ данныхъ (при только лишь пособляющемъ свѣточѣ и чужого ума, и чужого опыта), а, такъ сказать, подававшейся намъ совершенно готовою, чужими услужливыми руками, и остававшейся, большею частью, безъ приложенія въ нашихъ собственныхъ, не искушенныхъ работой рукахъ. Совершенно не бариномъ является у Тургенева, кромѣ его не-дворянскихъ типовъ (въ «Запискахъ Охотника»),

только *болгаръ* Инсаровъ, чуть-ли не въ дѣтствѣ еще перевѣдавшійся съ туркомъ (какъ крестьянскій мальчикъ Павлуша съ волкомъ),—Инсаровъ, для котораго важно лишь то, что можетъ служить подспорьемъ для его *дѣла*,—а оно-же и общее дѣло болгаръ. Но вотъ года черезъ два нашъ сочинитель въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» старому нашему поколѣнію противопоставляетъ поколѣніе молодое. Главный представитель послѣдняго — Базаровъ, повидимому, уже совершенно далекъ отъ Рудинства и вполнѣ сознательно стремится къ тому, чтобы быть человѣкомъ *дѣла*. Не значитъ-ли это, что *болгаръ* Инсаровъ *пророчески* промелькнулъ наканунѣ появленья тѣхъ *русскихъ* людей, которыхъ почти безнадежно доискивался Шубинъ, и что въ «Отцахъ и дѣтяхъ» мы видимъ уже наставшимъ у насъ на Руси *настоящій день?* [1]). Вглядимся поближе въ знаменитѣйшую изъ повѣстей Тургенева, возбудившую, какъ извѣстно, и толки, и споры, и чуть не гоненія противъ сочинителя [2]).

Самое время, къ которому относится дѣйствіе этой повѣсти, въ высшей степени знаменательно: дѣло происходитъ въ 1859 г., т.-е. чуть не *наканунѣ* освобожденія крестьянъ. Чувствуешь съ самыхъ первыхъ страницъ, что нашей застоявшейся жизни данъ уже сильный толчокъ, что отъ него встрепенулись и стали оглядываться, да одумываться «отцы», вдругъ почувствовавшіе боязнь, какъ-бы «дѣти» ихъ не застали врасплохъ, совершенно неподготовленными къ новой жизни, заторопившіеся сдѣлать различнаго рода уступки, чтобы не показаться

---

[1]) Напоминаю читателю про блистательную статью о повѣсти «Наканунѣ» покойнаго Добролюбова: «Когда-же, наконецъ, наступитъ настоящій день!» (Собр. соч., ч. III). Статью эту любопытно сопоставить съ совершенно несочувственнымъ отношеніемъ къ Инсарову покойнаго Писарева (Собр. соч., ч. I, стр. 121—123). Впрочемъ, со стороны *художественной*, Инсаровъ, быть можетъ, дѣйствительно не безъ недостатковъ. Но читатель замѣтитъ, что я вообще устранилъ разсмотрѣніе Тургеневскихъ типовъ со стороны художественной ихъ выполненности. Инсаровъ важенъ *по замыслу* и по отношеніямъ къ нему Елены.

[2]) Какъ яркое исключеніе изъ ряда *своихъ*, вылается, однакожъ, покойный Писаревъ, съ совершеннѣйшею терпимостью и даже сочувственно отнесшійся къ Тургеневу въ своей статьѣ о Базаровѣ (Собр. соч., ч. I).

отсталыми,—и все-же, несмотря на свои старанія, вызывающіе со стороны дѣтей развѣ только снисходительное пожиманье плечами. И замѣчательно, что какъ въ «Запискахъ Охотника» выведены Тургеневымъ, по крайней мѣрѣ, *не худшіе* изъ помѣщиковъ, такъ и въ повѣсти, насъ теперь занимающей, выведены положительно *хорошіе* изъ «отцовъ», а все-же, при всемъ ихъ желаніи отдѣлаться отъ старой своей закваски или, такъ сказать, произвести въ ней усовершенствованія, приспособить ее къ новому, измѣнившемуся вкусу, все-таки эта закваска такъ и сказывается на каждомъ шагу, такъ и обнаруживаетъ свое происхожденіе съ доморощенной *барской* кухни.

У нашего сочинителя, какъ извѣстно, выведены двѣ группы «отцовъ». По преимуществу сочувственною изъ нихъ является Василій Ивановичъ Базаровъ съ добрѣйшею своею женой. И все-таки, несмотря на то, что старикъ Базаровъ самъ называетъ себя плебеемъ, не изъ столбовыхъ, и онъ далеко не свободенъ отъ барскихъ привычекъ—въ родѣ, напримѣръ, мальчика, отгонявшаго вѣткою мухъ за его столомъ, но усланнаго ради боязни насмѣшекъ при пріѣздѣ Базарова-сына (изъ-за котораго старикъ также велѣлъ спороть красную орденскую ленточку, служившую до тѣхъ поръ придачей достоинства его сюртуку). Что-же касается Арины Васильевны, то она, какъ настоящая столбовая дворянка, не переставала знать, «что есть на свѣтѣ господа, которые должны приказывать, и простой народъ, который долженъ служить, а потому не гнушалась ни подобострастіемъ, ни земными поклонами», хотя, съ другой стороны, и «обходилась съ подчиненными ласково и кротко». По такой-то природной своей добротѣ, она и не воспротивилась, какъ видно, тому, что мужъ ея, не безъ чувствительныхъ для себя пожертвованій, посадилъ мужиковъ на оброкъ и отдалъ имъ свою землю изъ-полу. Между тѣмъ, тотъ-же ея благовѣрный не задумался, даже несмотря на присутствіе своего сына, высѣчь одного своего оброчнаго мужика—за то, что онъ воръ и пьяница.

Другая пара «отцовъ», состоящая изъ братьевъ Николая и Павла Петровичей Кирсановыхъ, свою дань духу новаго времени уплатила тѣмъ, что первый, заблаговременно допустивъ у себя вольнонаемный трудъ [1]), самъ себя величалъ фермеромъ, и могъ-бы также гордиться образованіемъ молодого усовершенствованнаго слуги, не подходящаго къ ручкѣ; второй-же, посѣщая дворянскіе выборы, дразнилъ и пугалъ помѣщиковъ стараго покроя либеральными выходками, да и на самомъ дѣлѣ былъ склоненъ вступиться за крестьянъ, хотя, говоря съ ними, морщился и нюхалъ одеколонъ. Если въ этой послѣдней чертѣ сказывалось въ немъ барство, то, конечно, не меньше барства и въ томъ, что «хозяйственныя дрязги наводили на него тоску» и что вся помощь, какую могъ онъ подать въ этомъ отношеніи Николаю Петровичу, заключалась въ неоднократномъ: «mais je puis vous donner de l'argent». Что-же касается Николая Петровича, то хотя ему и приписывается нашимъ сочинителемъ, кромѣ вынимaнія денегъ изъ кошелька, и рвеніе, и трудолюбіе, все-же онъ, по собственному сознанію Павла Петровича, былъ человѣкъ не довольно практичный. Самъ-же Павелъ Петровичъ только казался практичнымъ въ глазахъ своего брата и не выводилъ его изъ такого пріятнаго заблужденія, на самомъ-же дѣлѣ и онъ не могъ быть практиченъ, какъ *истый баринъ.*

Это названіе, надо замѣтить, по преимуществу подобаетъ Павлу Петровичу. Онъ даже выдѣляется изъ ряда прочихъ «отцовъ» нашей повѣсти именно тѣмъ, что, хотя и дѣлаетъ своего рода уступки духу времени, но, съ другой стороны, не стыдится своего барства, а, напротивъ, даже возводитъ его въ извѣстномъ смыслѣ — въ principe, какъ онъ выражается, не только выговаривая это слово на иностранный манеръ, но и утончая и облагораживая самое барство по иностранному. Дѣло въ томъ, что умѣнье читать по-англійски — въ своемъ родѣ барскій-же видъ умственной моды — дало ему возможность

---

[1]) Хотя не отмѣнилъ и оброка.

возвести наше барство (какъ выражались, бывало, наши эстетики) въ «перлъ созданія» à l'anglaise. И не напрасно, казалось, Павелъ Петровичъ, отчасти подобясь въ этомъ отношеніи отцу Лаврецкаго, старался навести на наше домашнее барство яркій отблескъ отъ англійскаго аристократизма (одареннаго извѣстнымъ умѣньемъ отливать первостатейною либеральностью и своего рода щегольствомъ почина въ прогресивныхъ дѣлахъ);—этотъ заимствованный блескъ à l' anglaise давалъ своего рода возможность примирять наше старое барство съ уступками духу времени. И вотъ, Павелъ Петровичъ простодушно хвалится: «Меня всѣ знаютъ за человѣка либеральнаго и любящаго прогрессъ, но именно потому я уважаю аристократовъ настоящихъ... Безъ чувства собственнаго достоинства,—а въ аристократѣ это чувство развито,—нѣтъ прочнаго основанія общественному... bien public»... Но вотъ тутъ-то неумолимый Базаровъ и ловитъ Павла Петровича на словѣ, какъ-бы растолковывая ему тѣмъ самымъ, какъ далеко нашему отечественному барству отъ англійской, во всякомъ случаѣ, *не праздно сидящей*, или не *безплодно дѣятельной* аристократіи. «Вы, вотъ уважаете себя, — говоритъ онъ,—и сидите, сложа руки; какая-же отъ этого польза для bien public? Вы-бы не уважали себя и то же бы дѣлали...»

Но не могъ-ли бы Павелъ Петровичъ въ извиненіе себѣ привесть то, что его жизнь разбита,—разбита вслѣдствіе несчастной любви, для которой онъ пожертвовалъ даже *службою*—этимъ, въ былое блаженное время, чуть-ли не единственнымъ родомъ дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, *кажущейся* дѣятельности для большей части нашихъ дворянъ? И въ самомъ дѣлѣ, такая жертва была принесена; въ любви-же выпала на долю ее принесшему совершенная незадача; между тѣмъ, изъ чисто барскаго мѣста своего образованія, пажескаго корпуса, вынесъ нашъ Павелъ Петровичъ, конечно не слишкомъ-то грузный для его барскихъ мозговъ запасъ умственный. Такъ что-же мудренаго, если, послѣ любовной его незадачи, цѣлыхъ десять лѣтъ уплыло у него безцвѣтно, безплодно

и быстро, страшно быстро? «Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи», замѣчаетъ Тургеневъ. И точно, оно бѣжитъ, потому что мы имъ совершенно не дорожимъ, потому что оно у насъ дешево и мы тратимъ его безъ оглядки, какъ богачъ-мотыга свои шальныя деньги! Но нашъ сочинитель прибавляетъ: — «Въ тюрьмѣ, говорятъ, оно (т.-е. время) бѣжитъ еще скорѣй». — Бѣжитъ оно такимъ образомъ и у окончательно промотавшагося, засаженнаго въ тюрьму, бѣжитъ, потому, что обращается уже просто въ *спанье*, а что-же летитъ такъ быстро, какъ сонъ, т.-е., разумѣется, крѣпкій сонъ! И лихо, дѣйствительно, спятъ въ Россіи — кто отъ нечего дѣлать, кто съ горя, а кто и просто отъ того, что спится?

Между тѣмъ, для такихъ людей, какъ Базаровъ, время становится дорогимъ, и ничѣмъ не оправдаться въ глазахъ ихъ какому-нибудь Павлу Петровичу, хотя-бы и гордящемуся своею вѣрой въ principʼы и тупо острящему надъ тѣмъ, что Базаровъ не въ нихъ, а въ *лягушекъ* вѣритъ. Дѣло въ томъ, что пока нашъ баринъ лишь праздно созерцаетъ свои, доставшіеся ему совершенно готовыми, усладительные принципы, Базаровъ собственноручно работаетъ для науки, носитъ камни для новаго зданія — храма вновь созидаемой вѣры—сознательной вѣры въ положительный, точный научный выводъ. И уже не разсаривается, а бережно, экономно затрачивается имъ запасъ времени, и представляется оно, иной разъ, слишкомъ тихо движущимся—потому что страстно хотѣлось-бы поскорѣе дойти до вывода, а остается еще неосиленнымъ цѣлый длиннѣйшій рядъ данныхъ. И вотъ, страстность заставляетъ иной разъ незамѣтно *перескочить*, невольно позволить себѣ сокращеніе въ этомъ медленномъ добываніи истины. Но скачки эти (за смѣлость которыхъ приходится нерѣдко платиться тѣмъ, что споткнешься и долженъ опять подниматься на ноги), скачки эти совершаются не для того, чтобы, поскорѣе достигнувъ цѣли, почить у нея; напротивъ, за нею сейчасъ-же является новая, а тамъ опять новая, и нѣтъ окончательнаго предѣла на этомъ необозримомъ полѣ, а при медленности движе-

нія на немъ, и самая долгая жизнь оказывается тутъ коротка, такъ что нечего тутъ терять и минуты, ни ради какого горя или утраты, ни ради какихъ наслажденій и личныхъ радостей!

Понятно, что при подобныхъ стремленіяхъ Базаровъ можетъ только свысока смотрѣть на Павла Петровича; понятно, что онъ говоритъ про него:—«Человѣкъ, который всю жизнь свою поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, эдакой человѣкъ не мужчина...»—(въ настоящее время мы-бы сказали, что онъ и вообще *не человѣкъ*, потому что, по современнымъ понятіямъ, и въ женщинѣ высшая натура не ограничивается одною областью личной любви). Между тѣмъ подобные люди были совершенно въ духѣ своего времени, и Павелъ Петровичъ является только однимъ изъ послѣднихъ Могиканъ той поры, когда литература заставляла насъ умиляться передъ какимъ-нибудь «рыцаремъ Тогенбургомъ», цѣлые годы только вздыхавшимъ по дамѣ сердца, и когда Жуковскій (умѣвшій заимствоваться лишь съ извѣстной стороны у богатаго и совершенно другими, неизмѣримо высшими идеалами, Шиллера) ту-же идею беззавѣтнаго погруженія въ одно прошедшее, съ примѣсью сладкой надежды на загробное будущее, при полной почти оторванности отъ настоящаго, выразилъ такъ-же и въ своей знаменитой балладѣ «Теонъ и Эсхинъ».

Но вѣдь и въ этомъ, и въ самой этой способности праздно замкнуться на цѣлые годы въ одно только личное горе (напоминающей настроеніе духа Лаврецкаго въ ту минуту, какъ онъ, преждевременный старецъ, весь отдается воспоминаніямъ среди рѣзвящейся молодежи) и въ этомъ—опять-таки то-же *барство*: простолюдину вѣдь просто *некогда* убивать свое время на непроизводительную тоску со столько-же непроизводительной усладой воспоминаній (баринъ, конечно, сошлется на то, что чувства у простолюдина не такъ глубоки). Тотъ мужикъ, котораго видѣлъ Лаврецкій молящимся въ церкви послѣ

смерти сына, прямо изъ-за молитвы, конечно, возвратился къ обычному своему труду, какъ привыкъ возвращаться къ нему и прямо изъ-за стола, тогда какъ барину нуженъ послѣобѣденный кейфъ—для самаго процесса пищеваренія. И не замѣчательно-ли, что самъ Павелъ Петровичъ, обыкновенно нисколько не скрывающій своего аристократизма и даже видящій въ немъ заслугу, способенъ, однако-жъ, подумать, что Базаровъ былъ *правъ*, когда *упрекалъ* его въ аристократизмѣ. Но это сознаніе сказалось въ такую минуту, когда Павелъ Петровичъ выказалъ, наконецъ, способность на дѣло: я разумѣю его настоятельный совѣтъ брату—жениться на Ѳеничкѣ, несмотря на ея далеко не аристократическое происхожденіе. Въ этомъ случаѣ самыя воспоминанія о предметѣ его старой любви, походившей отчасти на Ѳеничку, утратили обычный свой праздный характеръ, получили вдругъ силу дѣятельную, побудившую Павла Петровича не только къ дуэли за Ѳеничку (это-бы еще не диво: онъ вѣдь дрался при этомъ и за своего брата, да и дуэль вообще въ *благородныхъ* нравахъ), но заставившую его даже поступиться своими понятіями, самымъ чувствомъ аристократическаго достоинства, которое вдругъ уступило мѣсто достоинству человѣческому. — «Братъ,—говоритъ онъ,— исполни обязанность честнаго и благороднаго человѣка... женись на Ѳеничкѣ... она любитъ тебя, она мать твоего сына». Когда-же, неожиданно обрадованный этимъ совѣтомъ, братъ простодушно ему сознается, что собственно ради его, Павла Петровича, онъ до сихъ поръ не рѣшался на это, преобразившійся Павелъ Петровичъ продолжаетъ: — «Полно намъ ломаться и думать о свѣтѣ (т.-е. объ его мнѣніи)... станемъ исполнять нашъ долгъ и, посмотри, мы еще и счастье получимъ въ придачу». Наконецъ, онъ успокаиваетъ Николая Петровича и насчетъ того впечатлѣнія, какое можетъ это произвести на его законнаго сына Аркадія:—«чувство равенства будетъ въ немъ польщено. Да и дѣйствительно, что за касты au dixneuvième siècle».

А между тѣмъ вѣдь съ другой стороны въ самомъ

вызовѣ Павломъ Петровичемъ на дуэль Базарова принимало участіе и то, что этотъ наглецъ, посягнувшій на честь женщины, напоминавшей ему его возлюбленную княгиню, давно уже съ неменьшею наглостью посягалъ на его аристократическіе princip'ы. По собственному признанію Базарова, онъ вовсе не баловалъ «этихъ уѣздныхъ аристократовъ», видя въ нихъ одно «самолюбіе, львиныя привычки, фатство». Понятно, что Павелъ Петровичъ рѣшительно сходился въ чувствѣ ненависти къ Базарову со старымъ дворецкимъ Прокофьичемъ, постоянно величавшимъ его «прощелыгой», потому что «Прокофьичъ по своему аристократъ не хуже Павла Петровича».

Кромѣ одного этого старика, всѣ прочіе, не обарившіеся слуги привязались, какъ извѣстно, къ Базарову:—«они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ». Отъ этого-то Базаровъ и «владѣлъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обращался съ ними небрежно». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ немъ выказывалась неспособность поддѣлываться къ кому-бы то ни было, какъ и самъ онъ, не будучи бариномъ, не искалъ и не могъ терпѣть никакого въ себѣ заискиванія.

Не будучи бариномъ, Базаровъ также терпѣть не могъ ничего существующаго только *для вида*, не приносящаго прямой пользы, и этимъ онъ опять бралъ во мнѣніи простыхъ людей. — «Важно только то, что дважды два—четыре, а остальное все пустяки»,—говорилъ онъ.— «И природа пустяки?»—спрашиваетъ съ удивленіемъ Аркадій. — «И природа пустяки въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь». (Аркадій при этомъ залюбовался картиной вечера). «*Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ*». Понятно, что, отвергая подобнымъ образомъ художественное начало въ природѣ, Базаровъ тѣмъ болѣе долженъ былъ отвергать искусство, въ томъ числѣ и поэзію. Понятно, что ему, а подъ вліяніемъ его и Аркадію, должно было казаться

дикимъ, какъ это Николай Петровичъ перечитываетъ, Богъ вѣсть въ который разъ, Пушкина, и что подъ вліяніемъ своего пріятеля Аркадій взамѣнъ такого чтенія могъ подсунуть отцу—на первый разъ Бюхнера. Но особенно замѣчательно, что въ нелюбви къ стихамъ и незнаніи толка въ искусствѣ Базаровъ рѣшительно сходится какъ съ Инсаровымъ, такъ и съ Еленой. Ясно, что они сходятся въ этомъ, какъ *люди дѣла*, люди, въ которыхъ окончательно простылъ слѣдъ долговременнаго *Рудинствованія*, нашей долговременной призрачной жизни въ *дѣланномъ* мірѣ, рѣшительно внѣ предѣловъ міра дѣйствительнаго. Въ этомъ совсѣмъ далекій отъ Рудинства Базаровъ—отъявленный врагъ всякой *фразы*, всякихъ лишнихъ затѣй и ненадежныхъ предположеній. Вспомните его отвѣтъ на вопросъ Одинцовой:—къ чему онъ себя готовитъ? — «Я уже говорилъ вамъ:—я будущій уѣздный лѣкарь».—«Вы, съ вашимъ самолюбіемъ?»—«Что за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью не отъ насъ зависитъ? Выйдетъ случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно; а не выйдетъ—по крайней мѣрѣ тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не болталъ». При такомъ направленіи, Базаровъ не можетъ придавать никакой цѣны и всѣмъ громкимъ словамъ, щедро расточаемымъ передъ нимъ расходившимся Павломъ Петровичемъ. «Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы—подумаешь, сколько иностранныхъ и безполезныхъ словъ? *Русскому человѣку они даромъ не нужны*». Но Павелъ Петровичъ, какъ и многіе въ нашемъ отечествѣ, оскорбляется такою прямою уликою пустозвонности всѣхъ этихъ фразъ, которыя мы такъ охотно и часто беремъ на прокатъ, оскорбляется, въ качествѣ патріота, за *русскій народъ*.—«Какъ можно,—говоритъ онъ,—не признавать principʼовъ?—отчасти напоминая Рудина въ стычкѣ его съ Пигасовымъ.—Въ силу чего-же вы дѣйствуете?» Но Базаровъ не то, что Пигасовъ; онъ не даетъ себя сбить и отвѣчаетъ совершенно спокойно:—«Въ силу того, что мы признаемъ *полезнымъ*... Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе—мы отрицаемъ... Сперва нужно

мѣсто расчистить...» Между тѣмъ Павелъ Петровичъ, вспомнивъ, что Базаровъ сослался на *русскаго человѣка*, думаетъ поймать его на словѣ, указывая на этотъ, какъ онъ полагаетъ, *авторитетъ* для Базарова:—«Русскій народъ не такой, какимъ вы его воображаете. Онъ свято чтитъ преданія...»—«Я не стану противъ этого спорить», — опять-таки невозмутимо отвѣчаетъ Базаровъ, и отвѣчаетъ невозмутимо не потому, что преданія народа русскаго, конечно, не выражаются непонятными народу словами: аристократизмъ, либерализмъ и т. д., а потому, что и эти преданія, въ его глазахъ, совершенно излишни и безполезны, а иногда и вредны самому народу.—«Стало быть, вы идете противъ своего народа?»—думаетъ сразить его Павелъ Петровичъ. —«А хоть-бы такъ? — по прежнему невозмутимо отвѣчаетъ Базаровъ. — Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ, это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу разъѣзжаетъ. Что-жъ? Мнѣ соглашаться съ нимъ? Да притомъ,—многознаменательно прибавляетъ Базаровъ,—онъ русскій, а развѣ я самъ не русскій?» И пускай себѣ Павелъ Петровичъ говоритъ патетически: — «Я васъ за русскаго признать не могу», — Базаровъ съ гордостью ему отвѣчаетъ:—«Мой дѣдъ землю пахалъ... [1]) Спросите любого изъ вашихъ-же мужиковъ, въ комъ изъ насъ—въ васъ или во мнѣ—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете» — «А вы и говорите съ нимъ, и презираете его въ то-же время».—«Что-жь, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія? Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во мнѣ случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?»

И Базаровъ несомнѣнно правъ. Мнѣніе, будто-бы его направленіе такое-же напускное, какъ всѣ многоразличные виды нашего Рудинства, рѣшительно не выдерживаетъ критики. Если Базаровъ совѣтуетъ другу своему Аркадію подсунуть Николаю Петровичу *Kraft und Stoff*,

---

1) А въ другомъ мѣстѣ: «я лѣкарскій сынъ и дьячковскій внукъ».

то, конечно, не потому, чтобы самъ онъ почерпнулъ свое направленіе изъ Бюхнеровой популярной книжки. Направленіе Базарова несомнѣнно выработано имъ самимъ только при нѣкоторомъ пособіи со стороны извѣстнаго рода книгъ—извѣстнаго, по преимуществу естествоиспытательнаго, разряда знаній. Въ немъ, при свѣточѣ этихъ знаній, смѣло выразился отпоръ, наконецъ-то данный здоровой русской натурой всему *напускному*, а въ пылу совершенно естественнаго увлеченія, иной разъ, какъ дальше увидимъ, и *не напускному*, а только представляющемуся такимъ. Возможность такого отпора объясняется самой средой, изъ которой вышелъ Базаровъ, тѣмъ, что онъ дьячковскій внукъ, что отецъ его только слегка усвоилъ себѣ кое-какіе пріемы барина... Въ средѣ этой, уже вслѣдствіе ея бѣдности, не могло быть кабинетной отчужденности отъ дѣйствительной жизни и зависящей отъ того легковѣсности, остающихся безъ ощутительнаго приложенія, преданій. Горечь знакомства съ дѣйствительною жизнью рано даетъ себя чувствовать, какъ извѣстно, въ нашей духовной средѣ, и, чрезъ повѣрку на дѣлѣ, въ ней воочію обнаруживается весь перевѣсъ угнетающаго начала въ нашихъ преданіяхъ, невольно вызывающій противъ нихъ отпоръ, и отпоръ озлобленный. Правда, Базаровъ-отецъ остался рѣшительно чуждъ чего-либо подобнаго; но нельзя не признать въ нашей повѣсти основнымъ недостаткомъ того, что она оставляетъ безъ психологическаго разъясненія, какимъ образомъ нѣкоторыя натуры остаются рѣшительно не озлобленными и въ такой средѣ, тогда какъ другія, въ родѣ Базарова-сына, доводятъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ тотъ *хищный типъ*, который подмѣчаетъ въ послѣднемъ Катерина Сергѣевна Одинцова. Нашъ сочинитель даже умалчиваетъ о томъ, каково было первоначальное воспитаніе Базарова-сына, не побывалъ-ли онъ, до университета, въ какой-нибудь провинціальной семинаріи. А между тѣмъ разъяснить это было-бы довольно важно уже для того, чтобы выказалось, только-ли отъ особенности своихъ природныхъ основъ, или-же и отъ особенности перво-

начальнаго, до-университетскаго образованія, Базаровъ становится рѣшительно хищнымъ, тогда какъ товарищъ его, Аркадій Кирсановъ, по выраженію той-же Катеньки Одинцовой, долженъ быть отнесенъ къ *ручнымъ* (все Базаровское въ Аркадіѣ является напускнымъ, и, какъ можно догадываться, не прочнымъ).

Несомнѣнно, что очень многіе люди изъ круга Базаровыхъ, уже съ малолѣтства извѣдавъ, такъ-сказать, на собственной кожѣ, среди ближайшей своей обстановки, все гнетущее въ прадѣдовскихъ преданіяхъ, становятся склонны подозрѣвать, что въ сущности эти преданія въ такой-же мѣрѣ гнетутъ и народъ, безсознательно, тупо, исключительно по привычкѣ, не только ихъ выносящій, но и защищающій, и что слѣдуетъ поскорѣе открыть народу глаза, чтобы возстановить его противъ этихъ преданій. Но тотъ-же убійственный стукъ налагаемыхъ ими цѣпей чутко слышатъ эти люди и всюду — по всѣмъ закоулкамъ общественной нашей, и не только нашей, но и обще-европейской среды, и съ неумолимою проницательностью указываютъ они на то, что повсемѣстно, гдѣ въ большей, гдѣ въ меньшей степени, прадѣдовскія преданія служатъ въ рукахъ одной части общества однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ держать другую на привязи — держать во имя того, что будто-бы равно ограничиваетъ всѣхъ, но что на самомъ дѣлѣ ограничиваетъ лишь слабыхъ, и только внѣшнимъ, чисто лицемѣрнымъ образомъ признается сильными. И въ самомъ дѣлѣ вспомнимъ, чтобы не ходить далеко, хотя-бы общеизвѣстные Гоголевскіе типы (не забывая при томъ и указаннаго самимъ Гоголемъ обобщающаго начала въ его сатирѣ, въ силу котораго всѣ эти Сквозники-Дмухановскіе, Чичиковы и Хлестаковы заключаютъ въ себѣ и черты людей изъ другихъ круговъ, съ другихъ ступеней, но, въ сущности, той-же пробы, того-же закала). Развѣ какой-нибудь городничій или Иванъ Никифоровичъ, даже по свидѣтельству духовныхъ лицъ, не самые примѣрные христіане, строжайшимъ образомъ соблюдающіе всѣ наружныя требованія вѣры и даже неукоснительно подающіе и въ

церквахъ, и на улицахъ милостыню? Развѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, по свидѣтельству самого губернатора, не самый *благонамѣренный* человѣкъ, съ жаромъ и краснорѣчіемъ ратующій за нравственность, правду и благо отечества (въ наше время, конечно, онъ стоялъ-бы, во имя цивилизаціи, за «священныя права собственности», возставалъ-бы противъ варварства, оживающаго въ видѣ «соціальнаго бреда» и т. п.). Но кто-же не знаетъ, что подо всей этой благонамѣренностью, подо всѣмъ этимъ благочестіемъ скрывалось у почтеннѣйшихъ Гоголевскихъ сановниковъ рѣшительное отсутствіе всякихъ, на самомъ дѣлѣ, руководящихъ высшихъ началъ, кромѣ одного грубѣйшаго, чисто животнаго начала своекорыстія — скрывалось только голое, грязное *я* и кромѣ того—рѣшительно *ничего*. Да, если глубже вдуматься въ знаменитые Гоголевскіе типы, то основнымъ ихъ началомъ окажется не что иное, какъ нашъ издавній *практическій*, только ловко замаскированный, *нигилизмъ*.

Какъ, неужели это явленіе существовало и до собственно такъ-называемыхъ теперешнихъ «нигилистовъ»? Да, хотя съ этимъ, конечно, не захотятъ согласиться тѣ, кто такъ усердно нападаетъ на этихъ послѣднихъ, вовсе не чуя ни въ людяхъ своей среды, ни въ самихъ себѣ, прямыхъ представителей нашего издавняго *практическаго нигилизма*. А между тѣмъ, вѣдь и самое слово *нигилистъ* было употреблено у насъ еще до Тургенева, а именно, въ тридцатыхъ годахъ, въ «Телескопѣ», гдѣ, подъ заглавіемъ «Сонмище нигилистовъ», покойный Надеждинъ помѣстилъ статью, въ которой обрисованы люди, не признающіе никакихъ руководящихъ началъ въ искусствѣ и въ литературѣ. Если-же мы обратимся на Западъ, то тамъ *нигилизмъ и нигилисты* упоминались еще въ XII в. Названія эти усвоены были за ересью Петра Ломбардскаго, который утверждалъ, «que Jésus Christ en tant qu'homme n'est point quelque chose, ou, ce qui revient au même — n'est rien (nihil) [1]). Ясно, что съ этими ста-

[1]) *Crevicr,* Histoire de l'université de Paris, 1761, t. 1, p. 25. «Cette proposition, говорится тутъ далѣе, est scandaleuse, et néanmoins quelques uns de ses

рыми западно-европейскими нигилистами, какъ у нашихъ издавнихъ практическихъ, такъ и у теперешнихъ теоретическихъ нигилистовъ—общаго всего одно имя, и я привелъ это свѣдѣніе собственно для того, чтобы показать, что имя это не только не явилось впервые у Тургенева, но даже не впервые явилось и у насъ вообще. Откуда-же взялъ это слово нашъ сочинитель (а раньше его Надеждинъ), остается мнѣ неизвѣстнымъ. Вычитано-ли оно гдѣнибудь нашими изобразителями того и другого нигилизма, или-же оно употреблялось и самими изображенными и только у нихъ подслушано — остается вопросомъ. Но хотя, какъ видно, названіе *нигилистъ* и не новость, въ ходъ оно у насъ пошло лишь съ тѣхъ поръ, какъ было употреблено Тургеневымъ, вовсе, однако, не думавшимъ наложить этимъ словомъ клеймо на цѣлое направленіе. Оно было сочтено за клеймо лишь другими, прежде всего, можетъ быть, редакціею того журнала, въ которомъ появились «Отцы и Дѣти»; но нашему сочинителю, конечно, тогда и не снилось, какое направленіе приметъ современемъ эта редакція, съ которою онъ затѣмъ и вполнѣ разошелся [1]. У Тургенева, какъ извѣстно, Аркадій думаетъ лишь превознесть своего товарища, говоря про него:—«Хотите я вамъ скажу, что̀ онъ такое? Онъ нигилистъ». На соображеніе-же Николая Петровича: «это отъ латинскаго *nihil*, ничего... Стало быть, это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ», и на поправку Павла Петровича:—«скажи, который ничего не уважаетъ», Аркадій отвѣчаетъ такимъ толкованіемъ: — «который ко всему относится съ критической точки зрѣнія...» По собственному своему сознанію, нигилисты критически отнеслись ко всему, даже къ

disciples la soutinrent et fondèrent l'hérésie, comme on l'appela des *nihilistes*. Le pape Alexandre III, à qui elle fut déférée, écrivit vers l'an 1173 à Guillaume de Champagne, alors archevêque de Sens, pour lui ordonner d'assembler les prélats et les théologiens de la métropole et de proscrire avec eux ce langage, comme contraire à la sainte doctrine». Выписка эта обязательно доставлена мнѣ Н. И. Стороженкомъ.

[1] Она-же не помирилась съ нимъ и послѣ его смерти.

самымъ завѣтнымъ неприкосновеннымъ преданіямъ, а въ силу этихъ критическихъ отношеній они обличили всю лживость тѣхъ, кто подъ лицемѣрною вѣрою въ нихъ таитъ лишь заботу о самомъ себѣ, такъ что и самая религіозность тутъ обращается въ какое-то заискиваніе у Бога. Глубоко возненавидѣвъ всякую фальшь и всякое лицемѣріе, нигилисты съ глубокимъ отвращеніемъ сбросили всѣ эти обманчивые покровы и открыто и честно выставили своекорыстіе, какъ главный рычагъ человѣка. Но, поступивъ такимъ образомъ, они не замѣтили, что матеріаломъ для такого общаго вывода послужила имъ лишь извѣстная часть людей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, чтобы не ходить далеко, — въ нихъ самихъ, въ этихъ «нигилистахъ», если вглядѣться внимательнѣе, дѣло далеко не ограничивается однимъ только голымъ своекорыстіемъ. Напрасно Базаровъ насъ увѣряетъ, будто когда, напримѣръ, понравится женщина, слѣдуетъ лишь поскорѣе «добиться отъ нея толку», будто первая мысль при этомъ—мысль о томъ, что тутъ «пожива есть». Напрасно, при встрѣчѣ съ Анной Сергѣевной Одинцовой, онъ умышленно-цинически говоритъ Аркадію:—«Эдакое богатое тѣло». На самомъ дѣлѣ, любовь его къ ней — далеко не такого исключительно-матеріальнаго свойства: онъ любитъ ее постоянно, хотя и не достигаетъ удовлетворенія, и, вполнѣ совпадая въ этомъ отношеніи съ Павломъ Петровичемъ, отличается отъ него только тѣмъ, что сохраняетъ способность трудиться. Если на завтракѣ у m-me Кукшиной Базаровъ всего больше занимался шампанскимъ и держалъ при этомъ рѣчь въ пользу сибаритства, на томъ основаніи, что «кусокъ мяса лучше куска хлѣба — даже съ химической точки зрѣнія», — то вѣдь у такой особы, какъ Кукшина и не стоило говорить о чемъ-либо лучшемъ, а можно было просто отъ скуки объѣсться или напиться пьянымъ. Тотъ-же самый Базаровъ, по свидѣтельству своего отца, когда нужно, оказывался способнымъ переносить лишенія: онъ отъ роду лишней копѣйки не бралъ у своихъ родителей. Такъ поступалъ нигилистъ, тогда какъ нашъ старый знакомый,

идеалистъ Рудинъ, преспокойно тянулъ послѣднее съ матери.

Конечно, еслибы указать на это самому Базарову, то онъ-бы первый сталъ объяснять это только неохотой быть обязаннымъ кому-бы то ни было, т.-е. только однимъ самолюбіемъ (хотя вѣдь и *самолюбіе* не есть уже просто *себялюбіе*). Онъ никогда-бы не сознался, что тутъ участвовала и жалость къ положенію родителей, какъ неохотно сознавался въ томъ, что въ отношеніяхъ его къ Одинцовой былъ не одинъ только грубый расчетъ на *поживу*. Дѣло въ томъ, что боязнь всего *напускного*, всего извращающаго и ломающаго природу доводила его до того, что онъ, вмѣстѣ съ напускнымъ, подавлялъ и природное, т.-е. впадалъ неумышленно въ ту-же ломку — ломку наклонностей самыхъ естественныхъ, но не признанныхъ имъ за такія. «Оставаясь наединѣ послѣ свиданія съ Одинцовой, Базаровъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ... Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода постыдныхъ мысляхъ...» Онъ навѣрное счелъ-бы постыднымъ и то, еслибъ ему вдругъ захотѣлось затянуть пѣсню, хотя это столько-же естественно, какъ захотѣть поѣсть или поработать; неестественными такія наклонности могли показаться только у насъ, въ образованной нашей средѣ, вслѣдствіе того, что мы слишкомъ долгое время исключительно «пѣли» и видѣли въ этомъ «дѣло», никакого другого дѣла не дѣлая. При этомъ, какъ извѣстно, мы особенно усердно тянули безконечную ноту «любви»; оттого-то и стали потомъ убѣгать отъ нея, какъ отъ какого-нибудь дурмана, всѣ люди дѣльные. — «Любовь, — говоритъ Одинцовой Базаровъ, — вѣдь это чувство напускное...» — «Въ самомъ дѣлѣ? — подтягиваетъ (изъ самолюбія) она, — мнѣ очень пріятно это слышать». — «Они оба думали, — поясняетъ нашъ сочинитель, — что говорили правду. Базаровъ при этомъ смѣялся, хотя ему вовсе не хотѣлось смѣяться».

Точно также Базаровъ прикидывался, и опять-таки неумышленно, совершенно свободнымъ и отъ другой постыдной слабости—нѣжничанья (выражаясь во вкусѣ его)

съ родителями. Ему, можетъ быть, и давно хотѣлось своихъ «стариковъ потѣшить», а между тѣмъ онъ не торопится къ нимъ и живетъ себѣ да живетъ — сперва у Кирсановыхъ, потомъ у Одинцовой. Только «постыдная слабость» къ этой послѣдней (постыдная потому, что пожива тутъ не давалась—по крайней мѣрѣ, сразу) заставляетъ его, наконецъ, какъ-бы въ видѣ отвода, поѣхать къ своимъ старикамъ, о которыхъ онъ ужь давно говорилъ Аркадію:—«Они у меня люди хорошіе. Я-же у нихъ одинъ». Ему, можетъ быть, не на шутку взгрустнулось по нихъ еще въ день его именинъ; онъ, по крайней мѣрѣ, не постыдился вспомнить о подобномъ вздорѣ, говоря Аркадію: — «Сегодня меня дома ждутъ»; но сейчасъ-же при этомъ *понизилъ голосъ*, и, какъ-бы для того, чтобъ поправиться, вдругъ прибавилъ:—«Ну, подождутъ, что за важность!» — А вспомните, какъ, уже гостя у нихъ съ Аркадіемъ, онъ, словно хвалясь, говоритъ ему:—«Ты видишь, какіе у меня родители — народъ не строгій».— «Ты ихъ любишь, Евгеній?» — «Люблю, Аркадій», — и это даже безъ пониженія голоса, хотя любовь — чувство напускное... А между тѣмъ вѣдь извѣстно, что онъ не зажился у нихъ.—«Работать хочется, а здѣсь нельзя,—не замедлилъ заговорить Евгеній. — У васъ (т.-е. у Кирсановыхъ) по крайней мѣрѣ запереться можно. А то здѣсь отецъ мнѣ твердитъ: «мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ...» а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запираться. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней — и сказать ей нечего». Ясно, что его тяготитъ не одна невозможность заняться порядочно (это-бы можно еще устроить), но сознаніе извѣстной *фальши* въ отношеніяхъ его къ родителямъ,—фальши, заключающейся въ томъ, что иной разъ сидишь съ ними, хотя и скучно... А все-же, какъ ни сильно дѣйствуетъ на людей Базаровскаго закала такое сознаніе, цѣлый день прошелъ прежде, чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василія Ивановича о своемъ отъѣздѣ. Да и по отъѣздѣ чувство жалости, надо думать, не сразу успокоилось въ немъ, потому что онъ «былъ не совсѣмъ со-

бою доволенъ. Аркадій былъ не доволенъ имъ». Ясно, что мнимо лишь напускное, природное и не въ конецъ забитое довольно громко говорило въ обоихъ. Но съ рѣшительной силой заговорило оно только въ ту минуту, когда Базарову пришлось не на время, а навсегда распрощаться съ родителями. Тутъ чувство жалости дошло до того, что, для утѣшенія ихъ, онъ сталъ вдругъ способенъ указывать даже на то, отъ чего навсегда отказался. — «Вы оба съ матерью, — говоритъ онъ отцу, — должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу...» Онъ доходитъ даже до того, что уже не боится впасть въ фальшь, говоря о предсмертныхъ предписаніяхъ религіи: — «Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить...» То-же, рѣшительно пересилившее чувство любви заставляетъ его просить Одинцову. — «Не разувѣряйте старика, что Россія ничего во мнѣ не теряетъ... И мать приласкайте... вѣдь такихъ людей, какъ они, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать»...

Базарову такимъ образомъ не удается вполнѣ отдѣлаться отъ мнимо-напускныхъ чувствъ. «Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно» — можно бы примѣнить и къ нему.

И тотъ-же самый Базаровъ съ другой стороны дѣлаетъ рѣшительную уступку уже положительно напускнымъ—и даже не чувствамъ, а жизненнымъ правиламъ. «Съ теоретической точки зрѣнія,—говоритъ онъ,—дуэль нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія — это другое дѣло». Павлу Петровичу Кирсанову, по выраженію Базарова, захотѣлось испытать на немъ свой рыцарскій духъ. «Я бы могъ отказать вамъ въ этомъ удовольствіи,—поясняетъ Базаровъ,—да ужь куда ни шло»! Откуда же такая вдругъ снисходительность къ чужимъ удовольствіямъ и фантазіямъ, снисходительность, доводящая до того, о чемъ впослѣдствіи отзывается самъ Базаровъ: «Экую мы комедію отломали! Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было не-

возможно: вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ-бы, и тогда»... Что́ тогда?...

А шопотъ, хохотня глупцовъ?
И вотъ общественное мнѣнье!
Пружина чести—нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

Выходитъ, что эти знаменитые Пушкинскіе стихи не утрачиваютъ своей силы и въ примѣненіи къ Базарову? И Базаровъ, какъ болѣе или менѣе всѣ мы, побаивается такого старья, какъ Грибоѣдовская «княгиня Марья Алексѣевна», побаивается мнѣнія нимало не уважаемаго имъ свѣта, мнѣнія, въ силу котораго незаслуженное насиліе позоритъ не того, кто его наноситъ, а того, кто становится его жертвою? Или, можетъ быть, Базаровъ сознаетъ, хотя бы и смутно, что насиліе, какимъ угрожаетъ ему Кирсановъ, было-бы не совсѣмъ незаслуженно (потому что онъ дѣйствительно поступилъ по крайней мѣрѣ легкомысленно въ отношеніи къ Ѳенечкѣ) и, сознавая это, боится попасть въ окончательно незавидную роль, показавшись еще и трусомъ Кирсанову? Да и наконецъ, чтобы, отказываясь отъ дуэли, выдержать цѣлый, неизбѣжный рядъ оскорбленій, выдержать страшную пытку для самолюбія (котораго — нужно-ли повторять?—Базарову не занимать-стать), для этого надо вѣдь опираться на какіе-нибудь *принципы*, не допускающіе дуэли, — ну, а что до принциповъ, то вѣдь это по части Кирсановыхъ, а не его, Базарова! Однако-же, невольно доводимый подобнымъ образомъ до противоестественной роли рыцаря, все же онъ остается довольно вѣрнымъ природѣ, чтобы не считать долгомъ чести навести свой курокъ на Павла Петровича: извѣстно, что онъ стрѣляетъ, *не цѣлясь*... Но и обратя, сколько отъ него зависитъ, всю эту сцену въ «*собачью комедію*», онъ однако-же чувствуетъ всю ея фальшь и съ досадою говоритъ впослѣдствіи: «Вотъ что значитъ съ феодалами пожить»! Онъ, очевидно, чувствуетъ, что пришлось таки заразиться, живя въ ихъ средѣ...

А между тѣмъ Базаровъ далекъ отъ того, чтобы извинять человѣка средою. Вспомните, что говоритъ онъ на тѣ извиненія, которыя приводитъ Аркадій въ защиту своего отца и дяди. «Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ,—утверждаетъ Базаровъ.—А что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня. Это все распущенность». Но вѣдь это, согласитесь, уже очень похоже на правило, на нравственное требованіе, на principe, какъ бы выразился Павелъ Петровичъ. Да и требуя отъ человѣка работы надъ самимъ собой, Базаровъ требуетъ еще и другого. «Ага!—обращается онъ однажды къ Аркадію,—родственное чувство заговорило!... Ото всего готовъ отказаться человѣкъ, со всякимъ предразсудкомъ разстанется, но сознаться, что, напримѣръ, братъ, который чужіе платки крадетъ,—воръ, это свыше его силъ. Да и въ самомъ дѣлѣ мой братъ, *мой* — и не геній, возможно ли это»? Противъ чего-же ратуетъ тутъ Базаровъ, какъ не противъ крайностей *личнаго* начала; но вѣдь ратовать противъ него можно только во имя другого начала, начала противоположнаго, за которое съ неменьшимъ жаромъ (не считая этотъ жаръ напускнымъ) ополчается тотъ-же Базаровъ, когда говоритъ: «Человѣкъ все въ состояніи понять—и какъ трепещетъ эфиръ, и что на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться, чѣмъ онъ самъ сморкается, этого онъ понять не въ состояніи». Но развѣ такое требованіе терпимости, простора *не мнѣ одному, а каждому, уравнительнаго простора всѣмъ* — не есть настоящій принципъ самый любвеобильный?

Не слѣдуетъ-ли изо всего этого, что если идеальные наши фразеры, представители различныхъ родовъ нашего Рудинства, на самомъ дѣлѣ оказывались нерѣдко своекорыстными, или, по крайней мѣрѣ, руководимыми исключительно самолюбіемъ, то нигилистъ Базаровъ, этотъ ненавистникъ фразы, этотъ врагъ всего напускного, только обманываетъ себя, когда думаетъ, будто бы собственное наше *я* есть единственный не напускной нашъ двига-

тель, будто бы это *я* въ немъ самомъ остается свободнымъ отъ того тяготѣнія къ *общему*, къ *цѣлому*, которое, совершенно помимо фразы, зовется *любовью?*

Но если такъ, то не есть-ли Базаровъ — нашъ, не любящій только *болтать* о «высокихъ предметахъ», Инсаровъ, такъ же могущій сказать про себя, что не *я* хочу, а *то* хочетъ? И если-бы нашъ сочинитель свелъ своего Базарова не съ Одинцовою, а съ Еленой, то не пошла-ли бы она за нимъ, какъ пошла за болгаромъ, и, благодаря такому русскому человѣку, не пропала-бы для Россіи!

Вспомнимъ, какъ судитъ о Базаровѣ Одинцова — эта «женщина съ мозгами», какъ онъ о ней выражается. Сама «чистая и холодная», она полагаетъ, что онъ ей сродни по природѣ, потому что не въ силахъ вполнѣ полюбить, вполнѣ отдаться... И она ошибается только въ томъ, что считаетъ его отъ природы неспособнымъ на это, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ, постоянно избѣгавшій стать «самоломаннымъ», незамѣтнымъ образомъ изломалъ въ себѣ эту способность... Онъ такимъ образомъ довелъ себя до того, что въ этомъ отношеніи сталъ походить на Рудина, который тоже, едва ли отъ природы, а скорѣе отъ сцѣпленія разныхъ причинъ, не могъ «весь отдаться», хотя, повидимому, и хотѣлъ-бы...

Въ самомъ дѣлѣ, если нашъ Базаровъ также преждевременно гаснетъ, какъ болгаръ Инсаровъ, то гаснетъ не отъ того, что слишкомъ скоро, какъ тотъ, сгораетъ отъ объявшаго его жара. Замѣтьте, что тотъ, при всемъ избыткѣ личнаго счастья, не выноситъ своихъ страстныхъ порывовъ къ удовлетворенію другой любви—любви къ родинѣ, тогда какъ для Базарова этой послѣдней, какъ и самыхъ воспоминаній дѣтства, какъ будто не существуетъ, и тѣмъ сильнѣе, съ другой стороны, дѣйствуетъ на него, даже просто на его самолюбіе, незадача въ дѣлѣ личной любви. Какъ бы глубоко ни презиралъ онъ Павла Петровича за то, что тотъ сталъ живымъ мертвецомъ отъ своей незадачи, — вѣдь и собственная его жизнь не была-бы настоящею жизнью (не положи ей

предѣла несчастный случай), потому что вѣдь и трудомъ, собственно какъ *трудомъ*, не наполнишь жизни, если трудъ этотъ не согрѣтъ, не подъятъ во имя чего-то высшаго, во имя «*того*», какъ выразилась Елена, а Базаровъ намѣренно забивалъ въ себѣ всякое «*то*», намѣренно суживалъ и сушилъ отъ природы широкую область своего духа. Инсаровъ и при меньшемъ, говоря по-Базаровски, развитіи *мозговъ*, справедливо представлялся Еленѣ такимъ, что всѣ передъ нимъ были маленькіе... Онъ всѣхъ переросъ отъ того, что человѣкъ, по прекрасному выраженію Шиллера, ростетъ по мѣрѣ того, какъ расширяются его цѣли... Цѣлью же Инсарова было—страшно сказать,—говорила Елена,—счастье его милой, ждавшей себѣ свободы, родины, счастье того народа, съ которымъ неразрывно слилась вся духовная жизнь Инсарова. Но, можетъ быть, разница между нимъ и Базаровымъ только въ томъ, что послѣднему нечего было освобождать; что дѣло готово было совершиться само собою, помимо его—при наступавшей крестьянской реформѣ — тогда какъ и онъ, въ свою очередь, любитъ народъ, горько чувствуетъ всѣ его нужды и даже гибнетъ, заражаясь болѣзнью отъ больного крестьянина? Но онъ заражается отъ него уже мертваго, заражается не отъ того, что ходилъ за больнымъ съ самоотверженной къ нему любовью, а отъ того, что вскрылъ его трупъ — конечно, не ради его, а единственно *ради науки!*

Выше мы видѣли, что Базаровъ умѣлъ простотою своихъ пріемовъ располагать къ себѣ народъ, *хотя и обращался съ нимъ небрежно*. И дѣйствительно, онъ преспокойно говорилъ слугѣ. «Ѳедька! набей мнѣ трубку», или же кричалъ ямщику: «Ну, поворачивайся, толстобородый»! Мало того, узнавъ, что отецъ его велѣлъ высѣчь оброчнаго мужика, онъ хотя подразнилъ отца этимъ, но самъ, несмотря на ужасъ Аркадія, находилъ, что отецъ очень хорошо сдѣлалъ, потому что мужикъ этотъ—страшный воръ и пьяница. Кромѣ того, онъ не безъ нѣкоторой ироніи отозвался о томъ, что тотъ-же самый отецъ съ

другой стороны «великодушничаетъ съ крестьянами,—кутитъ, однимъ словомъ». Вмѣстѣ же съ тѣмъ тутъ какъ будто сказывается и нѣкоторая зависть къ тому, что отецъ въ этомъ видитъ дѣло, тогда какъ самъ онъ, лежа въ это время подъ стогомъ, думаетъ: «Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ, и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ»... Но не впадаетъ-ли онъ въ это время въ своего рода Рудинство, презрительно отзываясь о крохотномъ мѣстѣ и крохотномъ срокѣ дѣятельности, оскорбительномъ для его самолюбія?.. Разница только въ томъ, что Рудинъ, увлекаясь воображеніемъ, постоянно задавался задачами самыхъ широкихъ размѣровъ, а Базаровъ, трезво сознавая ихъ непосильность, иронически назидается примѣромъ муравья, который тащитъ полумертвую муху: «Тащи ее, братъ, тащи... Пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ, самоломанный!» И эта практическая философія животныхъ представляется ему болѣе откровенною и послѣдовательною, чѣмъ слова Аркадія, проходящаго мимо старостиной избы: «Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое-же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать»... Болѣзненно сознавая всю дальность достиженія такой задачи и всю оскорбительную для самолюбія слабость своихъ личныхъ силъ и средствъ, Базаровъ со всею рѣзкостью прямоты говоритъ: «А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо?». Когда однажды Базаровъ-отецъ, по поводу приближавшагося освобожденья крестьянъ, заговорилъ съ сыномъ о прогрессѣ, тотъ равнодушно промолвилъ: «Вчера я прохожу мимо забора и слышу—здѣшніе крестьянскіе мальчики, вмѣсто какой-нибудь старой пѣсни, горланятъ: «Время вѣрное приходитъ, сердце

чувствуетъ любовь»... вотъ тебѣ и прогрессъ!» Такое глубокое равнодушіе объясняется, надо думать, полнѣйшимъ невѣріемъ въ то, чтобы и черезъ великую мѣру, о которой говорилъ отецъ, но которой предстояло быть выполненною помимо Базарова, и, такъ сказать, помимо самого народа,—чтобъ и чрезъ такую мѣру народъ дѣйствительно быстро и вѣрно пошелъ впередъ. Въ сущности же скрывается тутъ, можетъ быть, и невѣріе въ самыя свойства народа, столь выносливаго у насъ на Руси, или столь *гибкаго*, какъ говорилъ Ломоносовъ. Загадочнымъ, до нельзя загадочнымъ, представляется онъ Базарову. «Русскій мужикъ,—говоритъ онъ,—да это тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала г-жа Ратклиффъ. Кто его пойметъ? Онъ самъ себя не понимаетъ». Въ другой разъ, презрительно дѣлая намекъ на большія надежды, возлагаемыя на этого «незнакомца» славянофилами, Базаровъ обращается къ мужику: «Излагай мнѣ свои воззрѣнья на жизнь, братецъ. Вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи,—вы дадите намъ и языкъ настоящій, и законы... Ты мнѣ растолкуй, что такое есть вашъ міръ... и тотъ ли это самый міръ, что на трехъ рыбахъ стоитъ?»—«Это, батюшка, земля на трехъ рыбахъ стоитъ, а противъ нашего-то есть міру, извѣстно, господская воля—потому вы наши отцы»... И между тѣмъ какъ Базаровъ, выслушавъ подобную рѣчь, только презрительно пожалъ плечами и удалился, другой мужикъ, издали присутствовавшій при бесѣдѣ своего собрата съ Базаровымъ, полюбопытствовалъ узнать: «О чемъ толковалъ?... О недоимкѣ, что-ль?»—«Какое о недоимкѣ, братецъ ты мой!—отвѣчалъ первый мужикъ, и въ голосѣ его уже не было слѣда патріархальной пѣвучести (въ которой Базаровъ, при всей своей проницательности, не разглядѣлъ чисто русской, лукаво-изворотливой ироніи мужика), а, напротивъ, слышалась какая-то небрежная суровость: «такъ, болталъ кое-что: языкъ почесать захотѣлось. *Извѣстно—баринъ; развѣ онъ что понимаетъ*?» Развѣ, какъ бы хочетъ онъ этимъ сказать, понимаетъ онъ нашу нужду,

развѣ обращается къ намъ съ настоящимъ сердечнымъ участіемъ?.. Но мужикъ, въ свою очередь, не понялъ, что Базаровъ хотѣлъ тутъ даже поглумиться надъ мужикомъ и самъ, какъ-бы въ наказаніе, сдѣлался предметомъ презрительной выходки мужика.—«Увы,—замѣчаетъ въ заключеніе всей этой сцены сочинитель,—презрительно пожимавшій плечомъ, умѣвшій говорить съ мужиками Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ ихъ глазахъ былъ все-таки что-то въ родѣ шута гороховаго».

Послѣ этого совершенно ясно, въ какой мѣрѣ былъ правъ Николай Петровичъ Кирсановъ, когда говорилъ про преимущество, какимъ отличался отъ него Базаровъ: «Не въ томъ-ли оно состоитъ, что въ немъ меньше слѣдовъ барства, чѣмъ въ насъ». Ихъ дѣйствительно только *меньше*, но они еще замѣтны и у Базарова.

А между тѣмъ, не будь ихъ,—и мѣсто, имъ занимаемое, не показалось-бы ему такимъ крохотнымъ, и средства бы его выросли отъ сродства, отъ союза съ той силой народной, о которой далеко не всегда только принижающійся народъ говоритъ въ своей крѣпкой пословицѣ: «Соборомъ и чорта поборешь». Какъ бы ни былъ для насъ загадоченъ русскій мужикъ, а надо намъ наконецъ разгадать его. Пока же мы не вглядимся въ лицо этого «таинственнаго незнакомца», пока не узнаемъ его, а онъ насъ, пока онъ не перестанетъ считать насъ, при всѣхъ нашихъ хитростяхъ-мудростяхъ, «шутами гороховыми», пока не увидитъ въ насъ наконецъ плоть отъ своей-же плоти и кость отъ своихъ-же костей,—до тѣхъ поръ останутся суетными и все наше знанье, и вся наша дѣятельность, до тѣхъ поръ мы, по Лежневскому выраженію про Рудина, попрежнему будемъ пустыми людьми... Внѣ народности нѣтъ настоящей силы!

Да, и если именно въ своей способности отдаться вполнѣ своему народу почерпнулъ свою силу болгаринъ Инсаровъ, если сила эта заключалась въ томъ, что онъ могъ сказать: «Послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я—мы желаемъ одного и того же», тогда какъ нашъ Базаровъ не можетъ сказать этого—стало

быть, этотъ послѣдній еще не изъ тѣхъ людей, при существованіи которыхъ такая женщина, какъ Елена, не пропала-бы для своего отечества. Стало быть, мы все еще живемъ наканунѣ ихъ появленія, и нашихъ передовыхъ женщинъ все еще не догнали наши мужчины!

Но не заключается-ли хоть слабый проблескъ настоящаго дня въ другомъ изъ «дѣтей»— въ Аркадіѣ, сочувственно разнящемся кое въ чемъ отъ несочувственныхъ, нездоровыхъ сторонъ Базарова? Мы видѣли, что Аркадій считаетъ долгомъ всякаго содѣйствовать тому, чтобы послѣдній мужикъ могъ имѣть свѣтлую, чистую избу. По его же мнѣнію, мы не имѣемъ права предаваться удовлетворенію личнаго эгоизма, что не совсѣмъ-то понравилось Базарову, можетъ быть, потому, что это, какъ и другія такія же проявленія у Аркадія, таки отзывается фразою. Да и по всему видно, что въ Аркадіѣ слишкомъ мало дѣйствительной, способной выдерживать и бороться, мужеской силы. Онъ, при всемъ томъ, что долго и съ такимъ увлеченіемъ умственно терся около Базарова, по природѣ своей совершенно *ручной*, способный, по выраженію своего пріятеля, «разсыропиться», и невольно вѣрится, что Базаровъ правъ, величая его просто «мякенькимъ либеральнымъ баричемъ», и невольно подозрѣвается, что онъ способенъ уйти весь въ семью, такъ сказать, сократиться въ одно только чувство домашняго счастья,— «э вола ту», какъ любилъ выражаться родитель Базарова.

Но если и Аркадій не является даже и слабымъ проблескомъ занимающагося дня, то нельзя ли найти такой проблескъ въ «Дымѣ»! Заглавіе новой Тургеневской повѣсти не подаетъ на это надежды. А между тѣмъ, вѣдь дѣйствіе въ ней происходитъ уже немного спустя послѣ знаменательнаго 19 февраля 1861 г. Но великое дѣло освобожденія крестьянъ еще не успѣло, какъ видно изъ повѣсти, вызвать на нашей нравственной почвѣ сколько нибудь утѣшительные всходы *новыхъ людей*. Мы видимъ, съ одной стороны, только прямыхъ продолжателей либеральничающихъ болтуновъ въ родѣ Полуярова въ «На-

канунѣ»), или (съ оттѣнкомъ пародированнаго Слявянофильства) въ родѣ Любозвонова (въ «Запискахъ Охотника») и Ситникова (въ «Отцахъ и дѣтяхъ»). Изъ такихъ-то продолжателей этихъ въ свою очередь продолжателей до сихъ поръ неизсякшей у насъ на Руси «Репетиловщины» составляется въ «Дымѣ» заграничный кружокъ Губарева, въ которомъ только тупоуміе или злоумышленность могутъ находить что-нибудь похожее на нашу заграничную эмиграцію первой поры. Губаревъ со своимъ кружкомъ (въ немъ имѣется, какъ извѣстно, и дама — второе изданіе Кукшиной, у которой умѣлъ только наѣдаться Базаровъ)—совершенно такая-же пустельга, какъ, съ другой стороны, генералъ Ратмировъ, этотъ воинственный противень Паншина (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»). Совершенно какъ Паншинъ, послѣдній умѣетъ быть либеральнымъ на столько, на сколько это нужно для составленія карьеры. При томъ-же этотъ либерализмъ нимало не помѣшалъ ему перепороть пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ въ взбунтовавшемся (т.-е. *такъ-называемомъ* взбунтовавшемся) Бѣлорусскомъ селеніи, куда его послали для усмиренія... Совершеніе подобнаго подвига на первыхъ порахъ по освобожденіи крестьянъ составляетъ уже *характерную* сторону генерала Ратмирова... Не менѣе характернымъ представителемъ наставшей у насъ новой эры является князь Коко съ своею глубокомысленной проповѣдью: «Madame, le principe de la propriété est profondément ébranlé en Russie». Нѣсколько другое направленіе принялъ князь У., являющійся другомъ религіи и народа, но потому лишь, разумѣется, и этого послѣдняго, что успѣлъ составить себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ.

Вотъ такіе-то люди являются представителями нашей Баденъ-Баденской интеллигенціи послѣ наставшей для русской земли новой эры, — и «нѣтъ словъ, — говоритъ Тургеневъ,—чтобы выразить важность, съ которою они сдавали, брали взятки, ходили съ трефъ, ходили съ бубенъ... ужь точно государственные люди!..»

«А еслибъ Литвиновъ обращалъ даже больше вниманія на то, что̀ говорилось вокругъ него, онъ все-таки не вынесъ-бы ни одной дѣльной мысли, ни одного новаго факта изо всей этой безсвязной и безжизненной болтовни. Въ самыхъ крикахъ и возгласахъ не чувствовалось страсти: лишь изрѣдка изъ-подъ личины мнимо гражданскаго негодованія, мнимо презрительнаго равнодушія, плаксивымъ пискомъ пищала боязнь возможныхъ убытковъ, да нѣсколько именъ, которыхъ потомство не забудетъ, произносилось со скрипѣніемъ зубовъ... И хотя-бы капля живой струи подо всѣмъ этимъ хламомъ и соромъ! Какое старье, какой ненужный вздоръ, какіе плохіе пустячки занимали всѣ эти головы, эти души, и не въ одинъ только этотъ вечеръ занимали ихъ они, не только въ свѣтѣ, но и дома, во всѣ часы и дни, во всю ширину и глубину ихъ существованія! И какое невѣжество въ концѣ концовъ! Какое непониманіе всего, на чемъ зиждется, чѣмъ украшается человѣческая жизнь!..»

Это-ли не нигилизмъ — въ прямѣйшемъ, буквальнѣйшемъ смыслѣ слова? невольно спрашиваешь по прочтеніи этой мастерской страницы, одной изъ лучшихъ страницъ у нашего сочинителя. А между тѣмъ, заговорите только съ любымъ изъ этихъ господъ о такъ-называемыхъ «нигилистахъ»—и они сейчасъ-же придутъ отъ нихъ въ невыразимый ужасъ.

Наблюдателемъ нравовъ этого Баденъ-Баденскаго нигилизма du grand monde — наблюдателемъ, въ свою очередь, приходящимъ въ ужасъ, является, какъ видно изъ приведеннаго мѣста, Литвиновъ. Но что̀-же такое онъ самъ—не *новый* ли человѣкъ? Литвиновъ, несомнѣнно, со стремленіями къ дѣльности, къ производительному труду въ духѣ новыхъ потребностей, и даже къ народности — не въ Любозвоновскомъ или Сатниковскомъ, не въ пустозвонномъ, а въ дѣльномъ смыслѣ. Но все-же онъ — слабая личность, человѣкъ, чуть не поставившій жизни на карту женской любви, слишкомъ долго служившій игрушкою какой-нибудь великосвѣтской Иринѣ...

Самая сильная личность въ «Дымѣ», это, конечно,

Потугинъ; но онъ рѣшительно далекъ отъ того, чтобы быть человѣкомъ новымъ. Это скорѣе одинъ изъ послѣднихъ могиканъ того безшабашнаго западничества, которое въ сущности вытекаетъ изъ препохвальнаго свойства нашей натуры, но свойства, способнаго вырождаться въ чортъ знаетъ что,—того свойства, которое очень мѣтко опредѣляетъ Базаровъ, говоря, съ обычной своей угловатостью:—«Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что самъ о себѣ прескверн аго мнѣнія». Потугинъ—человѣкъ «священническаго поколѣнія», которое, при всей чистотѣ своей русской крови, издавна искусилось въ водвореніи у насъ чужого — византійскаго образца, только сильною волей Петра Великаго окончательно замѣненнаго другимъ—западно-европейскимъ.

Вотъ съ этихъ-то поръ и пошло наше *западничество*. На его, такъ сказать, *народность* у насъ на Руси указывалъ нашъ сочинитель еще въ «Запискахъ Охотника», передавая замѣчанія, вызванныя у Хоря разсказами о заграничной жизни: «Это у насъ не шло-бы, а вотъ это хорошо, это порядокъ». Изъ подобныхъ бесѣдъ съ Хоремъ охотникъ вынесъ убѣжденіе, что «Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ». Чисто русскимъ человѣкомъ является и Потугинъ, когда говоритъ:—«Я и люблю, и ненавижу свою Россію, свою странную, милую, скверную, дорогую родину». (Почти то-же, какъ извѣстно, говорили иной разъ и сами славянофилы). Чисто русская откровенность съ ироніею выражается и въ словахъ: — «Экая притча, подумаешь! Бьетъ онъ насъ на всѣхъ пунктахъ, этотъ Западъ, а гнилъ!» Это, пожалуй, умно и вѣрно, но при этомъ мы забываемъ одно, что многое у себя самъ-же Западъ считаетъ гнилымъ, и не слѣдъ намъ заимствоваться, между прочимъ, и этою гнилью, хотя она и можетъ носить на себѣ внѣшній лоскъ и штемпель цивилизаціи. Въ Потугинскихъ увлеченіяхъ цивилизаціей также замѣтна наша русская безоглядная впечатлительность.—«Слово цивилизація,—говоритъ онъ,— и понятно, и чисто, и свято; а другія всѣ, народность

тамъ, что-ли, слава, кровью пахнутъ». Но, говоря это, мы забываемъ, что и во имя «цивилизаціи» иной разъ предпринимались войны, а съ «народностью» представляются онѣ навсегда неразрывными только въ томъ случаѣ, если вообразить, будто-бы два характерныхъ народа, какъ и два характерныхъ лица, непремѣнно дойдутъ, и не могутъ не дойти, до драки.

Крѣпко вѣря въ цивилизацію, Потугинъ словно служитъ передъ нею молебны, какъ привыкъ ихъ служить его батюшка передъ чудотворными образами. Онъ простодушно ждетъ отъ цивилизаціи исцѣленія всяческихъ золъ, и такимъ образомъ далеко отсталъ отъ Базарова, который, при встрѣчѣ съ нимъ, непремѣнно-бы посмѣялся надъ этимъ волшебнымъ словцомъ, какъ смѣялся надъ «прогрессомъ» и т. п. Но Потугинъ въ этомъ отношеніи отсталъ и отъ своихъ нелюбезныхъ славянофиловъ, которые, видя въ народности силу, никогда не считали ее талисманомъ отъ всякихъ бѣдъ, съ другой-же стороны никогда не отрицали цивилизаціи. Выражаясь про славянофиловъ, что они «живутъ буквой *буки*: все молъ будетъ, будетъ...» онъ, можетъ быть, и остроуменъ, но далеко не правъ, потому что именно славянофилы-то и заговорили у насъ (вѣрно-ли, не вѣрно-ли — это особый вопросъ), что былъ положительный смыслъ и въ нашемъ прошедшемъ... Именно оттуда-то, изъ коренныхъ основъ исторической нашей жизни, выводили они и тотъ «доморощенный хвостикъ», которымъ, по мнѣнію Потугина, попорчено у насъ крестьянское дѣло, тогда какъ многіе и очень многіе на самомъ Западѣ совершенно иначе смотрятъ на этотъ хвостикъ — *общинное землевладѣніе*...

Впрочемъ, Потугинъ со всѣми его народными нашими странностями, со всѣмъ его яркимъ самоуничиженіемъ расходившагося въ этомъ направленіи русскаго человѣка, справедливо включенъ самимъ сочинителемъ въ ту неутѣшительную картину, на которую намекается у него самымъ заглавіемъ повѣсти. Вспомнимъ слова уѣзжающаго и глядящаго въ окно вагона Литвинова: — «Дымъ, дымъ, —

повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно все русское... все торопится, спѣшитъ куда-то—и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ—и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та-же безустанная, тревожная и—ненужная игра... Дымъ,—шепталъ онъ,—дымъ;—и вспомнились ему горячіе споры, крики и толки у Губарева, у другихъ, высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей... Дымъ,—повторялъ онъ,—дымъ и паръ—и даже все то, что̀ проповѣдывалъ Потугинъ... дымъ, дымъ и больше ничего...»

У насъ, какъ извѣстно, обидѣлись этой печальной картиной, а между тѣмъ вѣдь Тургеневъ, рисуя ее, только оставался вѣренъ самому себѣ. Не онъ-ли еще устами Лежнева говорилъ, что всѣ мы — пустые люди? Не тоже-ли, въ сущности, повторяли Инсаровъ и Шубинъ, не того-ли-же мнѣнія наконецъ была и Елена?

Но въ повѣсти, занимающей насъ теперь, и какъ-то особенно разсердившей нашихъ читателей, — въ ней-то именно тяжелое впечатлѣніе и изглаживается къ концу чертою отрадною. Вспомните, что̀ говорится о томъ, въ какомъ положеніи засталъ Россію вернувшійся во свояси Литвиновъ. «Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, *и только одно великое слово: «свобода» носилось, какъ Божій духъ, надъ водами.* Терпѣніе требовалось прежде всего и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое...»

«Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила въ плоть и кровь: выступилъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени, и уже не растоптать его врагамъ, ни явнымъ, ни тайнымъ...»

Превосходная эта страница находится въ самой строгой связи со всею предыдущею дѣятельностью г. Турге-

нева. Въ самомъ ея началѣ, въ «Запискахъ Охотника», выставилъ онъ на показъ и позоръ всю язву крѣпостного права. Повидимому, почти не затрогивая его въ дальнѣйшихъ своихъ повѣстяхъ, на самомъ дѣлѣ онъ продолжалъ рисовать все такіе типы, нездоровость которыхъ зависѣла въ главной мѣрѣ отъ *барства*, этого явленія крѣпостной почвы. Обрисовавъ вслѣдъ за тѣмъ ея предсмертную пору въ «Отцахъ и дѣтяхъ», онъ наконецъ заключаетъ свой «Дымъ» успокоительнымъ указаніемъ на то, что̀ одно — *не дымъ:* это воскрешающее значеніе дѣла освобожденія, воскрешающее значеніе его какъ для самого народа, такъ и для насъ всѣхъ, чающихъ появленія *новыхъ* людей...

Такимъ человѣкомъ, мы видѣли, не могъ еще быть Базаровъ, человѣкъ *переходной поры*. Такихъ людей еще не представила намъ и пора, непосредственно слѣдующая за освобожденіемъ и выведенная передъ нами въ «Дымѣ»... На будущій характеръ этихъ чаемыхъ нами людей все еще продолжаетъ только *указывать* намъ Инсаровъ. Должны наконецъ и у насъ появиться такіе люди, которые могли-бы сказать, что «послѣдній мужикъ въ Россіи хочетъ того-же, что и они», люди, которые, несмотря на всегда возможныя, частныя разногласія, сплотились-бы въ тѣсный и дружный кругъ, чтобы общими нравственными усиліями постоянно противодѣйствовать тѣмъ, кто не знаетъ никакихъ убѣжденій, хотя и скрываетъ отсутствіе ихъ подъ личиною Гоголевской «благонамѣренности». Должны наконецъ и у насъ появиться люди, которые могли-бы отдаться вполнѣ, съ горячею любовью отдаться народу, уже не считая такой любви напускною; люди, которые готовы-бы были отдать свои лучшія силы — кто на скромный уходъ за безпомощнымъ, мрущимъ порою, какъ мухи, крестьянскимъ людомъ, кто на столько-же скромный уходъ за его подростающимъ поколѣніемъ, кто на скромную долю писателя для народа, которая положительно становится въ наше время выше, важнѣе другого писательства; кто на ратованье за всевозможные виды подобныхъ мѣръ, на поднятіе въ этомъ направленіи

земскихъ силъ, на изысканіе въ помощь народу земскихъ-же общихъ средствъ, кто наконецъ—если туго набита мошна — на собственныя пожертвованія въ пользу народнаго дѣла, на довершеніе великаго дѣла освобожденія, на выводъ всего народа изъ-подъ ига невѣжества, безпомощности, нужды! Тогда только усиліями самого общества довершится то, что было и начато при его участіи. Да, при участіи лучшихъ людей общества былъ рѣшаемъ у насъ крестьянскій вопросъ, поднятый нашей литературой еще въ XVIII в., ею-же, правда, нѣсколько поотсроченный въ началѣ нынѣшняго, но снова блистательно поднятый въ пору, ближайшую къ намъ, при значительномъ, какъ видѣли мы, участіи нашего писателя [1]), и окончательно разрѣшенный опять-таки при самомъ усердномъ содѣйствіи нашей литературы, разрѣшенный въ духѣ и на началахъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ величаетъ Потугинъ людьми буквы *буки*. Да, имъ дѣйствительно принадлежитъ эта буква, потому что по крайней мѣрѣ тѣмъ ихъ началамъ, которыя положены въ основу этого дѣла, принадлежитъ *будущее*, т.-е. дальнѣйшее развитіе въ немъ, открыты-же ими эти начала въ нашемъ прошедшемъ, открыты и выставлены, какъ нѣчто такое, что изстари принадлежало народу и что подлежитъ возвращенію, возстановленію и обновленію.

Но если такъ, то у насъ и есть уже люди, эти *искомые* люди, остающіеся однако-же, съ прямой настоящей своей стороны, совсѣмъ не затронутыми Тургеневымъ. Дѣло въ томъ, что пока это только отдѣльныя, поименно извѣстныя личности, личности, замкнутыя въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, а до сихъ поръ еще не сложился общій, живущій въ массахъ, распространенный типъ такого закала. Мы ждемъ еще появленія его, ждемъ, чтобы, освободившись отъ той узкости и односторонности, ка-

---

[1]) Ему такимъ образомъ досталась завидная доля продолженія отстаиванія, съ благопріятнымъ успѣхомъ, того славнаго дѣла, которое поддерживалъ, составляя въ этомъ случаѣ одно изъ исключеній изъ господствующаго тона нашей литературы начала текущаго вѣка, почившій Н. И. Тургеневъ (см. его некрологъ, такъ тепло написанный И. С. Тургеневымъ въ «Вѣстникѣ Европы» за декабрь 1871 г.).

кая выносится всегда изъ кружковъ, первоначальный складъ этого типа свободно развился во множествѣ живыхъ, многоразличныхъ видоизмѣненій, ясно намѣтивъ во всѣхъ нихъ свое типовое единство. Только когда это совершится, будемъ мы въ правѣ ожидать этого новаго типа и отъ нашего сочинителя. Творческая сила его едва-ли ослабла—полосы относительно слабыхъ произведеній бывали у него и прежде; болѣе постоянное его присутствіе у себя на родинѣ, на необходимость котораго такъ настоятельно и даже такъ нескромно указываютъ у насъ многіе, конечно, было-бы важно, но и оно не поможетъ, если мы не представимъ ему новыхъ данныхъ, новыхъ типовъ для его творчества. Дѣло, стало быть, прежде всего *за нами!*

ТУРГЕНЕВЪ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ-ГРАЖДАНИНЪ.

ЧИТАНО ВЪ СПБ. УНИВЕРСИТЕТѢ 3 СЕНТЯБРЯ 1883 Г. [1]).

О Тургеневѣ обыкновенно говорятъ, что онъ прежде всего художникъ. Но художники, если они живые люди, неразрывно связанные съ родною землею, являются непремѣнно и гражданами.

Первый рядъ произведенiй Тургенева, сразу обратившихъ на себя общественное вниманiе, едва-ли не останется навсегда и лучшимъ въ числѣ его произведенiй. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣнiе. «Записки Охотника»—рядъ очерковъ въ высшей степени художественныхъ и въ самомъ чистомъ, самомъ святомъ смыслѣ слова гражданственныхъ. И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ тому славному *меньшинству* русскаго дворянства, которое никогда не могло помириться съ крѣпостнымъ правомъ. Это достославное меньшинство (очень немногочисленное) имѣло всегда своихъ представителей и въ нашей литературѣ. Ихъ громкiй и честный голосъ раздавался еще въ XVIII столѣтiи. Тургеневъ, вслѣдъ за своими предшественниками, по справедливости можетъ

1) Помѣщено было въ журналѣ «Искусство» 1883 г. № 39.

быть названъ однимъ изъ глубоко убѣжденныхъ провозвѣстниковъ великой не только въ нашей, но и въ міровой исторіи, крестьянской реформы. Когда пришло извѣстіе объ его смерти, на страницахъ «Русской Старины» появилось его дотолѣ незнакомое обществу не художественное, а публицистическое произведеніе: записка, составленная въ 1858 г. въ Римѣ, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ о крестьянскомъ вопросѣ съ кн. В. А. Черкасскимъ, В. П. Боткинымъ и другими соотечественниками.

Не впадая во вредную идеализацію, Ив. Серг. прямо признаетъ здѣсь, что великое дѣло освобожденія крестьянъ будетъ принято съ сочувствіемъ лишь меньшинствомъ дворянства; большинство же будетъ противъ освобожденія: «одно лишь привычное нежеланіе смотрѣть правдѣ въ глаза, — говоритъ онъ, — можетъ сомнѣваться въ истинѣ этого сопротивленія». Причину его авторъ видитъ въ низкомъ уровнѣ дворянства. «Малая образованность нашего дворянскаго сословія, — говоритъ онъ, — будетъ едва ли не главнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе предполагаемыхъ мѣръ». Это заявленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ заявленіе дѣйствительно просвѣщеннаго дворянина о своемъ классѣ.

А намъ такъ громко и усиленно твердятъ о великихъ заслугахъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ дворянскаго класса, какъ самаго образованнаго и передового, тогда какъ народу такъ бы и не дождаться свободы, если-бы верховная воля Государя Александра Николаевича не согласилась съ *меньшинствомъ*. Но при всемъ своемъ гражданскомъ духѣ, «Записка» Тургенева стоитъ ниже «Записокъ охотника». Въ своемъ публицистическомъ произведеніи Тургеневъ сводитъ все къ изданію журнала, гдѣ бы можно было безпрепятственно печатать заявленія и мнѣнія по крестьянскому вопросу. «Правительство,—говоритъ авторъ,—не рѣшаетъ этого вопроса указомъ или манифестомъ: оно обращается къ самой землѣ, къ русскому дворянству». Здѣсь не совсѣмъ вѣрная тавтологія: земля и дворянство — не одно и то же.

Тургеневъ видимо былъ тутъ озабоченъ именно дворянствомъ. Оно, по его справедливымъ словамъ, «не подготовлено, недоброжелательно, предубѣждено, запугано; оно понесетъ свои предубѣжденія, свой страхъ въ самые комитеты; оно воспользуется всѣми средствами, которыя найдетъ подъ рукою, для того, чтобы затруднить и замедлить дѣло. А между тѣмъ *не разоренія же дворянства ищетъ правительство, не зла оно ему желаетъ*; напротивъ, — оно желаетъ предотвратить возможность будущихъ бѣдствій; упрочить, увѣковѣчить его благосостояніе; въ то же время правительство чувствуетъ государственную необходимость, неотлагаемость начатой реформы, слѣдовательно—въ упорствѣ дворянъ есть или недоразумѣніе, или незнаніе, непониманіе своего собственнаго положенія. Для устраненія этого недоразумѣнія, для того, чтобы показать дворянамъ, что правительство не рановременно подняло вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, существуетъ только одинъ способъ — гласность».

Такимъ образомъ, предполагаемый журналъ долженъ имѣть цѣлью растолкованіе дворянамъ цѣлесообразности и своевременности предстоящей реформы. Но авторъ забываетъ, что дѣло вѣдь не въ одномъ дворянствѣ, что не мѣшало-бы обратиться къ землѣ, къ міру — народу. Впрочемъ Тургеневъ здѣсь раздѣляетъ прадѣдовскую ошибку; со временъ Посошкова не вспоминали у насъ о томъ, что Богъ не обидѣлъ разсудкомъ и простого мужика, что онъ лучше всѣхъ знаетъ свои нужды, а тутъ дѣло было именно въ *его* нуждахъ. По недостатки публицистическаго произведенія съ избыткомъ восполнены въ томъ рядѣ художественныхъ очерковъ, который называется «Записками охотника». Здѣсь мы становимся лицомъ къ лицу съ самимъ народомъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ типовъ, выхваченныхъ изъ крестьянской жизни. Тургеневъ является здѣсь безпощаднымъ прокуроромъ крѣпостного права, вдохновеннымъ адвокатомъ народныхъ нуждъ и — не скажу панегиристомъ, это было-бы не вѣрно, — а смѣлымъ провозвѣстникомъ

народныхъ доблестей. Въ этомъ его незабвенная гражданская заслуга! Онъ представилъ намъ въ лицѣ нашихъ крестьянъ *людей* въ истинномъ смыслѣ слова. Въ каждомъ выведенномъ имъ типѣ — живая человѣческая душа, сознающая, чувствующая, мыслящая. Грязь, накопившаяся на народномъ тѣлѣ отъ крѣпостного права, не скрыта, а выставлена на показъ, но при этомъ такъ и сквозитъ неизглаженная красота народной души! Конечно, Тургеневъ имѣлъ тутъ предшественника въ своемъ учителѣ — Пушкинѣ, но въ этомъ онъ опередилъ учителя.

Между тѣмъ нѣкоторые поклонники Тургенева, ставшіе съ извѣстныхъ поръ и поклонниками Пушкина, слишкомъ часто еще готовы видѣть въ народѣ то, что называютъ «святою скотиной». Они забываютъ, что совсѣмъ не такъ отнесся къ народу Тургеневъ въ «Запискахъ охотника». Трудно было пожелать лучшей защитительной рѣчи въ лицахъ. Здѣсь ни къ чему нельзя было придраться. Нельзя было попрекнуть автора въ дѣланности, предвзятости, какъ когда-то упрекали Радищева. Дворяне въ разсказахъ являли изъ себя вовсе не изверговъ или злодѣевъ; Тургеневъ и не думалъ нагромождать только «ужасы» крѣпостной поры, — онъ выставилъ ея ординарную, заурядную сторону, но читателю тѣмъ болѣе лишь приходится удивляться, какъ при *такой заурядности* уцѣлѣла въ народѣ душа, и невольно возникаетъ вопросъ, до какого высокаго подъема она могла-бы достигнуть при иныхъ условіяхъ?

Къ цѣлой серіи разсказовъ изъ крестьянской жизни прибавилось впослѣдствіи еще нѣсколько; одинъ изъ нихъ,—едва ли не самый чудный изъ всѣхъ, способный уже самъ по себѣ обезсмертить имя Тургенева, если бы онъ даже ничего больше не написалъ. Я разумѣю «Живыя мощи» (по прежнимъ условіямъ цензуры самое заглавіе могло показаться неподходящимъ).

Дѣло, какъ извѣстно, тутъ въ томъ, что молодая крестьянка вдругъ слегла и уже всю жизнь не могла подняться съ одра болѣзни. Была она дѣвушкой кра-

сивой, веселой, первой затѣйницей на все село, а теперь лежитъ себѣ «живыми мощами». «Привыкла,—говоритъ она,—обтерпѣлась—ничего; инымъ еще хуже бываетъ...» Въ своей простотѣ она, конечно, не можетъ сама объяснить, *почему* ей лучше. Казалось-бы, какъ бѣденъ долженъ быть внутренній міръ этой крестьянки, которая хотя и училась когда-то грамотѣ, но теперь и книгъ-то почти не имѣетъ (развѣ иногда дастъ священникъ). Но оказывается, что ея внутренній міръ широко и глубоко развивался помимо книгъ. Даже то, что вынесено ею изъ молитвъ, крайне скудно. «Да и на что я стану Господу Богу наскучать?—говоритъ она. — Послалъ Онъ мнѣ крестъ,—значитъ меня Онъ любитъ». Это смиреніе, это умаленіе себя доведено до того, что, когда передъ смертью ей въ воображеніи чудится звонъ колоколовъ отъ далекой церкви, она говоритъ, что звонъ идетъ не отъ церкви, а «сверху». «Вѣроятно, она не посмѣла сказать — съ неба» — замѣчаетъ Тургеневъ. Она ставитъ себя почти ни во что среди этого безпредѣльнаго міра, который чутко сознаетъ вокругъ себя, сознаетъ въ безчисленномъ множествѣ жизней, ее окружающихъ.

Иногда ее навѣщаютъ: то дѣвушка изъ деревни забѣжитъ провѣдать, что творится у нихъ, то странница забредетъ, разскажетъ ей про Кіевъ, про Іерусалимъ, про то, что терпятъ христіане на Востокѣ, про безчисленныя человѣческія бѣды, разсѣянныя по матери сырой землѣ. Когда охотникъ удивлялся ея терпѣнію, она отвѣчала: «Вотъ Симеона столпника терпѣніе было точно великое: 30 лѣтъ на столбу простоялъ!... А вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкая страна и ту страну Агаряне завоевали... и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявилась тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на Агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. И Агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ, — а я что!» Дивится охотникъ, какъ зашла въ эту глушь чужеземная

повѣсть, но еще дивнѣе, конечно, какъ воспринята она и пересоздана этимъ живымъ мертвецомъ, въ устахъ котораго самая смерть Орлеанской дѣвы обратилась въ излюбленный ею и вѣнчающій ея дѣло подвигъ. Она окончательно умаляетъ себя передъ этой невѣдомой ей по имени дѣвой и, такъ сказать, окончательно заражается отъ нея жаждою жертвы и подвига.

Но если народъ такъ хорошъ, то отчего-бы не жить съ нимъ вѣчно, не любоваться всю жизнь его душевной красотой? Отвѣтъ, конечно, возможный, что народъ-то *вездѣ* хорошъ въ своихъ основныхъ чертахъ, хотя и много на немъ внѣшней грязи, и хорошъ именно потому, что остался чуждъ *привилегіи*, которой глубокій развращающій отпечатокъ не сглаживается никакою цивилизаціею. Говорятъ, что Жоржъ Зандъ восхищалась «Живыми мощами». Тургеневъ могъ точно также, конечно, восхищаться ея народными типами, могъ и въ натурѣ восхищаться народомъ во Франціи. Но къ чему-же было уходить къ народу за море, если онъ такъ хорошъ и у себя дома? Да вѣдь Тургеневъ ушелъ за море не къ народу, а къ интеллигенціи, т.-е. къ тому, что именно и отравлено привилегіей, но за то обладаетъ такою богатой культурой. Я вовсе не собираюсь свести все сказанное на попрекъ покойному. Мнѣ, напротивъ, припоминаются слова Пушкина о другомъ совершенно лицѣ:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его... тоскующую тѣнь!

Я позволяю себѣ замѣнить словомъ «тоскующая» слово «развѣнчанная». Тѣнь Тургенева *никогда не будетъ развѣнчана*, но я думаю, что она не можетъ *не тосковать*. Не будемъ тенденціозно истолковывать то, что онъ въ 1852 году за статью о Гоголѣ посидѣлъ подъ арестомъ и былъ высланъ въ деревню. Это, конечно, не имѣло вліянія на его удаленіе изъ Россіи. При Государѣ-освободителѣ онъ смѣло могъ жить на родинѣ и писать без-

препятственно. Чисто частныя, сердечныя отношенія, своего рода узелъ такихъ отношеній, распутать который бываетъ иногда не по силамъ и людямъ съ могучей волей, вотъ что увлекло нашего поэта на чужбину. Входить въ объясненія этихъ обстоятельствъ мы пока не имѣемъ права. Конечно, тутъ помогло и отвлеченное тяготѣніе къ «странѣ святыхъ чудесъ» (какъ величается Западъ у самого Хомякова). Но какъ-бы то ни было, а сдается, что это внесло разладъ въ душу Тургенева, что съ тѣхъ поръ зазвучала трагическая нота въ его жизни [1]). Это видно даже изъ тѣхъ, такъ сказать, извинительныхъ объясненій, которыя приводилъ онъ по поводу «Записокъ Охотника» (такъ посмотрѣлъ на положеніе Тургенева и иностранецъ—Юліанъ Шмидтъ). «Я не думаю,— говорилъ Тургеневъ,—чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей и нуждъ. «Записки Охотника» были написаны мною за границей; нѣкоторыя изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться-ли мнѣ на родину или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но несмотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ; знаю только, что я, конечно, не написалъ-бы «Записокъ Охотника», если-бы остался въ Россіи». Авторъ воспоминаній о Тургеневѣ въ «Daily News» увѣряетъ, будто Тургеневъ ему говорилъ: «Вѣроятно, что если-бы М. Эджворсъ не написала о бѣдныхъ ирландцахъ, то я бы не нашелъ образчика литературной формы для своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ наблюденія аналогическаго быта въ Россіи». Но вѣдь тотъ-же Тургеневъ въ тѣхъ-же своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Все къ лучшему! Пребыва-

---

1) Какъ послѣ этого странно читать у одного изъ иностранныхъ поклонниковъ Тургенева о томъ хранительномъ геніи, какой былъ посланъ ему судьбою въ лицѣ «одной изъ величайшихъ артистокъ нашего времени». (Eugen Zabel, Literarische Streifzüge durch Russland, Berlin, 1885, p. 112).

ніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ, принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули-бы отъ моего вниманія».

И всѣ его послѣдующія произведенія могли явиться только вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія съ родной землей, которую онъ все-таки-же посѣщалъ, за которою внимательно слѣдилъ издали. Чутье художника-гражданина нерѣдко заставляло его воспроизводить то, что въ силу своихъ отвлеченныхъ убѣжденій онъ долженъ-бы былъ отрицать. Возьмемъ-ли Рудина,—развѣ это не обличеніе въ лицахъ нашего безпочвеннаго, не органически развившагося образованія? Возьмемъ-ли «Дворянское гнѣздо»,—тутъ въ первыхъ главахъ цѣлая исторія нашего *просвѣтительнаго* вѣка,—исторія, какой до сихъ поръ не даютъ намъ историки. Тутъ весь, какъ на ладони, нашъ XVIII вѣкъ, со всею его мишурою, со всею его безплодностью для народнаго блага [1]). Но тутъ-же, въ лицѣ Лизы, этой не даромъ, конечно, прославленной Лизы, Тургеневъ указалъ на тлетворность болѣе старой прививки изчужа къ нашей исторической жизни. Лиза—это точно едва распустившаяся роза, благоуханіе которой пропадаетъ для Божьяго міра, потому что на нее вдругъ пахнуло «мертвымъ духомъ» съ византійскаго кладбища.

Въ «Наканунѣ», опять таки помимо своихъ собственныхъ взглядовъ, Тургеневъ какъ-бы заранѣе угадалъ—предсказалъ то стремленіе на помощь—къ совсѣмъ его не занимавшему славянскому міру, которое создало у насъ потомъ на самомъ дѣлѣ цѣлое множество *Еленъ*, ушедшихъ къ болгарамъ уже безъ Инсаровыхъ. А «Отцы и дѣти!» По поводу этого романа Тургеневъ намъ по-

---

1) На это чрезвычайно мѣтко указано было еще въ 1869 г. въ «Зарѣ» Н. Н. Страховымъ. «Какъ не подивиться,—говоритъ онъ,—тому, что сдѣлано Тургеневымъ Если повѣрить его словамъ, то онъ все время былъ искреннимъ западникомъ; а между тѣмъ, чему онъ послужилъ своими произведеніями? Онъ безпрестанно казнилъ и развѣнчивалъ западничество». (См. Критич. статьи Н. Н. Страхова объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ, Спб. 1885 г., стр. 120).

яснялъ: «Я бралъ морскія ванны въ Вентнорѣ (на о. Уайтѣ) — дѣло было въ августѣ 1860 г., когда мнѣ пришла въ голову первая мысль «Отцовъ и дѣтей». Въ основаніе главной фигуры Базарова легла одна поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача; онъ умеръ не задолго до 1860 г. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма... Ни въ одномъ произведеніи нашей литературы я даже намека не встрѣчалъ на то, что мнѣ чудилось повсюду...» Дѣло въ томъ, что и на англійскомъ островѣ онъ жилъ душою въ Россіи — чуткимъ окомъ художника-гражданина слѣдилъ за нею. И сколько-бы озлобленныя нападки на Базарова ни вызвали у него потомъ извиненій за этотъ типъ, — онъ несокрушимо изваянъ художникомъ какъ новый видъ того-же, противнаго Базарову, *рудинства*—какъ новый видъ той-же *безпочвенности*, при которой мужикъ нашъ остается для Базарова «таинственнымъ незнакомцемъ», а самъ Базаровъ остается для народа «чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго».

Въ «Дымѣ», слѣдующемъ крупномъ произведеніи Тургенева, выставлена другая сторона «нигилизма». Эту повѣсть онъ могъ, конечно, написать и не заглядывая въ Россію, а наблюдая въ Баденъ-Баденѣ за тѣми болѣе или менѣе крупными особами, которыя тогда фрондировали изъ-за отмѣны крѣпостного права и которыхъ Ю. Самаринъ считалъ представителями «генеральскаго нигилизма». Наконецъ въ послѣднемъ художественно-гражданскомъ произведеніи Тургенева—въ «Нови»—ему пришлось имѣть дѣло съ переходнымъ типомъ,—типомъ, явившимся на смѣну Базарову въ видѣ своеобразно возродившагося романтизма съ его самоотверженными, но безплодными порывами. Вѣрно подмѣтилъ Тургеневъ появленіе этого типа, уже не высокомѣрно холоднаго къ мужику, какъ базаровщина, а страстно порывающагося на грудь къ этому самому мужику, съ своей стороны остающемуся недовѣрчивымъ и отталкивающимъ. Но Тургеневъ не вы-

яснилъ дѣла окончательно, не проникъ въ самую *душу* этого, опять народившагося, молодого поколѣнія. А причина заключается въ томъ, что авторъ былъ уже слишкомъ далекъ отъ родной почвы. «Одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общеніе съ средой, которую берешься воспроизводить» — заявилъ самъ Тургеневъ. И онъ же сказалъ: «Литературные ветераны, подобно военнымъ, почти всегда инвалиды—и благо тѣмъ, которые во-время умѣютъ сами подать въ отставку». Какъ грустны эти слова, сказанныя конечно *про себя*! А вѣдь тамъ, на Западѣ, люди не считаютъ себя ветеранами, не подаютъ въ отставку, когда имъ перевалитъ за шестьдесятъ! Они сильны тѣмъ, что постоянно набираются новыхъ силъ отъ родной своей почвы. Если же посмотрѣть въ самомъ дѣлѣ на произведенія, писанныя послѣ «Нови», то невольно увидишь тутъ уже перо ветерана. Можетъ быть это обычное свойство моей природы, что я не могу понять и оцѣнить такія отвлеченно-художественныя вещи, какъ «Пѣснь торжествующей любви», какъ «Клара Миличъ». Но всякій, я думаю, согласится, что эти произведенія—все же не то, что прежнія.

Блестящій періодъ заканчивается если еще не «Дымомъ», то «Новью», а тамъ... тамъ слышится утомленіе—вслѣдствіе той давящей тоски, которой Тургеневъ не могъ не носить въ себѣ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ пониманія своей родины. «Странное дѣло!—говоритъ онъ, — Бѣлинскій изнывалъ за границей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ въ Россію. Ужь очень онъ былъ русскій человѣкъ и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ!» И такая участь, я думаю, выпадаетъ на долю всякаго, кто только не рѣшается громко повторить съ Некрасовымъ:

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Всѣ наши дѣятели за предѣлами родной земли, одни явно, сознательно, другіе затаенно отъ другихъ и даже

отъ самихъ себя, тосковали. Далеко не счастливою, думается, была также и жизнь въ «прекрасномъ далекѣ» Ив. Серг. Тургенева. Послѣднее время онъ часто помышлялъ о Россіи, рвался на родину. Но его желанію не суждено было осуществиться. И вотъ, чувствуя близкую кончину, онъ пожелалъ хоть мертвымъ возвратиться къ намъ. И родная земля его приметъ съ любовью! [1])

---

[1]) «Мудрено винить такихъ людей, какъ Тургеневъ,—замѣтилъ и Н. Н. Страховъ въ своихъ «Поминкахъ по Тургеневѣ», — они дѣти своего времени, но, очевидно, изъ тѣхъ дѣтей, которыя способны были бы примкнуть къ самымъ высокимъ стремленіямъ времени». Но въ началѣ той же статьи онъ замѣтилъ, что «надъ гробомъ покойнаго очевидно разыгралась какая-то борьба, и насколько съ одной стороны похороны были непомѣрно раздуты, настолько съ другой они были непомѣрно оборваны (Критическія статьи, стр. 167 и 182).

ЖЕНСКІЕ ОБРАЗЫ У ТУРГЕНЕВА.

(ЧИТАНО НА АКТѢ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ 20-го СЕНТЯБРЯ 1883 г.) [1])

Тургеневъ, какъ и всѣ наши писатели послѣ Гоголя, стоитъ на почвѣ дѣйствительности, т.-е. онъ реалистъ, до того реалистъ, что былъ способенъ сочувственно отозваться даже на «трезвую», по его выраженію, правду Рѣшетникова. Но Тургеневъ всегда благоговѣлъ передъ тѣмъ учителемъ, въ зависимости отъ котораго оставался и Гоголь. Только скромность заставила Тургенева поставить на второй планъ свое желаніе покоиться рядомъ съ Пушкинымъ: онъ какъ-будто бы не рѣшался прямо мечтать объ этомъ. Духъ Пушкина всегда оставался съ нимъ, хотя другого рода скромность, скромность народнаго самосознанія, не позволила ему на Пушкинскомъ праздникѣ открыто признать Пушкина міровымъ поэтомъ. Смѣлѣе и рѣшительнѣе высказался тогда Достоевскій, расходившійся съ Тургеневымъ именно въ оцѣнкѣ нашей народности передъ лицомъ Запада.

Такъ высоко поставивъ въ своей рѣчи Пушкинскую Татьяну, Достоевскій тутъ же поставилъ съ ней рядомъ, какъ новое проявленіе міровыхъ достоинствъ нашей литературы, Тургеневскую Лизу. И въ самомъ дѣлѣ, обѣ

---

1) Напечатано въ журналѣ «Русское Богатство» 1882 г. (Декабрь).

одинаково стоятъ на почвѣ дѣйствительности, т.-е. вполнѣ реальны, и въ то же время въ нихъ столько возвышающагося надъ земнымъ прахомъ, надъ пошлостью обыденной жизни,—столько высшаго, идеальнаго! Въ обѣихъ такъ просто, такъ, не зная себѣ цѣны, совершается подвигъ самоотверженія. Лиза останавливается передъ чужимъ правомъ, — передъ правомъ этой, хоть и неправой, вдругъ оказывающейся живою, жены Лаврецкаго, какъ и Пушкинская Татьяна останавливается передъ правомъ своего, хотя и стараго, только уважаемаго, но не любимаго мужа. Лиза, которой, въ пылу страсти, жена Лаврецкаго можетъ представляться только разлучницей, во имя долга не хочетъ сама стать разлучницею между нею и ея мужемъ. «Развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастьи другого?» — могла бы она повторить устами Достоевскаго вмѣстѣ съ Пушкинскою Татьяной. Въ этомъ неоспоримая идеальная красота ихъ обѣихъ. Но Татьяна выказываетъ слабость своей воли тѣмъ, что заурядно позволяетъ себѣ выйти съ горя замужъ за нелюбимаго человѣка. Лиза, также съ горя, окончательно предается своему религіозному чувству,— и оно такъ-же заурядно принимаетъ у нея нѣсколько своекорыстный оттѣнокъ. «Христіаниномъ, — говоритъ она,—надобно быть не для того, чтобы познавать небесное тамъ, земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть». Съ этой точки зрѣнія, земными, низшими выгодами жертвуется тутъ высшимъ, небеснымъ,—но все же своимъ личнымъ. Лиза, какъ впослѣдствіи княжна Марья у Л. Толстого, довела себя до того, что «любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога—восторженно, робко, нѣжно», любила, какъ виновника ея будущаго блаженства на небѣ. Рѣшившись идти въ монастырь, она лишь вполнѣ отдавалась своей высшей страсти. Для нея, какъ и для Татьяны, нѣтъ еще выхода изъ узкаго круга личныхъ привязанностей въ широкую область той братской любви, безъ которой, по Апостолу, можно и творить чудеса, и стать мученикомъ, оставаясь только мѣдью звенящею или кимваломъ звяцающимъ!

Въ этой слабой сторонѣ Лизы и сказался тотъ реализмъ, который, вмѣстѣ съ идеализмомъ, наслѣдованъ Тургеневымъ отъ учителя Пушкина. Дѣло въ томъ, что не только въ двадцатыхъ и тридцатыхъ, но и въ пятидесятыхъ годахъ наша женщина, при самыхъ лучшихъ природныхъ задаткахъ, оставалась еще заключенною въ заколдованный кругъ исключительно частныхъ отношеній. Но Тургеневъ зорко подмѣтилъ первые признаки пробужденія въ ней у насъ, порыванiй въ ширь и въ даль, при чемъ самое чувство личной любви обратилось у нея въ какое-то исканіе твердой мужской опоры на будущемъ расширенномъ поприщѣ. Не того, далеко не того только, чего искала Татьяна въ Онѣгинѣ, ищутъ въ своихъ герояхъ Тургеневскія, далеко ушедшія впередъ, женщины, но почти всѣ онѣ испытываютъ, подобно ей, горькое разочарованіе.

«Пойти куда-нибудь на молитву, на трудный подвигъ», говоритъ Ася, эта только-что расцвѣтшая Ася. «А то дни уходятъ»,—заботливо прибавляетъ она со своими «почти дѣтскими щечками», физически какъ-будто бы не вполнѣ еще развитая; жизнь уйдетъ, а что мы сдѣлали?...» «Крылья у меня выросли, да летѣть некуда»,—говоритъ она другой разъ тому, отъ кого ждетъ, чтобы онъ указалъ ей, куда летѣть. Но увы! онъ вовсе и не способенъ летать, онъ способенъ только убѣжать отъ нея, и мы такъ и не узнаемъ, что сталось далѣе съ ней въ дальнѣйшей ея жизни съ братомъ, просто художникомъ въ заурядномъ смыслѣ этого слова.

Но въ Асѣ, по матери, «течетъ честная плебейская кровь» [1])—и отсюда-то, можетъ-быть, ея жажда дѣлъ, дѣятельнаго добра. Но никакой другой крови, кромѣ барской, повидимому, не течетъ въ жилахъ у Марьи Павловны (въ «Затишьи»). Между тѣмъ, она дѣловито чуждается стиховъ, какъ бы боясь отъ нихъ «разсыропиться», подобно «дьячковскому внуку—работнику въ мастерской природы»—Базарову. Но достаточно было разъ проде-

1) По выраженію Тургенева о Лаврецкомъ.

кламировать передъ Марьей Павловной—хотя бы даже напыщенно—Пушкинскаго «Анчара», чтобы она такъ навсегда и осталась подъ неотразимымъ, вовсе «не разсыропливающимъ» вліяніемъ мысли о томъ, какъ

...Человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ.

Нежданно-негаданно, какъ-разъ въ этихъ плодахъ бездѣлья—стихахъ и нашла она какъ бы формулу того, что давно уже озадачивало ее въ жизни, чему она смутно хотѣла помочь, нуждаясь при этомъ сама въ чьей-нибудь руководящей помощи. Но тотъ, кого полюбила она своей первою любовью—увы!.. онъ только недоумѣваетъ: «Вы такъ много заботитесь о другихъ, и такъ мало о себѣ самой. Въ васъ эгоизма совсѣмъ нѣтъ, право... Я рѣшительно не стою вашей привязанности; это я говорю не шутя». И тутъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, не шутитъ, онъ, которому она говоритъ: «Вы все смѣетесь да шутите и прошутите такъ всю вашу жизнь». Ей самой за то такъ и не пришлось «просерьезничать», какъ онъ ей предсказывалъ, всю жизнь,—она разомъ покончила съ этою жизнью. Она покончила съ нею не отъ того, отъ чего, въ предсмертномъ произведеніи Тургенева, Клара Миличъ. «Не могу жить, какъ хочу, такъ и не надо»,—была поговорка Клары. Она хотѣла жить съ человѣкомъ, котораго даже не знала, къ которому привязалась сразу со всѣмъ своенравіемъ стихійной страсти. Ей не въ чемъ было и разочаровываться: человѣкъ этотъ просто ей не дался. Въ Кларѣ скорѣе особый, съ трагическимъ пошибомъ, видъ тѣхъ страстныхъ и властныхъ женщинъ, которыя ранѣе были выведены Тургеневымъ въ «Дымѣ» и въ «Вешнихъ водахъ». Марья Павловна въ «Затишьи» кончаетъ съ собою, но потому, что онъ не поддался ничему высшему. Ея слабость въ томъ, что, заживо схоронивъ его, она не сумѣла одна, сама по себѣ, видѣть въ жизни серьезный смыслъ и жить, хотя бы и одиноко, ради этого смысла.

Выхода, опять непремѣнно выхода въ ширь и даль, выхода вслѣдъ за давно ожиданнымъ путеводителемъ ждала у Тургенева и Наташа. И она, наконецъ, дождалась такого свѣтила, какъ Рудинъ. Но, между тѣмъ какъ другіе остаются еще ослѣпленными его блескомъ, она уже начинаетъ распознавать, что онъ не грѣетъ, а только свѣтитъ, да и то что-то тускло. Достаточно ему проронить въ разговорѣ, что «пора отдохнуть», отдохнуть, не доживъ и до сорока лѣтъ, при столь, повидимому, восторженномъ проповѣдываніи имъ добра и правды, чтобы она въ недоумѣніи сказала: — «Отдыхать могутъ другіе, а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ... кому-же, какъ не вамъ?» Дѣло въ томъ, что ея натура исполнена жажды труда, постоянной широкой дѣятельности, а въ немъ, какъ выражается Лежневъ, «именно натуры-то и не видно», онъ всего только пустоцвѣтъ изъ барской теплицы. Когда-же, спасовавъ даже передъ рѣшительнымъ шагомъ относительно ея, Наташи, онъ со стыдомъ исповѣдуется передъ ней, что въ свои 35 лѣтъ онъ все еще только «собирается что-нибудь сдѣлать» и, вѣроятно, навсегда останется «тѣмъ-же неоконченнымъ существомъ»,—ей становится совершенно ясно, что ея воображаемаго вождя просто «сгубила фраза». Но сумѣетъ-ли она послѣ такого разочарованія удовольствоваться простымъ и неотдаленнымъ дѣломъ, которымъ давно занялась гораздо менѣе ея развитая, за то болѣе спокойная и трезвая духомъ сестра Волынцева, или-же будетъ по-прежнему рваться непремѣнно въ широкій и отдаленный кругъ дѣятельности, по-прежнему тщетно ища героя-путеводителя?

Тургеневъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно дальнѣйшей судьбы Наташи—того, нашла-ли она себѣ скромное счастье въ замужествѣ съ обыкновеннымъ смертнымъ. Но Тургеневъ даетъ намъ за то прослѣдить до конца за судьбою единственной изъ его женщинъ, нашедшей своего героя—нашедшей затѣмъ, чтобы преждевременно его схоронить, но жить послѣ того въ общеніи съ его духомъ, жить неустанною службою его дѣлу.

Елена, уже съ самаго дѣтства, «жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра. Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили, она видѣла ихъ во снѣ...» Если Марья Павловна не любила стиховъ, потому что не предполагала въ нихъ дѣла, то Елену не удовлетворяли не только стихи, но и чтеніе вообще; оно ей, должно быть, казалось, и далеко не безъ основанія, довольно у насъ непроизводительнымъ. И вотъ, она вдругъ встрѣчается съ человѣкомъ, который, родившись въ совершенно непросвѣщенной странѣ, пріѣхалъ учиться къ намъ, но готовъ при этомъ повторить съ Некрасовымъ:

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка; укажутъ они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко!..
Дѣло вѣковъ поправлять не легко...

Для Инсарова поправить дѣло вѣковъ значитъ освободить свою родную Болгарію. Учиться любви къ ней ему не приходится: онъ всосалъ эту любовь съ молокомъ своей, истерзанной турками, матери. Вотъ что и привлекаетъ къ нему Елену:—«Освободить свою родину! — повторяетъ она про себя. — Эти слова даже выговаривать страшно—такъ они велики!..» — «У него есть дорога,— продолжаетъ она,—а гдѣ мое гнѣздо? Отчего онъ не русскій? Нѣтъ, онъ не могъ-бы быть русскимъ». Но Елена забыла, что выше, въ тотъ-же самый дневникъ, она занесла: — «Разговаривая съ Инсаровымъ, я вдругъ вспомнила нашего буфетчика Василія, который вытащилъ изъ горѣвшей избы безногаго старика и самъ чуть не погибъ; мнѣ хотѣлось ему въ ноги поклониться». Между тѣмъ, «у него было самое глупое лицо и потомъ онъ спился съ кругу». Его подвигъ былъ, стало быть, только стихійный подвигъ; но гдѣ-же у насъ люди сознательнаго подвига, дѣйствующіе въ духѣ народа и заодно съ народомъ? Инсаровъ тѣмъ окончательно для нея великъ, что можетъ сказать:—«Послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я—мы желаемъ одного и того-же.

У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость». Только при такой увѣренности и крѣпости, понимаетъ Елена, можно «вполнѣ отдаться» (Рудинъ не даромъ-же говоритъ:—«Я хочу отдаться, но не могу», т.-е. ему отдаться нечему).—«Кто отдался весь... весь... — разсуждаетъ Елена,— тому горя мало, тотъ уже ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу, *то* хочетъ». И вотъ — ей и самой уже горя мало, она ни за что не отвѣчаетъ, восторженно говоря этому человѣку:— «Возьми меня всю». Въ этомъ опять-таки реализмъ при величайшемъ размахѣ идеализма, такъ-же какъ самый правдивый реализмъ въ томъ, что Елена бросаетъ безъ оглядки свою семью, бросаетъ родину, съ которою и связывала ее только одна семья. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ бываетъ у насъ, и Тургеневъ вполнѣ обнаружилъ и тутъ свою зоркую вдумчивость. Долго оставаясь заключенною въ семьѣ и только въ семьѣ, наша женщина, вырвавшись изъ нея на широкій просторъ, не могла на первыхъ порахъ не дойти до упоенія чувствомъ этого простора, не могла на время не отвернуться отъ прежняго тѣснаго круга—съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи снова вернуться въ него и расширить его изнутри, одухотворить его глубиною новаго содержанія. Но Еленѣ еще не пришлось вернуться. Если преждевременно умираетъ онъ, то вѣдь остается его дѣло и она продолжаетъ служить безъ него этому дѣлу, такъ какъ на родинѣ никто вѣдь не сумѣлъ указать ей какое-нибудь дѣло! Она, не любящая стиховъ, могла-бы къ себѣ примѣнить стихи, да еще поэта-романтика:

По той же дорогѣ стремлюся одна
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремилась вдвоемъ,—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

— «Тамъ готовится возстаніе, собираются на войну,— говорила Елена. Я пойду въ сестры милосердія... останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни... А вернуться въ Россію? Зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?»

Основаніемъ, говорятъ, послужило Тургеневу нѣчто дѣйствительное. Художническая отзывчивость заставила его обобщить такой фактъ, который даже вовсе не соотвѣтствовалъ его отвлеченному направленію. И это обобщеніе оказалось предугадываніемъ, пророчествомъ.

Странно слышать продолжающіеся и до сихъ поръ застарѣлые толки о неестественности, о дѣланности, хотя и весьма искусной дѣланности, Елены, тогда какъ въ послѣдніе годы, казалось-бы, у всѣхъ у насъ на глазахъ отправилось къ тѣмъ-же южнымъ славянамъ столько другихъ Еленъ — и уже безъ Инсаровыхъ, отправилось туда потому, что имъ непремѣнно хотѣлось большого подвига, а такого подвига онѣ не находили дома [1]). «Пускай меня турки изжарятъ, а я все-таки хочу туда — ходить за ранеными»,—приходилось слышать отъ чуть лишь расцвѣтшихъ почти еще дѣвочекъ, напоминавшихъ всего болѣе Асю, и слезы катились у нихъ изъ глазъ, когда онѣ умоляли, чтобы ихъ непремѣнно туда отправили [2]). Онѣ, вмѣстѣ съ русскими добровольными воинами, предвозвѣщали движеніе туда русскихъ войскъ. Когда-же наши войска туда двинулись съ ними вмѣстѣ, опять безъ Инсарова — дѣйствительность и тутъ превзошла пророческую поэзію — отправилась туда женщина, образъ которой Тургеневъ воспроизвелъ уже не въ романѣ, а въ одномъ, едва-ли не лучшемъ изъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ». Многіе помнятъ, конечно, этотъ чудный лирическій аккордъ въ потрясающемъ чтеніи г-жи Стрепетовой на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ еще при жизни Тургенева. Мнѣ остается воспроизвести здѣсь вполнѣ это «стихотвореніе въ прозѣ», посвященное той-же, кому посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній и другъ Тургенева—Я. П. Полонскій [3]).

«На грязи, на вонючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ

---

[1]) Вполнѣ вѣрную, не шаблонную характеристику Елены представляетъ статья В. П. Карпова въ № 39 «Искусства». 1882 г.

[2]) Передаю то, чего самъ былъ свидѣтелемъ въ 1876 г.

[3]) Баронессѣ Вревской (см. сочиненія Я. П. Полонскаго, т. I, стр. 427—430).

ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ, — слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ, и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ — поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; о ней освѣдомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человѣка тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась, но бывали улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы помогать нуждающимся въ помощи... Она не вѣдала другого счастья, не вѣдала—и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась, и, вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ — никто не зналъ никогда,—а теперь, конечно, не узнаетъ.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже ея трупу — хоть она сама и стыдилась, и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ позднимъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу».

Но поэтъ, только преклоняющійся тутъ предъ прекрасной дѣйствительностью, конечно, преувеличенно усиливаетъ ея тѣни, утверждая, будто никто даже не сказалъ спасибо умершей. А тѣ солдаты, которые вставали съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы подать ей воды изъ черепка? Они, конечно, говорили спасибо передъ ея трупомъ, а оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ, конечно,

и теперь еще поминаютъ ея душу въ своихъ задушевныхъ молитвахъ!

Сама же она, если-бы осталась въ живыхъ и вернулась въ Россію, конечно, не повторила-бы вслѣдъ за Еленой, что въ Россіи ей нечего дѣлать! Какому-нибудь Соломину незачѣмъ было-бы напоминать ей о томъ, о чемъ онъ напоминаетъ Маріаннѣ: «шелудивому мальчику волосы расчесать—жертва, и большая жертва, на которую не многіе способны». Но о томъ же самомъ напоминалъ самъ Тургеневъ въ своихъ письмахъ къ одной русской дамѣ, недавно напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» [1]): «Нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной даже жизненной работой (я беру слово: жизненной—въ смыслѣ простоты, безкорыстности, «terre à terr'a»).

Та дѣйствительная однако-же женщина, которой Тургеневъ посвятилъ свой «поздній цвѣтокъ» (какъ назвалъ онъ свое «стихотвореніе въ прозѣ»), должно быть, еще не составляетъ у насъ выдающагося типа, а потому и не отразилась въ произведеніяхъ его творчества.

Въ «Нови» мы опять встрѣчаемъ его излюбленный типъ—типъ русской женщины, рвущейся въ широкій и дальній кругъ дѣятельности, видимъ новую Елену, какъбудто бы отыскавшую себѣ русскаго Инсарова.

Этотъ Неждановъ, въ котораго увѣровала Маріанна, и еще раньше, а, можетъ быть, и крѣпче ея увѣровала болѣе простая, пожалуй, даже ограниченная, но за то никогда не барствовавшая Машурина, — этотъ Неждановъ—одинъ изъ тѣхъ, по словамъ Паклина, «внезапныхъ исцѣлителей общественныхъ ранъ», одинъ изъ тѣхъ «родящихся, чай, готовыми», какъ выражается о Маркеловѣ Соломинъ, «освободителей» русскаго народа, которые на дѣлѣ оказываются все тѣми же Щигровскими Гамлетами, т.-е. продуктами тепличной среды, вообразившими чисто

---

[1]) Октябрь, 1883 г., стр. 225.

по книжному, будто «дѣло вѣковъ поправляется такъ легко».

Онъ уже не относится къ народу высокомѣрно, холодно, какъ когда-то Базаровъ, говорившій Аркадію: «Я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ». Тотъ, по словамъ Базарова, «романтизмъ», который уцѣлѣлъ въ молодомъ Кирсановѣ, составляетъ, должно быть, одну изъ существенныхъ сторонъ природы, гонимой въ окно и входящей въ дверь. Романтизмъ этотъ ожилъ въ томъ поколѣніи, которое явилось такъ скоро на смѣну Базаровымъ, явилось со своими Неждановыми. Но отношенія народа и къ этимъ, простирающимъ ему объятья, новымъ романтикамъ—все тѣ же старыя, недовѣрчиво сторонящіяся и отнѣкивающіяся. «Ты,— восклицаетъ Неждановъ,—невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя!»

Тщетная, безотзывная мольба! То-то и есть, что онъ намъ невѣдомый, и мы въ нашей новой роли ему невѣдомы, и поздно, слишкомъ поздно вдругъ догадались, что надобно отъ него самого научиться...

Маріанна вмѣстѣ съ Неждановымъ надѣваетъ народное платье, чтобы въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ опроститься,— а этотъ неблагодарный народъ видитъ въ нихъ только ряженыхъ! Остается лишь ожесточиться противъ этого тупого народа вмѣстѣ съ «великимъ» Губаревымъ, вмѣстѣ съ нимъ завопить: «мужичье поганое!.. бить ихъ надо!»— Да, надо бить, тузить—за то, что они осмѣливаются не идти за нами! Но на это, разумѣется, неспособна Маріанна, неспособенъ и ея бѣдный радикальный Гамлетъ. Напрасно онъ увѣряетъ ее, что «ложь была въ немъ (въ его, какъ выражается онъ, эстетикѣ), а не въ томъ, чему она вѣритъ». Нѣтъ, ложь и въ томъ, во что вѣритъ она, во что вѣрилъ, но пересталъ уже вѣрить и онъ—во всей постановкѣ ихъ отношеній къ народу. А

вѣрить онъ пересталъ потому, что это ихъ *то*—не Инсаровское. Оно не придаетъ крѣпости, почерпнутой Инсаровымъ лишь въ увѣренности, что «послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и онъ желаетъ одного и того же».

Со смертью Нежданова Маріаннѣ остается Соломинъ,—указавшій ей на «шелудиваго мальчика». Самъ же онъ—артельный дѣятель на фабрикѣ, т.-е. своего рода, только съ русской фамиліей, Гончаровскій Штольцъ, въ то-же время однако заигрывающій съ «пропагандою».

Но если онъ все же Штольцъ,—т.-е. въ немъ слишкомъ уже выдается практическая жилка, то не должна-ли Маріанна оказаться новою, цѣлою головою его переросшею, Ольгою? Не даромъ же самъ Соломинъ говоритъ Маріаннѣ: «Всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ».

Въ этомъ случаѣ устами его говоритъ, конечно, самъ Тургеневъ. Но—странное дѣло—онъ постоянно заставляетъ русскую женщину искать себѣ опоры въ какомъ-нибудь Онѣгинѣ! Правда, Одинцова въ «Отцахъ и дѣтяхъ» слишкомъ горда, что бы искать себѣ въ комъ-нибудь опоры, но за то вѣдь у нея, по ея словамъ, и «цѣли нѣтъ»; ей за то «и не хочется идти», въ ней «нѣтъ желанія, охоты жить», до того она «себя заморозила», по словамъ Базарова. Не такова та—чистая, но не холодная женщина, которой посвятилъ Тургеневъ свой «поздній цвѣтокъ»: являясь у него не типомъ, а прямо портретомъ, она не нуждается ни въ какой опорѣ, сама же—опора всѣмъ. Но есть у него и еще—не портретъ, а типъ, опережающій всѣ его остальные женскіе типы. Это—простая крестьянка, которой предшественницы намъ уже не найти у Пушкина. Если въ умѣніи вообще почувствовать въ народѣ живую душу и выставить всѣмъ на видъ ея уцѣлѣвшую, несмотря ни на что, природную красоту, Тургеневъ — прямой ученикъ Пушкина, — то, создавъ Лукерью въ «Живыхъ мощахъ», онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ противъ Пушкина, а если правда, что Жоржъ Зандъ восхищалась этимъ обра-

зомъ, то вотъ и свидѣтельство въ пользу его мiровой красоты.

Еще недавно живая, веселая хороводница, невѣста,— Лукерья, по несчастному случаю, навсегда привязана къ одру болѣзни. Бывшимъ подружкамъ не до нея, женихъ, разумѣется, сталъ чужимъ женихомъ, чужимъ мужемъ,— а она лежитъ себѣ да лежитъ безъ движенья; но народъ не даромъ призналъ ее не живымъ трупомъ, а «живыми мощами». Дѣло не въ ея, немыслимой у живого существа, худобѣ, сухотѣ, но и въ той особаго рода святости, какою запечатлѣлась она въ своемъ невольномъ отшельничествѣ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ отшельничествѣ она не уединена, а тутъ-то у нея и завязались тѣмъ болѣе крѣпкiя связи со всѣмъ мiромъ Божiимъ. Если она только созерцаетъ его душой, а не дѣйствуетъ въ немъ, то виною тутъ не она, а ея неподвижное тѣло. Запаса дѣятельной любви въ ней такъ много, такъ неизмѣримо много! Она грамотна, но не въ силахъ держать книжку, а читать ей вслухъ — некому. Порою она читаетъ наизусть молитвы. «Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ,—говоритъ она.—Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я его просить могу? Онъ знаетъ лучше меня, что мнѣ надобно». Къ положенью своему она уже «привыкла, обтерпѣлась»; она съ нимъ помирилась на томъ, что «инымъ еще хуже бываетъ». Она вознаграждена своимъ внутреннимъ мiромъ, онъ же въ ней не отъ книгъ, а отъ того, что, неподвижная на своей постели, она можетъ за то на досугѣ вчитываться въ великую книгу Божью—ту книгу жизни, въ которой она—буква, что-нибудь значащая лишь въ связи со всѣмъ остальнымъ. «Кротъ подъ землею роется, я и то слышу. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ... Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужь какъ же оно было занятно! Одна влетитъ къ гнѣздышку— припадетъ, дѣтокъ покормитъ—и вонъ... Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ—ну пищать, да клевы раскрывать... Я ихъ на

слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука».

Общенье этой крестьянки съ природой въ своемъ родѣ не уступитъ тому, о которомъ говорилъ Баратынскій, поминая германскаго мірового поэта:

> Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
> Ручья разумѣлъ лепетанье,
> И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
> И чувствовалъ травъ прозябанье.

Но мірового генія не даромъ попрекали тѣмъ, что онъ подчасъ относился къ сознательной человѣческой жизни какъ къ той-же природѣ, слишкомъ мало участвовалъ своимъ олимпійски-спокойнымъ сердцемъ въ человѣческой злобѣ дня. Не то, совершенно не то въ міросозерцаньи нашей крестьянки. Самый недостатокъ умственнаго развитія сдѣлалъ ее неспособной философски уйти въ безмятежную даль Олимпійскихъ высотъ. Въ самой природѣ особенно ее привлекаетъ то, что въ самомъ дѣлѣ одушевлено. Она сердцемъ участвуетъ въ семейномъ житьѣ-бытьѣ птички, чисто по-человѣчески чуя въ ней то, чего не удалось ей испытать на себѣ самой. Но, при всемъ одиночествѣ, по преимуществу связанною оказывается она съ человѣческимъ міромъ—съ его, разсѣянною по лицу всей земли, нуждой и бѣдой, но за то и съ его духовными радостями. «Странница забредетъ,—говоритъ она,—станетъ про Іерусалимъ разсказывать, про Кіевъ, про святые города». А мы знаемъ отъ недавняго, также покинувшаго насъ, поэта—«печальника народнаго горя», какъ его называли, что значитъ въ народной жизни странничество. Имъ поддерживается связь между народной душой и безпредѣльнымъ человѣческимъ міромъ. Разсказывать о Іерусалимѣ — значитъ разсказывать о христіанахъ на востокѣ, о томъ, что терпѣли и терпятъ они отъ агарянъ. Говорить о Іерусалимѣ—значитъ говорить и о Цареградѣ, обо всемъ томъ, отъ чего еще такъ недавно всколебался у насъ народъ при слухѣ, что «нашихъ бьютъ».

Тургеневъ не былъ свидѣтелемъ, какъ отозвался у насъ этотъ слухъ, и потому, надо думать, въ первомъ изъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ», рисуя «довольство, покой, избытокъ русской вольной деревни, ея тишь и благодать», спросилъ: «Къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ святой Софіи въ Царьградѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?» (въ этомъ, впрочемъ, онъ сошелся съ гр. Л. Н. Толстымъ) [1]). Нѣтъ, отвѣтимъ мы Тургеневу-публицисту отъ лица Тургенева-художника во имя широкой души его-же крестьянскихъ типовъ, нѣтъ, тутъ дѣло не въ городскихъ людяхъ. Дѣло, между прочимъ, тутъ въ томъ, что «довольство, покой, избытокъ» и теперь еще далеко не такъ идутъ къ нашей русской деревнѣ, какъ тѣ два стиха Тютчева, которые выбралъ Тургеневъ эпиграфомъ къ «Живымъ мощамъ»:

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Во имя своего собственнаго долготерпѣнья, народъ посвоему разумѣетъ и принимаетъ къ сердцу и долготерпѣливый восточный вопросъ. По-своему и Тургеневская Лукерья должна-бы была откликнуться на него. Не даромъ она подставила агарянъ въ переданный ей какимъ-то начетчикомъ разсказъ о стародавнемъ событіи изъ жизни чужого, вполнѣ ей невѣдомаго народа—въ эту пору, по крайней мѣрѣ, не имѣвшаго столкновеній съ агарянами. «Была нѣкая страна,—перезсказываетъ она,—и ту страну агаряне завоевали, и всѣхъ жителевъ они мучили и убивали. И проявись тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только, прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое

---

1) Къ чему? А стихотвореніе самого Тургенева «Крокетъ», гдѣ къ ногамъ королевы англійской катятся окровавленныя головки болгарскихъ малютокъ? Тутъ опять, какъ и очень часто у Тургенева, художникъ энергически возражалъ публицисту.

обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть. И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился». Вотъ въ какомъ преображенномъ видѣ отразился въ ея сознаніи подвигъ Орлеанской дѣвы—отразился такъ, что и самая смерть Жанны д'Аркъ представляется добровольною жертвою. Отдаленное и чужое, какъ человѣческое, становится тутъ своимъ—и еще доводится до особой, скажу—чисто *деревенской*, идеализаціи [1]). Это увлеченье русской крестьянки Жанною д'Аркъ представлялось бы фальшью, чѣмъ-то дѣланнымъ, *городскимъ*, если-бы оставалось отвлеченнымъ, если-бы изъ-за увлеченія прошлымъ и отдаленнымъ позабывалось то, что совершается на глазахъ. Тогда-бы тутъ выходило своего рода Рудинство, неизгладившееся, пожалуй, въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ *городскихъ* людей, которые, не умѣя жить дома, уходили *умирать* въ Сербію—потому что она тогда подвернулась (какъ Рудину подвернулись парижскія баррикады). Не то, совершенно не то въ Тургеневской крестьянкѣ. Увлеченіе чужимъ и отдаленнымъ подвигомъ только усиливаетъ въ ней способность совсѣмъ позабыть себя—зорче видя все то, что вокругъ: «Ничего мнѣ не нужно,—говоритъ она,—всѣмъ довольна, слава Богу... А вотъ вамъ-бы, баринъ, матушку вашу уговорить—крестьяне здѣшніе бѣдные—хоть-бы малость оброку съ нихъ сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они-бы за васъ Богу помолились»,—прибавляетъ она, не рѣшаясь, повидимому, разсчитывать въ своемъ обращеніи къ господамъ на то полнѣйшее безкорыстіе христіанскаго чувства, до какого дошло оно въ ней самой...

Этого безкорыстія въ религіозности, какъ видѣли мы, нѣтъ даже въ самоотверженной Тургеневской Лизѣ, нѣтъ, несмотря на многопрославленную *народность* Лизы. Насъ и до сихъ поръ еще увѣряютъ, будто-бы

---

[1]) Тургеневъ, такимъ образомъ, опять какъ *художникъ*. точно будто заранѣе взялся изобразить въ лицахъ то наше «всечеловѣчество», которое впослѣдствіи провозглашено было Достоевскимъ въ его Пушкинской рѣчи и на которое особенно напали въ ней именно наши космополиты.

личная, очень и очень заинтересованная любовь къ Богу есть существенная черта народнаго религіознаго чувства. Самъ Тургеневъ своими «Живыми мощами» вовсе не утверждаетъ этого: его Лукерья не думаетъ о наградѣ на небѣ и даже не намѣрена наскучать Господу своими молитвами. И она у Тургенева не одна—ей по самоотверженности совершенно чета и его Касьянъ, и его Калинычъ. По ей же чета и Платонъ Каратаевъ у Л. Н. Толстого и наконецъ самъ любимый герой нашего народнаго эпоса, и церкви-то строющій на поминъ — не своей души.

Все это въ самомъ дѣлѣ сложилось на народной почвѣ—на почвѣ бытовой общины, благодатно озаренной лучами чистаго, безпримѣснаго христіанства.

Если же намъ указываютъ на то, что Лиза въ своей религіозности многимъ позаимствовалась у своей русской няни, что и княжна Марья у гр. Л. Н. Толстого тою же точно религіозностью заразилась отъ своихъ «Божьихъ людей», а они же вѣдь—изъ народа,—то мы скажемъ, что и на самый народъ, черезъ заносную книжность, отчасти повѣяло у насъ мертвымъ духомъ съ византійскаго кладбища [1]). Тлетворномъ вѣяніемъ отъ заживо разлагавшейся Византіи мѣстами пришиблены были тѣ всходы, какими обязаны мы родной почвѣ и непосредственному христіанскому на нее посѣву. Этими благодатными всходами и объясняются у Тургенева его «Живыя мощи»; но ихъ, именно этихъ всходовъ, не замѣтно въ его культурныхъ женщинахъ, а потому онѣ, при всей своей жаждѣ подвига, постоянно нуждаются

---

[1]) Сама Лукерья упоминаетъ о терпѣніи Симеона Столпника, а это, конечно, терпѣніе ради терпѣнія, т.-е. и ради небесной выслуги! Но примѣръ этотъ появляется у нея мимоходомъ, онъ остался у нея отъ той ея книжности, которая только скользнула по ней съ византійскимъ своимъ отпечаткомъ. Само заносное къ намъ монашество кое въ чемъ у насъ передѣлалось и такимъ образомъ вернулось къ тому гуманному древнему типу, съ какимъ являлось оно въ поученіяхъ Златоуста. Старецъ Зосима у Достоевскаго, при всей своей книжности, совсѣмъ ужъ не византійскій, а русскій старецъ. До конца ему дѣло до всего міра, до всѣхъ его нуждъ и бѣдъ, а Алешѣ Карамазову онъ велитъ: «вернись въ міръ и въ мірѣ пребудь какъ инокъ».

въ той опорѣ, какую даетъ личная любовь и широкая, непремѣнно широкая арена—у всѣхъ на виду, съ лестнымъ для самолюбія занесеньемъ въ исторію! Потому-то Соломины совершенно напрасно указываютъ имъ на «шелудиваго мальчика»; всѣ онѣ—имя же имъ легіонъ, почему Тургеневъ и воспроизвелъ ихъ, какъ типъ, въ своемъ творчествѣ—проходятъ мимо, не замѣчая этого мальчика. Но уже замѣтила его та, передъ которою Тургеневъ преклонился, какъ передъ чуднымъ явленіемъ самой дѣйствительности,благоговѣйно посвятивъ ему «поздній цвѣтокъ».

А другія? Долго-ли будутъ онѣ все искать и не находить того, кто-бы въ свою очередь нашелъ и указалъ имъ дѣло—настоящее дѣло?

Но если дѣйствительно дѣльныхъ мужей, по-инсаровски дѣльныхъ, тѣмъ, что ихъ опора въ самомъ народѣ, у насъ все еще нѣтъ какъ нѣтъ, то ихъ вѣдь надо создать; да, *создать*! А вѣдь это зависитъ отъ той-же женщины; ей остается только не забывать о своемъ воспитательномъ назначеніи.

Тому родному народу, къ которому Неждановы слишкомъ поздно стучатся со своимъ: «научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя»,—слѣдуетъ съ дѣтства бесѣдовать съ нами устами матери и вмѣстѣ съ нею или со старшей сестрой не отступать отъ насъ и въ учебные юношескіе годы.

Для этого же она, наша мать, или старшая наша сестра заранѣе должны сблизиться съ нашей крестьянской женщиной, той, къ кому слишкомъ односторонне обращался поэтъ:

Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!

Но вѣдь тотъ же самый поэтъ тутъ же и поправилъ себя, показавъ на своей Дарьѣ, что «типъ величавой славянки возможно и нынѣ сыскать». Съ ней, съ этой Дарьей, про которую всѣ говорятъ:

Пройдетъ — словно солнце освѣтитъ,
Посмотритъ — рублемъ подаритъ,

должна быть рядомъ поставлена Тургеневская Лукерья, окруженная на своемъ страдальческомъ одрѣ постояннымъ сіяніемъ духа, способная всякаго, подошедшаго къ ней, надѣлить отъ сокровищъ своей внутренней жизни. Передъ нашей женщиной изъ народа культурная русская женщина должна наконецъ въ самомъ дѣлѣ оставить все свое «лишнее и ненужное», все то барское, что ярко сказывается и въ самой ея культурѣ; къ женщинѣ изъ народа должна она поспѣшить не только затѣмъ, чтобы надѣлить ее своимъ хлѣбомъ и своимъ свѣтомъ, но и затѣмъ, чтобы братски позаимствоваться и отъ нея, въ ея скудной хатѣ, чѣмъ Богъ послалъ. Вотъ что значитъ—въ полномъ смыслѣ слова пойти въ народъ, вотъ что значитъ въ самомъ дѣлѣ «опроститься». Безъ этого не будетъ у насъ конца томительному *наканунѣ*, безъ этого не настать наконецъ и у насъ *настоящему дню*!

Ѳ. М. Достоевскій

ОБРАЗЫ И ИДЕИ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО [1]).

I.

«Бѣдные люди» и другія произведенія первой поры.—«Село Степанчиково». — «Униженные и оскорбленные».

Съ первыхъ же своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Достоевскій обращается къ людямъ бѣднымъ, загнаннымъ, хотя и изъ класса чиновничьяго, къ тѣмъ изъ этого класса, для которыхъ, конечно, вовсе не «благодать» ихъ кличка: *чиновникъ*. Въ этомъ отношеніи Достоевскій является прямымъ продолжателемъ того направленія, которое выразилось въ повѣсти Гоголя «Шинель». Но въ романѣ «Бѣдные люди», сразу доставившемъ Достоевскому такую извѣстность, нельзя не признать значительнаго шага впередъ противъ «Шинели». Гуманное отношеніе къ бѣднымъ, забитымъ людямъ тутъ проведено гораздо далѣе, чѣмъ у Гоголя. Не даромъ Бѣлинскій обратился къ Достоевскому съ такими сочувственными словами:

[1]) Изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1874 г. Дополнено на основаніи не напечатанныхъ лекцій 1882 г.

«Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь это тоже люди, ваши братья!»

Конечно, уже и Гоголь сказалъ это психологическою постановкою героя «Шинели», который хотя и смѣшонъ, но такъ живо трогаетъ каждаго, сколько-нибудь по-человѣчески чувствующаго, читателя. Тѣмъ не менѣе, герой Гоголя, такъ сказать, весь ушелъ самъ въ себя, въ продолжительныя заботы о томъ, для него значительномъ комфортѣ, какой онъ доставляетъ себѣ новой шинелью; сочувствіе къ нему читателя возбуждается собственно тѣмъ, что авторъ даетъ понять, какъ дорого, цѣною какихъ долгихъ лишеній, достается маленькому человѣку и какое событіе въ его приниженной жизни составляетъ то, что является у другого само собой въ ряду множества другихъ вещей, безъ которыхъ и обойтись нельзя, а маленькій человѣкъ обходится! Все то, что предпринимаетъ Акакій Акакіевичъ для доставленія себѣ новой шинели—своего рода нравственный подвигъ, но подвигъ, который ведетъ къ его личному удовольствію и удобству. Гораздо болѣе представляютъ намъ «Бѣдные люди» Достоевскаго. Не даромъ главное лицо этой повѣсти, Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ, такъ обижается тѣмъ, что Варенька прислала ему «Шинель» Гоголя. «Дурно, маточка, дурно,—пишетъ онъ ей, — что вы меня въ такую крайность поставили... Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ... Все это вы по совѣсти должны бы были знать, маточка, и онъ (т.-е. сочинитель) долженъ бы былъ знать... Такъ послѣ этого и жить себѣ смирно нельзя, въ уголочкѣ своемъ — каковъ ужъ онъ тамъ ни есть... чтобъ и тебя не затронули... Зачѣмъ писать про другого, что вотъ де онъ нуждается, что чаю не пьетъ? А точно всѣ и должны ужъ такъ непремѣнно чай пить». Дѣвушкинъ, очевидно, обижается тѣмъ, что Гоголь, какъ будто, только и разглядѣлъ въ бѣдномъ

чиновникѣ эту одну потребность,—подвергаясь разнымъ лишеніямъ, сшить себѣ новую шинель. Между тѣмъ, Макаръ Алексѣевичъ знаетъ по себѣ, что есть у бѣднаго человѣка и другая потребность—откладывать изъ послѣдняго не для себя, а для другихъ. Онъ вѣдь привыкъ жить не только, какъ выражается самъ про себя, *вдвойнѣ* (потому что живетъ заботой о Варенькѣ), а даже до того *въ ширь*, что прямо ей сознается: «Не люблю я, маточка Варенька, когда ребенокъ задумывается; смотрѣть непріятно». — Ему вѣдь ужасно тяжело пройти, такъ и не давъ ничего, мимо мальчика съ просительною записочкой. Но онъ, по крайней мѣрѣ, только мимо прошелъ (потому что дать было нечего), а не сказалъ, какъ обыкновенно бываетъ: «прочь, убирайся! шалишь!...» «Вотъ, что слышитъ онъ отъ всѣхъ,—разсуждаетъ Макаръ Алексѣевичъ,—и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ, словно птенчикъ, изъ разбитаго гнѣздушка выпавшій...» Вѣдь, заглядѣвшись сперва на роскошные дома, а потомъ пораздумавшись о томъ, какъ въ нихъ живутъ, Дѣвушкинъ не даромъ же разсуждаетъ: «То дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ ему на ухо—«что полно, дескать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить; ты, дескать, не сапожникъ, у тебя дѣти здоровы, жена ѣсть не проситъ, оглянись кругомъ, не увидишь ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго, чѣмъ свои сапоги» (т.-е. сапоги въ иносказательномъ смыслѣ—все эгоистически-житейское). А, почуявъ въ себѣ такія «вольныя мысли», онъ съ полнотою самосознанія говоритъ, что «не отъ чего было въ грошъ себя оцѣнять, испугавшись одного шума да грома»,—т.-е. поразившись столичнымъ блескомъ и суетою. А все дѣло въ томъ, что онъ имѣетъ право сказать про себя: «я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто-бы меня и на свѣтѣ не было», т.-е. думалъ о себѣ *всего менѣе*, а тѣ, что живутъ тамъ въ высокихъ да просторныхъ хоромахъ, думаютъ о себѣ *всего болѣе*, а иные, пожалуй, *только о себѣ* вѣдь и думаютъ.

Не даромъ уже Бѣлинскій[1]) призналъ въ Достоевскомъ талантъ «не сатирическій, не описательный, но въ высокой степени творческій... талантъ необыкновенный, самобытный, который сразу, еще первымъ произведеніемъ своимъ, рѣзко отдѣлился отъ всей толпы нашихъ писателей, болѣе или менѣе обязанныхъ Гоголю направленіемъ и характеромъ». Не даромъ далѣе предсказывалъ Бѣлинскій: «много въ продолженіе его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы».

Къ такому заключенію критикъ былъ приведенъ не только главною личностью «Бѣдныхъ людей», но и такимъ эпизодическимъ лицомъ, какъ старикъ Покровскій. Вспомнимъ, что о немъ говоритъ Бѣлинскій. «Подставной мужъ обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница — и онъ человѣкъ!» Да, и онъ человѣкъ, даже въ лучшемъ смыслѣ слова, потому что онъ въ состояніи любить до самоотверженія. «Вы можете смѣяться надъ его любовью къ своему мнимому сыну,—продолжаетъ Бѣлинскій, — напоминающею робкую любовь собаки къ человѣку; но если, смѣясь надъ нею, вы въ то же время глубоко ею не трогаетесь, если изображеніе Покровскаго съ книгами въ карманѣ и подъ мышками, безъ шапки на головѣ, въ дождь и холодъ бѣгущаго за гробомъ смѣшно-любимаго имъ сына, не производитъ на васъ трагическаго впечатлѣнія, не говорите объ этомъ никому, чтобы какой-нибудь Покровскій, шутъ и пьяница, не покраснѣлъ за васъ, какъ за человѣка».

Бѣлинскій находилъ даже, чего послѣ него не находили другіе критики, что Достоевскій «вовсе не хотѣлъ изобразить людей, у которыхъ умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнью». И въ нихъ дѣйствительно не за-

[1]) Въ своей большой статьѣ о «Петербургскомъ сборникѣ», гдѣ появились, какъ извѣстно, «Бѣдные люди».

бито то, что симпатически связываетъ человѣка съ человѣкомъ. Добролюбовъ въ своей статьѣ «Забитые люди» налегаетъ на другую сторону произведеній Достоевскаго, — на общественную приниженность главныхъ его героевъ со всѣми ея послѣдствіями. Къ числу ихъ Добролюбовъ относитъ то, что Дѣвушкинъ съ какимъ-то особеннымъ умиленіемъ умаляется передъ своимъ начальствомъ: «я вѣдь человѣкъ маленькій»,—говоритъ онъ, основывая на такомъ сознаніи всю свою практическую философію. Но, уживаясь самъ съ такой скромной долей, онъ не мирится съ мыслью, чтобы она могла удовлетворять и ту дѣвушку, къ которой онъ такъ привязанъ. Ея бѣдное, загнанное положеніе хотѣлъ-бы онъ усладить, улучшить; и вотъ онъ отдаетъ послѣдніе гроши, чтобы доставить ей какое-нибудь удовольствіе или хоть лакомство. Правда, нѣкоторые «забитые люди» Достоевскаго, подобно Гоголевскому Акакію Акакіевичу, дѣйствительно *заганы въ самихъ себя* и такимъ образомъ окончательно являются жертвами своего положенія. Таковъ герой повѣсти того-же названія, г. Прохарчинъ, котораго одна ошеломляющая мысль о томъ, что онъ можетъ быть выгнанъ изъ службы, доводитъ до пьянства и преждевременной смерти.

Но и въ немъ есть черта, которая помирила-бы съ нимъ самого М. А. Дѣвушкина: въ разговорахъ съ своими сожителями онъ даетъ понять, что посылаетъ часть своего жалованья золовкѣ, проживающей гдѣ-то въ Твери. Послѣ смерти Прохарчина, эти самые сожители находятъ у него въ тюфякѣ 2000 ассигнаціями, но, не вѣря или не желая вѣрить существованію его золовки, дѣлятся между собою его наслѣдствомъ.

Печально кончаетъ личность, поставленная, повидимому, у Достоевскаго въ болѣе благопріятное положеніе, но, при большей развитости въ ней требованій отъ жизни, не уживающаяся съ мыслью, что ей никогда не достанется многое, такъ легко достающееся другимъ, —я разумѣю героя «Двойника», г. Голядкина. Если «Бѣдные люди» связаны съ Гоголевской «Шинелью», то «Двой-

никъ» не менѣе тѣсно связанъ съ «Записками сумасшедшаго», только разница въ томъ, что Гоголь набросалъ свой психологическій очеркъ немногими мастерскими чертами, съ сжатостью, свойственною художнику; у Достоевскаго-же замѣтна крайняя расплывчивость и растянутость. За то, съ другой стороны, если Добролюбовымъ вѣрно истолкованъ смыслъ, вложенный Достоевскимъ въ своего «Двойника», то произведеніе это, по глубинѣ мысли, превосходитъ «Записки сумасшедшаго». Этотъ фантастическій двойникъ, по толкованію Добролюбова, есть не что иное, какъ внутреннее раздвоеніе одной и той-же личности. Голядкинъ сознаетъ, что для успѣха въ жизни ему нужно умѣнье заискивать въ людяхъ, нужны такія качества, какихъ въ немъ нѣтъ, — и вотъ эта-то практическая, недостающая ему способность подслуживанія и олицетворяется имъ въ лицѣ г. Голядкина младшаго, который своею пронырливостью постоянно перебиваетъ дорогу г. Голядкину старшему.

Но Добролюбовъ ошибался, признавая въ Голядкинѣ только «остатокъ гдѣ-то въ далекихъ складкахъ скрытаго нравственнаго чувства». Что въ немъ этого чувства гораздо болѣе, чѣмъ одинъ «остатокъ», это видно изъ того отвращенія, какое въ немъ возбуждаютъ продѣлки его двойника, который «чуть успѣетъ, напримѣръ, полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его,—и глазкомъ не мигнешь, какъ ужь у другого». Между тѣмъ, Голядкинъ такъ сострадателенъ, что, принимая у себя того-же, перебѣгающаго ему дорогу, двойника, прикидывающагося тутъ такимъ жалкимъ, начинаетъ винить себя въ томъ, что сначала такъ не взлюбилъ его. Обращеніе Голядкина со своимъ слугою самое мягкое. Наконецъ, когда его воображаемая невѣста обращается къ нему съ просьбою о защитѣ, онъ сразу выростаетъ въ своихъ глазахъ отъ достающейся ему благородной роли.

Симпатическая струна звучитъ болѣе или менѣе у всѣхъ «забитыхъ» героевъ Достоевскаго. Ею въ сильной степени обладаетъ Вася Шумковъ, у котораго, по замѣчанію Добролюбова, уже слишкомъ «слабое сердце» (см.

повѣсть подъ этимъ названіемъ). «Плакала, плакала она, бѣдная,—говоритъ онъ про свою невѣсту,—а я и влюбись въ нее... да я и давно, всегда былъ влюбленъ»,—поясняетъ—извиняется онъ.—«Я — бѣдная дѣвушка, не насмѣйтесь надо мной,—говорила ему она,—я и любить-то никого не смѣю...» — «Ну, братъ, понимаешь? понимаешь? — спрашиваетъ онъ своего друга Аркашу,—мы тутъ съ ней на словѣ и помолвились».

Но и другъ его совершенно по немъ. «Въ Аркашѣ извѣстный тѣлесный недостатокъ Васи (кривобокость) вызывалъ всегда глубоко-любящее чувство состраданія...» Счастью Васи онъ радуется какъ своему собственному. Когда Вася вдругъ задумывается, другъ его объясняетъ это тѣмъ, что ему «больно, тяжело одному быть счастливымъ...» И онъ, въ сущности, вѣрно понимаетъ своего друга. «Никому-то я не дѣлалъ добра на свѣтѣ, — сознается ему Вася,—потому что сдѣлать не могъ, даже и видомъ-то я непріятенъ... А всякій-то мнѣ дѣлалъ добро»,—воображаетъ онъ себѣ въ силу своей особенной отъ себя требовательности. Когда онъ приходитъ въ такое отчаяніе отъ того, что, увлекшись своею невѣстою, не успѣлъ къ сроку окончить работу, порученную ему начальникомъ, то это вовсе не изъ боязни потерять его милость, какъ, повидимому, понялъ Добролюбовъ, а потому, что хотѣлъ-бы «быть достойнымъ своего счастья», какъ толкуетъ его настроеніе Аркаша. Не исполнивъ своей обязанности, онъ считаетъ себя не только неблагодарнымъ относительно начальника (человѣка добраго), но и неспособнымъ къ дѣлу, виноватымъ передъ самимъ собой.. Избытокъ нравственной мнительности, а вовсе не начальническій гнетъ доводитъ его до помѣшательства.

Но нравственная мнительность Васи, конечно, явленіе болѣзненное. Когда онъ окончательно погибаетъ, стали разсказывать, какъ онъ старался учиться, былъ любознателенъ... «Собственными силами вышелъ изъ низкаго состоянія»,—замѣтилъ кто-то, т.-е. съ дѣтскихъ лѣтъ пробивалъ себѣ дорогу при всевозможныхъ лишеніяхъ. Тутъ, какъ и вообще у Достоевскаго, выставляется вся эта

тяжелая обстановка, доводящая до нервнаго разстройства, тотъ рядъ самыхъ неблагопріятныхъ условій съ дѣтства, который мѣшаетъ здоровому развитію человѣка. Во всемъ этомъ несомнѣнно есть *протестъ*, но не противъ какихъ-нибудь тамъ канцелярскихъ прижимокъ, а противъ всего того, съ чѣмъ соединяется и что ведетъ за собой бѣднота въ человѣческомъ мірѣ. Достоевскій шире, гораздо шире, чѣмъ критика его «забитыхъ людей», которая утверждала, будто-бы онъ, «оглядываясь вокругъ себя, видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность никогда не удаются. Кто изъ ищущихъ,—продолжала критика,—не успѣетъ умереть въ чахоткѣ, тотъ въ результатѣ доходитъ только или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простого тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка». Далѣе критика спрашивала: «что за причина такого перерожденія?» «Разрѣшенія у Достоевскаго нѣтъ»,—отвѣчала она, объясняя это тѣмъ, что у него будто-бы «не достало на это силы дарованія».

Далеко расходясь въ этомъ отношеніи съ Бѣлинскимъ, Добролюбовъ старался вліяніемъ жизненныхъ идей знаменитаго критика и лучшихъ сторонъ Гоголя объяснить идеалъ Достоевскаго. Впрочемъ, онъ находилъ даже, «будто идеалъ этотъ проявляется уже въ нашей литературѣ конца прошлаго столѣтія — вслѣдствіе распространенія у насъ въ то время идей и сочиненій Руссо» [1].

Между тѣмъ, передъ Добролюбовымъ были не только первыя произведенія Достоевскаго, но и такія изъ дальнѣйшихъ, какъ, напримѣръ: «Неточка Незванова» (оставшаяся неоконченною вслѣдствіе постигшей Достоевскаго катастрофы 1849 г.). Тутъ мы видимъ уже не чиновничій міръ, а міръ художниковъ, и типы Достоевскаго изъ этого послѣдняго совершенно уже независимы отъ соотвѣтственныхъ Гоголевскихъ типовъ. Тутъ-же встрѣчаемся мы и съ крестьянской средой — въ лицѣ вышед-

[1]) См. статью «Забитые люди» въ III-мъ т. сочиненій Добролюбова.

шаго изъ нея художника Ефимова. Какъ своихъ чиновниковъ Достоевскій большею частью надѣляетъ добрыми начальниками, такъ и своего крѣпостного художника надѣлилъ онъ помѣщикомъ, любящимъ искусство и доставляющимъ Ефимову вполнѣ благопріятную обстановку. Но Ефимовъ становится несчастнымъ потому, что его стремленія идутъ гораздо далѣе его способностей. Онъ жаждетъ извѣстности, и она-бы, пожалуй, досталась ему, если-бы онъ былъ способенъ къ упорному труду. Но онъ добивается извѣстности сразу и, не достигая ее, носится съ мыслью, что его не хотятъ признать. Тутъ, конечно, сказалась въ болѣзненномъ видѣ такъ называемая широкая натура русскаго человѣка. Достоевскій противопоставляетъ ей скромнаго и усидчиваго художника, нѣмца Б. «Ты нетерпѣливъ,—говоритъ онъ Ефимову,—ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты... ты самолюбивъ и въ тебѣ мало смѣлости». Но Ефимовъ остается при своемъ самообманѣ, что не собственный нравъ, а другіе портятъ ему жизнь. Видя причину своихъ слабыхъ успѣховъ также и въ своей недостаточности, онъ хватается за случай поправить свои обстоятельства при помощи женитьбы изъ-за 1000 р. приданаго. При широкой его натурѣ это, конечно, не поправляетъ его положенія. Тогда по старой привычкѣ винить лишь другихъ, онъ начинаетъ пить и обращается въ нравственнаго мучителя своей труженицы жены. Озлобляясь, она въ свою очередь начинаетъ его преслѣдовать. У нея отъ перваго брака есть дочь, и вотъ ею-то, какъ извѣстно, и ведется разсказъ въ романѣ. «Помню,—говоритъ она,—что были сумерки; все было въ безпорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка и, не знаю, что такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отчимъ сидѣлъ въ углу въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала и бросилась къ нимъ обоимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и

крѣпко обняла батюшку, чтобы заслонить его собою. Богъ знаетъ, отчего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ не виноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынесть за него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ также боятся ея».

Дѣвочка еще не въ состояніи понять, что если мать вообще такъ сурова, сурова даже въ обращеніи съ ней, своей родной дочерью, то это не потому, чтобы она не была добра, а потому, что она-то и есть настоящая страдалица въ домѣ. Издавній трагизмъ положеній разыгрывается катастрофой, которая тѣмъ ужаснѣе, что наступаетъ сразу. Возвратившись съ концерта знаменитаго музыканта, Ефимовъ, взявшій себѣ, такъ сказать, съ бою присутствіе на этомъ концертѣ, совершенно подавленъ сознаніемъ того, что въ самомъ дѣлѣ есть у этой знаменитости и чего, должно быть, такъ-таки и нѣтъ у него, Ефимова. Съ горя, какъ-бы въ видѣ какого-то нравственнаго запоя, онъ хватается за свою заброшенную скрипку и начинаетъ играть и играть, самъ чувствуя, что никогда еще такъ не игралъ. Но жена тутъ-же спитъ на постели; что если она проснется отъ его игры? Онъ вовсе не бережетъ ея сна, но онъ никогда не играетъ при ней, считая ее, свою «гонительницу», недостойною его слушать. Вотъ онъ и наваливаетъ на нее груду платья и всякаго тряпья. Но она уже такъ и не подымается изъ-подъ этой груды. Онъ въ отчаяніи бѣжитъ и погибаетъ, а осиротѣвшая Неточка попадаетъ на руки къ чужимъ людямъ.

Еслибъ Достоевскій имѣлъ въ виду тотъ соціальный протестъ зауряднаго свойства, какого добивалась отъ него критика, то онъ выставилъ-бы тѣхъ благодѣтелей-аристократовъ, къ которымъ попадаетъ дѣвочка, настоящими благодѣтелями-мучителями. Но какъ его «начальники» и его «помѣщикъ», такъ и пріютившій Неточку князь оказывается очень добрымъ человѣкомъ. А Неточкѣ тѣмъ не менѣе живется тяжело, по болѣе глубокимъ основаніямъ, чѣмъ тѣ, какія надобны были критикѣ. Самъ

князь оказывается въ семейномъ своемъ положеніи далеко не благополучнымъ. Нервозность Неточки, причиненная тѣмъ, что испытала она съ ранняго дѣтства, вскорѣ вызываетъ со стороны княгини опасеніе, какъ-бы она не подѣйствовала болѣзненно на ея дочь. Неточка попадаетъ въ новую обстановку—столь-же благопріятную въ смыслѣ жизненныхъ удобствъ и хорошаго обращенія, но не менѣе тяжелую потому, что она становится опять, поневолѣ, участницею въ чужой семейной драмѣ. На этомъ и обрывается романъ, несомнѣнно заслуживавшій и въ своемъ неполномъ видѣ болѣе вдумчиваго отношенія со стороны критики.

Но передъ Добролюбовымъ было и написанное уже въ Сибири «Село Степанчиково». Добролюбовъ упоминаетъ только мимоходомъ о той странной, душевно, конечно, далеко не здоровой личности, которая является тутъ подъ именемъ Ѳомы Ѳомича. Самъ Достоевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ эту повѣсть своимъ «лучшимъ произведеніемъ, а два главныхъ ея характера (Ѳомы Ѳомича и полковника Ростанева) — не бывалыми ни въ одной литературѣ». Это, конечно, преувеличено, но повѣсть дѣйствительно была оцѣнена у насъ ниже своего достоинства. Личность Ѳомы Ѳомича представляетъ замѣчательный, психологически вполнѣ выясненный, переходъ изъ положенія человѣка оскорбленнаго, униженнаго — въ положеніе человѣка оскорбляющаго, при представившейся возможности забрать власть въ свои руки.

Ѳома Ѳомичъ, долго бывшій приживальщикомъ въ домѣ стараго самодура генерала, вдругъ переходитъ къ человѣку, который отличается самымъ кроткимъ, гуманнымъ характеромъ. Пользуясь этимъ, приживальщикъ забираетъ въ руки не только хозяина, но и весь домъ Онъ съ какимъ-то наслажденіемъ продѣлываетъ надъ другими то, что самъ вынесъ: загнанность его прежняго положенія развила въ немъ эгоизмъ до послѣднихъ предѣловъ. Впрочемъ, въ концѣ повѣсти ему представляется возможность подняться нравственно: отъ него зависитъ

разстроить бракъ полковника съ нѣжно привязавшейся къ нему гувернанткой и такимъ образомъ отомстить полковнику за то, что онъ было попытался нѣсколько пообуздать самоуправство Ѳомы Ѳомича; но Ѳома Ѳомичъ вдругъ отказывается отъ мести, онъ великодушно содѣйствуетъ этому браку и такимъ образомъ изъ маленькаго тирана подчинившагося ему дома неожиданно превращается въ благодѣтеля.

Передъ Добролюбовымъ были, наконецъ, и «Униженные и оскорбленные»—романъ, написанный уже по возвращеніи Достоевскаго изъ Сибири и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, громко свидѣтельствовавшій о томъ, что ссылка не подорвала въ немъ творческой силы. Къ недостаткамъ романа принадлежитъ, кромѣ однообразія въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ, могущее представиться неестественнымъ постоянство любви Наташи къ отвратительному барченку-вертопраху-плаксѣ Алешѣ. Но Добролюбовъ считалъ недостаткомъ и то, что, ведущій въ романѣ разсказъ, Иванъ Петровичъ такъ снисходительно переноситъ измѣну Наташи, измѣну ему — ради такой дрянной личности, какъ Алеша. Въ этомъ отношеніи, надо замѣтить, Иванъ Петровичъ напоминаетъ собою героя «Бѣлыхъ ночей», — романа, написаннаго Достоевскимъ еще до ссылки. Тотъ также точно уступаетъ другому, принятому сперва за обманщика самою его невѣстой, съ горя готовой согласиться на предложеніе неожиданнаго утѣшителя, героя романа, который, при возвращеніи прежняго жениха, готовъ удовольствоваться своимъ кратковременнымъ счастьемъ. Дѣло въ томъ, что въ «Бѣлыхъ ночахъ» Достоевскій, какъ глубокій уже съ начала своей дѣятельности психологъ, предугадалъ возможность такихъ отношеній, которыя оказались потомъ въ его собственной жизни (стоитъ только перечитать тѣ письма его изъ Сибири, которыя предшествовали его первой женитьбѣ). Въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» онъ воспроизвелъ эти самыя отношенія, надѣливъ Ивана Петровича и вообще очень многимъ изъ своей собственной жизни. Добролюбову, между тѣмъ, показалось, что

«Иванъ Петровичъ униженъ и оскорбленъ едва-ли не болѣе всѣхъ въ романѣ», что, снисходительно относясь къ своему положенію и его виновницѣ, онъ вполнѣ неестественъ. Но въ чемъ-же виновата передъ нимъ Наташа? Въ томъ, что она ему предпочла другого, да еще недостойнаго. Но онъ съ своей стороны видитъ въ этомъ скорѣе ея несчастье, ея *бѣду*, чѣмъ ея *вину*. Непремѣнно требовать отъ нея любви можно только при совершенно ему недостающей деспотической стрункѣ въ характерѣ. Потому-то онъ и не чувствуетъ себя, при всемъ своемъ горѣ, «униженнымъ и оскорбленнымъ», а если-бы даже и чувствовалъ, то все-же-бы понималъ, что гораздо болѣе его «унижены и оскорблены»: старый отецъ Наташи, брошенный ею ради дрянного сына того ужаснаго человѣка, который, разоривъ его, противъ него-же еще и ведетъ процессъ; маленькая Нелли, брошенная роднымъ отцомъ и нищенствующая; мать этой Нелли, увлеченная и брошенная человѣкомъ, навлекшимъ на нее, въ довершеніе всего, проклятіе ея отца, наконецъ этотъ старый ея отецъ, ею когда-то брошенный и теперь нищенствующій. Въ Иванѣ Петровичѣ дѣйствительно вовсе нѣтъ ревности потому, что онъ занятъ не собою, заботится не о своихъ невзгодахъ, а о чужихъ, отовсюду его окружившихъ, страданіяхъ.

О виновникѣ столькихъ страданій, князѣ Вальковскомъ, критика отозвалась, какъ о какомъ-то мелодраматическомъ злодѣѣ. Князь, дѣйствительно, въ разговорѣ съ Иваномъ Петровичемъ, какъ-бы рисуется своею безнравственностью; но на это есть въ романѣ настоящая психологическая подкладка. Когда нужно, князь умѣетъ самымъ благовоспитаннымъ образомъ скрывать свои мерзости подъ приличной личиной, но, обращаясь къ Ивану Петровичу, онъ прямо хочетъ озадачить бѣдняка своимъ аристократическимъ правомъ явиться передъ нимъ въ натурѣ. «Есть,—говоритъ онъ,—особое сладострастіе въ этомъ внезапномъ срывѣ маски, въ этомъ цинизмѣ, съ которымъ человѣкъ вдругъ высказывается передъ другимъ въ такомъ родѣ, что даже не удостаиваетъ и постыдиться

передъ нимъ». «Нравственность,—цинически утверждаетъ князь,—въ сущности есть комфортъ и имѣетъ значеніе только въ предохранительномъ смыслѣ», — въ *предохранительномъ* для него, относительно-же другихъ онъ и ему подобные пользуются «разрѣшеніемъ на вся...» «Послушайте, мой другъ,—продолжаетъ онъ цинически откровенничать,—я вѣрую въ то, что на свѣтѣ можно хорошо пожить, а это самая лучшая вѣра, потому что безъ нея даже и худо-то пожить нельзя: пришлось-бы отравиться... Я считаю себя обязаннымъ только тогда, когда это мнѣ принесетъ какую-нибудь пользу. Вы, разумѣется, не можете такъ смотрѣть на вещи: у васъ ноги спутаны и вкусъ больной. Вы тоскуете по идеаламъ, по добродѣтелямъ». Это, какъ-бы хочетъ онъ сказать, ваше мѣщанское дѣло,—одуряющій обманъ всѣхъ маленькихъ людей. «Я навѣрное знаю,—говоритъ онъ про себя и своихъ,—что въ основѣ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей лежитъ эгоизмъ... Я на все согласенъ, было-бы мнѣ хорошо, и насъ такихъ легіонъ, и намъ дѣйствительно хорошо». Это со стороны князя — цѣлое исповѣданіе вѣры, то исповѣданіе, которое впослѣдствіи пришлось подслушать Достоевскому у другихъ, у тѣхъ, которые захотѣли, такъ сказать, *демократизировать* это исповѣданіе, т.-е. распространить на всѣхъ это барское «разрѣшеніе на вся».

Самъ Достоевскій всегда держался другого совсѣмъ исповѣданія, того, которое у его простодушнаго Макара Алексѣевича сказалось въ словахъ, что «совѣстно табакъ курить, когда другой и послѣдняго-то лишается».

Но въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» есть еще одно чисто эпизодическое лицо, которое со своимъ исповѣданіемъ заслуживало-бы вниманія критики. Это — тотъ дипломатъ, который говоритъ тутъ, какъ «власть имѣющій». — «Онъ рисуетъ свою идею,—по словамъ Достоевскаго,—тонко и умно, только идея его—отвратительная». Онъ настаиваетъ на томъ, что весь этотъ духъ реформъ, имѣющихъ ограничить одностороннія привилегіи съ ихъ развращающими послѣдствіями, что всѣ эти исправленія

вскорѣ станутъ приносить свои плоды, и тогда «съ удвоенной энергіей начнутъ поддерживать старое...» «Безъ *насъ* нельзя,—заключаетъ онъ,—безъ насъ ни одно общество еще никогда не стояло... Мы всплывемъ, всплывемъ, и девизъ нашъ въ настоящую минуту долженъ быть: «Pire ça va, mieux ça est». И вотъ опять Достоевскому впослѣдствіи приходилось подслушать и изъ другихъ совершенно устъ: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», подслушать съ тѣмъ, чтобъ сказать, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ устахъ,—это *одного* поля ягода.

Дипломатъ, провозглашающій такую теорію, конечно, одинъ изъ баричей, недовольныхъ 19-мъ февраля. Другіе, видя, что дѣлать нечего, находили болѣе цѣлесообразнымъ faire bonne mine à mauvais jeu. Отсюда тѣ служилые представители реформъ, тѣ патентованные либералы, которые, par le temps qui court, разсчитывали тѣмъ успѣшнѣе сдѣлать карьеру. Достоевскій выставилъ одного изъ нихъ—болѣе мелкой сошкой—выставилъ въ своемъ «Скверномъ анекдотѣ», въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пралинскаго, которому «обновляющаяся Россія подала вдругъ большія надежды». На вечерѣ у Степана Никифоровича, гораздо ранѣе его попавшаго въ «штатскіе генералы», онъ громко проповѣдуетъ свои либеральныя идеи. Старшій «генералъ» и другой, также съ ними обѣдающій—оба скорѣе «консерваторы» — подсмѣиваются надъ Пралинскимъ, что онъ «не выдержитъ». Вотъ тутъ-то, послѣ ужина, онъ и попадаетъ совершенно случайно на свадебную пирушку къ тому самому маленькому своему чиновнику Пселдонимову, которому хотѣлъ было дать 10 рублей награды къ празднику, но такъ и не далъ, ради «потнаго лица и крайне несимпатичнаго взгляда этого Пселдонимова». Очутившись въ средѣ, для него слишкомъ низкой, и не зная какъ-бы такъ, спустившись до нея, не утратить своего достоинства, онъ избираетъ благую часть — продолжаетъ и тутъ угощаться, но, хвативъ, наконецъ, черезъ край, попадаетъ въ положеніе, вовсе невыгодное для его «достоинства» и еще менѣе выгодное для подчи-

неннаго, котораго вздумалъ онъ «осчастливить». Свадебный пиръ кончается въ высшей степени неудобною болѣзнью его превосходительства и необходимостью тщательнаго ухода за его высокой персоной — тутъ-же, въ квартирѣ «осчастливленныхъ» молодыхъ. Но что составляетъ уже рѣшительно печальную сторону «сквернаго анекдота»—это дальнѣйшія послѣдствія конфуза его превосходительства для подчиненнаго, у котораго сей конфузъ приключился. Печальна та логика, которая сейчасъже заставляетъ подчиненнаго понять, что, сдѣлавшись ближайшимъ свидѣтелемъ критическаго положенія своего начальника, онъ уже не долженъ и думать показываться ему на глаза; и вотъ подъ вліяніемъ этой логики подчиненный спѣшитъ заглазно подать прошеніе о переводѣ въ другое мѣсто. Прошеніе принято, потому что генералъ въ самомъ дѣлѣ «не выдержалъ». Въ развязкѣ, такимъ образомъ, этотъ «анекдотъ»—по мнѣнію нѣкоторыхъ, просто пустая, даже плоская, грязная шутка, — полонъ серьезнаго смысла и находится, по послѣдствіямъ его для маленькаго человѣка, въ самой близкой связи съ другими картинами галлереи настоящихъ «забитыхъ людей» Достоевскаго [1]).

Къ этой галлереѣ отчасти должны быть отнесены и учительскіе типы въ «Дядюшкиномъ снѣ» и въ «Игрокѣ». Въ первомъ мы видимъ бѣднаго учителя уѣзднаго училища, забракованнаго въ качествѣ жениха именно изъ-за бѣдности. Между тѣмъ та, которую онъ любитъ и которая платитъ ему тѣмъ-же въ душѣ, сдается на постыдную торговую сдѣлку своей матери съ дряхлымъ сіятельнымъ богачомъ, успѣвшимъ, отъ слишкомъ весело проведенной жизни, потерять сознаніе и память. И этотъ-то живой мертвецъ долженъ повести ее къ налою, между тѣмъ какъ отвергнутый ею молодой, честный труженикъ съ горя чахнетъ и умираетъ отъ чахотки. Въ «Игрокѣ» обрисовано подначальное положеніе учителя

[1]) Мы видѣли, что Добролюбову нѣкоторые изъ нихъ только казались забитыми.

въ домѣ человѣка, который смотритъ на него, какъ на какую-то, почему-то необходимую, мебель. Не что иное, какъ желаніе выйти изъ этого подначальнаго положенія, заставляетъ его рискнуть попытать счастіе въ соблазняющей его игрѣ на рулеткѣ. И какую яркую противоположность представляетъ при этомъ азартная игра старухи тетки генерала съ игрою учителя. Старуха пускается на краю могилы въ игру—по барской прихоти и изъ желанія показать племяннику, разсчитывающему на ея наслѣдство, что она не только еще въ живыхъ, но и полна жизни и страсти, а главное, что она полновластная владычица своего богатства: захочетъ и спуститъ все въ одинъ день у него на глазахъ, не оставивъ ему ни копѣйки. Это совсѣмъ не то, что отчаянное «авось и я выйду въ люди» учителя, убѣдившагося въ томъ, какъ тяжелъ трудовой хлѣбъ. Къ тому-же у него тутъ примѣшивается и желаніе поправить своимъ выигрышемъ положеніе любимой имъ дѣвушки, падчерицы генерала. Не отнесись она къ нему такъ гордо, не оттолкни она протянутую къ ней руку, и онъ сумѣлъ-бы остановиться во-время, не втянулся-бы окончательно въ грязный омутъ игры. Униженіе, испытываемое имъ, бѣднякомъ, отъ Полины,—очень тяжелое униженіе, потому что оно дается отъ существа любимаго—доводитъ его до потери вѣры въ себя и въ другихъ, до совершеннаго нравственнаго паденія. А если мы, наконецъ, вспомнимъ послѣднюю встрѣчу его съ англичаниномъ, достающіеся отъ него упреки въ пустотѣ, въ отсутствіи характера, обобщеніе, дѣлаемое англичаниномъ—«что всѣ-то вы, русскіе, пустые, безхарактерные люди», — то нетрудно будетъ понять, что, послѣ всего предшествующаго, такое окончательное униженіе могло только нравственно доконать несчастнаго молодого человѣка. Повѣсть остается какъ-бы оборванной, но можно предвидѣть, что героя ея ожидаетъ впереди—едва-ли не самоубійство...

II

«Записки изъ мертваго дома».—«Записки изъ подполья».—«Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ».

Сама судьба, какъ извѣстно, свела Достоевскаго, и надолго свела, съ людьми, являющимися окончательными жертвами общества, не только «униженными и оскорбленными,» обездоленными, доведенными до чахотки или забитыми, не только запивающими съ горя, сходящими съ ума или лишающими себя жизни, но и втягивающимися въ преступленія. Литературнымъ результатомъ непосредственнаго знакомства съ этими жертвами общества являются у Достоевскаго «Записки изъ мертваго дома»—произведеніе единственное въ своемъ родѣ. Что подъ вымышленнымъ именемъ «уголовнаго преступника» Александра Петровича, ведущаго эти записки, скрывается самъ Достоевскій, не подлежитъ никакому сомнѣнію [1]).

Первое впечатлѣніе, испытанное составителемъ этихъ записокъ при поступленіи въ «мертвый домъ», было самое безотрадное. Это множество людей, собравшихся, не по доброй волѣ, съ разныхъ концовъ обширной земли русской въ одно разношерстное общество, трудящихся не по свободному выбору, не по собственному хотѣнію,—это общество и на читателя производитъ сначала такое мрачное впечатлѣніе, что онъ готовъ повторить стихи Пушкина:

«Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;

---

[1]) Это стало окончательно ясно изъ письма Ѳедора Михайловича къ брату своему Михаилу Михайловичу отъ 22-го февраля 1854, появившагося въ сентябрьской книжкѣ «Русской Старины» 1885 г. Если это драгоцѣннѣйшее письмо не вошло въ полное собраніе сочиненій Достоевскаго, то виновна въ томъ не издательница, а то лицо или тѣ лица, которыя не захотѣли во-время сообщить ей эту, конечно, *общественную*, а не *ихъ*-же *личную* собственность.

Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ
Какъ юношу любви свиданье...»

Но, приглядываясь къ людямъ, которые его окружаютъ, составитель записокъ мало-по-малу различаетъ между ними натуры, мало испорченныя или даже исполненныя самыхъ мягкихъ, самыхъ симпатическихъ качествъ. Такими чертами отличается, напримѣръ, Сушиловъ, когда-то дворовый человѣкъ, Богъ вѣсть за что попавшій въ ссылку въ безотчетно-безправныя времена крѣпостничества, а въ самомъ ужасномъ отдѣленіи «мертваго дома» очутившійся по простодушію, заставившему его «смѣниться» съ другимъ арестантомъ. Не менѣе сочувственнаго представляетъ и этотъ красивый мальчикъ Сироткинъ, любимецъ своей крестьянки-матери, прямо изъ-подъ ея, по крайней мѣрѣ, теплаго крова попавшій въ рекруты, да еще—этого не надо забывать—въ рекруты *той* поры, когда никому и не снилось о преобразованіяхъ Александра II. Не помирившись съ своей новой долей, онъ попытался сперва застрѣлиться, потомъ, съ отчаянія, что это не удалось, вдругъ, въ порывѣ какого-то нравственнаго опьяненія, убилъ своего командира и послѣ этого мгновеннаго взрыва снова обратился въ кроткаго, тихонькаго ребенка. Другого рода оттѣнокъ представляетъ Акимъ Акимычъ, человѣкъ, постоянно съ величайшимъ усердіемъ исполнявшій всѣ обязанности службы, но разъ, по глупости, хватившій въ своемъ усердіи черезъ край. Разстрѣлявъ мирнаго кавказскаго князька, стрѣлявшаго по русскимъ крѣпостямъ, онъ безсознательно дошелъ до жестокости, поставленной ему въ вину и самимъ начальствомъ, въ сущности-же остался предобродушнымъ малымъ. А кавказецъ Нурра, котораго вина заключалась въ томъ, что, принадлежа къ числу «мирныхъ», онъ переходилъ къ «немирнымъ» и дѣйство-

валъ противъ русскихъ! Несмотря на этотъ горскій патріотизмъ, онъ въ острогѣ предобродушно относился къ своимъ русскимъ товарищамъ, а автора записокъ привѣтствовалъ дружескимъ ударомъ по плечу, которымъ хотѣлъ, очевидно, выказать свое сердечное участіе къ «новичку». Или этотъ милый, кроткій Алей, о которомъ говоритъ авторъ, что «никогда его не забудетъ»,— этотъ младшій братъ въ семьѣ горцевъ, напавшій вмѣстѣ со старшими на караванъ съ цѣлью грабежа, но даже не знавшій при этомъ, куда и зачѣмъ его ведутъ, а слѣдовавшій за братьями потому, что младшему, по понятіямъ горцевъ, нельзя разсуждать, когда велятъ старшіе [1]). Самъ по себѣ Алей—мягкій, добрый юноша. Онъ зачитывается въ острогѣ евангеліемъ и съ особеннымъ наслажденіемъ думаетъ угодить христіанину тѣмъ, что говоритъ ему: «Иса былъ великій пророкъ!» А величавая фигура старика раскольника, сосланнаго за то, что, съ его точки зрѣнія, представляется религіознымъ подвигомъ, и свое пребываніе въ одномъ мѣстѣ съ каторжниками считающаго за спасительное мученичество! Понятна послѣ этого сила его нравственнаго вліянія на остальныхъ каторжныхъ, которые такъ ему довѣряютъ, что всѣ отдаютъ ему на сохраненіе свои деньги.

Мало-по-малу вглядываясь и въ другія острожныя личности, авторъ и въ нихъ понемногу отыскиваетъ человѣческія черты. Такъ онъ замѣчаетъ въ нихъ жажду полезной работы, работы съ цѣлью, со смысломъ, и ту готовность, съ которой они принимаются за работу такого рода и стараются окончить ее непремѣнно къ сроку, потому что это даетъ имъ возможность выказать себя съ доброй стороны. А усердное справленіе ими праздниковъ, чѣмъ арестанты какъ бы хотятъ сказать: «вѣдь и мы тоже люди, тоже христіане!» Или эта почти дѣтская радость, что имъ разрѣшили театръ, что даетъ

---

1) О немъ-то, должно быть, Достоевскій говоритъ въ своемъ письмѣ: «Я училъ одного молодого черкеса (присланнаго въ каторгу за разбои) русскому языку и грамотѣ. Какою же благодарностью окружилъ онъ меня!»

имъ возможность обнаружить свои способности и внести хотя нѣкоторое разнообразіе въ ихъ однозвучную жизнь; или то, что пожертвованные калачи дѣлятся у нихъ постоянно поровну; или мягкія отношенія каторжниковъ къ ссыльнымъ изъ иноземцевъ, чуждыя всякой исключительности и нетерпимости.

Но вспомнимъ наконецъ и сцену выпуска на волю орла съ подстрѣленнымъ крыломъ, котораго никакъ не удалось жителямъ «мертваго дома» сдѣлать ручнымъ и который, быть можетъ, именно этимъ и вызываетъ ихъ особенное сочувствіе.

— Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ, — говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то, — поддакивали другіе.

— Знать онъ не такъ, какъ мы,—прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ, и т. д.

И вотъ, несвободные сами, они, по крайней мѣрѣ, отпускаютъ на волю этого неподдавшагося острогу царя лѣсовъ и любуются, какъ онъ улетаетъ, несмотря на свое больное крыло.

— Вишь его! — задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется!—прибавилъ другой.

— А ты думалъ, благодарить воротится?—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло, воля. Волю почуялъ.

— Слобода, значитъ.

— И не видать уже, братцы...

Нельзя наконецъ не привести и слѣдующаго общаго замѣчанія составителя записокъ: «Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у

васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали...» [1])

Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, до какой степени сколько-нибудь мягкое отношеніе начальства къ этимъ людямъ, малѣйшее выраженіе съ его стороны довѣрія къ нимъ способно укрѣплять въ нихъ человѣческія чувства. «Съ этими несчастными,—утверждаетъ онъ,—и надобно обращаться наиболѣе по-человѣчески». Говоря объ одномъ изъ острожныхъ добрыхъ начальниковъ, онъ утверждаетъ: «потеряй онъ тысячу рублей, я думаю, первый воръ изъ нашихъ, если-бы нашелъ ихъ, отнесъ-бы къ нему». За то всякое выраженіе въ родѣ: «ты знаешь, я могу съ тобой все сдѣлать», «я тебя въ бараній рогъ согну», а тѣмъ болѣе: «я твой Богъ, я твой царь» доводитъ этихъ людей до совершеннаго ожесточенія. Въ отпоръ тѣмъ, кто способенъ такъ выражаться, а равно и дѣйствовать въ соотвѣтственномъ духѣ, острожники противопоставляютъ гордую терпѣливость при самыхъ даже ужасныхъ наказаніяхъ. Но та-же особаго рода гордость не позволяетъ имъ и сознаваться въ своей преступности. Такая гордость является со стороны арестантовъ мстительнымъ отпоромъ всему обществу, изъ-за котораго ихъ, какъ грозящихъ его безопасности, засадили въ острогъ. «Большинство совсѣмъ не винило себя; врядъ-ли кто изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности». Между тѣмъ, авторъ представляетъ намъ и говѣніе арестантовъ, показываетъ, какъ они, при выходѣ священника съ чашей и произнесеніи имъ словъ: «помяни мя, яко разбойника», всѣ вдругъ, гремя цѣпями, падаютъ на землю, съ чувствомъ несомнѣннаго, искренняго раскаянія. Откуда же вдругъ такое

---

[1]) А въ письмѣ своемъ Достоевскій говоритъ: «Люди вездѣ люди. И въ каторгѣ между разбойниками я отличилъ наконецъ людей. Повѣришь-ли, есть характеры глубокіе, сильные, прекрасные, и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золото. И не одинъ, не два, а нѣсколько. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны».

пробужденіе чувства виновности? Но вѣдь тутъ ихъ зовутъ словами, *одинаковыми для всѣхъ* (съ разбойникомъ сравниваются тутъ *всѣ люди*), ихъ зовутъ къ пролившему свою кровь *за всѣхъ безъ изъятія*; тутъ, передъ этой *единой* чашей, они чувствуютъ себя дѣйствительно *равными со всѣми людьми*, тутъ и они — не отверженники родной семьи, и вотъ это-то сознаніе размягчаетъ ихъ ожесточившіяся сердца, и они готовы признать себя виноватыми, потому что тутъ оказываются, въ той или другой мѣрѣ, виноватыми *всѣ вообще*.

Въ самомъ концѣ «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскій спрашиваетъ: «...И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать, вѣдь этотъ народъ — необыкновенный былъ народъ, вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего [1]). Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?»

И съ этимъ вопросомъ мы должны, къ сожалѣнію, обратиться ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ народамъ, такъ какъ вѣдь вездѣ преступленія являются, въ большей или меньшей степени, слѣдствіемъ несовершенства порядковъ общественныхъ. Многое въ «Запискахъ изъ мертваго дома» отзывается собственно нашей жизнью, связано съ нашими порядками, отчасти теперь уже упраздненными человѣколюбивою волею государя Александра II [2]). Отжило крѣпостное право — и цѣлый многочисленный разрядъ ссыльныхъ сдѣлался послѣ того невозможнымъ [3]). Смягчилась военная дисциплина, и все

---

1) Въ своемъ письмѣ онъ говоритъ: «Что за чудный народъ!... Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо, и такъ хорошо, какъ, можетъ быть, не многіе знаютъ его».

2) Надо однако же замѣтить, что и при прежнихъ порядкахъ въ нашемъ острогѣ жилось въ извѣстномъ смыслѣ вольготнѣе, чѣмъ гдѣ-либо за моремъ, потому что и тутъ, какъ вездѣ, мы, по натурѣ своей, менѣе педанты и формалисты (это замѣтили иностранцы).

3) Къ числу ихъ относится крѣпостной, убившій своего барина за то, что онъ обошелся съ его новобрачною женою на основаніи juris primae noctis и бывшій,

рѣже и рѣже должны становиться преступленія, связывавшіяся съ прежнею крайнею строгостью. Нѣтъ уже болѣе тѣхъ шпицрутеновъ, кровавые слѣды которыхъ на спинахъ у каторжниковъ наводили такой ужасъ на Достоевскаго. Новый судъ положилъ конецъ тому, что такъ глубоко возмущало составителя «Записокъ изъ мертваго дома», — необращенію вниманія на побудительныя причины, исключительному приниманію въ расчетъ только самаго *факта* преступленія. Право присяжныхъ— даже и признавая фактъ — оправдывать въ извѣстныхъ случаяхъ подсудимаго (право *священное*, безъ всякаго спора, хотя-бы и случались злоупотребленія), въ свою очередь положило конецъ цѣлому разряду прежнихъ каторжниковъ. Подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ преобразованій, много должно явиться и другихъ подобнаго рода *изъятій и сокращеній* въ числѣ преступниковъ. Въ самомъ быту арестантовъ многое можетъ улучшиться, при введеніи той или другой новѣйшей, усовершенствованной пенитенціарной системы. Но впечатлѣніе, производимое книгой Достоевскаго, не потеряетъ основной своей силы и послѣ самыхъ рѣшительно-гуманныхъ преобразованій по тюремной части.

«Преступникъ,—говоритъ Достоевскій,—кажется, не можетъ быть осмысленъ съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагаютъ... Остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступника... Я твердо увѣренъ, что знаменитая *келейная система* достигаетъ только ложно обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, и нравственно изсохшую мумію представляетъ какъ образецъ исправленія... Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его,

---

по замѣчанію Ѳедора Михайловича, «однимъ изъ самыхъ смирныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ». Его исторія не вошла въ «Записки изъ мертваго дома», по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ, но передана была Достоевскимъ А. П. Милюкову, который сообщилъ ее публикѣ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳ. М. Достоевскомъ въ майской книжкѣ «Русской Старины» 1881 г. (стр. 36 — 39).

и почти всегда считаетъ себя правымъ, а не виноватымъ» [1]).

Все это придастъ книгѣ Достоевскаго значеніе общечеловѣческое, и оно тѣмъ болѣе неотразимо, что авторъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшей натяжки, ни малѣйшаго преувеличенія, нигдѣ не впадаетъ въ мелодраматизмъ или фальшивую идеализацію преступленія, а стремится только къ глубинѣ психическаго анализа, имъ вполнѣ и достигнутой. Это совсѣмъ не то, что мы видимъ у нѣкоторыхъ французскихъ писателей на ту-же тему, у которыхъ преступники являются нерѣдко героями, а представители правосудія — какими-то мелодраматическими злодѣями. Дѣло вовсе не въ *злодѣяхъ*, а *въ цѣломъ и повсемѣстномъ порядкѣ вещей, жертвою котораго оказываются цѣлые разряды «преступниковъ»*. О томъ, какъ подчасъ внезапно они являются, Достоевскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «У насъ въ простонародьи иныя убійства происходятъ отъ удивительныхъ причинъ... Живетъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая—терпитъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось; онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага-притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: на время *человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки*. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага... Но потомъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ... за грубое слово, за взглядъ... или просто: «*прочь съ дороги, не попадайся — я иду!*» «... Точно, перескочивъ разъ чрезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святого... Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху»... У Достоевскаго преступники, тѣмъ не менѣе, вовсе не являются образцами героизма; они у него только остаются *людьми*, они у него—*несчастные*. Взглядъ До-

---

[1]) И впослѣдствіи, въ «Дневникѣ писателя», онъ говорилъ: «никогда никого не исправила каторга». Между тѣмъ Достоевскому нерѣдко приписывали другой взглядъ, изъ того, что говорилъ онъ объ образовательномъ дѣйствіи на человѣка страданія вообще, выводя мнимую апологію острога и острожной системы

стоевскаго на преступника—это нашъ русскій народный взглядъ, взглядъ той простой дѣвочки, про которую тутъ же разсказываетъ Достоевскій, какъ она побѣжала за нимъ, когда онъ шелъ съ работы, и, суя ему въ руку копѣечку, закричала: «на, несчастный»! (Эту копѣечку онъ долго берегъ). Но взглядъ этотъ, конечно, вынесенъ изъ ученія, столь же хорошо извѣстнаго и всему христіанскому міру; взглядъ этотъ непосредственно основывается на словахъ: «не судите, да не судимы будете» — или: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый подними камень и брось въ нее». Не даромъ Л. Н. Толстой въ своемъ письмѣ къ Н. Н. Страхову послѣ смерти Достоевскаго говоритъ о «Мертвомъ домѣ»: «Я не знаю лучше книги изъ всей новой литературы... не тонъ, а точка зрѣнія удивительная — искренняя, естественная и христіанская». Да, но она же и народная, надо прибавить. Немало было говорено о томъ, какъ слабо народъ нашъ усвоилъ себѣ столько уже вѣковъ тому назадъ доставшееся ему просвѣщеніе христіанское. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ за нимъ преимущественную наклонность къ обрядности, при несомнѣнныхъ остаткахъ привычекъ и суевѣрныхъ понятій чисто языческихъ; дѣйствительно, ненарушеніе поста нерѣдко соединяется у него съ самымъ вопіющимъ нарушеніемъ первыхъ основъ христіанской или даже и всякой нравственности, и вовсе, къ несчастью, невыдуманными оказываются такіе случаи, что осѣняли себя крестомъ, приступая къ совершенію преступленія [1]). Все это такъ, и никакая ложная сентиментальность въ отношеніяхъ нашихъ къ народу не должна намъ мѣшать признаться въ этомъ. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что нѣкоторыя стороны христіанскаго нравственнаго ученія запали, должно быть уже очень давно въ глубину души нашего народа и, однажды запавъ, прочно пустили тамъ корни. Вотъ этимъ-то объясняется и тотъ мягкій,

---

[1]) Подобный случай приводится у Ѳ. М. Достоевскаго въ «Идіотѣ». (См. Полное собраніе сочиненій, т. VII, стр. 219).

сострадательный взглядъ на преступника, который доставилъ ему у насъ, разумѣется, при вліяніи множества даже и очень позднихъ историческихъ обстоятельствъ, нисколько не оскорбительное названіе «несчастнаго».

Извѣстно, что Некрасовъ въ своей поэмѣ «Несчастные» въ лицѣ такъ-называемаго «Крота» думалъ выставить Достоевскаго въ «мертвомъ домѣ» (Онъ самъ въ этомъ сознавался Ѳедору Михайловичу). Между тѣмъ то очеловѣчивающее вліяніе (въ смыслѣ оцивилизовывающаго) на каторжниковъ, которое приписывается тутъ «Кроту», совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что разсказываетъ въ «Запискахъ изъ м. д.» самъ Достоевскій. Такое вліяніе было невозможно уже потому, что Достоевскій, какъ дворянинъ, долго не могъ пріобрѣсти и малѣйшаго даже довѣрія каторжниковъ. Дворянъ величали они «желѣзными носами, которые ихъ заклевали» [1]).

Съ другой стороны, Некрасовъ въ своей поэмѣ совершенно вѣрно угадалъ то настроеніе, которое окрѣпло у Достоевскаго именно въ Сибири, настроеніе человѣка, крѣпко вѣрующаго въ свой народъ. Поэтъ говоритъ про того-же «Крота»:

Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: во многомъ насъ
Опередили иноземцы;
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна—куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ее порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ».

---

[1]) Въ письмѣ своемъ онъ говоритъ про каторжниковъ: «ненависть къ дворянамъ превосходитъ у нихъ всѣ предѣлы, и потому насъ, дворянъ, встрѣтили они враждебно и съ злобною радостью о нашемъ горѣ. Они-бы насъ съѣли, еслибы имъ дали».

Въ пониманіи этой стороны Достоевскаго Некрасовъ далеко опередилъ современную критику, которая, благосклонно относясь, разумѣется, къ «Запискамъ изъ мертваго дома», не остановилась, однако, съ должнымъ вниманіемъ на такихъ тутъ мѣстахъ: «стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ,—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу—напротивъ: сами они еще должны у него поучиться».

Съ негодованіемъ вспоминалъ Достоевскій (уже въ «Дневникѣ писателя» 1876 г.) о тѣхъ каторжникахъ-дворянахъ изъ поляковъ, которые съ такимъ высокомѣріемъ относились къ простымъ русскимъ людямъ по случаю пьянства каторжниковъ на святой недѣлѣ. «Je hais ces brigands», сказалъ одинъ изъ этихъ интеллигентовъ-поляковъ. Тутъ-то и пришла Ѳедору Михайловичу на память та встрѣча еще въ дѣтствѣ съ «мужикомъ Мареемъ», которую онъ и разсказалъ въ «Дневникѣ писателя». Съ умиленіемъ вспоминалъ онъ про этого мужика, такъ нѣжно старавшагося успокоить ребенка, которому вдругъ почудился въ полѣ волкъ. «Испугался малецъ»,—говорилъ онъ,—проводя по дрожавшимъ губамъ мальчика своимъ запачканнымъ землею пальцемъ и выказывая при этомъ какую-то даже женскую мягкость и доброту». И вотъ, Достоевскому пришло въ голову, что, можетъ быть, и среди этихъ, въ самомъ дѣлѣ такъ безобразно разгулявшихся каторжниковъ, находятся люди, по основнымъ задаткамъ своей природы похожіе на «мужика Марея».

Еще прежде своей ссылки, въ «Честномъ ворѣ», Достоевскій уже предугадалъ тѣ черты народнаго «золота» подъ самою густою грязью, которыя онъ окончательно разглядѣлъ въ «мертвомъ домѣ».

Но современная критика въ «Запискахъ» о немъ не обратила должнаго вниманія и на кое-что иное, совершенно расходившееся съ господствующими въ ней поня-

тіями. Хотя переходъ «мужиковъ Мареевъ» въ «каторжниковъ» и долженъ, повидимому, объясняться модною въ то время ссылкою на такъ-называемую «заѣдающую среду», Достоевскій тутъ-же, по поводу сибирскихъ докторовъ, т.-е. нашей братіи — интеллигентовъ, прямо замѣчаетъ: — «пора-бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ заѣла».

Еще болѣе загадочнымъ могло-бы представиться тогдашней критикѣ то, что сказано у него тутъ-же, нѣсколько далѣе: «свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ...» А «добровольный палачъ (прибавляетъ къ этому Достоевскій), во всѣхъ отношеніяхъ, ниже подневольнаго». Свойства палача находятся въ несомнѣнной связи съ исповѣданіемъ вѣры кн. Вальковскаго. Демократизація этого исповѣданія, усвоеніе себѣ всѣми ученія: «я хочу—я могу», должно приводить и къ усвоенію себѣ каждымъ способностей «палача». Впослѣдствіи Достоевскому пришлось усмотрѣть уже непосредственно въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей жизни и воплотить передъ нами типъ «добровольнаго палача».

Вскорѣ послѣ «Записокъ изъ мертваго дома» намекомъ на этотъ типъ явился у Достоевскаго герой «Записокъ изъ подполья» — въ тѣ минуты, когда онъ вымещаетъ свое озлобленіе на первомъ попавшемся ему существѣ—на несчастной Лизѣ:—«Меня унизили, и я,—говоритъ онъ,—хотѣлъ себя показать, унижая другого». Дѣло тутъ еще только въ первой стадіи: «отвѣчай тотъ, кто первый подвернулся». Когда-же дойдетъ, наконецъ, до разбора, кто тутъ дѣйствительно виноватъ, тогда въ расправѣ надъ нимъ, дѣйствительно виноватымъ, уже не будетъ, конечно, несправедливаго произвола, а будетъ только старый законъ: «око за око, зубъ за зубъ»; но, въ примѣненіи этого закона,—тоже страстное упоеніе:— «ты меня въ бараній рогъ гнулъ, теперь я тебя гну въ тотъ-же бараній рогъ».

Но герой «подполья», въ пылу озлобленія готовый себѣ усвоить такую теорію, однако, спасенъ отъ безо-

глядныхъ изъ нея выводовъ несомнѣнно въ немъ существующими симпатическими сторонами природы. «Свое собственное вольное и свободное хотѣніе, — говоритъ онъ, — свой собственный, хотя-бы самый дикій, капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумасшествія,—вотъ это-то и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ». Но не надо пугаться этихъ словъ, этого *хотѣнія* ради *хотѣнія*. Онъ сейчасъ-же оговаривается: «*хотѣть можно и противъ своей собственной выгоды, а иногда и положительно должно*». Только способность и на такое хотѣнье доказываетъ, что человѣкъ владѣетъ своею личностью, какъ полнымъ своимъ имуществомъ,—захочетъ, и пожертвуетъ собою для другихъ. Въ сущности герой «подполья» возстаетъ противъ подведенія всего подъ одну такъ-называемую *выгоду*, которая осѣдлываетъ человѣка, внушая ему, будто подниматься выше ея—не его ума, т.-е. не его природы дѣло. «Ужь какъ докажутъ тебѣ, напримѣръ,—говоритъ онъ,— что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужь и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужь какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются подъ-конецъ всѣ такъ-называемыя добродѣтели и обязанности и прочіе бредни и предразсудки, такъ ужь такъ и принимай, нечего дѣлать — потому: дважды два, математика. Попробуйте возразить!» Но неподавимое въ немъ и рвущееся на свободу начало все-таки возражаетъ:—«да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два — четыре не нравятся!..» «Да когда-же бывало во всѣ эти тысячелѣтія,—продолжаетъ въ немъ бунтовать душа,—чтобы человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды?» [1]).

---

[1]) Это напоминаетъ замѣчанье Достоевскаго въ «Запискахъ изъ мертваго дома»: «есть въ Сибири нѣсколько лицъ, которыя назначеньемъ жизни своей по-

Вотъ этотъ-то протестъ души съ ея прирожденнымъ идеализмомъ не даетъ ему успокоиться на «борьбѣ за существованіе» съ кроющимися въ ея безоглядномъ примѣненіи къ дѣлу всеобщими инстинктами «палача». Доставьте только окончательную побѣду матеріализму, т.-е. всему, что изъ него слѣдуетъ, безъ поправокъ или провѣрокъ со стороны,—и идеалъ «палача» готовъ, какъ, съ другой стороны, готовъ и идеалъ мечтателя о комфортѣ.

Достоевскій, уже по возвращеніи своемъ изъ-за границы, пишетъ свои «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ». Въ нихъ онъ уже окончательно развиваетъ въ теоріи тотъ высокій идеализмъ, то ученіе о любви, какъ единственномъ врачевствѣ, которое съ самаго начала своего литературнаго поприща развивалъ онъ въ лицахъ. Это должно было окончательно его развести съ господствующей тогда критикой, на языкѣ которой самоотверженіе оказывалось не чѣмъ инымъ, какъ «приниженіемъ личности». Достоевскій же говорилъ: «поймите меня— *самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть, по моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли.* Добровольно пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ можно только при самомъ сильномъ развитіи личности».

Съ высоты такой, уже чисто христіанской, точки зрѣнія, Достоевскій и разсматриваетъ въ своихъ «Замѣткахъ», представившуюся ему, по его выраженію, съ птичьяго полета, «святую страну чудесъ», какъ называлъ даже Хомяковъ эту «обѣтованную землю»—Западную Европу. Особенно замѣчательна тутъ глава: «Ваалъ». «Да, Парижъ удивительный городъ,—пишетъ тутъ Ѳеодоръ Михайловичъ,—и что за комфортъ, что *за всевозмож-*

ставляютъ себѣ братскій уходъ за «несчастными»... Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то же время и высочайшій эгоизмъ. Ужь въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ, — никакъ не пойму».

ныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки—какой порядокъ, какое, такъ сказать, *затишье порядка*. Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней и, по крайней мѣрѣ наружно, какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами оттушевался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ... А между тѣмъ, и тутъ та же упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть вообще западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникъ обратиться, да только устроиться, не поѣдая другъ друга,—не то грозитъ обращеніе въ антропофаги». Но вѣдь, казалось-бы, оберегъ отъ подобнаго обращенія данъ давно. Недаромъ-же дама на одной изъ Лондонскихъ улицъ сунула нашему автору въ руку листокъ съ подписью: «crois-tu-cela?», листокъ, на другой сторонѣ котораго значилось по-французски-же: «Азъ есмь воскресеніе и животъ, и т. д.». Но дама эта, по его мнѣнію, лучше бы сдѣлала, если-бы во имя Христа входила въ углы, занимаемые Лондонскими «бѣлыми неграми». При этомъ онъ замѣчаетъ, какъ бы мимоходомъ, что «англиканскій священникъ не пойдетъ къ бѣдному (онъ въ этомъ отношеніи отдаетъ преимущество католическому); бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что имъ нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ... Это религія богатыхъ и уже безъ маски. По крайней мѣрѣ, раціонально и безъ обмана. У этихъ, убѣжденныхъ до отупѣнія, профессоровъ религіи есть одна своего рода забава: миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобы обратить одного дикаго, и забываютъ миліоны дикихъ въ Лондонѣ». Возвратясь къ тому божеству, которое, на самомъ дѣлѣ, одно и пользуется тутъ культомъ, Достоевскій замѣчаетъ: «Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ... Онъ презрительно и спокойно, чтобы только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и, затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно.

Ваалъ не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнію, подлѣ, на яву».

Конечно, Достоевскій не могъ не остановиться тутъ и на томъ, какимъ образомъ дѣйствовала Европа на насъ? Она, по словамъ его, «ломилась къ намъ со своею цивилизаціей въ гости»; но важно рѣшить; «насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось?».

Лучшимъ отвѣтомъ служитъ у него вопросъ о Фонвизинской комедіи: «почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманнаго Европейскаго развитія, вложилъ комикъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую ужь до того поддѣлалъ дурой, что всѣ нитки наружу вышли». Дѣло въ томъ, что бригадирша говоритъ Софьѣ: «у насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная». И вотъ, этотъ капитанъ страшно билъ и бранилъ ее, такъ что «ино наплачешься, на нее глядя».— «Пожалуйста, сударыня,—возражаетъ Софья,—перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество».—«Вотъ, матушка,—обижается, съ своей стороны, бригадирша,—ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково же было терпѣть капитаншѣ?». А Достоевскій тутъ замѣчаетъ: «такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья со своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой... И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ, изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздитъ свою капитаншу и чуть ли еще не съ большимъ комфортомъ, чѣмъ прежде».

Наконецъ, Достоевскій не даромъ спрашиваетъ въ этихъ «Замѣткахъ»: «вѣдь не съ неба-же, въ самомъ дѣлѣ, свалилось къ намъ славянофильство... Вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и, можетъ быть, гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда».

«Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» должны бы были послужить для тогдашней критики объясненіемъ также и прежнихъ произведеній Достоевскаго, понятныхъ, въ большинствѣ случаевъ, только въ заурядномъ обличительномъ смыслѣ. Если бы все дѣло было только въ дурныхъ начальникахъ или вообще въ дурныхъ порядкахъ у насъ, въ нашей общественной и государственной жизни,—то стоитъ только замѣнить ихъ порядками усовершенствованными, въ самомъ дѣлѣ европейскими,—и дѣло въ шляпѣ. Но Достоевскому задача представлялась гораздо болѣе мудреною. Вопросъ о «забитыхъ людяхъ», какъ выражалась критика, объ «униженныхъ и оскорбленныхъ», какъ выражался онъ самъ; вопросъ о *преступникахъ*, какъ говорятъ въ Европѣ, о *несчастныхъ*, какъ говоритъ русскій народъ, ставился у Достоевскаго несравненно шире и глубже. Глупо и безнравственно, разумѣется, утѣшать себя тѣмъ, что вопросъ этотъ существуетъ и въ Лондонѣ и что это ни мало не мѣшаетъ ни политическому величію Англіи, ни ея либеральной славѣ. Но вѣдь дѣло въ томъ, что повсемѣстность явленія во всемъ образованномъ мірѣ и не можетъ никого утѣшать, потому что свидѣтельствуетъ о такой трудности искорененія зла, которая способна довести до отчаянія...

Критика, впрочемъ, готова бы была сойти на подобную точку зрѣнія, но только замѣчая съ своей стороны, что Достоевскій, однако же, предлагалъ свое средство искорененія—практическую философію Макара Алексѣевича Дѣвушкина: «совѣстно табакъ курить, когда у другого недостаетъ и насущнаго хлѣба». Но что же это за средство?!

Да, онъ предлагалъ его, истолковывая во всѣхъ сво-

ихъ сочиненіяхъ, пожалуй, именно это и одно это средство, какъ основное.

Удивительный, въ самомъ дѣлѣ, чудакъ былъ этотъ Достоевскій!

III.

«Преступленіе и наказаніе».

Въ «Запискахъ изъ мертваго дома» Достоевскій показалъ намъ немало *озлобленныхъ*, доведенныхъ тѣмъ самымъ до *преступленія* и отъ послѣдствій его тѣмъ болѣе озлобившихся. Мы видимъ тутъ рядъ глубокихъ психологическихъ этюдовъ, за которыми позже послѣдовала большая картина: «Преступленіе и наказаніе». Но предварительнымъ этюдомъ служили и «Записки изъ подполья» со своимъ героемъ, забившимся въ уголъ и выносящимъ въ немъ атаку книжныхъ теорій, обороною отъ которыхъ служатъ ему, однако, живыя струны его природы.

Задача большой картины была чрезвычайно трудна; она могла оказаться по силамъ только такому геніальному писателю, какъ Достоевскій. Изобразить въ 1-й части романа весь процессъ преступленія, затѣмъ, въ слѣдующихъ частяхъ, — не что иное, какъ дальнѣйшее психологическое развитіе душевнаго состоянія преступника, сквозь которое проглядывало-бы и душевное настроеніе, предшествовавшее преступленію и его подготовившее—тема въ высшей степени тяжелая по своему гнетущему однообразію и по ужасному впечатлѣнію на читателя. И что же? читаешь — и духъ замираетъ; однако же, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, не можешь оторваться отъ книги. Кто-же является тутъ преступникомъ? Личность вполнѣ развитая — студентъ. Какое преступленіе совершаетъ онъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ убійство съ грабежомъ. Нельзя не сознаться, какъ и замѣтила въ свое время критика, что это случай, въ полномъ смыслѣ слова, исключительный, нѣчто совершенно

особенное, выходящее изъ ряда [1]); между тѣмъ, читаешь— и поневолѣ вѣришь, что все это возможно, до такой степени психологически ясенъ тутъ весь процессъ развитія преступленія и его послѣдствій. Преступникъ — бѣднякъ, но бѣднякъ мыслящій, стало быть, такой, которому несравненно тяжелѣе всякаго другого бѣдняка. Онъ долженъ, для того, чтобы только просуществовать въ свое учебное время, заниматься обученьемъ дѣтей за мѣдный грошъ. При томъ усиленномъ умственномъ трудѣ, какого требуетъ университетская наука, онъ лишенъ какихъ-бы то ни было удобствъ, лишенъ и высшихъ наслажденій, въ родѣ театра — всего, что доставляетъ человѣку совершенно законный отдыхъ отъ умственнаго труда. Бѣдность забила его въ душную кануру, гдѣ-то на чердакѣ. Правда, онъ самъ говоритъ: «другіе трудятся, другіе выносятъ все это, и я могъ-бы еще трудиться; работаетъ же Разумихинъ, — указываетъ онъ на выносливаго своего товарища,—да я озлился и не захотѣлъ. Я, какъ паукъ, къ себѣ въ уголъ забился».

Забившимся къ себѣ въ уголъ паукомъ является уже и герой «подполья». Но тотъ живетъ такъ лѣтъ двадцать, а отъ роду ему сорокъ лѣтъ, тогда какъ Раскольниковъ еще совершенно молодой человѣкъ. Онъ сравнительно еще недавно бросилъ слушанье лекцій и даванье уроковъ, т.-е. недавно «озлился и не захотѣлъ». Герой же «подполья» говоритъ про себя: «я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе». Но онъ тутъ же сознается, съ особаго рода сожалѣньемъ, что онъ, на самомъ дѣлѣ, «не только не злой, но и не озлобленный человѣкъ, что онъ только воробьевъ пугаетъ напрасно и себя этимъ тѣшитъ». Бросивъ свое прежнее заурядное дѣло для книгъ, онъ «не только злымъ, но и ничѣмъ не сумѣлъ сдѣлаться». А все отъ того, что онъ, «какъ говорится, развитой человѣкъ нашего 19-го вѣка и, сверхъ

---

1) Хотя нѣчто подобное и случилось, на самомъ дѣлѣ, почти одновременно съ появленіемъ романа.

того, имѣющій сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ». Этою отвлеченностью и умышленностью самаго нашего мѣстонахожденія объясняется у него то, «что только между нами самый отъявленный подлецъ можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ то же время нисколько не переставая быть подлецомъ».

Раскольниковъ, въ свою очередь бросивши свою прежнюю заурядную жизнь студента — для нѣсколькихъ книжекъ, а потомъ и эти книжки — для постояннаго перемалыванія ихъ въ своей головѣ, какъ-бы взялся показать, что, въ силу все той же нашей отвлеченности, у насъ самый добродушный человѣкъ можетъ стать убійцей, не переставая быть самымъ добродушнымъ человѣкомъ.

Углубившись въ себя, герой «подполья» ни до какой особенной дѣятельности не дошелъ. «Второстепенной роли я понять не могъ», говоритъ онъ, и вотъ «именно потому-то въ дѣйствительности очень спокойно занималъ послѣднюю». «Либо герой, либо грязь, — середины не было. Это-то меня и сгубило,—говоритъ онъ,—потому что въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрываетъ собою грязь: обыкновенному, дескать, человѣку, стыдно грязниться, а герой слишкомъ высокъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно—можно грязниться».

Раскольниковъ, точно также не понимая «второстепенной роли», постоянно оставался въ сторонѣ отъ грязи—пока не увидалъ на своихъ рукахъ и на своей одеждѣ тѣхъ слѣдовъ крови, которая была пролита имъ ради «геройства», но которою нежданно-негаданно счелъ онъ себя *запятнаннымъ*, какъ самый обыкновенный смертный.

Раскольниковъ, если угодно, забился въ свой уголъ еще задолго до того, какъ пересталъ ходить на лекціи. Онъ «почти не зналъ товарищей, всѣхъ чуждался... Его уважали, но никто его не любилъ... Инымъ товарищамъ казалось, что на ихъ убѣжденія и интересы онъ смо-

тритъ, какъ на что-то низшее... Онъ былъ уже скептикъ, онъ былъ молодъ, отвлеченъ и, стало быть, жестокъ» (въ томъ, разумѣется, смыслѣ, что былъ способенъ съ особеннымъ увлеченіемъ все ломать, все гнуть подъ теорію). Онъ бросилъ науку не только изъ-за своей нищеты, но и потому, что убѣдился въ тщетѣ науки передъ тѣми жизненными задачами, которыхъ простой смыслъ заключенъ, какъ ему показалось, всего въ нѣсколькихъ книжкахъ, призывающихъ прямо къ дѣлу.

По свидѣтельству его матери, она «никогда не могла довѣриться его характеру, даже когда ему было только 15 лѣтъ. Я увѣрена,—говоритъ она,—что онъ и теперь вдругъ что-нибудь можетъ сдѣлать съ собой такое, чего ни одинъ человѣкъ никогда не подумаетъ сдѣлать...» Чуть-ли не единственный близкій товарищъ Раскольникова, Разумихинъ, вотъ какъ о немъ отзывается: «полтора года я Родіона знаю: угрюмъ, мраченъ, надмененъ и гордъ; въ послѣднее время (можетъ быть, и гораздо прежде) мнителенъ и ипохондрикъ. Великодушенъ и добръ... Чувствъ своихъ не любитъ выказывать и скорѣе жестокость сдѣлаетъ, чѣмъ словами выскажетъ сердце... Точно въ немъ два противоположные характера постоянно смѣняются».

Разумихинъ оттѣняетъ собою въ романѣ Раскольникова. Это «необыкновенно веселый и сообщительный парень, добрый до простоты, подъ которой однако таятся у него «глубина и достоинство». «Никакія неудачи, — говоритъ Достоевскій, — его никогда не смущали и никакія дурныя обстоятельства не могли придавить его». Жизненная философія Разумихина близка къ взгляду, выражаемому передъ Раскольниковымъ работницей его хозяйки, Прасковьей. «Ты что, умникъ, лежишь, какъ мѣшокъ, ничего отъ тебя не видать...»—говоритъ она ему. «Я дѣлаю»,—нехотя и сурово ей отвѣчаетъ Раскольниковъ.—Что дѣлаешь?—«Работу».—Какую работу?—«Думаю».— Денегъ-то много что-ли надумалъ! —«За дѣтей мѣдью платятъ. Что на копѣйки сдѣлаешь?»—А тебѣ бы *сразу весь капиталъ*.—«Да, весь капиталъ,»—твердо отвѣ-

чалъ онъ, помолчавъ и понявъ, должно быть, какой неожиданно глубокій смыслъ заключается въ этихъ словахъ Прасковьи.

Разумихинъ близокъ къ ея взгляду, потому что близокъ къ народу. По поводу презрительныхъ отношеній Раскольникова къ Заметову изъ-за рода службы послѣдняго онъ говоритъ: «тѣмъ, что оттолкнешь человѣка, не исправишь... Эхъ вы, тупицы прогрессивныя, ничего-то вы не понимаете... Вранье простить можно, вранье дѣло милое, потому что къ правдѣ ведетъ... То досадно, что врутъ, да еще собственному вранью поклоняются... И хотя бы врали-то они по своему, а то...»

Свойства своего товарища Разумихинъ объясняетъ себѣ тѣмъ же, чѣмъ герой «подполья» свои собственныя свойства—отвлеченностью, книжностью. Онъ оспариваетъ при этомъ мнѣніе П. П. Лужина, что «нынче больше дѣловитости въ молодежи».—«Дѣловитости нѣтъ,—утверждаетъ Разумихинъ, — дѣловитость пріобрѣтается трудно, а съ неба даромъ не спадаетъ. А мы чуть не двѣсти лѣтъ, какъ отъ всякаго дѣла отучены... Желаніе добра есть, хотя и дѣтское, и честность даже найдется, несмотря на то, что тутъ видимо невидимо привалило мошениковъ, а дѣловитости все-таки нѣтъ». Подъ *дѣловитостью* онъ разумѣетъ, очевидно, близость къ жизни, а мы «двѣсти лѣтъ ничего не дѣлали», потому что попали на все на готовое. Другіе до насъ трудились надъ жизнью и выработали изъ нея начала своей высокой цивилизаціи. Мы же сперва застоялись, отстали отъ всѣхъ, а потомъ вдругъ вздумали догонять другихъ—да и попали на готовое, вмѣсто того, чтобъ начать, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ работать умомъ. «Привыкли на чужихъ помочахъ ходить, жеванное ѣсть,—говоритъ Разумихинъ,— ну, а пробилъ часъ великій, тутъ всякъ и объявился, чѣмъ смотритъ». Взглядъ этотъ сродни славянофильству. Оно, конечно, вопросъ, былъ-ли такой взглядъ у тогдашней молодежи (что теперь онъ уже начинаетъ у нея проглядывать, едва ли подлежитъ сомнѣнію). Какъ бы то ни было, Разумихинъ выражаетъ взглядъ самого ав-

тора, служа чѣмъ-то въ родѣ хора въ греческой трагедіи. «Объявляю тебѣ,—продолжаетъ онъ пушить Раскольникова,—что всѣ вы до единаго болтунишки и фанфаронишки. Заведется у васъ страданьице,—вы съ нимъ какъ курица съ яйцомъ носитесь. Даже и тутъ воруете чужихъ авторовъ... Никому-то изъ васъ я не вѣрю... Первое дѣло у васъ какъ бы на человѣка не походить (на человѣка въ обыкновенномъ смыслѣ—нормальнаго и здороваго)... Если-бъ ты былъ не дуракъ, не пошлый дуракъ, не набитый дуракъ, не переводъ съ иностраннаго»,—обрывается онъ, захлебываясь отъ досады.

Но Достоевскій косвенно характеризуетъ Раскольникова также и словами другихъ лицъ, вовсе не воспроизводящихъ системы его собственныхъ воззрѣній. Такъ Порфирій Петровичъ, этотъ искусный слѣдователь, человѣкъ положительно умный, отзывается о статьѣ Раскольникова вотъ какимъ образомъ: «въ безсонныя ночи и въ изступленіи она замышлялась, съ подыманьемъ и стуканьемъ сердца, съ энтузіазмомъ подавленнымъ. А опасенъ этотъ подавленный энтузіазмъ въ молодежи... Тутъ дѣло фантастическое, мрачное...—говоритъ онъ, желая доказать, что не Николка рабочій совершилъ преступленіе; нашего времени случай, когда помутилось сердце человѣческое, когда цитуется фраза, что кровь освѣжаетъ; когда вся жизнь проповѣдуется въ комфортѣ. Тутъ книжныя мечты-съ, тутъ теоретически-раздраженное сердце... Дверь за собой забылъ притворить, а убилъ, двухъ убилъ—по теоріи... убилъ, да за честнаго человѣка себя почитаетъ, людей презираетъ...» «Еще хорошо,—говоритъ онъ Раскольникову уже прямо,—что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорію, такъ, пожалуй, еще во сто мильоновъ разъ безобразнѣе дѣло бы сдѣлали».

А г. Свидригайловъ, этотъ способный на всякую гадость, но также способный и себя уличать, человѣкъ; вѣдь и онъ не даромъ намекаетъ Раскольникову, что не таковы де-ли вы со всѣми вашими достоинствами въ теоріи, каковъ я на дѣлѣ со своими мерзостями? «Из-

вергъ я, или жертва?» спрашиваетъ онъ, становясь на точку зрѣнія Раскольникова, что человѣка заѣдаетъ среда. А далѣе онъ даже прямо заявляетъ Раскольникову въ видѣ несомнѣннаго положенія: «мы съ вами одного поля ягода». Не менѣе значительны и слова его о томъ, что хотя преступнику и можно бы удрать за границу, но «на родинѣ лучше: можно по крайней мѣрѣ во всемъ другихъ винить, а себя оправдывать». Особенно же замѣчательно то, что говоритъ онъ сестрѣ Раскольникова: «Русскіе люди вообще широкіе люди... и чрезвычайно склонны къ фантастическому, къ безпорядочному, но бѣда быть широкимъ безъ особенной геніальности... У насъ,—прибавляетъ онъ,—въ образованномъ обществѣ особенно священныхъ преданій вѣдь нѣтъ... развѣ кто-нибудь себѣ по книгамъ составитъ».

Чтобы убѣдиться въ проницательности Свидригайлова, стоитъ только провѣрить его слова тою статьею самого Раскольникова, которую онъ такимъ образомъ толкуетъ Порфирію Петровичу: «я просто запросто намекнулъ, что необыкновенный человѣкъ имѣетъ право... т.-е. не оффиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ,—какъ бы поправляется онъ,—если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ... По моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстны людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десятка, ста и т. д. человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію... то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже былъ бы обязанъ устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству... Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ... ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества... всѣ до единаго были преступники». Раскольниковъ сознается, что это не ново и было высказано не разъ въ извѣстныхъ книжкахъ; «но я,—прибавляетъ

онъ,—только въ главную мысль мою вѣрую... Она именно состоитъ въ томъ, что люди по закону природы раздѣляются вообще на два разряда: на низшихъ (обыкновенныхъ), т.-е., такъ сказать, на матерьялъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т.-е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей новое слово». И такъ, по его понятіямъ, люди дѣлятся на *толпу*, и на умственныхъ *аристократовъ*. Это, конечно, взято изъ книгъ, проводившихъ такую доктрину еще въ просвѣтительное 18-ое столѣтіе. «Но,—продолжаетъ онъ про своихъ духовныхъ аристократовъ,—масса никогда почти не признаетъ за ними этого права, казнитъ ихъ и вѣшаетъ».—«Но вѣдь ихъ не всегда же казнятъ,—возражаетъ Порфирій Петровичъ,—иные напротивъ».—«Торжествуютъ при жизни?—спрашиваетъ Раскольниковъ.—О да, иные, достигаютъ и при жизни и тогда...»—«И тогда сами начинаютъ казнить?» вторично спрашиваетъ Порфирій, и получаетъ въ отвѣтъ: «если надо, да и, знаете, даже большею частью».

Своимъ умственнымъ аристократизмомъ Раскольниковъ прямо показываетъ, до какой степени правъ Порфирій Петровичъ, замѣчая про угадываемаго имъ преступника: «куда ему убѣжать? въ глубину отечества, что ли? Но вѣдь тамъ мужики живутъ, настоящіе, посконные, русскіе; этакъ-то вѣдь современно развитой человѣкъ скорѣе острогъ предпочтетъ, чѣмъ съ такими иностранцами, какъ мужики наши, жить».—Да, съ «иностранцами», да къ тому же еще и «таинственными незнакомцами», какъ называлъ ихъ Базаровъ.

Свое ученіе о «толпѣ» и о «новомъ словѣ», приводящемъ къ «смѣлому дѣлу» Раскольниковъ изложилъ въ ту пору, когда мысль объ убійствѣ старухи еще прямо не приходила ему въ голову. Мысль эта уже «наклевывалась у него, какъ изъ яйца цыпленокъ», когда онъ зашелъ въ трактиришко и подслушалъ тамъ разговоръ офицера съ студентомъ объ этой самой старухѣ. «Съ одной стороны,—говорилъ студентъ,—глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не-

нужная, напротивъ, всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ, для чего живетъ... Съ другой стороны, молодыя, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь». Дѣло вѣдь въ томъ, что деньги эти, послѣ ея смерти, даже не перейдутъ къ ея сестрѣ, этому кроткому и забитому существу, которое она постоянно держала въ черномъ тѣлѣ. Деньги эти пойдутъ въ какой-нибудь богатый монастырь—на поминъ души старухи, думающей, такимъ образомъ, застраховать себя и въ той жизни, несмотря на всѣ свои мерзости въ этой. «Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій,—горячо продолжалъ студентъ,—направленныхъ на дорогу; десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата... И все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу... За одну жизнь—тысячу жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія. Одна смерть, и сто жизней въ замѣнъ — да вѣдь тутъ ариѳметика». — Одна смерть? Да развѣ для того, чтобы, на основаніи этой теоріи, вышелъ въ самомъ дѣлѣ прокъ, одной этой смерти достаточно? Развѣ не нужно тутъ множество такихъ смертей—истребленіе всѣхъ подобныхъ гадкихъ старухъ, а за ними, пожалуй, и всѣхъ благообразныхъ и благовоспитанныхъ банкировъ? Но такъ вѣдь, пожалуй, потребуется и повальное истребленіе всѣхъ, берущихъ проценты въ различныхъ смыслахъ—всякіе вѣдь бываютъ проценты! Такимъ образомъ и дойдешь до постоянной, до безконечной практики «палача», и именно «добровольнаго палача», который, на взглядъ Достоевскаго, гораздо еще отвратительнѣе палача подневольнаго. Или, можетъ быть, достаточно будетъ нѣсколькихъ большихъ казней—для острастки всѣмъ не казнимымъ, этою острасткою направляемымъ на иной, лучшій путь? Но вѣдь въ очень хорошихъ книжкахъ доказывается, что

такая острастка не достигаетъ цѣли, и не дѣлаются ли ссылки на такія книжки, когда возстаютъ противъ казней правительственныхъ, какъ вполнѣ безполезныхъ? Но не столько-ли же безполезны въ такомъ случаѣ—по крайней мѣрѣ, безполезны—тѣ казни, которыя стали-бы совершаться съ другого конца—въ видѣ террористическаго самосуда? Если терроръ сверху зловреденъ или, по крайней мѣрѣ, ни къ чему не ведетъ, то почему же онъ будетъ благотворенъ и путенъ, направляемый снизу?—Раскольниковъ, конечно, не останавливается передъ такими вопросами,—потому что теорія подкупила его, подкупила не только его умъ, но и его сердце, именно *сердце*. Эта теорія заиграла на симпатическихъ струнахъ его души. Въ немъ вѣдь сильно звучатъ эти струны, которыя такъ дороги и самому Достоевскому. Онъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ уже не Базаровъ.

Да, Раскольниковъ—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя любитъ Достоевскій,—одна изъ натуръ, исполненныхъ участія къ чужому горю. Во время его процесса оказалось, что онъ, самъ бѣднякъ, въ продолженіе полугода поддерживалъ своего больного товарища; когда же тотъ умеръ, онъ взялъ на свои руки его больного отца, помѣстилъ его въ больницу и похоронилъ на свои трудовыя деньги. При всей своей бѣдности, онъ хотѣлъ было жениться на дочери своей квартирной хозяйки, и что-же его привлекло къ ней? «Право не знаю,—говорилъ онъ впослѣдствіи, уже послѣ ея смерти,—право не знаю, за что я къ ней тогда привязался; кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая или горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ»... И при этой-то сильно развитой сострадательности, при этой чуткости сердца, онъ долженъ постоянно удерживать руку, которая такъ и протягивается у него на помощь кому-бы то ни было, онъ долженъ ее удерживать потому, что у него самого ничего нѣтъ и если онъ станетъ слишкомъ щедро дѣлиться своими трудовыми деньгами, то ему придется быть въ тягость своей матери, которая, сама бѣдная, готова ему отдать послѣднее. А, между тѣмъ,

мало-ли видитъ онъ вокругъ себя такихъ рукъ, которымъ было-бы такъ легко протянуться къ переполненному сундуку, чтобы вынуть оттуда и не малую даже лепту на помощь ближнему, но руки эти преспокойно остаются неподвижными! Между тѣмъ, старуха, къ которой онъ идетъ заложить часы своего покойнаго отца, съ такимъ хладнокровіемъ оцѣниваетъ ихъ въ полтора рубля и при этомъ еще усчитываетъ проценты. У него-же эти полтора рубля изчезаютъ рѣшительно незамѣтно, потому что онъ, по обыкновенію, сейчасъ-же дѣлится ими съ другими. За посѣщеніемъ ростовщицы, какъ извѣстно, слѣдуетъ страшная сцена въ распивочной, гдѣ является Мармеладовъ,—одна изъ тѣхъ сценъ, въ которыхъ кажущійся комизмъ рѣшительно поглощается самымъ ужаснымъ трагизмомъ. И какими глазами долженъ глядѣть Раскольниковъ на этого пьянаго Мармеладова, съ такой откровенностью высказывающаго все, что у него на душѣ, нисколько себя не прикрашивая и не извиняя? Ему, конечно, невольно должно приходить въ голову: «не то же ли довело этого человѣка до пьянства, что меня довело до лежанія въ моей конурѣ?» Какъ не придти къ подобному заключенію послѣ обращенія Мармеладова къ содержателю распивочной: «Думаешь-ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ; а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день и спроситъ: «А гдѣ дщерь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ малолѣтнымъ себя предала? Гдѣ дщерь, что отца своего земного, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла? И скажетъ: «Пріиди! я уже простилъ тебя разъ... Простилъ тебя разъ—прощаются-же и теперь грѣхи твои многи, за то, что возлюбила много»...

Всего болѣе, конечно, должна поразить Раскольникова участь этой Сони, которая «для мачихи злой, для дѣтей чужихъ себя предала». Но вѣдь, возвращаясь до-

мой послѣ этой потрясающей сцены, онъ застаетъ письмо отъ матери, изъ котораго видитъ, что сестра его, проживая гувернанткою у г. Свидригайлова, чуть-чуть не попала въ положеніе Сони. Ей удалось спастись оттуда, но она рѣшается схватиться за выгодный бракъ съ г. Лужинымъ, «котораго она, конечно, не любитъ», какъ сознается сама мать въ письмѣ, «но который, кажется, человѣкъ хорошій». «Это *кажется* всего великолѣпнѣе,— восклицаетъ Раскольниковъ,—и эта-же Дунечка за это-же *кажется* замужъ идетъ!» Понятно послѣ того дѣлаемое Раскольниковымъ сопоставленіе: «тутъ мы и отъ Сонечкина жребія пожалуй что не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вѣчная Сонечка, пока міръ стоитъ! Жертву-то, жертву-то обѣ вы измѣрили-ли вполнѣ? Знаете-ли вы, Дунечка, что Сонечкинъ жребій ничѣмъ не сквернѣе жребія съ г. Лужинымъ? «*Любви тутъ не можетъ быть*,—пишетъ мамаша.—Онъ человѣкъ достаточный; съ нимъ можно поправить свои обстоятельства, а также и обстоятельства брата... Но вѣдь то, что предпринимаетъ Дунечка,—продолжаетъ внутренно разсуждать Раскольниковъ,—можетъ быть хуже, гаже, подлѣе того, что выбрала Сонечка, потому что у васъ, сестрица, все-таки на излишекъ комфорта расчетъ, а тамъ просто о голодной смерти дѣло идетъ... А что ежели этотъ расчетъ—главнымъ образомъ для него, для милаго братца Родіона Романовича? Не бывать тому!— рѣшаетъ онъ.—А что-же ты сдѣлаешь, чтобы этому не бывать? Всю судьбу свою, всю будущность свою имъ посвятишь, когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь? Слышали мы это, да вѣдь это *буки*, а теперь»?

И послѣ этого письма, обнажившаго передъ нимъ всю отталкивающую некрасоту его положенія — положенія человѣка, для котораго рѣшаются приносить подобнаго рода жертвы — вдругъ эта нечаянная встрѣча на бульварѣ съ дѣвочкой, которую кто-то подпоилъ, и съ господиномъ, подстерегающимъ ее издали — конечно, не изъ сострадания. И какая ужасающая иронія сказывается въ разсужденіи Раскольникова о тѣхъ двадцати

копѣйкахъ, которыя далъ онъ городовому, чтобы нанять извозчика и отвезти дѣвочку: «двадцать копѣекъ мои унесъ... ну пусть и съ того тоже возьметъ, да и отпуститъ съ нимъ дѣвочку, тѣмъ и кончится... И чего я взялся тутъ помогать? Ну, мнѣ-ли помогать? Имѣю-ли я право помогать? Да пусть ихъ переглотаютъ другъ друга живьемъ, — мнѣ-то чего! И какъ я смѣлъ отдать эти двадцать копѣекъ? Развѣ онѣ мои?» Дѣло въ томъ, что помощь, оказанная имъ,—«капля въ морѣ;» да и не глупо-ли такъ ребячески протестовать противъ неизбѣжнаго порядка вещей?! «Такой процентъ, говорятъ, долженъ уходить всякій годъ куда-то... къ чорту, должно быть, чтобы остальныхъ освѣжать и имъ не мѣшать. Процентъ! Славныя, право, у нихъ словечки: они такія успокоительныя, научныя. Сказано — процентъ, стало быть, и тревожиться нечего... А что, коль и Дунечка какъ-нибудь въ процентъ попадетъ! Не въ тотъ, такъ въ другой?...»

Вотъ послѣ этого-то и приходится ему случайно подслушать уже упомянутый разговоръ между студентомъ и офицеромъ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые иногда происходятъ нечаянно и безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій; но тутъ, послѣ всего предшествующаго, чужой разговоръ получаетъ для Раскольникова роковое значеніе, хотя на вопросъ, сдѣланный студенту офицеромъ: «убилъ-ли-бы онъ самъ старуху?» студентъ и отвѣчаетъ: «Разумѣется, нѣтъ.... не во мнѣ тутъ дѣло». Но Раскольникову, послѣ всего, чтó онъ перечувствовалъ и передумалъ, невольно представляется мысль: не онъ-ли на это призванъ? Ему, конечно, случалось и прежде слышать подобные разговоры и никогда они не пропадали для него даромъ. Написалъ же онъ даже, какъ мы знаемъ, цѣлую статью о томъ, что многое только принято называть преступленіемъ. Необыкновенные люди — это «власть имущіе»; они имѣютъ право переступать ту черту, которая удерживаетъ другихъ. Вся сила, значитъ, только въ томъ, чтобы *умѣть «дерзнуть»*. Статья написана за нѣсколько мѣсяцевъ до пре-

ступленія, подготовлявшагося съ величайшею постепенностью. Долго она имѣла для автора только теоретическое значеніе. Для практическаго примѣненія она пригодилась ему лишь тогда, когда накопились новыя впечатлѣнія—впечатлѣнія отъ различныхъ роковыхъ встрѣчъ и отъ несчастнаго письма матери. Отъ этихъ встрѣчъ и этого письма созрѣвшая въ немъ мысль переходитъ въ жажду дѣла, которая и обращаетъ его, наконецъ, въ своего раба. Раскольниковъ совершаетъ свое преступленіе, какъ своего рода мономанъ. Оттого и забываетъ онъ о необходимыхъ предосторожностяхъ,—прежде всего о томъ, что надо запереть дверь; въ эту-то дверь и входитъ несчастная Лизавета, которой приходится стать его второй, уже совершенно нечаянной, жертвой. Съ Раскольниковымъ такимъ образомъ происходитъ то, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: за однимъ, предумышленнымъ убійствомъ непосредственно слѣдуетъ другое, случайное; чувство самосохраненія, вдругъ пробудившееся въ Раскольниковѣ, заставляетъ его поразить роковымъ топоромъ и эту несчастную, которую самъ онъ всегда такъ жалѣлъ. Уже этого одного довольно, чтобы не дать ему возможности вообразить себя героемъ.

«О, какъ я ненавижу теперь эту старушонку!—говоритъ онъ впослѣдствіи,—кажется-бы, другой разъ убилъ, если-бы очнулась!» Но удивить можетъ то, чему удивляется и онъ самъ—*почему онъ при этомъ почти не думаетъ о Лизаветѣ, точно и не убивалъ ее*. Это у Достоевскаго психологическая тонкость, объясняемая, вѣроятно, тѣмъ, что въ сознаніи Раскольникова живо собственно то, что входило въ первоначальный, долговременно выношенный, замыселъ преступленія, а убійство Лизаветы—случайность, въ него не входившая. Но какъ тяготитъ его эта случайность въ тѣ минуты, когда она возникаетъ въ его сознаніи, видно изъ слѣдующихъ словъ: «...Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась!... Лизавета! Соня! бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими, милыя!...»

Совершивъ уже вовсе неразсчитанное второе убійство, невольно вытекшее изъ перваго, онъ не рѣшается воспользоваться деньгами. Сперва, въ-попыхахъ, онъ себѣ набиваетъ карманы, но, даже не глядя, много-ли имъ взято [1]), спѣшитъ поскорѣе избавиться отъ награбленнаго, поскорѣе зарыть это все, гдѣ-то тамъ, подъ камнемъ. *Онъ даже и не думаетъ о томъ, чтобы употребить награбленное съ широкими цѣлями и этимъ употребленіемъ возвысить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ.* А вѣдь поводъ къ тому представился очень скоро. За преступленіемъ слѣдуетъ несчастный случай съ Мармеладовымъ: на него наѣзжаетъ карета и расшибаетъ его до смерти. Раскольниковъ, какъ извѣстно, отвозитъ его домой, гдѣ онъ и умираетъ, оставляя окончательно нищими жену и дѣтей. Вотъ тутъ-то, казалось-бы, и воспользоваться старухиными деньгами, поспѣшить ихъ достать изъ подъ камня и отдать Мармеладовой, чтобы затѣмъ имѣть право сказать: «я—вовсе не преступникъ, я — благодѣтель человѣческаго рода». Ничего подобнаго нѣтъ. Раскольниковъ даетъ вдовѣ лишь тѣ трудовыя деньги своей матери, которыя она ему только что выслала. Этотъ поступокъ на время доставляетъ отраду Раскольникову. «...Онъ сходилъ тихо, не торопясь (съ лѣстницы дома Мармеладовыхъ), весь въ лихорадкѣ, и не сознавая того, полный одного, новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущеніе могло походить на ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прощеніе...» Изъ подъ вліянія страшныхъ ощущеній, соединенныхъ съ убійствомъ, онъ вдругъ попадаетъ въ положеніе иного рода: онъ только-что утеръ другимъ людямъ слезы, утеръ ихъ честными трудовыми деньгами; онъ, стало быть, нужный членъ въ человѣческой семьѣ.

Но душевное счастье, конечно, достается Раскольникову не на долго; ощущеніе совершеннаго передъ

[1]) Только на судѣ оказывается, что денегъ было 317 рублей.

тѣмъ преступленія опять полновластно занимаетъ мѣсто въ его душѣ. Вспомните картину поминокъ по Мармеладовѣ, картину, въ которой его вдова разыгрываетъ такую странную роль, кажущуюся сначала чуть не каррикатурною, но вполнѣ объясняющуюся дальнѣйшимъ помѣшательствомъ этой несчастной женщины. Вспомните то униженіе, которое приходится тутъ вынести Сонечкѣ, заподозрѣнной въ кражѣ г. Лужинымъ, подготовившимъ съ особеннымъ злостнымъ стараніемъ эту ужасную сцену;—между тѣмъ вѣдь у Раскольникова не хватаетъ тутъ духу выступить защитникомъ Сонечки. Видя, что ея, и безъ того уже горькая, чаша окончательно переполнилась, онъ только удивляется ея терпѣнію и выносливости и думаетъ найти въ ней опору самому себѣ. Вмѣсто того, чтобы громко принять ея сторону, онъ только думаетъ про себя: пойду потомъ къ ней, разскажу ей все, ей одной исповѣдаю все, что я совершилъ; она одна это вынесетъ, она одна поддержитъ меня. Прійдя къ ней и ставъ передъ ней на колѣни, онъ цѣлуетъ ея ноги и говоритъ: «*я не тебѣ поклонился, а всему страданію человѣческому поклонился*». Черта эта, отдѣльно взятая, можетъ показаться нѣсколько изысканною, но, въ связи со всѣмъ остальнымъ, она является совершенно естественною: поклонъ этотъ усладителенъ для Раскольникова, потому что это поклонъ существу, также заклейменному печатью отверженія, потому что это поклонъ тому, изъ чего вытекаетъ множество преступленій и чѣмъ эти преступленія выкупаются. Въ этомъ поклонѣ Раскольникова нѣтъ ни малѣйшей рисовки, расчета на эффектъ; это окончательно подтверждается тѣмъ, что слѣдуетъ далѣе. Вспомните всю эту картину: убійца и грѣшница въ пустой, холодной комнатѣ при догорающемъ огаркѣ — какая благодарная почва для мелодрамы! Какъ много они могли-бы сказать громкихъ фразъ, въ родѣ, напримѣръ, такихъ: «да, мы преступники, но мы выше, мы лучше всѣхъ остальныхъ!» Но у Достоевскаго ничего этого и въ поминѣ нѣтъ: онъ заставляетъ Сонечку прочесть Расколь-

никову главу о воскресеніи Лазаря, по книгѣ, которую не за долго до своей смерти принесла ей бѣдная Лизавета, убитая этимъ самымъ Раскольниковымъ, безотвѣтно слушающимъ теперь чтеніе изъ этой книги, горячее чтеніе глубоко-проникнутой вѣрою грѣшницы.

Но тутъ онъ еще не открывается Сонѣ; онъ къ ней приходитъ вторично и тогда лишь высказываетъ ей все, а она отвѣчаетъ простыми, вырвавшимися изъ сердца словами: «Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ!», т.-е. она сердцемъ усваиваетъ себѣ тотъ взглядъ на преступника, который, какъ видѣли мы, проведенъ Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ мертваго дома». Раскольниковъ, открываясь Сонѣ, нисколько не старается прикрасить преступленіе благовидными побужденіями; напротивъ, онъ производитъ у нея на глазахъ самый страшный разлагающій анализъ самого себя, и все, хотя сколько-нибудь способное благопріятно подѣйствовать на нее, положительно въ себѣ отрицаетъ. «Не для того,—говоритъ онъ,—чтобы матери помочь, я убилъ—вздоръ!.. Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества... другое толкало меня подъ руки: мнѣ надо было узнать тогда и поскорѣй узнать, смогу-ли я *переступить*, или не смогу? Тварь-ли я дрожащая или право имѣю?»... Вотъ что онъ говоритъ ей, этой рѣшительно чуждой разсудочныхъ измышленій Сонѣ; если-бы онъ хотѣлъ оправдаться, то долженъ бы былъ говорить совершенно другое, потому что именно этого «право имѣю» она и не въ состояніи понять. «...Право кровь проливать!»—восклицаетъ она съ ужасомъ.

Онъ было приставалъ къ ней съ вопросами, близко касающимися ея собственныхъ обстоятельствъ: «Лужину-ли жить и дѣлать мерзости, или умереть Катеринѣ Ивановнѣ?» Но она вѣдь отвѣчала ему на это вопросомъ-же: «кто меня тутъ судьей поставилъ: кому жить, кому не жить?»

Она никогда не возьметъ въ толкъ той теоріи, въ силу которой являются «добровольные палачи», не за-

думывающіеся надъ предстоящей имъ безконечной работой. Она бы, конечно, остановила казнящую руку, хотя бы рука эта поднялась и надъ тѣми особыми взимателями «процентовъ», жертвой которыхъ стала она сама. И рука эта была-бы ею остановлена просто ради того чувства, въ силу котораго всякая кровь представляется «напрасною кровью», а не въ силу логическихъ соображеній въ родѣ того, что «добровольнымъ палачамъ» въ данномъ случаѣ пришлось бы, пожалуй, не пощадить и самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ и они на своемъ вѣку (я не говорю о Раскольниковѣ) не взимали именно этихъ самыхъ процентовъ, потому что это вѣдь «освѣжаетъ», а на «освѣженіе» имѣютъ тѣмъ болѣе права они, неустанно работающіе на все человѣчество? Да и лишать себя такого «освѣженія» не значитъ-ли насиловать свою природу, ту владычицу природу, о правахъ которой такъ убѣдительно говорится въ тѣхъ же умныхъ книжкахъ? Вѣдь этакъ, пожалуй, дойдешь до того, что и «табаку не станешь курить, потому что у другихъ нѣтъ хлѣба». Вѣдь этакъ и до аскетизма дойдешь!

Но Раскольникову не приходится прибѣгать къ логическимъ ухищреніямъ, чтобы оправдаться предъ Соней. Оправдываясь, онъ долженъ бы былъ подѣйствовать на ея сердце. Но онъ и не думаетъ, ему и въ голову не приходитъ ей говорить о тѣхъ симпатическихъ чувствахъ, которыхъ въ немъ дѣйствительно много, но которыхъ онъ какъ будто уже и не сознаетъ въ себѣ. А онъ знаетъ, что ее привело въ ея унизительное положеніе, что дало ей силу «позоръ принять» и «съ жизнію не покончить»; онъ знаетъ, что силу эту дала ей любовь, самоотверженная любовь къ бѣднымъ чужимъ дѣтямъ, къ полусумасшедшей мачихѣ. Соня требуетъ отъ него чтобы онъ пошелъ и объявилъ о томъ, что онъ сдѣлалъ; съ ея точки зрѣнія иначе онъ поступить не можетъ. «Пойди, поцѣлуй землю, которую ты обагрилъ кровью, и скажи—«я убилъ»,—говоритъ она ему. «Зачѣмъ пойду, что имъ скажу?»—отвѣчаетъ онъ, такъ

смиренно поклонившійся ей и, въ лицѣ ея, человѣческому страданію, но неспособный, какъ она, совершенно смириться. Дѣло въ томъ, что къ нему можно-бы было примѣнить извѣстный эпитетъ Ап. Григорьева — *хищный*. Да, онъ хищенъ и гордъ своею хищностью въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ горды ею герои «Мертваго дома». «Что имъ скажу? Они сами милліонами людей изводятъ, да еще за добродѣтель почитаютъ»,—говоритъ Раскольниковъ. Но онъ же, «разрѣшающій кровь» на такомъ основаніи, когда Порфирій Петровичъ допрашиваетъ его объ «угрызеніяхъ совѣсти», даетъ вѣдь въ отвѣтъ: «у кого есть она, тотъ страдай, коль сознаетъ ошибку.» «А геніальные-то,—продолжаетъ допытываться Порфирій,—тѣ такъ ужь и не должны страдать совсѣмъ даже за кровь пролитую?»... «Зачѣмъ тутъ слово *должны*», —возражаетъ онъ, прибавляя съ грустью: «Страданье и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца». Кончается тѣмъ, что онъ идетъ и объявляетъ о своемъ преступленіи, какъ дѣлаетъ это многое множество преступниковъ, въ которыхъ тоже есть, значитъ, боль отъ совѣсти, но остающихся тѣмъ не менѣе и гордыми, и озлобленными въ глубинѣ души. Тѣ же гордость и озлобленіе сохраняются и въ Раскольниковѣ и во время суда, и долгое время на каторгѣ. «Его гордость сильно была уязвлена, онъ судилъ себя, и ожесточенная совѣсть его не нашла никакой особенно ужасной вины въ его прошедшемъ, кромѣ развѣ простого промаха».

Только мало-по-малу это озлобленіе уступаетъ вліянію несчастной многолюбящей Сони, которая слѣдуетъ за нимъ на каторгу, гдѣ она умягчительно дѣйствуетъ и на сердца другихъ, вовсе ей незнакомыхъ, каторжниковъ. «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нѣжная, болѣзная!»—обращались къ ней эти грубые люди, столь чуткіе, какъ мы знаемъ по «мертвому дому», къ малѣйшему проявленію человѣчности въ обращеніи съ ними. Ея-то беззавѣтная любовь къ людямъ пробуждаетъ, наконецъ, и въ Раскольниковѣ угасшую вѣру въ человѣка;

въ немъ происходитъ то, что онъ самъ какъ-бы предвидѣлъ заранѣе, заставивъ ее прочесть себѣ о воскресеніи Лазаря. То нравственное чудо, которое совершается въ церкви «мертваго дома» высшею христіанскою любовью, призывающею и преступниковъ, наравнѣ съ другими, къ одной, всѣмъ доступной чашѣ,—то-же чудо совершается тутъ надъ Раскольниковымъ неотразимымъ вліяніемъ его спутницы, несмотря ни на что не озлобившейся, не переставшей «много любить».

Дѣло въ томъ, что душа Раскольникова никогда не была каменистою почвою. Въ ней, какъ мы знаемъ, издавна звучала та симпатическая струна, которая была въ немъ не заглушена, а только подкуплена овладѣвшею имъ теоріею. Прямую противоположность ему представляетъ, не даромъ-же и противный Раскольникову, претендентъ на руку его сестры, Петръ Петровичъ Лужинъ. Человѣкъ этотъ въ той-же самой теоріи нашелъ прямое потакательство всѣмъ низменнымъ сторонамъ своей крайне невзрачной природы, хотя и ловко прикрытой у него, такъ сказать, лоскомъ «прогрессивной благонамѣренности». Вспомнимъ, что, желая щегольнуть ею передъ Раскольниковымъ, онъ ораторствуетъ: «если мнѣ до сихъ поръ говорили: «возлюби», и я возлюблялъ, то что изъ того выходило?.. то, что я рвалъ кафтанъ пополамъ и дѣлился съ ближнимъ, и оба мы оставались на-половину голы... Наука-же говоритъ: «возлюби прежде всѣхъ одного себя, ибо все на свѣтѣ на личномъ интересѣ основано. Возлюбивъ самого себя, ты и дѣла свои обдѣлаешь, какъ слѣдуетъ, и кафтанъ твой останется цѣлъ». Экономическая-же правда прибавляетъ, что чѣмъ болѣе въ обществѣ устроенныхъ частныхъ дѣлъ и, такъ сказать, цѣлыхъ кафтановъ, тѣмъ болѣе для него твердыхъ основаній и тѣмъ болѣе устраивается въ немъ и общее дѣло». Вспомнимъ также, что, заводя вслѣдъ затѣмъ рѣчь о размножившихся въ образованномъ классѣ преступленіяхъ, онъ замѣчаетъ: «тамъ, слышно, бывшій студентъ на большой дорогѣ почту разбилъ; тамъ передовые, по общественному своему положенію, люди

фальшивыя бумажки дѣлаютъ; тамъ въ Москвѣ ловятъ цѣлую компанію поддѣлывателей билетовъ послѣдняго займа съ лотереей, — и въ главныхъ участникахъ одинъ лекторъ всемірной исторіи; тамъ убиваютъ нашего секретаря за границей, по причинѣ денежной и загадочной...» Разумихинъ объясняетъ это «закоренѣлою слишкомъ недѣловитостью общества», того самаго передового общества, которое Петръ Петровичъ, желая угодить Раскольникову, назвалъ напротивъ того, «дѣловитымъ». При этомъ Разумихинъ прямо ссылается на слова того-же лектора — поддѣлывателя бумажекъ: «всѣ богатѣютъ разными способами, такъ и мнѣ поскорѣй захотѣлось разбогатѣть...» «Точныхъ словъ не помню,—прибавляетъ Разумихинъ,— но смыслъ тотъ, что на даровщинку, поскорѣй, безъ труда». Когда-же это объясненіе нѣсколько удивляетъ Петра Петровича, въ разговоръ вдругъ вмѣшивается Раскольниковъ и съ видимымъ отвращеніемъ къ нему и къ его рисовкѣ новыми «принципами» говоритъ: «да о чемъ вы хлопочете?.. доведите до послѣдствій, что вы давеча проповѣдывали, и выйдетъ, что людей можно рѣзать». Самъ Петръ Петровичъ рѣзать, конечно, не будетъ, потому что это все-таки соединено съ рискомъ, а онъ «теоріями» пользуется лишь настолько, насколько можно «что-нибудь подустроить въ своей карьерѣ» именно черезъ ихъ-же посредство. Т.-е. у Достоевскаго это сказано собственно не про самыя теоріи, а про представителей ихъ, «молодыхъ прогрессистовъ», которыхъ Петръ Петровичъ таки побаивается въ ихъ качествѣ «всѣхъ презирающихъ и всѣхъ обличающихъ», и въ которыхъ потому заискиваетъ.

Въ романѣ выставленъ и одинъ изъ этихъ молодыхъ дѣятелей, «прикомандировавшійся къ прогрессу по страсти», — прогрессу, разумѣется, наипрогрессивнѣйшему, а затѣмъ разглагольствуетъ: «мы больше отрицаемъ! Еслибъ всталъ изъ гроба Добролюбовъ, я-бы съ нимъ поспорилъ. А ужь Бѣлинскаго закатали-бы. А покамѣстъ я продолжаю развивать Софью Семеновну (Соню Мармеладову, которую ему хотѣлось-бы также обработать во

вкусѣ «протеста»). Это прекрасная, прекрасная натура»,—утверждаетъ онъ. Къ счастью, и самъ Андрей Семеновичъ Лебезятниковъ—натура прекрасная, т.-е. сердце у него «довольно мягкое», хотя «рѣчь весьма самоувѣренная», притомъ-же онъ и нѣсколько «глуповатъ». Потому-то, т.-е. не вслѣдствіе глупости, а вслѣдствіе прекрасной натуры, онъ, пожалуй, и не дойдетъ до черезъ-чуръ уже безобразныхъ выводовъ.

Есть въ романѣ лицо, для котораго «теоріи», въ ихъ-же духѣ хотѣлъ-бы Лебезятниковъ обработать Соню, просто—кладъ, тѣмъ болѣе, что онъ и на всякій рискъ способенъ. Это намъ уже знакомый отчасти г. Свидригайловъ. Жилъ онъ безъ всякихъ теорій, давно и постоянно «дерзалъ», практически предоставивъ себѣ свободу, не знающую самоограниченія. Но въ натурѣ этого человѣка существуютъ и симпатическія поползновенія: передъ смертью онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обезпечиваетъ семейство Мармеладовыхъ. Къ Дунечкѣ, какъ мы убѣждаемся, онъ питаетъ постоянную, глубокую страсть, такъ что проникается, наконецъ, и уваженіемъ къ ней, заставляющимъ его пощадить свободу ея воли, а потомъ, съ отчаянія въ томъ, что любилъ безотвѣтно, покончить съ самимъ собою. Свидригайловъ служитъ въ романѣ и къ тому, чтобы окончательно не допустить поднять на пьедесталъ Раскольникова, и къ тому, чтобы не дать подняться рукѣ съ побивающимъ камнемъ даже и на самыхъ, повидимому, развращенныхъ людей. И въ нихъ порою оказывается та «искра Божія», которая спасаетъ ихъ отъ «теорій», окончательно предоставляющихъ имъ, повидимому, вполнѣ желанное «разрѣшенье на вся».

Въ эпилогѣ романа герой видитъ сонъ: «появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились сейчасъ-же бѣсноватыми или сумасшедшими». Подъ этими трихинами, очевидно, разумѣются «теоріи», вычитанныя изъ «книжекъ». «Цѣлыя селенія, видѣлъ во

снѣ Раскольниковъ, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ и заключается истина... Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ... Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ... Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ, но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледѣліе... Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибло. Язва росла, и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, — это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса» [1]).

Сонъ Раскольникова олицетворяетъ передъ нимъ тотъ переворотъ, который мало-по-малу совершился въ его сознаніи, совершился тамъ, въ Сибири, куда онъ привезъ съ собою свой гордый умъ и сталъ потому ненавистенъ всѣмъ каторжникамъ, тѣмъ самымъ, которые, однако, такъ нѣжно, можно сказать, полюбили Соню. Между нею и ими, оказывалось, вовсе нѣтъ «той страшной, той непроходимой пропасти», которая, какъ онъ убѣдился, лежала между нимъ и всѣмъ этимъ людомъ и при которой казалось, что «онъ и они были разныхъ націй»... Тутъ, конечно, Достоевскій имѣлъ въ виду и тотъ личный опытъ, какой достался ему самому въ Сибири. Изъ личныхъ воспоминаній взяты имъ и тѣ «ссыльные поляки, политическіе преступники», которые

---

[1]) Замѣтимъ, что сонъ Раскольникова представился «холодною аллегоріею» Н. Н. Страхову, который, въ своей превосходной статьѣ о «Преступленіи и наказаніи» въ «Отечественныхъ запискахъ», именно и налегаетъ на одержимость Раскольникова «теоріею». Можетъ быть съ эстетической точки зрѣнія критикъ и правъ, такъ какъ сонъ этотъ только аллегорически доразвиваетъ то, на что уже ясно указано самымъ дѣйствіемъ романа.

своими презрительнымъ отношеніемъ къ «невѣждамъ и хлопамъ» столько же открывали Раскольникову глаза, сколько и бывшіе тутъ русскіе, «тоже слишкомъ презиравшіе этотъ народъ,—одинъ бывшій офицеръ и два семинариста». Раскольниковъ все болѣе и болѣе понималъ не только ихъ ошибку, но и свою собственную. «Ты баринъ,—говорили ему каторжники изъ простыхъ,—ты безбожникъ, ты въ Бога не вѣруешь»—кричали ему! И какъ ни были страшны эти люди, какъ ни неразрѣшимъ былъ для него вопросъ: «почему всѣ они такъ полюбили Соню?», онъ все болѣе и болѣе сознавалъ, что «эти невѣжды во многомъ гораздо умнѣе этихъ самыхъ поляковъ», т.-е. и этихъ офицеровъ, и семинариста, и, наконецъ, и его самого. И вотъ Раскольникова «вдругъ что-то какъ бы подхватило и какъ бы бросило къ ногамъ Сони», той самой Сони, въ лицѣ которой онъ когда-то уже поклонился земно «всему человѣческому страданію», но съ которой, когда она добровольно послѣдовала за нимъ въ Сибирь, обходился тамъ, какъ и съ другими, сурово и гордо. Теперь только поклонился онъ въ лицѣ ея до матери до сырой земли не одному человѣческому страданію, но и сохраненной въ страданіи «искрѣ Божіей». Тутъ только окончательно совершилось съ нимъ и «воскресеніе Лазаря». «Они хотѣли было говорить,—замѣчаетъ Достоевскій о немъ и о Сонѣ,—но не могли... Въ этихъ больныхъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго... Ихъ воскресила любовь... Вечеромъ того же дня, когда уже заперли казармы, Раскольниковъ лежалъ на нарахъ и думалъ о ней. Въ этотъ день ему даже показалось, что какъ будто всѣ каторжные, бывшіе враги его, уже глядѣли на него иначе». Но это не казалось только ему,—оно такъ и было. «Съ этихъ поръ,—заключаетъ Достоевскій,—вмѣсто діалектики наступила жизнь».

Таковъ этотъ великій романъ, который смѣло можетъ быть названъ уже и пророческимъ. Да, Достоевскій предугадалъ въ немъ многое. Тогда уже, въ годъ рокового каракозовскаго выстрѣла, онъ отечески вразумлялъ

и предостерегалъ. Тогда уже, внимательно вчитываясь въ него, могли-бы приходить къ такимъ заключеніямъ: какъ христіанство, проповѣдываемое огнемъ и мечомъ, не оказалось настоящимъ христіанствомъ; какъ цивилизація, насажденная у насъ Петровскимъ терроромъ, не оказалась настоящею цивилизаціею,—такъ и рай земной, насаждаемый тѣмъ же терроромъ,—выстрѣлами и взрывами—никогда не окажется настоящимъ раемъ. Его жителями будутъ только тѣ же *животныя* съ даромъ слова, провозглашающія «борьбу за существованіе», а не *люди*—съ тѣмъ, «*чѣмъ только и живы люди*» — съ закономъ любви.

«Идіотъ». — «Бѣсы».

Если во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго сильно развитъ психологическій элементъ, то едва-ли не самымъ глубокомысленнымъ въ этомъ отношеніи является у него романъ, озаглавленный «Идіотъ». [1]).

Основной характеръ «Идіота» служитъ лучшимъ дополненіемъ къ прежней галлереѣ симпатическихъ лицъ Достоевскаго. Что такое этотъ князь Мышкинъ, послѣдній потомокъ захудалаго рода, круглый сирота, воспитывающійся въ уединеніи за границей по милости друга своего отца, болѣзненный мальчикъ, потомъ юноша, ко-

[1]) Таковъ онъ, по крайней мѣрѣ, по замыслу. «Идея романа,—писалъ о немъ Достоевскій г-жѣ Ивановой,—моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смѣлъ браться за нее... Главная мысль романа—изобразить положительно прекраснаго человѣка. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, а особенно теперь... Прекрасное есть идеалъ, а идеалъ — ни нашъ, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался... Изъ прекрасныхъ лицъ въ литературѣ христіанской стоитъ всего законченнѣе—Донъ-Кихотъ. Но онъ прекрасенъ единственно потому, что въ то же время и смѣшонъ». Выполненіемъ своего замысла самъ Ѳедоръ Михайловичъ далеко не былъ удовлетворенъ. «Романомъ я недоволенъ,—писалъ онъ той же своей родственницѣ,—онъ не выразилъ и 10-й доли того, что я хотѣлъ выразить, хотя все-таки я отъ него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сихъ поръ». («Русская старина» 1885 г., іюль, стр. 144, 149).

торый выросталъ далеко отъ свѣта, котораго такъ поздно начали учить (и тѣмъ самымъ ему продлили дѣтство), котораго всѣ считаютъ за идіота, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ даже очень уменъ, но прямодушенъ и чистъ, какъ ребенокъ?

Въ немъ доведено до сильнѣйшей степени все то, что всегда было особенно дорого Достоевскому; онъ является у него прямымъ представителемъ того «царства не отъ міра сего», оторванность отъ котораго является, по взгляду автора, главнымъ бѣдствіемъ нашего міра. Это, можно сказать, художественное воспроизведеніе темы, весьма распространенной въ безыскусственной народной словесности—это тотъ же, любимый народомъ, сказочный *Иванушка-дурачокъ*, оказывающійся, какъ извѣстно, только человѣкомъ не «себѣ на умѣ», человѣкомъ не выносящимъ зрѣлища посторонняго горя, постоянно забывающимъ себя для другихъ. Но съ точки зрѣнія многихъ изъ числа тѣхъ свѣтскихъ людей, въ кругу которыхъ приходится, наконецъ, очутиться князю Мышкину, онъ дѣйствительно представляется идіотомъ.

И какъ же, въ самомъ дѣлѣ, такъ - называемому свѣту не признать идіотомъ князя, который, по плохому костюму задержанный камердинеромъ генерала въ передней, и не думаетъ вламываться въ амбицію, а преспокойно усаживается тутъ-же въ передней, да еще завязываетъ самый дружелюбный разговоръ съ тѣмъ же камердинеромъ. «Казалось-бы, разговоръ князя былъ самый простой,—говоритъ Достоевскій,—но чѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ и становился въ настоящемъ случаѣ нелѣпѣе, и опытный камердинеръ не могъ не почувствовать что-то, что совершенно прилично человѣку съ человѣкомъ и совершенно неприлично гостю съ *человѣкомъ*.» «Идіотъ» разсказываетъ камердинеру о Швейцаріи, о томъ, какъ безчеловѣчна практикуемая тамъ смертная казнь. Онъ разсуждаетъ: «Что-жъ съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ. Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: «не убій!» такъ за то, что онъ убилъ, и его убивать? Нѣтъ,

это нельзя... Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе... Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью въ лѣсу или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ... Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать. «Это-ли—не идіотизмъ!» готовы, конечно, сказать различные политики-консерваторы, особенно-же имѣя въ виду то, что кн. Мышкинъ разглагольствуетъ на такую тему—съ камердинеромъ. Идіотомъ, конечно, съ общепринятой точки зрѣнія, выказываетъ онъ себя и въ ту минуту, когда, заслонивъ собою сестру Гани и подхвативъ, такъ сказать, своею щекою назначенный ей ударъ, онъ опять-таки не вломился въ амбицію, не заговорилъ о дуэли. «Это пусть мнѣ... а ее... все-таки не дамъ», тихо проговорилъ онъ наконецъ, но вдругъ не выдержалъ, бросилъ Ганю, закрылъ руками лицо, отошелъ въ уголъ, сталъ лицомъ къ стѣнѣ»... По крайней мѣрѣ сконфузился, готовы уже заключить читатели; но авторъ неожиданно поражаетъ ихъ тѣмъ, что «идіотъ« прерывающимся голосомъ проговорилъ: «О, какъ вы будете стыдиться своего поступка!» И что-же? вѣдь онъ угадалъ. Ганя, каковъ онъ ни есть, а приведенъ въ умиленіе. «И съ чего это я взялъ давеча,—говоритъ онъ,—что вы идіотъ! Вы замѣчаете то, чего другіе никогда не замѣтятъ». Мало того. Немного спустя, Ганя даже говоритъ ему: «подлецы любятъ честныхъ людей,—вы это не знали?»—«Я васъ подлецомъ никогда уже не буду считать,—простодушно отвѣчаетъ кн. Мышкинъ, еще простодушнѣе прибавляя къ этому:—вы, по моему, самый обыкновенный человѣкъ, какой только можетъ быть... нисколько не оригинальный». Ему совсѣмъ не въ догадъ, что этимъ онъ неумышленно наноситъ такому человѣку, какъ Ганя, самую убійственную нравственную пощечину. Но она смягчена тою добродушною искренностью, которая служитъ порукой въ ея неумышленности. Ганя, не обижаясь, отвѣ-

чаетъ не безъ находчивости: «деньги тѣмъ всего подлѣе и ненавистнѣе въ наше время, что онѣ даже таланты даютъ. И будутъ давать до скончанія міра»... Потому-то самолюбіе его и было главнымъ образомъ въ томъ, чтобы про него говорили: «вотъ Иволгинъ, король Іудейскій!» И этотъ-то самый Ганя до того было умилился душой передъ этимъ «идіотомъ», что готовъ былъ у него руку поцѣловать. «А какъ вы думаете, князь,— спрашиваетъ онъ Мышкина,—если-бы я давеча вамъ руку поцѣловалъ, сталъ-бы я вамъ врагомъ за это впослѣдствіи?» «Непремѣнно стали-бы,—отвѣчаетъ прозорливый «идіотъ»,—только не навсегда, потомъ не выдержали-бы и простили»... Въ совершенное недоумѣніе поставлено княземъ другое лицо романа, Келлеръ: «то ужь такое простодушіе,—говоритъ онъ,—такая невинность, какихъ и въ золотомъ вѣкѣ не слыхано, и вдругъ въ то же время насквозь человѣка пронзаете, какъ стрѣла, такою глубочайшею психологіей наблюденія».

Дѣло просто. Участіе Мышкина къ каждому было такъ живо, такъ проницательно, что передъ этимъ участіемъ раскрывались невольно самые сокровенные тайники чужой души. Достоевскій только надѣлилъ «идіота» своимъ собственнымъ качествомъ—тою прозорливостью сердцевѣда, тайна которой въ гуманной, въ симпатической или всесочувственной душѣ его. [1]).

«Я люблю ее не любовью, а жалостью»,—вотъ какимъ образомъ опредѣляетъ «идіотъ» свои отношенія къ несчастной Настасьѣ Филипповнѣ. Любя ее этою гуманною жалостью, онъ и пытается читать въ ея чертахъ. «Это гордое лицо,—говоритъ онъ, разглядывая ея портретъ,— ужасно гордое, и вотъ не знаю, добра-ли она? Ахъ, кабы добра! Все было-бы спасено!» А при встрѣчѣ съ нею у Гани, вовсе не свидѣтельствующей, повидимому, объ ея добротѣ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшается спросить:

---

[1]) На эту сторону Достоевскаго обратилъ особенное вниманіе Л. Е. Оболенскій въ своихъ превосходныхъ статьяхъ о немъ въ «Мысли» 1881 г. (журналѣ, продолженіемъ котораго служитъ нынче «Русское богатство»).

«развѣ вы такая, какою теперь представляетесь?» И вотъ въ отвѣтъ ему сейчасъ-же и зазвучали въ ней лучшія, замолкшія только струны ея души: «я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ»,—говоритъ она;— «онъ въ меня съ одного взгляда повѣрилъ, и я ему вѣрю»—опредѣляетъ она въ свою очередь свои отношенія къ нему. Въ ея вѣрѣ въ него—и вся ея любовь къ нему. Понятно, что въ ту минуту, когда эта вѣра въ него готова поколебаться при видѣ его колебанья между нею и Аглаей, она въ отчаяньи восклицаетъ: «да будь же ты проклятъ послѣ того за то, что я въ тебя одного повѣрила»... Понятно и то, что при такихъ ея словахъ ему остается только окончательно отдаться Настасьѣ Филипповнѣ, говоря про нее въ свое оправданье: «вѣдь она такая несчастная!»

Его любовь-жалость къ Настасьѣ Филипповнѣ, этой, въ сущности, той-же (только съ роскошною обстановкой) Сонечкѣ, напоминаетъ отчасти любовь Раскольникова къ больной дочери квартирной хозяйки. Мышкину жалко ее, потому что она такъ много вынесла, жалко, что ее хотятъ сбыть на руки человѣку, который посредствомъ брака съ ней разсчитываетъ поправить свое состояніе. И вотъ князь, пользуясь внезапнымъ поправленіемъ своихъ обстоятельствъ, предлагаетъ ей свою руку. Но это не можетъ не вызвать въ ней, продолжающей, какъ всѣ личности Достоевскаго, чувствовать во многихъ отношеніяхъ по-человѣчески, это не можетъ не вызвать въ ней душевной борьбы, воспроизведенной у нашего автора съ его обычною психологическою глубиною. Она полюбила князя, потому что въ него она только и вѣритъ, она хватается за него, чтобы поддержать въ себѣ вѣру и вообще въ человѣческое достоинство, но она боится его погубить, ей совѣстно принять съ его стороны жертву, вмѣстѣ съ тѣмъ она и слишкомъ горда для того, чтобы принять жертву, — а ничѣмъ инымъ, кромѣ жертвы, не можетъ она объяснить его рѣшимость связать съ нею свою участь; — отсюда въ ней безконечныя колебанія. Но возникающее затѣмъ чувство ревно-

сти къ Аглаѣ, глубокое сознаніе униженія, которому та ее подвергаетъ, желаніе ей отомстить—все это доводитъ Настасью Филипповну до того, что она рѣшается даже сама снова вызвать наружу (чтобы окончательно ею воспользоваться) ту жалость къ себѣ, которая окончательно принимается за любовь «идіотомъ». А тамъ опять мысль, что она его этимъ губитъ, что онъ только собою жертвуетъ, а на самомъ дѣлѣ ея не любитъ, — и подъ вліяніемъ этой мысли бѣгство изъ подъ вѣнца къ Рогожину, которое, при характерѣ Рогожина, не можетъ не повлечь за собою трагической развязки.

Эта развязка — смерть Настасьи Филипповны — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прямо смерть заживо для несчастнаго «идіота» съ его глубоко прочувствованнымъ исповѣданіемъ: «состраданіе есть главнѣйшій и, можетъ быть, единственный законъ бытія всего человѣчества». Въ этомъ исповѣданіи — нравственная красота «идіота», но такое исповѣданіе—вовсе не счастье для него и ему подобныхъ. Достоевскій далекъ отъ той Маниловщины въ морали, на основаніи которой выходитъ, будто добродѣтель и счастье одно и то же, будто христіанство самая *умная* вѣра, потому-что растолковываетъ человѣку, что быть добрымъ,— это *прямой расчетъ* даже въ смыслѣ блаженства уже здѣсь на землѣ! Романъ Достоевскаго—это побѣдоноснѣйшая улика такой Маниловщины, такъ не кстати подновляемой однимъ великимъ писателемъ въ наши дни борьбы и всяческихъ испытаній.

Да, «идіотъ» положительно *жертва* своей сострадательности. Если у Васи Шумкова слабое, слишкомъ слабое сердце, то у кн. Мышкина оно слишкомъ широкое—а такое расширеніе сердца грозитъ преждевременнымъ его разрывомъ. Вѣдь тѣ, которыя любуются его душой и поклоняются ей, онѣ вовсе ее не щадятъ, онѣ забываютъ, что душа эта заключена въ скудельномъ сосудѣ. Обѣ эти женщины любятъ его по своему, для себя — каждая для себя одной, стараясь вполнѣ его оттянуть къ себѣ,—и не видятъ, не чувствуютъ, что онѣ его нравственно разрываютъ. Но не онѣ однѣ неспособны

понимать любовь въ ея широкомъ, въ ея всесочувственно-христіанскомъ смыслѣ; вѣдь и отчасти также замѣшанный тутъ Евгеній Павловичъ старается вразумить князя Мышкина, что «Аглая Ивановна любила какъ женщина, какъ человѣкъ, а не какъ... отвлеченный духъ. Знаете-ли что, бѣдный мой князь,—увѣряетъ онъ его,—вѣрнѣе всего, что вы ни ту, ни другую никогда не любили». А между тѣмъ, вѣдь та-же Аглая, повидимому, такъ хорошо поняла «идіота», когда толковала ему:—«хоть вы въ самомъ дѣлѣ больны умомъ, за то главный умъ у васъ лучше, чѣмъ у нихъ у всѣхъ, такой даже, какой имъ не снился; потому что есть два ума: главный и неглавный». Но та же самая Аглая пристаетъ къ нему:—«Зачѣмъ въ васъ гордости нѣтъ?» Дѣло въ томъ, что гордости, т.-е. самолюбія, слишкомъ много въ ней, какъ и въ Настасьѣ Филипповнѣ, а самолюбіе, какъ выставляетъ его Достоевскій, очень недалеко и отъ себялюбія. Все это—именно и есть по части «неглавнаго ума», который у кн. Мышкина вполнѣ заслоненъ умомъ «главнымъ». Аглая вѣрно его поняла; но, сознательно ему поклоняясь, она чувствуетъ, что ей не перейти раздѣляющаго ихъ разстоянія, и хотѣла-бы его перетащить къ себѣ, въ свой міръ, съ его «неглавнымъ умомъ».

Если она и говоритъ:—«я не хочу по баламъ ѣздить, я хочу пользу приносить... я не хочу быть генеральской дочкой», то вѣдь въ этомъ гораздо болѣе самолюбиваго оригинальничанья, чѣмъ настоящаго, безпримѣснаго хотѣнія приносить пользу. Такое хотѣніе возможно вѣдь только при той христіанской любви, которая несовмѣстима ни съ какою гордостью.

Объ этой-то настоящей любви и говоритъ постоянно «идіотъ», выражающійся о себѣ съ нелицемѣрнымъ смиреніемъ: «есть такія идеи, есть высокія идеи, о которыхъ я не долженъ начинать говорить, потому что я непремѣнно всѣхъ насмѣшу... У меня нѣтъ жеста приличнаго, чувства мѣры нѣтъ; у меня слова другія, а не соотвѣтственныя мысли, а это униженіе для этихъ мыслей». Что, если устами «идіота» говоритъ тутъ самъ Достоев-

скій, которому такъ часто приходилось убѣждаться, какъ плохо его понимаютъ и какъ ужасно его перетолковываютъ? Надѣлилъ-же онъ это, очевидно, любимое свое лицо столькимъ *своимъ*, даже несчастною своею болѣзнью (стоитъ только припомнить припадокъ съ княземъ Мышкинымъ въ концѣ романа и предшествующій ему экстазъ, что вѣдь и бываетъ въ падучей).

Въ «идіотѣ» вѣдь сказывается, наконецъ, и то особаго рода вліяніе, какое все болѣе и болѣе оказывалъ Достоевскій на молодежь, на тотъ возрастъ, какъ выражается кн. Мышкинъ, «въ которомъ всего легче и беззащитнѣе можно подпасть подъ извращеніе идей». Настроеніе кн. Мышкина, какъ и настроеніе Достоевскаго, шло во многомъ совершенно въ разрѣзъ съ самыми, какъ говорится, передовыми идеями, а между тѣмъ ломавшихъ передъ этими идеями шапку молодыхъ людей невольно что-то тянуло къ этому «мистику» Достоевскому, какъ что-то тянетъ и къ его «идіоту», что-то заставляетъ передъ нимъ преклониться и эту, выведенную въ романѣ, по самоновѣйшему покрою идействующую молодежь. Часть ея, это правда, окончательно сбившаяся съ толку отъ соединенія своихъ широкихъ инстинктовъ съ вычитанною изъ книжекъ широкою доктриной, льнетъ къ князю потому, что думаетъ просто воспользоваться долей въ его наслѣдствѣ. При этомъ она считаетъ возможнымъ опереться на какое-то право; когда-же это право оказывается совершенно мнимымъ, но князь и самъ готовъ подѣлиться съ ними,—они съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства отвергаютъ то, чего сами-же добивались на основаніи не настоящаго, а вымышленнаго права. Но вѣдь изъ круга этой молодежи, отличающейся дикимъ смѣшеніемъ понятій, выдается, со своими несомнѣнно сочувственными сторонами, чахоточный юноша Ипполитъ. Вспомните повѣсть, которую написалъ онъ на прощанье съ людьми: это, не сразу понятное смѣшеніе человѣколюбивыхъ и религіозныхъ чувствъ съ мнѣніемъ, что человѣкъ долженъ думать только о себѣ и что всякая благотворительность глупа и вредна. И эта чуд-

ная исповѣдь читается передъ тѣмъ, какъ Ипполитъ, по давно составленному плану, не дожидаясь и безъ того недалекой отъ чахоточнаго естественной смерти, долженъ самъ себя лишить жизни; но самоубійство должно произойти отъ пистолета, въ которомъ недостаетъ капсюля!

И этотъ-же самый юноша, въ пылу увлеченія тѣмъ, какъ тепло отнесся къ нему кн. Мышкинъ, сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ то, чего чуть было не сдѣлалъ пристыженный Ганя: Ипполитъ два раза поцѣловалъ у князя руку, а «идіотъ» объяснилъ это присутствующимъ тѣмъ, что «ему-де хотѣлось... всѣхъ васъ благословить и отъ васъ благословеніе получить,—вотъ и все». Но, очень хорошо усматривая въ Ипполитѣ, при далеко не заглохшей струнѣ симпатическихъ чувствъ, господствующую струну раздутаго самолюбія и казовой гордости, кн. Мышкинъ обращается къ нему самому со словами: «пройдите мимо насъ и простите намъ наше счастье».

Также точно разгадываетъ онъ своимъ любовнымъ чутьемъ и всѣхъ остальныхъ, выясняя имъ ихъ самихъ тѣмъ, что у нихъ въ головѣ «разныя идеи сошлись». Прежде, по его замѣчанію, «люди были какъ-то объ одной идеѣ, а теперь нервнѣе, развитѣе, сенситивнѣе, какъ-то о двухъ, о трехъ идеяхъ за разъ... Теперешній человѣкъ шире...»

Наконецъ, въ своемъ экстазѣ передъ припадкомъ, вникая въ различные виды нашего нравственнаго скитальчества, «идіотъ» съ такою-же любовною прозорливостью замѣчаетъ: «У насъ коль въ католичество перейдетъ, такъ ужь непремѣнно іезуитомъ станетъ... коль атеистомъ станетъ, то непремѣнно станетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ... Отчего это, отчего разомъ такое изступленіе?.. Оттого, что онъ отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ, и обрадовался; берегъ, землю нашелъ и бросился цѣловать...»

Во всемъ этомъ прямо сказывается самъ Достоевскій, этотъ, глубоко вдумывающійся своимъ любящимъ сердцемъ во всевозможныхъ больныхъ, душевный врачъ, этотъ въ послѣдніе свои годы по преимуществу врачъ

молодого поколѣнія, которое и стало, наконецъ, съ довѣріемъ къ нему обращаться, несмотря ни на какія предостереженія: «да вѣдь это не врачъ, а какой-то чудной знахарь, вѣдь это просто мистикъ и изувѣръ!»

Такіе крики про Достоевскаго стали усиленно раздаваться при появленіи его новаго романа: «Бѣсы». Иносказательный смыслъ этого страннаго заглавія объясняется въ концѣ романа. Степанъ Трофимовичъ Верховенскій положительно лучшая, въ художественномъ отношеніи, личность романа, во время своего бѣгства велитъ себѣ читать евангеліе, и, при чтеніи о бѣсахъ, говоритъ, что «эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней—это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка и вѣка». Личность самого Степана Трофимовича совершенно ясна. Это человѣкъ, котораго всю жизнь не покидаетъ льстящая ему мысль, что онъ потерпѣлъ за либерализмъ, потому что когда-то нашли что-то предосудительное въ какомъ-то его публичномъ чтеніи, тогда какъ этотъ самый «либералъ» тогда-же упекъ въ рекруты своего крѣпостного (о чемъ и напоминаютъ ему на публичномъ чтеніи послѣ его словъ о томъ, что искусство выше освобожденія крестьянъ и т. п.). Но Степанъ Трофимовичъ, подъ конецъ, самъ себя вѣрно опредѣляетъ, говоря, на основаніи Апокалипсиса, что нужно быть или холоднымъ, или горячимъ, а не только теплымъ. Онъ понимаетъ, что онъ былъ *только тепелъ*, что онъ былъ «середка на половинкѣ», а потому и вышло отъ него такъ немного проку. Такіе люди дѣйствительно были, —это праздные идеалисты сороковыхъ годовъ. Были въ томъ поколѣніи, разумѣется, и другіе люди, заслуги которыхъ никогда не будутъ забыты. Достоевскій, въ лицѣ Степана Трофимовича, не польстилъ этому поколѣнію *отцовъ;* онъ и въ своей записной книжкѣ называлъ ихъ не иначе, какъ «старыми колпаками сороковыхъ годовъ».

Въ качествѣ человѣка, которому, ради его направленія, не повезло, удалившись въ провинцію и пристроив-

шись на положеніи «приживалки» у матери своего бывшаго ученика, генеральши Ставрогиной, Степанъ Трофимовичъ сталъ, повидимому, поддаваться вліянію обыденной провинціальной жизни, но... «посмотрѣли-бы вы на него, когда онъ садился за карты... Весь видъ его говорилъ: я сажусь съ вами въ ералашъ? Кто-жъ отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!—И онъ осанисто козырялъ съ червей». Но вотъ повѣяло новымъ воздухомъ; у него-же все сводилось на то, что отечество неблагодарнѣйшимъ образомъ о немъ позабыло... Какъ вдругъ о немъ вспомнили гдѣ-то въ заграничныхъ изданіяхъ. «Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ сразу соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта — примкнуть къ движенію и показать свои силы». Онъ сталъ заявлять о правахъ искусства... Надъ нимъ стали подсмѣиваться, такъ какъ современники... опередили его. «Онъ безспорно согласился въ безполезности и комичности слова «отечество», согласился и съ мыслью о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ, что «сапоги ниже Пушкина и даже гораздо ниже». Разумѣется, такой ереси ему простить не могли.

Какъ подѣйствовало на Степана Трофимовича ожиданіе «19 февраля?» «У насъ многіе полагали,—говоритъ лицо, ведущее въ романѣ разсказъ,—что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное... И все вѣдь такъ-называемые знатоки народа и государства...» И Степанъ Трофимовичъ «почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься у Варвары Петровны (своей генеральши) за границу; однимъ словомъ, сталъ безпокоиться...» «Мы... слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками,—заговорилъ онъ,—мы ихъ ввели въ моду... мы надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня за всю тысячу лѣтъ дала намъ лишь одного Камаринскаго... Пора... не смѣшивать нашего родного сиволапаго дегтя съ bouquet de l'impératrice».

Одинъ изъ губернскихъ радикаловъ, Липутинъ, замѣчаетъ ему на это, что похвалить мужичковъ «все-таки

было тогда необходимо — для направленія...» Когда въ сосѣдней деревнѣ, по поводу воли, оказались недоразумѣнія, и туда, по мудрости мѣстныхъ властей, сгоряча послали воинскую команду, то либеральный Степанъ Трофимовичъ разглагольствовалъ въ клубѣ о томъ, что войска надо болѣе и предлагалъ даже немедленно передать это заявленіе, кому слѣдуетъ, въ Петербургъ... [1]).

Но, заботясь въ подобномъ смыслѣ о возстановленіи своей репутаціи, онъ неожиданно теряетъ ее въ другомъ смыслѣ, занеся на литературномъ утрѣ рацею о томъ, что «Шекспиръ и Рафаэль—выше освобожденія крестьянъ, выше народности, выше соціализма, выше юнаго поколѣнія, выше химіи, выше почти всего человѣчества, ибо они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества, и, можетъ быть, высшій плодъ, какой только можетъ быть». Но вѣдь это значило зайти въ своей вѣрности любимымъ традиціямъ гораздо далѣе «Пушкина, который выше сапогъ», — и такая смѣлость погубила Степана Трофимовича. Послѣ скандала, приключившагося съ нимъ, когда тутъ-же нѣкій семинаристъ громогласно напомнилъ ему о бывшемъ его крѣпостномъ—теперь Ѳедькѣ Каторжномъ, Степанъ Трофимовичъ беретъ суму, страннической посохъ, надѣваетъ высокіе сапоги и идетъ пѣшкомъ изъ этого, оказавшагося его недостойнымъ, города — куда глаза глядятъ. Вотъ тутъ-то, встрѣчаясь случайно съ книгоношей, онъ хватается вдругъ, какъ за якорь спасенія для себя, за мысль о службѣ народу посредствомъ евангелія. Авось эти «вшивыя головы» окажутся болѣе къ нему благодарными! «Народъ религіозенъ,—залепеталъ онъ,—c'est admis, но онъ еще не знаетъ евангелія. Я ему изложу его... Въ изложеніи устномъ можно исправить ошибки этой замѣчательной книги»,—рѣшаетъ онъ, давнымъ-давно, разумѣется, и не думавшій открывать эту книгу... Теперь онъ вдругъ начинаетъ доискиваться въ

---

[1]) Между тѣмъ при первомъ слухѣ о крестьянской реформѣ тотъ же Степанъ Трофимовичъ «не вытерпѣлъ и крикнулъ: «ура!» и даже сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ». Но одно дѣло—*слухъ*, а другое—*осуществленіе*.

ней разсказа о свиньяхъ, ces cochons... «Это мы, — восклицаетъ онъ въ припадкѣ самоосужденія, — мы, и тѣ, и Петруша (его сынъ...) et les autres avec lui, и я, можетъ быть, первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море, и всѣ потонемъ...» Но вѣдь такое, неожиданное отъ него, своего рода кликушество—все-же эффектная поза. Стоитъ только вспомнить слова поэта о томъ, что

> Съ Ивана, грознаго царя,
> До переписки Гоголя съ друзьями
> Самобичующій протестъ
> Есть русскихъ гражданъ достоянье...

Но бѣдному Степану Трофимовичу, прежде чѣмъ самому себя бичевать, пришлось испытать на себѣ дѣйствіе чужихъ кнутиковъ... начиная съ Петруши, ce cher enfant, обращающагося съ отцомъ довольно таки прошколивающимъ образомъ. «Онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь,—говоритъ про него Петруша,—до 15-ти лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперъ кричитъ, что болѣлъ о мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается передо мной, какъ актеръ». И мы въ самомъ дѣлѣ узнаемъ изъ романа, что, овдовѣвъ въ Парижѣ, Степанъ Трофимовичъ переслалъ оттуда единственнаго своего птенца на руки къ какимъ-то теткамъ, куда-то въ глушь. Отецъ, правда, позаботился о томъ, чтобы провести его потомъ чрезъ гимназію въ университетъ, но совсѣмъ не видался съ нимъ, а только патетически восклицалъ иногда: «Гдѣ сынъ мой, возлюбленный сынъ мой»! Между тѣмъ, живя въ своихъ заоблачныхъ эмпиреяхъ, папаша преисправно проживалъ денежки, собранныя со «вшивыхъ головъ», не думая о томъ, что сынокъ, къ тому же и не раздѣлявшій его взгляда на Пушкина, а предпочитавшій Пушкину «сапоги», когда-нибудь его призоветъ къ отвѣту за безпорядокъ въ дѣлахъ. Если Патруша, побывавъ за границей, вернулся оттуда воинствующимъ нигилистомъ, готовымъ на все, то это ни мало не удерживало его отъ денегъ, собранныхъ со «вшивыхъ головъ». Вѣдь онѣ бы

пошли у него, въ концѣ концовъ, на пользу тому же «посконному мужику», что, впрочемъ, не помѣшало Достоевскому спросить: «почему это всѣ эти отчаянные соціалисты и коммунисты въ то же время и такіе неимовѣрные скряги, пріобрѣтатели, собственники?»

Ясно, что, не польстивъ *отцамъ*—а въ Степанѣ Трофимовичѣ выведенъ все же передовой изъ нихъ — Достоевскій столь же мало польстилъ и *дѣтямъ*, начиная съ этого Верховенскаго — сына, который рѣжетъ уже не лягушекъ, а... приказываетъ рѣзать людей. У него уже нѣтъ и въ поминѣ чего-либо похожаго на тѣ симпатическія струны, которыя такъ громко звучатъ у Раскольникова. Отецъ не даромъ отнесъ его къ ces cochons: онъ по теоріи вполнѣ оскотинившійся человѣкъ, расплоджающій «добровольныхъ палачей»; онъ окончательно «перешагнулъ», онъ — нигилистъ буквальный, нигилистъ чистой крови.

Относительно происхожденія у насъ нигилизма есть замѣчательныя строки въ записной книжкѣ Ѳедора Михайловича. «Комическіе были,—говоритъ онъ тутъ,—переполохъ и заботы мудрецовъ нашихъ отыскать, откуда взялись нигилисты? Да они ни откуда не взялись, а все были съ нами, въ насъ и при насъ». Къ нигилистамъ, въ широкомъ смыслѣ слова, онъ относитъ, конечно, и Верховенскаго—отца. «Нѣтъ, какъ можно, толкуютъ мудрецы,—читаемъ мы у него далѣе,—мы не нигилисты, а мы только на отрицаніи Россіи хотимъ спасти ее...» Но въ этомъ, по мнѣнію Достоевскаго, и заключается нигилизмъ... Нигилизмъ есть оторванность отъ всякихъ преданій, безпочвенность, и въ этомъ отношеніи русскіе люди давно нигилисты. Не даромъ же Ѳедоръ Михайловичъ продолжаетъ: «нигилизмъ явился у насъ, потому что мы всѣ нигилисты, насъ только испугала новая, оригинальная форма его проявленія».

Если смотрѣть съ этой стороны, то невольно придешь къ тому, что, воспитавшись даже подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ отца, Петръ Степановичъ могъ бы выйти такимъ же, какимъ вышелъ помимо его воздѣй-

ствія. Захолустныя тетки Петра Степановича были, конечно, благочестивыя въ заурядномъ смыслѣ барыни; но отъ ихъ благочестія на старой византійской подкладкѣ исключительной обрядности не было никакого жизненнаго плода. Степанъ Трофимовичъ Верховенскій былъ философъ-идеалистъ и эстетикъ, но ото всего этого, благопріобрѣтеннаго изъ книгъ, также не выходило никакого жизненнаго плода, ничего, способнаго поставить человѣка на прямую дорогу трезвой и стойкой дѣятельности. Степанъ Трофимовичъ въ свое время попалъ подъ вліяніе отвлеченныхъ ученій, по самой своей отвлеченности болѣе или менѣе безобидныхъ; сынокъ его очутился уже подъ другимъ наноснымъ вліяніемъ, подъ вліяніемъ ученій, служившихъ и тамъ на Западѣ реакціею противъ отвлеченности, ученій, непосредственно вторгавшихся въ жизнь съ ножомъ и ломомъ.

Но что же подготовило у насъ почву для успѣха подобныхъ ученій какъ разъ въ ту пору, когда совершались у насъ великія преобразованія, долженствовавшія, повидимому, помѣшать такому успѣху? Достоевскій даетъ намъ на это въ своемъ романѣ довольно ясный отвѣтъ. Почва была у насъ подготовлена тою соціальною борьбой, какою, пожалуй, и неизбѣжно ознаменовывался переходъ отъ дореформенной поры къ преобразовательной. Нашъ барскій слой если открыто и не протестовалъ противъ 19-го февраля, то сталъ къ нему въ замаскированную, но, тѣмъ не менѣе, дѣятельную оппозицію, при чемъ иногда, въ пылу увлеченья, даже и снималась маска. Эту оппозицію, разумѣется, нельзя сопоставлять съ оппозиціей южно-американскихъ плантаторовъ, приведшей къ борьбѣ Юга съ Сѣверомъ изъ-за негровъ. Черезъ нашу затаенную оппозицію ясно однако проходитъ намѣреніе испортить, что только можно, въ примѣненіи великой реформы. Щедринъ вѣдь прямо подслушалъ у этихъ людей относительно ихъ бывшихъ крестьянъ: «пускай знаютъ поганцы, каково—сладка хваленая ихъ свобода». Но въ то же самое время не надобно забывать, стали кое-гдѣ раздаваться рѣчи съ намеками, что за

утраченныя права должно-бы вознаградить насъ, такъ сказать, à l'Anglaise. Представителемъ такихъ взглядовъ является въ «Бѣсахъ» Гагановъ. Послѣ 19-го февраля, говоритъ Достоевскій, «онъ вдругъ почувствовалъ себя какъ-бы лично обиженнымъ... Онъ принадлежалъ къ тѣмъ страннымъ, еще уцѣлѣвшимъ на Руси, дворянамъ, которые чрезвычайно дорожатъ древностью и чистотой своего дворянскаго рода... Вмѣстѣ съ этимъ онъ терпѣть не могъ русской исторіи, да и вообще весь русскій обычай считалъ отчасти свинствомъ...» Подъ вліяніемъ своихъ рыцарскихъ идей, онъ вызываетъ на дуэль Ставрогина, который буквально провелъ за носъ его отца черезъ залу клуба, самъ же, что называется, спокойно расписался въ полученіи пощечины отъ Шатова. Когда, сверхъ всякаго ожиданія, Ставрогинъ принимаетъ вызовъ и держитъ себя затѣмъ вполнѣ по правиламъ чести, городское дворянство подыскиваетъ объясненіе для такой двойственности въ образѣ дѣйствій Ставрогина. И объясненіе вскорѣ нашлось самое подходящее, прямо льстившее ихъ барскимъ взглядамъ. «Чему-же тутъ удивляться,—говорили они,—что Ставрогинъ дрался съ Гагановымъ и не отвѣчалъ студенту (т.-е. на его пощечину?) Не могъ же онъ вызвать на поединокъ бывшаго крѣпостного своего человѣка» (чѣмъ и былъ прежде Шатовъ). Слѣдствіемъ было то, что безпутный Ставрогинъ сдѣлался любимцемъ города. «Объявилось лицо, въ которомъ всѣ ошиблись,—лицо, почти съ идеальною строгостью понятій». Что касается опять Гаганова, то съ другой стороны и самъ Петръ Степановичъ не прочь отъ того, чтобы воспользоваться его деревенскимъ гостепріимствомъ. Онъ не брезгаетъ имъ не только ради удобствъ и выгодъ, но, конечно, и ради того, что всякій «оппозиціонный элементъ» годенъ въ дѣло.

Другого рода оппозицію рисуетъ намъ Достевскій въ лицѣ своего губернатора, г. фонъ Лембке. Это уже оппозиція служилыхъ людей, приказныхъ или бюрократовъ, въ числѣ которыхъ у насъ, какъ извѣстно, не мало и представителей барства. Обида приказнымъ заключалась

въ томъ, что рядомъ съ ними выросли вдругъ, какъ грибы послѣ дождя, какія-то небывалыя и непрошенныя земскія учрежденія. Подобно тому, какъ помѣщики употребляли всѣ усилія, чтобы сдѣлать несостоятельною крестьянскую реформу, администраторы задались стремленіемъ свести на нуль и реформу земскую. «Для уравновѣшенія и процвѣтанія всѣхъ губернскихъ учрежденій,—разсуждаетъ фонъ Лембке,—необходимо одно: усиленіе губернаторской власти... Надо, чтобы всѣ эти учрежденія, земскія-ли, судебныя-ли, жили, такъ сказать, двойственною жизнью, т.-е. надобно, чтобъ они были (я согласенъ, что это необходимо), ну, а съ другой стороны, надо, чтобъ ихъ и не было». Слова эти обращены къ Петру Степановичу, который успѣлъ уже по своему обработать какъ губернатора, такъ и его супругу. На этотъ разъ онъ не выдерживаетъ и радостно проговаривается: «ну, какъ хотите, а все-таки вы намъ прокладываете дорогу и подготовляете намъ успѣхъ». Тому-же, конечно, содѣйствовали и тѣ экзекуціи, къ которымъ, благодаря своей административной мудрости, прибѣгали городскія власти по поводу такъ-называемыхъ крестьянскихъ бунтовъ.

На эту сторону романа понятнымъ образомъ не обратила вниманія враждебная критика, которой нужно было выставить Достоевскаго какимъ-то гасильникомъ, чуть не доносчикомъ. Но на этомъ же не менѣе понятнымъ образомъ не желала остановиться и благопріятная ему критика, критика журнала, въ которомъ онъ тогда участвовалъ, и которая желала его выставить вполнѣ *своимъ*. Могла-ли эта критика останавливаться на дворянской и чиновничьей оппозиціи, подготовившей почву для нигилистовъ, если въ собственномъ умыслѣ представителей этой критики тогда уже было—въ отпоръ нигилизму выставить не что иное, какъ именно «дворянскую эру» и «усиленіе губернаторской власти», т.-е., какъ впослѣдствіи замѣчено было въ Аксаковской «Руси», лѣченіе тѣмъ, отъ чего произошла болѣзнь. И несочувственная роману критика лицемѣрила: одна притворялась, что не

признаетъ въ Петрѣ Степановичѣ и его нигилистической компаніи живыхъ людей, другая зажмуривалась и прищуривалась, чтобы пройти мимо Гагановыхъ, фонъ Лембке и т. п. Обѣ критики въ сущности были—одного поля ягода [1]).

Случайно ставшій идеаломъ мѣстнаго дворянства, бывшій воспитанникъ Степана Трофимовича, Николай Ставрогинъ, въ свою очередь обрабатывается Петромъ Степановичемъ, давно уже съ нимъ познакомившимся за границей. Петръ Степановичъ имѣетъ на даровитаго, хотя и безпутнаго, Ставрогина совершенно особые виды. Онъ разсчитываетъ современемъ пустить его въ народъ въ качествѣ такъ-называемаго Ивана Царевича. Между ними завязывается по поводу этого откровенный разговоръ. На вопросъ Ставрогина: «какъ вы разбросали столько прокламацій?» Верховенскій отвѣчаетъ: «первое, что ужасно дѣйствуетъ, это мундиръ. Я нарочно выдумалъ чины и должности: у меня секретарь, тайные соглядатаи, казначеи. Затѣмъ—слѣдующая сила, разумѣется, *сентиментальность*. Соціализмъ у насъ распространяется преимущественно изъ сентиментальности... Затѣмъ слѣдуютъ чистые мошенники... иной разъ выгодны очень... но на нихъ... неусыпный надзоръ требуется... Наконецъ самая главная сила—цементъ, все связывающій—это *стыдъ собственнаго мнѣнія*!.. И кто,—спрашиваетъ онъ,—этотъ миленькій трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого въ головѣ! За стыдъ почитаютъ!.. Я вамъ говорю онъ у меня въ огонь пойдетъ, стоитъ только прикрикнуть на него, что недостаточно либераленъ». Ставрогинъ же замѣчаетъ на это: «все это—чиновничество и сентиментальность—клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще получше: подговорите четырехъ членовъ кружка укокошить пятаго—подъ видомъ того, что тотъ донесетъ, и

---

[1]) Это ясно изъ сопоставленія тѣхъ противоположныхъ критическихъ отзывовъ, которые приведены въ 3-мъ вып. комментарія къ Ѳ. М. Достоевскому г. Зелинскаго.

тотчасъ же вы ихъ всѣхъ пролитою кровью, какъ однимъ узломъ, свяжете». Но Ставрогинъ нѣсколько запоздалъ со своимъ совѣтомъ: все это уже входило въ рецептъ, вывезенный изъ-за границы Петромъ Степановичемъ. При помощи такого пріема онъ и рѣшаетъ развязаться съ оказавшимся для нихъ неудобнымъ Шатовымъ. Неудобство это въ томъ, что онъ, какъ оказывается, не поддался тому «миленькому», который такъ потрудился никому не оставить ни одной собственной идеи. Шатовъ не способенъ разъ навсегда отлиться въ готовую форму, не способенъ отдать свою волю чужому верховодству. Вотъ Верховенскій и рѣшаетъ его устранить—на томъ основаніи, что онъ можетъ на нихъ донести. «Если-бъ каждый изъ насъ,—предлагаетъ онъ вопросъ своему собранію,—зналъ о замышленномъ политическомъ убійствѣ, то пошелъ ли бы онъ донести, предвидя всѣ послѣдствія, или остался бы дома, ожидая событій?» Прямого отвѣта никто не рѣшился дать, стали говорить обинякомъ. Только Шатовъ въ это время молча всталъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ насквозь понимаетъ Петра Степановича и видитъ, къ чему это клонится. Онъ видитъ, что уже обреченъ на смерть, и тутъ ничего не подѣлаешь. «Вѣдь это для васъ же невыгодно»,—говоритъ, какъ бы прямо его тѣмъ отмѣчая, Верховенскій.—«За то тебѣ выгодно, какъ шпіону и подлецу», доканываетъ себя такою смѣлою прямотою Шатовъ. Это было уже «преступленіе противъ величества» наибольшаго—а за такое преступленіе вездѣ полагается смертная казнь.—«Донесетъ онъ, или не донесетъ?» стали спрашивать по уходѣ Шатова. «Если-бъ доносчикъ, онъ бы прикинулся, а то онъ наплевалъ да и вышелъ», совершенно резонно замѣтилъ кто-то. Но какіе резоны передъ тою логикою, которая предписывается имъ всѣмъ Петромъ Степановичемъ. Кончилось неизбѣжно тѣмъ, что въ доносъ Шатова всѣ повѣрили; «но—прибавляетъ авторъ,—и въ то, что Петръ Степановичъ играетъ ими, какъ пѣшками, тоже вѣрили. А затѣмъ всѣ знали, что завтра все-таки явятся въ комплектѣ на

мѣсто, и судьба Шатова рѣшена. Чувствовали, что вдругъ, какъ мухи, попали въ паутину къ огромному пауку: злились, но тряслись отъ страху» [1]). Исключеніе составляетъ Ставрогинъ, котораго онъ припасаетъ, на случай, въ Иваны Царевичи. «Мы проникнемъ въ самый народъ,—говоритъ онъ Ставрогину.—Знаете ли, что мы ужъ и теперь ужасно сильны?.. Знаете ли, сколько мы однѣми готовыми идейками возьмемъ. Я поѣхалъ—свирѣпствовало ученье Litré, что преступленіе есть помѣшательство, а именно оно здравый-то смыслъ и есть» (развитіе Раскольниковской теоріи)... Русскій Богъ,—говоритъ онъ съ особеннымъ смакомъ,—уже спасовалъ передъ «дешевкой»... Матери пьяны, дѣти пьяны... Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьянѣе стали. Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ—къ этому идетъ» (Тутъ же вѣдь и мудрые администраторы подмогутъ). «Одно или два поколѣнія развесть теперь необходимо... Человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь—вотъ чего надо! А тутъ еще «свѣженькой кровушки», чтобы попривыкли. ...Тутъ-то мы и пустимъ Ивана Царевича ...И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ!» А «строить *мы* будемъ, мы, одни мы!».

Ну, какъ тутъ не вспомнить дипломата въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ»? «Безъ насъ—говоритъ онъ тамъ,—безъ насъ нельзя... мы всплывемъ, а девизъ нашъ въ настоящую минуту должно быть: «pire ça va, mieux ça est». Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, тѣмъ для нашего могущества выгоднѣе—перевели и истолковали Петры Верховенскіе.

---

[1]) Въ числѣ средствъ, употребляемыхъ этимъ паукомъ, мы однако не видимъ *подкупа*. Между тѣмъ насъ хотятъ увѣрить, что петрашевцы въ свое время именно *подкупали*, такъ какъ подкупленнымъ былъ у нихъ—самъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій! Если вѣрить его бывшему пріятелю, доктору Яновскому, то, занявъ у покойнаго Спѣшнева 500 р., Достоевскій говорилъ: «я теперь съ *нимъ* и *его*». Кого это только морочитъ докторъ Яновскій? Должно быть себя самого (см. Русскій Вѣстникъ 1885 г. апрѣль, стр. 816—817).

Могущество, именно *ихъ могущество*—статья для нихъ очень важная. «Одна десятая доля человѣчества, по ихъ теоріи, получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ-же должны обратиться... въ родѣ какъ бы въ стадо» (слова Шигалева). Раздается между ними даже такое мнѣніе, что не проще ли, не скорѣе ли—«взять да взорвать на воздухъ эти $^9/_{10}$», такъ какъ слѣпо повиноваться онѣ, пожалуй, не вдругъ научатся (мнѣніе Лямшина).

Та же жажда могущества выставлена была уже въ Раскольниковѣ, также вѣдь признающемся: «власть, власть прежде всего». Но въ Раскольниковѣ, при симпатическихъ сторонахъ его характера, власть все же не можетъ окончательно обратиться въ самодовлѣющую. Въ немъ не только живо, но и громко говоритъ сердце, способное подсказывать власти, что на самомъ дѣлѣ она—только прикладная сила, способная ее наводить на благія ея приложенія. Въ Петрѣ же Степановичѣ сердце умерло; въ немъ одинъ холодный разсудокъ, состоящій на службѣ у всепожирающаго властолюбія; жертва же этой адской службы—подрастающее поколѣніе.

Оно попадаетъ въ ловушку въ силу той ловкой игры на свободолюбивыхъ струнахъ его души, которая заключается, напримѣръ, въ слѣдующемъ воззваніи Петра Степановича: «я васъ спрашиваю, что вамъ милѣе: медленный ли путь, состоящій въ сочиненіи соціальныхъ романовъ и въ канцелярскомъ предрѣшеніи судебъ на тысячи лѣтъ впередъ на бумагѣ, тогда какъ деспотизмъ тѣмъ временемъ будетъ глотать жареные куски... или вы держитесь рѣшенія скораго?.. Кричатъ: «сто милліоновъ головъ»;—это, можетъ быть, еще и метафора, но чего ихъ бояться, если при медленныхъ бумажныхъ мечтаніяхъ деспотизмъ въ какія-нибудь сто лѣтъ съѣстъ не 100, а 500 милліоновъ головъ... Прошу всю почтенную компанію ...прямо и просто заявить, что вамъ веселѣе: черепашій ли ходъ въ болотѣ, или на всѣхъ парахъ черезъ болото?» Желанный отвѣтъ подразумѣвается.

Достоевскій съ глубокою грустью останавливается на этомъ явленіи. Тутъ вѣдь передъ его душевнымъ взоромъ тѣ же «униженные и оскорбленные»—люди, надъ которыми совершается величайшее изъ насилій. Они обращаются съ юныхъ лѣтъ въ безгласное орудіе чужихъ цѣлей, изъ нихъ вербуются тѣ палачи — добровольцы, къ которымъ прямо примѣняется выраженіе: «добровольно—наступя на горло».—Имъ говорятъ: «ступай—и взорви», «ступай—и подкинь», «ступай—заколи или выстрѣли»; и они идутъ и исполняютъ, потому что, отказавшись положить другого на плаху, они сами на нее попадутъ, да еще и съ клеймомъ такъ-называемаго «подлеца», которое, увѣряютъ ихъ, перейдетъ въ потомство.

Въ числѣ этихъ особаго рода «несчастныхъ» оказывается у Достоевскаго и гимназистъ, «очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ 18-ти, сидящій съ мрачнымъ видомъ... Видимо страдая за свои 18 лѣтъ, этотъ крошка,—сострадательно замѣчаетъ Достоевскій,—былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки». Тутъ же оказывается и студентка съ добрѣйшимъ сердцемъ, отправляющаяся по университетскимъ городамъ, чтобы принять участіе въ страданіяхъ бѣдныхъ студентовъ и «возбудить ихъ къ протесту». На все это Достоевскій указывалъ имъ же самимъ, вразумляя и предостерегая ихъ отъ того особаго деспотизма, который, пожалуй, будетъ еще похуже всякаго другого. И значительная часть молодежи такъ и понимала намѣренія Достоевскаго; она знала, что онъ настоящій другъ ея, другъ и такъ-называемыхъ студентокъ, что онъ всегда сочувствовалъ и этимъ послѣднимъ, благословляя ихъ жажду къ высшему образованію, цѣня ихъ способность на всѣ лишенія, ихъ удивительный аскетизмъ во имя науки, той науки, которая нужна и женщинѣ, даже и въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду только положеніе ея въ семьѣ.

Самымъ, можетъ быть, жалкимъ, самымъ вызывающимъ состраданіе тою «униженностью и оскорбленностью»,

которой онъ долго совсѣмъ не чувствуетъ, является въ «Бѣсахъ» прапорщикъ Эркель,—этотъ, по природѣ, любящій сынъ, отсылающій матери цѣлую половину своего скуднаго жалованья. «Какъ, должно быть, она цѣловала эту бѣдную бѣлокурую головку, какъ дрожала за нее, какъ молилась о ней...»,—говоритъ Достоевскій. «Чувствительный, ласковый и добрый Эркель, по его замѣчанію, быть можетъ, былъ самый безчувственный изъ убійцъ, собравшихся на Шатова. Этотъ чувствительный мальчикъ воображалъ, что такъ оно нужно для достиженія великой, спасительной для человѣчества цѣли». Онъ, какъ какая-нибудь Татьяна или Наталья въ офицерскомъ сюртукѣ, безусловно вѣрилъ въ своего героя— молился, такъ сказать, на Петра Верховенскаго. Только при прощаніи съ нимъ уже послѣ участія въ предписанномъ имъ убійствѣ, онъ былъ пораженъ, былъ обиженъ холоднымъ обращеніемъ этого человѣка, которому такъ легко позволилъ себя обезчестить пролитою по его приказу кровью. Но увы! бѣдный мальчикъ и тутъ все не вразумляется до того, чтобы усмотрѣть и возчувствовать именно свое безчестіе... «Вы все, а мы — ничто» — вотъ что, смиренно себя тѣмъ успокоивая, говоритъ онъ Верховенскому.

Но что же такое этотъ ужасный Шатовъ, въ убійствѣ котораго преспокойно принимаютъ участіе даже такіе симпатичные юнцы? Шатовъ, по опредѣленію Достоевскаго, — это «одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, которыхъ вдругъ поразитъ какая-нибудь сильная идея и тутъ разомъ придавитъ ихъ собой — иногда даже на вѣки».

Побывавъ за границей, онъ именно тамъ-то и измѣнилъ радикально нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ убѣжденій. Онъ тамъ вдругъ понялъ прежде всего, что дѣятельность въ пользу народа не можетъ быть совмѣстима съ презрѣніемъ къ нему. Изъ него тамъ выработался новый, еще болѣе преданный своимъ убѣжденіямъ, Разумихинъ. «Если я за народъ,—разсуждалъ онъ,—такъ я его пѣшкой не дѣлаю; если я за народъ, такъ я его

въ матеріалъ для себя не обращаю; если я за народъ, такъ я признаю въ немъ разумную человѣческую душу, а не тварь, созданную для того, чтобы помыкать ею».— Это прямо противоположно тому, что передаетъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя». Кто-то замѣтилъ относительно извѣстныхъ затѣй: «да вѣдь народъ съ этимъ не согласится».—«Такъ уничтожить народъ!» вырвалось у одного изъ спорящихъ. Шатовъ видитъ, напротивъ, въ народѣ силу, на которую нельзя посягать. «Никогда эти ваши люди не любили народа, — говоритъ онъ Верховенскому-отцу,—не страдали за него и ничѣмъ для него не пожертвовали... Нельзя любить того, чего не знаешь,—поясняетъ онъ,—а они ничего въ русскомъ народѣ не смыслили... Мало того, съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились... подъ народомъ воображали себѣ однихъ парижанъ и стыдились, что русскій народъ не таковъ»... Сравнивая же современное съ предшествующимъ, Шатовъ замѣчаетъ, что отцы и дѣти—прямо одного поля ягоды, различные плоды одной и той же безпочвенности. Отцы когда-то были въ упоеніи отъ своей помѣщичьей власти, дѣти, при всей своей казовой свободѣ, тоже до опьяненія любятъ власть. «У нихъ все смертная казнь, — говоритъ онъ, — и все... на бумагахъ, съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ... Кучка преувеличиваетъ свой ростъ и значеніе... По моему, ихъ всего и есть одинъ Петръ Верховенскій... этотъ клопъ, невѣжда, дуралей, не понимающій ничего въ Россіи»... «Опять вы улыбаетесь вашею брезгливою свѣтскою улыбкою,—обращается онъ къ бывшему барину своему, Ставрогину.—О, когда вы поймете меня? Прочь барича!.. Вы баричъ, послѣдній баричъ,—заключаетъ онъ.—Добудьте Бога трудомъ!».

Шатовъ, вышедшій изъ народа, не поддается Верховенскому. Не забудемъ, что и совершенно другой человѣкъ изъ народа, Ѳедька Каторжный съ особымъ сознаніемъ своей самостоятельности говоритъ про своего бывшаго барина: «потому въ Рассеѣ никакъ нельзя безъ документа, такъ ужь онъ и думаетъ, что мою душу за-

полонилъ». Это выраженіе въ высшей степени характерное. «Заполоненье народной души» — прямо входитъ въ расчеты различныхъ Петровъ Степановичей.

Достоевскій, главнымъ образомъ, и указывалъ на такое «заполоненье души» вообще; онъ предостерегалъ отъ него нашу учащуюся молодежь. Другіе, либеральничая, искали себѣ популярности у молодежи, и преспокойно получали затѣмъ не малые даже знаки отличія, потому что умѣли не все досказывать, мудро кое о чемъ умалчивать съ обоихъ концовъ. Онъ одинъ имѣлъ полное право сказать: «я ничего не прошу и ничего не возьму и не мнѣ хватать звѣзды за мое направленіе» [1]). Но онъ-то и высказывался передъ молодежью вполнѣ, сознавая своимъ любящимъ сердцемъ, какой страшный грѣхъ беретъ на душу тотъ, кто въ такое время, какъ наше, допускаетъ въ своихъ рѣчахъ хоть какія-нибудь недомолвки. И вотъ — онъ всегда говорилъ, «какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи!»

V.

«Дневникъ писателя» и «Подростокъ.»

Появленіе «Бѣсовъ» временно послужило враждебной Достоевскому критикѣ удобнымъ поводомъ поудержать отъ него молодое поколѣніе. Враждебная критика дипломатически налегала на то, что вѣдь, въ сущности, это только какая-то реляція о Нечаевской исторіи въ формѣ романа, а развѣ дѣло искусства спускаться до подобныхъ реляцій? Тутъ за искусство въ его чистотѣ вооружались люди, для которыхъ вообще искусство не много значило (на томъ основаніи, что «сапоги выше Пушкина»). Но они слѣдовали въ данномъ случаѣ тому оппортунизму, который сказался уже въ старой статьѣ Добро-

1) Изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго.

любова о «забитыхъ людяхъ»: и въ ней вѣдь говорилось о недостаткѣ художественнаго таланта у Достоевскаго. И теперь за «художественность» и противъ «тенденціозности» ополчилась именно та критика, которая сама была партійно-тенденціозна; она поступила такъ, потому что та тенденція, которую она усматривала у Достоевскаго, ей не нравилась.

Сдѣлавшись въ 1873 г. редакторомъ «Гражданина», Достоевскій, печатая въ немъ свой «дневникъ писателя», подробно касался тутъ «тенденціи» своихъ «Бѣсовъ» и отношеній къ ней критики. «Я хотѣлъ,—пояснялъ онъ,—поставить вопросъ, какимъ образомъ въ нашемъ переходномъ и удивительномъ современномъ обществѣ возможны не Нечаевъ, а *Нечаевы*, и какимъ образомъ можетъ случиться, что эти Нечаевы набираютъ себѣ наконецъ *Нечаевцевъ?»* — Возражая своимъ критикамъ, онъ имѣлъ въ виду и тѣхъ, которые объясняли дѣло такъ-называемою «полунаукою» [1]). «Или вы думаете,—спрашивалъ онъ ихъ,—что знанія, «научки», школьныя свѣдѣньица (хотя-бы университетскія), такъ ужь окончательно формируютъ душу юноши, что съ полученіемъ диплома онъ тотчасъ-же получаетъ незыблемый талисманъ,—разъ навсегда узнавать истину и избѣгать искушеній?.. Неужели-же вы вправду думаете, что прозелиты, которыхъ могъ-бы набрать у насъ какой-нибудь Нечаевъ, должны быть непремѣнно лишь одни шалопаи? Не вѣрю, не всѣ; я самъ *старый Нечаевецъ* и тоже стоялъ на эшафотѣ, приговоренный къ смертной казни, и увѣряю васъ, что стоялъ въ компаніи людей образованныхъ». Оговариваясь далѣе, что онъ очень хорошо понимаетъ всю громадную разницу между Петрашевцами и Нечаевцами, онъ указывалъ, однако, на то, что первые представляли собою начальный фазисъ той «одержимости теоріею», дальнѣйшимъ фазисомъ которой являются вторые... «Я уже въ 1846 г.,—говорилъ онъ,—былъ по-

---

1) Такъ взглянулъ тогда тотъ журналъ, въ которомъ появились «Бѣсы», т.-е. «Русскій вѣстникъ».

священъ во всю «правду» грядущаго обновленнаго міра...» «Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній современнаго общества... объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ тормазу во всеобщемъ развитіи... все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли» (самъ-то онъ, конечно, во многомъ преодолѣлъ, вполнѣ сохранивъ любовь къ отечеству и народности, не видя въ ней и тогда чего-либо несовмѣстнаго съ любовью къ человѣчеству). «Тогда уже,—старался тутъ объяснить Достоевскій,—смотрѣли на *соціализмъ*, какъ на необходимую «поправку» христіанства, — поправку въ смыслѣ большаго *практицизма*, нежеланія откладывать въ «долгій ящикъ». Позже, въ наши дни, такой *практицизмъ* сведенъ былъ къ тому, чѣмъ пользовалось уже средневѣковое человѣчество—но пользовалось во имя *догмата*... Теперь ухватились за тотъ-же *огонь* и *мечъ* во имя перестроенія общества на основаніи жизненнаго ученья о «братствѣ...» «Въ моемъ романѣ «Бѣсы», — объяснялъ Достоевскій, — я пытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразные мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди могутъ быть привлечены къ совершенію чудовищнаго злодѣйства... Скажите-же теперь, господа,—спрашивалъ онъ,—кто лучше относится къ молодежи, — вы-ли, говорящіе, что попадаются шалопаи, или я, утверждающій, что попадаются честные и благородные люди?» «Пока кругомъ насъ,—заключаетъ онъ,—такой туманъ фальшивыхъ идей... поневолѣ пріискиваешь иногда всевозможныя средства, чтобъ выйти изъ недоумѣнія. Одно изъ такихъ средствъ—быть поменѣе *безсердечными* (т.-е. не держаться осторожной мудрости «моя хата съ краю»), не стыдиться хоть иногда, что васъ кто-нибудь назоветъ «гражданиномъ»[1]) и хоть иногда сказать правду, если-бы даже она была и недостаточно, по вашему, либеральна».

[1]) Достоевскій намекаетъ на названіе своего журнала, впослѣдствіи (когда онъ отъ него отказался) въ самомъ дѣлѣ принимавшаго великое имя «гражданинъ» зачастую всуе.

Личныя воспоминанія, къ которымъ Достоевскій переходитъ отъ объясненій по поводу «Бѣсовъ», принимаютъ у него тутъ очень грустный колоритъ. Въ его воображеніи возстаетъ тутъ, между прочимъ, бесѣда съ Бѣлинскимъ, въ которую вмѣшивается какое-то третье лицо, утверждая, что «ежели-бы Христосъ пришелъ въ наше время, то Онъ примкнулъ-бы къ воинствующему соціализму», съ чѣмъ сейчасъ-же и согласился Бѣлинскій. По мнѣнію Ѳеодора Михайловича, Бѣлинскій былъ «самый торопившійся человѣкъ во всей Россіи». — «Этотъ всеблаженный человѣкъ,—говоритъ онъ, — иногда, впрочемъ, очень грустилъ (блаженнымъ назвалъ его Достоевскій въ смыслѣ Грибоѣдовскаго: «блаженъ кто вѣруетъ— тепло ему на свѣтѣ», такъ какъ онъ твердо вѣровалъ въ цивилизацію) ...но грустилъ не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій ...а вотъ почему не сегодня, почему не завтра?» Достоевскій при этомъ вспоминаетъ, какъ Бѣлинскій частенько ходилъ смотрѣть на работы по только-что предпринятой въ то время Николаевской желѣзной дорогѣ: «Хоть тѣмъ сердце отведу, — говорилъ онъ, — что постою, да посмотрю... наконецъ-то и у насъ будетъ хоть одна желѣзная дорога...» Достоевскій увѣряетъ, будто онъ въ то время страстно принялъ все ученье Бѣлинскаго, хотя тутъ-же говоритъ, что Бѣлинскій подъ конецъ его не взлюбилъ. Дѣло, должно быть, въ томъ, что на самомъ дѣлѣ и въ то уже время Достоевскій не былъ способенъ такъ страстно вѣровать ни въ единую спасающую европейскую цивилизацію, ни во все порѣшающій воинствующій соціализмъ (обѣ эти вѣры, судя по словамъ Ѳеодора Михайловича, удивительнымъ образомъ уживались въ Бѣлинскомъ, хотя вѣдь въ сущности соціализмъ есть полнѣйшее отрицаніе всеспасающей цивилизаціи). Дѣло, должно быть, въ томъ, что Достоевскій уже и тогда не могъ страстно торопиться, потому что, даже и въ своемъ качествѣ «заговорщика», долженъ былъ плохо вѣрить во всякія — какъ мирныя, такъ и воинственныя панацеи, имѣя свой особый взглядъ на глубокіе корни общественнаго зла и неправды.

Касаясь своего прибытія въ Сибирь, онъ вспоминаетъ о тѣхъ женахъ декабристовъ, которыя каждаго изъ нихъ одѣлили евангеліемъ. «Я читалъ его иногда,—говоритъ онъ,—и читалъ другимъ... Кругомъ меня были именно тѣ люди, которые по вѣрѣ Бѣлинскаго (онъ разумѣетъ, конечно, ученіе о «средѣ») не могли не сдѣлать своихъ преступленій, а, стало быть, были правы и только несчастнѣе чѣмъ другіе». Замѣчая, что въ этомъ легко усмотрѣть совпаденіе знаменитаго критика-публициста съ народнымъ взглядомъ, Достоевскій сейчасъ же и оговаривается самымъ глубокомысленнымъ образомъ: «Этимъ словомъ «несчастные» народъ какъ бы говоритъ несчастнымъ: «вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь *грѣшны*. Будь мы на вашемъ мѣстѣ — можетъ быть, и хуже бы сдѣлали. Будь мы получше, можетъ быть, и вы не сидѣли бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе». А между тѣмъ вѣдь изъ теоріи «среды» вытекаетъ всеобщая и полнѣйшая невмѣняемость: люди ни въ чемъ и никогда не виновны, виновны одни порядки.

Нашъ народъ, какъ объясняетъ намъ Достоевскій, считаетъ несчастными тѣхъ, которые, подобно евангельской блудницѣ, были «яты въ преступленіи», которымъ, такъ сказать, выпалъ жребій и выполнить то, и однимъ отвѣчать за то, въ чемъ незримо участвовали, т.-е. и виновны, далеко не они одни. Народъ нашъ въ своемъ взглядѣ вѣренъ завѣту Христа, сказавшаго обвинителямъ: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ брось въ нее первый камень», но сказавшаго однако-же и блудницѣ: «иди и *не грѣши*».

Ученіе о «средѣ» включалось, конечно, его представителями въ замышляемую ими «поправку» христіанства. Достоевскій, не признавая такой поправки, указывалъ намъ на родной народъ, который, при всей своей темнотѣ, оставался непоколебимо вѣренъ прямому смыслу евангелія.

Самъ этому выучившись у народа, Достоевскій совѣтовалъ и другимъ у него поучиться. Отсюда его не-

расположеніе къ тѣмъ, которые «питали лишь одно презрѣніе къ русскому народу, воображая и вѣруя въ то же время, что любятъ его и желаютъ ему всего лучшаго.» Къ числу подобныхъ людей относилъ онъ и Герцена, котораго, по его словамъ, «какъ будто сама исторія предназначала выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ... разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія...» Какъ крупный представитель такого «разрыва», Герценъ, по оригинальному выраженію Достоевскаго, «даже и не эмигрировалъ, а такъ уже и родился эмигрантомъ...» «Герценъ, — говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ,—долженъ былъ стать соціалистомъ, и именно какъ русскій баричъ, т.-е. безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логическаго теченія идей» и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества, отрицалъ семейство, и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а въ ожиданіи успѣлъ устроить дѣла свои и съ удовольствомъ ощущалъ за границей свою обезпеченность...» «т.-е. ту обезпеченность, которую имѣлъ въ виду Карамзинъ, когда говорилъ, что «дворянинъ россійскій есть гражданинъ вселенныя и можетъ внѣ Россіи жить Россіею...» т.-е. доходами съ находящихся въ ней имѣній. На основаніи всего этого Достоевскій рѣшился даже сказать про Герцена, что онъ «попросту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно черезъ разрывъ съ родной землей и ея идеалами».

Этой характеристикѣ Герцена въ «Дневникѣ писателя» 73 г. соотвѣтствуютъ многія черты, приписанныя въ романѣ «Подростокъ» (появившемся въ 1875 году) Версилову. Черты эти, конечно, заключаются не въ образѣ дѣйствій Версилова, а въ его воззрѣніяхъ. Версилова съ его «случайной семьей» нельзя же назвать ни хорошимъ отцомъ, ни хорошимъ мужемъ. Съ другой стороны — вмѣсто того, чтобъ себя обезпечить, онъ, по обычаю многихъ нашихъ баръ, растратилъ громадное

состоянье. Что же касается его воззрѣній, то онъ самъ говоритъ про себя: «Я уѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ остаться въ Европѣ... и не возвращаться домой никогда. Я эмигрировалъ (на самомъ же дѣлѣ онъ вернулся въ Россію). Я ни въ какомъ заговорѣ не участвовалъ... Я просто уѣхалъ тогда отъ тоски, отъ внезапной тоски. Это была тоска дворянина — право, не умѣю лучше выразиться... Ты думаешь, я стосковался по крѣпостничеству? (Онъ говоритъ съ сыномъ). О, нѣтъ, мой другъ. Да мы-то и были освободителями. Я эмигрировалъ безъ всякой злобы... Насъ такихъ въ Россіи, можетъ быть, около тысячи человѣкъ... но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу».

Такое странное мнѣніе о себѣ и о своихъ онъ, по своему, вполнѣ выясняетъ. Они, тоскующіе на родинѣ, не находящіе тамъ для себя никакой достойной дѣятельности даже въ такія эпохи, какъ переживаемая Версиловымъ, они, конечно, тоскуютъ и за моремъ, но Версиловъ не даромъ-же говоритъ: «я за тоску мою не взялъ-бы никакого другого счастья...» «Нѣтъ свободнѣе и счастливѣе,—тутъ-же говоритъ онъ, — русскаго европейскаго скитальца изъ нашей тысячи». Онъ свободенъ потому, что, пользуясь родиной, вовсе не связанъ ею; онъ счастливъ потому, что вращается въ самой широкой, самой неистощимой, по своему содержанію, сферѣ. «У насъ,— говоритъ онъ,—создался вѣками какой-то еще нигдѣ невиданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ — типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ...» Онъ прямо сознается при этомъ, что, эмигрируя въ Европу, онъ «тогда ѣхалъ ее хоронить». Приснившаяся ему картина, воспроизводящая утро перваго дня европейскаго человѣка, наводитъ его на мысль о заходящемъ солнцѣ послѣдняго его дня.

Въ этомъ «послѣднемъ днѣ», въ этихъ «похоронахъ» Европы сказалось опять-таки что-то Герценовское, съ примѣсью, однако, ему несвойственной, почти мистической, складки. Тутъ Достоевскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду тотъ типъ людей «о двухъ и о трехъ идеяхъ», о

которомъ говоритъ его «идіотъ». Какъ характеръ, Версиловъ, по своей неустойчивости и распущенности, напоминаетъ подобные-же типы у Тургенева, также объясняемые, чуть-ли не помимо воли автора, ихъ безпочвенностью, несуществованіемъ для нихъ какихъ-либо жизненныхъ, направляющихъ и сдерживающихъ преданій. У Версилова, какъ и у другихъ ему подобныхъ, есть благіе порывы, даже положительные акты моментальнаго великодушія, но это не мѣшаетъ ему—сколько ни постарался онъ гуманизировать форму своего поступка—присвоить себѣ жену своего крѣпостного человѣка и, при всей ея любви къ нему и даже самого его къ ней, въ сущности, испортить ея жизнь какъ и жизнь ея и своего сына—этого «Подростка», ведущаго въ романѣ свои записки. Въ этомъ послѣднемъ Достоевскій, со своею обычною психологическою глубиною, выставилъ передъ нами особый, нерѣдко также встрѣчающійся въ жизни, видъ «униженности» и «оскорбленности». Онъ униженъ и оскорбленъ самымъ фактомъ своего рожденія, самымъ вытекающимъ изъ него положеніемъ. Враждебная Достоевскому критика, хотя и отнесшаяся къ нему на этотъ разъ благосклоннѣе, такъ какъ «Подростокъ» появился не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—оказалась, однако, по-прежнему легкомысленною. Она выставила «Подростка» отъявленнымъ эгоистомъ, хотя сама-же и проговорилась о томъ, какъ онъ половину накопленныхъ денегъ употребилъ на какого-то подкинутаго ребенка. Да вѣдь критика тутъ-же съ полнѣйшею развязностью, заявила, что «эгоизмъ есть неизбѣжное логическое слѣдствіе человѣческой забитости», той, о которой когда-то написалъ свою статью Добролюбовъ, также проглядѣвшій въ ней прямо противоположныя черты въ такъ-называемыхъ «забитыхъ людяхъ» Достоевскаго. Посвященная «Подростку» критика «дѣла», буквально слѣдуя данному такъ давно камертону, уже прямо выдумала такой фактъ, какъ то, будто «*всѣ*» такъ-называемые «забитые» у Достоевскаго — «эгоисты, отчасти меланхолики, избѣгающіе общества, вѣчно зам-

кнутые въ своемъ маленькомъ микроскопическомъ «я». Точно будто-бы эти господа никогда не читали Достоевскаго или читали только для того, чтобы выводить изъ него нѣчто, прямо противоположное тому, что онъ самъ утверждаетъ.

«Подростокъ», быть можетъ, принадлежитъ у автора къ тѣмъ, которые болѣе другихъ уходятъ въ свое *я*, но и онъ, однако-же, не утопаетъ безслѣдно въ немъ. Самая эта, постоянно въ немъ сказывающаяся, *жажда отца*, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жажда нравственной опоры, *жажда идеала*. Съ какою любовью замѣтилъ онъ разъ на лицѣ у Версилова «что-то страдальческое или, лучше сказать, что-то гуманное, высшее». «Не умѣю я этого высказать, — сознается онъ, — но высокоразвитые люди, какъ мнѣ кажется, не могутъ имѣть торжественно и побѣдоносно счастливыхъ лицъ». Вѣдь это напоминаетъ Раскольникова съ его гуманной, глубоко симпатической стороны. Подростокъ болѣетъ душой, такъ мало встрѣчая вокругъ себя того, что называетъ вслѣдъ за Макаромъ Ивановичемъ «благообразіемъ». За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ доктору объ этомъ Макарѣ Ивановичѣ, мнимомъ своемъ отцѣ, что всѣмъ-бы слѣдовало у него поучиться, потому что «у него есть твердое въ жизни...»

Этотъ *мнимый отецъ* подростка является въ романѣ настоящимъ представителемъ *нравственныхъ устоевъ*. Онъ — изъ народа, и въ этомъ-то и вся разгадка, по мнѣнію Достоевскаго. У народа, несмотря на его темноту, есть нѣчто «твердое въ жизни», а потому оно есть и у Макара Ивановича, этого странника и начетчика, вышедшаго изъ народа. Странникомъ онъ сталъ потому, что не стало ему угла — не въ буквальномъ, а въ иномъ смыслѣ угла—въ собственной семьѣ. Выжитый изъ своей семьи, онъ не озлобился. Чуткая совѣсть заставила его, должно быть, углубиться въ самого себя, поискать и за самимъ собой вины. Если молодая его жена, зная, что ихъ помѣщикъ не звѣрь и не сталъ-бы ее уговаривать розгами, пошла къ этому помѣщику, то не потому-ли,

что онъ молодъ, а ея мужъ для нея старикъ? Если онъ женился на ней, то потому-ли только, что отецъ ея, умирая, это ему завѣщалъ, или и не потому-ли также, что позарился, старый, на молоденькую жену? Но онъ беретъ у помѣщика деньги.—Да, зная, что у Версилова они не удержатся, что онъ все проживетъ и оставитъ ее, бросивъ, когда надоѣстъ, нищею, Макаръ Ивановичъ беретъ съ Версилова деньги и бережетъ ихъ на черный день — для нея-же. Умирая, онъ напоминаетъ Версилову объ обѣщаніи его на ней жениться, прибавляя: «а виновенъ въ семъ дѣлѣ Богу всѣхъ больше я, ибо хоть и господинъ мой были, но все-же не долженъ былъ я слабости сей попустить». Чуткая совѣсть заставляетъ его и тутъ себя-же винить, винить въ попущеніи чужому грѣху, хотя тутъ не было съ его стороны ни расчета, ни даже слабости воли.

Смерть Макара Ивановича, этого странника съ горя, нашедшаго себѣ многочисленную семью въ мірѣ Божіемъ—въ людяхъ, которыхъ онъ любитъ вообще широкою человѣческою любовью, — смерть его производитъ умилительное впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ, въ томъ числѣ и на мнимыхъ его дѣтей. И «подростокъ» до конца, можно сказать, неосвобождающійся вполнѣ отъ озлобленности противъ настоящаго своего отца и ненавидящій свою фиктивную фамилію Долгорукій, ни мало, однако-же, не озлобленъ противъ того, кто ему ее далъ. Таково дѣйствіе высшей человѣческой любви, воплощеніемъ которой является тутъ этотъ «униженный и оскорбленный» Макаръ Ивановичъ. Онъ въ своемъ родѣ стóитъ Сони (въ «Преступленіи и наказаніи»). Съ какою нѣжностью напоминаетъ онъ, за нѣсколько минутъ до смерти, своей женѣ, къ которой въ ея дѣтскіе годы онъ относился, какъ къ дочери: «бывало, и ходить учу, поставлю въ уголокъ шага за три, да и зову ее, а она-то ко мнѣ колыхается черезъ комнату, и не боится, смѣется, а добѣжитъ до меня, — бросится и за шею обыметъ... А то унесу тебя въ лѣсъ, отыщу малиновый кустъ, посажу у малины, а самъ тебѣ свистульки изъ дерева

рѣжу. Пагуляемся и назадъ домой на рукахъ несу — спитъ младенчикъ. А то разъ волка испугалась, бросилась ко мнѣ, вся трепещетъ, а и никакого волка не было» [1]).

Макаръ Ивановичъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ рисуетъ намъ прямо противоположный ему самому образъ, остающійся въ обстановкѣ народныхъ вѣрованій, народныхъ обычаевъ и народной рѣчи, но для котораго не существуютъ уже нравственные устои народной жизни. Онъ черезъ нихъ разъ навсегда перешагнулъ, потому что, выйдя въ купцы, поклонился золотому тельцу (хотя и ставилъ, конечно, въ то же время пудовыя свѣчи святымъ), а въ лицѣ золотого тельца увѣровалъ въ «свою руку владыку».—«Что захочу, то могу», «что скажу—то и свято», «что сдѣлаю—то и право»; «всѣмъ своимъ я одинъ и Богъ, я одинъ и царь»—вотъ житейская философія права этого прямого представителя «темнаго царства», разсказъ о которомъ Макара Ивановича наводитъ на читателя такой же «страхъ за человѣка», какъ комедіи Островскаго на зрителя, Тутъ уже не народъ,— а та наднародная среда, которая, правда, начинается съ деревенскаго кулака; это та среда, которую самъ же народъ и обрисовалъ — отчасти въ нѣкоторыхъ сказкахъ, отчасти въ богатырскомъ образѣ Васьки Буслаева [2]).

Другой внушительный разсказъ Макара Ивановича — о человѣкѣ, тоже выдѣлившемся изъ народа—солдатѣ, которому въ отпуску «не понравилось жить опять съ мужиками, но который при этомъ «и самъ мужикамъ не понравился». Кончилось тѣмъ, что онъ сбился съ пути и ограбилъ гдѣ-то кого-то. Но оказывается, что въ глубинѣ его совѣсти уцѣлѣлъ, однако же, устой, или «твердое въ жизни», какъ говоритъ «подростокъ». Уликъ достаточныхъ не было, адвокатъ пускалъ въ ходъ свое краснорѣчіе. «Нѣтъ, ты постой говорить, — перебилъ

---

[1]) Тутъ Достоевскій, очевидно, вспомнилъ опять про «мужика Марея».
[2]) См. въ «Подросткѣ» ч. III, гл. 3, отд. IV.

его подсудимый, да все и разсказалъ «до послѣдней соринки», повинился во всемъ, «съ плачемъ и раскаяніемъ». Присяжные, однако же, его оправдали. «Пошелъ опять солдатъ на волю и все не вѣритъ себѣ. Сталъ тосковать, задумался, не ѣстъ, не пьетъ, съ людьми не говоритъ, а на пятый день взялъ да и повѣсился»... «Вотъ каково съ грѣхомъ-то на душѣ жить», заключилъ свой разсказъ Макаръ Ивановичъ.

Всѣмъ этимъ вовсе не вразумлялась враждебная Достоевскому критика. Да оно и понятно: ея представителямъ нужно было обработать по своему и народъ. Достоевскій же всѣмъ внушалъ: «учитесь у народа» [1]).

Народный взглядъ на «среду» и на «преступленія», такъ часто идущій въ разрѣзъ съ воззрѣніями нашихъ адвокатовъ, заставилъ Макара Ивановича обозвать этихъ послѣднихъ «нанятою совѣстью». Между тѣмъ, Достоевскій хорошо понималъ, что самый принципъ новаго суда, заключающійся въ томъ, что это *судъ совѣсти*, приходится совершенно по душѣ народу. Къ суду и явленіямъ его у насъ въ связи съ народною мудростью Достоевскій неоднократно возвращался въ своемъ «Дневникѣ писателя», который онъ сталъ издавать въ 1876 г. уже въ видѣ отдѣльнаго, собственнаго, самостоятельнаго изданія. Тутъ онъ выставилъ одинъ оправдательный приговоръ, какъ вполнѣ негуманный, такъ какъ адвокату, при помощи подпущенной въ глаза пыли, удалось добиться оправданія отца, варварски истязавшаго свою дочь (человѣка въ комфортѣ живущаго, т.-е. «благовоспитаннаго»). Въ другой разъ, Достоевскій, напротивъ, громко возсталъ тутъ противъ обвинительнаго приговора—по дѣлу Корниловой, выбросившей въ окно ребенка (удивительнымъ образомъ при этомъ не потерпѣвшаго) положительно въ состояніи болѣзненной невмѣняемости. До-

---

[1]) Недавно г. Лѣсковъ въ «Новостяхъ» разсказалъ о томъ, какъ Өедоръ Михайловичъ упорно посылалъ разныхъ знакомыхъ ему образованныхъ барынь «къ куфельному мужику», и какъ онѣ не могли понять, зачѣмъ. Еслибъ онѣ внимательно читали его, то поняли бы, конечно, и эти его слова, не дожидаясь разсказа Л. Н. Толстого объ Иванѣ Ильичѣ съ его кухоннымъ мужикомъ.

стоевскій своею глубокопсихологической и гуманной статьей, какъ извѣстно, произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что добился пересмотра дѣла и оправданія новымъ составомъ присяжныхъ обвиненной Корниловой,—другими словами, возвращенія ея, вышедшей изъ своего временнаго психіатрическаго состоянія, какъ ея мужу, такъ и самому этому, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшему и вовсе не ненавидимому ею, ребенку [1]).

Явленія самоубійства въ народной средѣ, одно изъ которыхъ (столь характерное) приведено Достоевскимъ въ «Подросткѣ», заставили его въ «Дневникѣ писателя» обратить особенное вниманіе на психологическую подкладку самоубійства вообще. Онъ останавливается тутъ на самоубійствѣ одной богатой русской аристократки за границею, самоубійствѣ ради того, что жизнь надоѣла, надоѣла потому, что въ жизни нѣтъ смысла, а смысла нѣтъ потому, что самоубійца утратила вѣру въ Бога.

Но тутъ же Достоевскій приводитъ и объясняетъ другой совершенно случай самоубійства—самоубійства при вѣрѣ въ Бога (она, конечно, сохранялась и у солдата, повѣсившагося отъ того, что его, виноватаго, оправдали). Случай этотъ далъ Θедору Михайловичу основаніе для небольшой, но многосодержательной повѣсти: «Кроткая». Крайняя кротость не мѣшаетъ тутъ покушенію на убійство, самоубійство же происходитъ такимъ образомъ, что «кроткая» выпрыгиваетъ въ окно съ образомъ въ рукахъ.

Матерьяломъ для психологическаго истолкованія самоубійствъ могли послужить Достоевскому письма отъ разныхъ, совсѣмъ незнакомыхъ лицъ. Научившись у нихъ многому, нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ, конечно, удержалъ отъ самоубійства, потому что ему удалось своимъ нравственнымъ вліяніемъ возстановить для нихъ утрачен-

---

[1]) Это, конечно, не могло понравиться той редакціи, которая напечатала столько романовъ Достоевскаго и которая постоянно возстаетъ именно противъ *оправдательныхъ* приговоровъ. Къ несчастью, эти послѣдніе бываютъ иногда таковы, что оказываютъ прямую услугу этой редакціи, ополчившейся, наконецъ, противъ самаго принципа новаго суда.

ный въ жизни смыслъ. Многіе и теперь, надо думать, здравствуютъ и согласятся въ душѣ, что я говорю правду.

Но 1876 годъ, когда Достоевскій началъ издавать свой «Дневникъ», какъ особый, имъ же самимъ и однимъ наполняемый журналъ, былъ великимъ годомъ,—годомъ возстанія въ Герцеговинѣ, когда, казалось, занялась заря новой жизни для всего, исторически «униженнаго и оскорбленнаго», славянскаго міра. Тогда, повидимому, сказалось у насъ давно небывалое общее, единодушное и, казалось, прочное въ своемъ единодушіи, благородное увлеченіе. Даже наши журналы позабыли свои вѣчныя дрязги и пререканія. Но этого хватило всего на три мѣсяца, а затѣмъ наша такъ-называемая интеллигенція устыдилась своего увлеченія. Насъ стали даже увѣрять, что вѣдь, въ сущности, и увлеченія-то никакого не было, а были только глупыя шашни какихъ-то славянскихъ комитетовъ. Что касается собственно народа, то насъ стали увѣрять, что онъ, по своему забитому положенію, не въ состояніи принимать участіе въ чужой бѣдѣ. Проглядѣвъ въ свое время способность, даже очень широкую и глубокую способность къ такому сочувствію въ Дѣвушкиныхъ, т.-е. въ различныхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» у Достоевскаго, теперь «проглядѣли» ту же способность въ цѣломъ русскомъ народѣ, только что успѣвшемъ во-очію ее проявить. Дѣло въ томъ, что живущему впроголодь русскому люду не позволялось ощущать ничего другого, кромѣ голода и физическихъ потребностей вообще. Что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», это, должно быть, не про него писано.

Но Достоевскій смотрѣлъ иначе. Уже въ сентябрѣ 1876 г., какъ разъ передъ переходомъ нашей интеллигенціи къ обычному охлаждающему и отрезвляющему самооплевыванью, онъ написалъ небольшую, но очень мѣткую статью подъ заглавіемъ: «Piccola bestia» (такъ называютъ тарантула въ Италіи). «Съ восточнымъ вопросомъ,—писалъ тутъ Достоевскій,—забѣжала въ Европу

какая-то piccola bestia и мѣшаетъ успокоиться всѣмъ добрымъ людямъ, всѣмъ любящимъ миръ, человѣчество, процвѣтаніе его, всѣмъ жаждущимъ той свѣтлой минуты, въ которую кончится, наконецъ-то, *хоть эта* первоначальная, грубая рознь народовъ... Всѣ тотчасъ указываютъ на Россію, всякій увѣренъ, что вредный гадъ каждый разъ выбѣгаетъ оттуда. А между тѣмъ въ одной Россіи лишь все свѣтло и ясно... Въ Россіи съ восточнымъ вопросомъ каждый разъ происходитъ нѣчто совершенно обратное, чѣмъ въ Европѣ: всѣ тотчасъ же начинаютъ понимать другъ друга... послѣдній мужикъ понимаетъ, чего надо ему желать, точно также, какъ и самый образованный человѣкъ. Всѣхъ немедленно единитъ прекрасное и великодушное чувство безкорыстной и великодушной помощи распинаемымъ на крестѣ своимъ братьямъ....» Но вотъ въ этомъ-то безкорыстіи и вся бѣда. «Не будь безкорыстія,—тутъ-же и объяснялъ Достоевскій,—дѣло мигомъ стало бы въ десять разъ проще и понятнѣе для Европы, а съ безкорыстіемъ—тьма, неизвѣстность, загадка, тайна. О, въ Европѣ укушенные! И уже, конечно, вся эта тайна заключена, по понятію укушенныхъ, въ одной Россіи, которая никому-де, однако, ничего не хочетъ открыть, а идетъ къ какой-то своей цѣли, твердо, неустанно всѣхъ обманывая, коварно и тихомолкомъ [1])... И что такое это единеніе славянъ? На что оно? съ какими цѣлями? ..... Кончаютъ тѣмъ, что разрѣшаютъ на свой аршинъ, по-прежнему, по всегдашнему: «Захватъ, дескать, означаетъ завоеванье, безчестность коварство, будущее истребленіе цивилизаціи, объединившаяся орда монгольская, татары».

А «цивилизація» между тѣмъ, воплощалась тогда въ лордѣ Биконсфильдѣ, какъ главномъ представителѣ той идеи, что «кто-то хочетъ что-то захватить и заграбить—такъ вотъ бы и мнѣ; а то всѣ тащутъ, а мнѣ ничего».

---

[1]) Такъ, вѣроятно, думаютъ въ Европѣ даже теперь, когда мы на самомъ дѣлѣ «тише воды, ниже травы» и это con amore. (Достоевскій не дожилъ до этого, а Аксаковъ отъ этого умеръ).

Достоевскому же начинаетъ представляться, что настоящая-то piccola bestia и есть этотъ самый политикъ и романистъ Дизраели-Биконсфильдъ. «И вѣдь какъ шибко бѣгаетъ, — рисуетъ онъ себѣ этого злого тарантула. — Вѣдь это избіеніе болгаръ — вѣдь это онъ допустилъ, куда — самъ и сочинилъ, вѣдь онъ романистъ и это его chef d'oeuvre... Во что эти люди вѣруютъ?—неожиданно спрашиваетъ нашъ родной романистъ, романистъ-человѣкъ,—какъ они засыпаютъ ночью, какіе имъ сны снятся что дѣлаютъ они наединѣ со своею душою?». Да у нихъ ея, можетъ быть, какъ у гоголевскаго прокурора, даже вовсе не полагается? Достоевскій, однако, другого мнѣнія. «О, души ихъ навѣрно полны изящнаго,—утверждаетъ онъ,—жизнь ихъ такъ благообразна, пищевареніе ихъ удивительное, сны легки какъ у младенцевъ. Недавно я читалъ, что баши-бузуки распяли на крестѣ двухъ священниковъ... «Что же, — подумаетъ Биконсфильдъ,—эти чорные трупы на этихъ крестахъ... гм... оно конечно... А впрочемъ, «государство не частное лицо; ему нельзя изъ чувствительности жертвовать своими интересами, тѣмъ болѣе, что въ политическихъ дѣлахъ самое великодушіе никогда не бываетъ безкорыстіемъ. ...А я лучше, однако, лягу. Гм... Ну и что же такое эти два священника... Вольно же было подвертываться; ну, спрятались бы тамъ куда-нибудь... подъ диванъ. Mais avec votre permission, messieurs les deux crucifiés, вы мнѣ нестерпимо надоѣли съ вашимъ глупымъ приключеніемъ et je vous souhaite la bonne nuit à tous les deux». И вотъ Биконсфильдъ засыпаетъ сладко, нѣжно»... На другой день ему, однако же, не даютъ покоя «наши капитаны и маіоры, старые севастопольцы и кавказцы», т.-е. наши тогдашніе добровольцы. «Все это,— рѣшаетъ онъ,—соціалисты». Рѣшеніе, если угодно, совсѣмъ не глупое, не безъ основанія разсчитанное на то, что не только въ Европѣ, но, что еще важнѣе — въ самой Россіи хотя отчасти тому повѣрятъ. «Ну, а эти два юноши, — спрашиваетъ Достоевскій,—которыхъ привела обоихъ за руки мать (былъ вѣдь и этотъ случай) — это

коммунары? А этотъ старый воинъ съ семью сыновьями, — ну неужели ему сжечь Тюльери хочется?... Эти Кирѣевы, эти Раевскіе,—все это разрушительные элементы наши, которыхъ должна трепетать Европа? А Черняевъ, этотъ наивнѣйшій изъ героевъ и въ Россіи бывшій издатель «Русскаго Міра»—онъ-то и есть предводитель русскаго соціализма? Тьфу, какъ неправдоподобно».

«А у васъ-то какъ все это неприлично,—говорили, по крайней мѣрѣ про себя, Достоевскому.—Вѣдь это опять съ вашей стороны *un crime de lèze — civilisation!*» Но Достоевскій не унимался. Въ концѣ своего «Дневника» 1876 г. онъ писалъ: «Двухсотлѣтняя оторванность отъ почвы и отъ всякаго дѣла не спускается даромъ... По моему еще есть лѣкарства: *они въ народѣ, въ святыняхъ его и въ нашемъ единеніи съ нимъ.* Я и «Дневникъ» предпринималъ отчасти для того, чтобы объ этихъ лѣкарствахъ говорить, насколько силъ достанетъ».

Самою благодарною темою для Достоевскаго и послужилъ тогда, къ сожалѣнію, недолгій моментъ единенія съ народомъ, который сказался у насъ лѣтомъ 1876 г. Идея, такъ сильно тогда увлекшая наше общество заодно съ народомъ, тѣмъ особенно казалась цѣнною Достоевскому, что не годилась, такъ сказать, ни въ какую дипломатію и ни въ какую политику. «Такой высокій организмъ, какъ Россія,—писалъ онъ,—долженъ сіять и огромнымъ духовнымъ значеніемъ... Одной матеріальной выгодой, однимъ хлѣбомъ, такой высокій организмъ, какъ Россія, не можетъ удовлетвориться... Это не идеалъ и не фразы: отвѣтъ на то — весь русскій народъ и все движеніе его».

Возвращаясь къ «Европейской цивилизаціи», онъ со свойственнымъ ему избыткомъ прямоты говоритъ, что «если для спасенія ея непремѣнно нужно существованіе баши-бузуковъ, то и не лучше ли проклясть ее, послать ее къ чорту, потому что освѣжительный процентъ ужь слишкомъ великъ»... Это тотъ самый «процентъ», который приводилъ въ такое негодованіе Раскольникова; но тутъ такимъ процентомъ служилъ вѣдь цѣлый народъ,

все славянское племя... «Дневникъ писателя» — давалъ обѣтъ Достоевскій—никогда не сойдетъ со своей дороги, никогда не будетъ уступать духу вѣка [1]), силѣ властвующихъ и господствующихъ вліяній, если сочтетъ ихъ несправедливыми, не будетъ подлаживаться, льстить и хитрить». Да, онъ не могъ по чьему бы то ни было приказу вдругъ замолчать о томъ, что Европа въ восточномъ вопросѣ кругомъ не права. Точно такъ же, съ другой стороны, если онъ былъ убѣжденъ, что весь русскій народъ сочувствовалъ славянамъ, то «никакія угрозы и насмѣшки журнальныхъ корифеевъ» не могли ему помѣшать во всеуслышаніе твердить объ этомъ. «Во всю мою жизнь,—говорилъ Достоевскій,—я вынесъ убѣжденіе, что народъ нашъ несравненно чище сердцемъ нашихъ высшихъ сословій и что умъ его далеко не настолько раздвоенъ, чтобы рядомъ съ самою свѣтлою идеею лелѣять тутъ же, тотчасъ же и самый гадкій антитезъ ея» (какъ оно выходитъ у его героевъ «о двухъ и о трехъ идеяхъ»)... Въ народѣ, — сознается Достоевскій, — раздвоенность другого рода: онъ на дѣлѣ иногда совершаетъ то, что самъ же считаетъ грѣхомъ, въ понятіяхъ же народа раздвоенія нѣтъ. За будущее Достоевскій спокоенъ, потому что, по его чаянію, «народъ и юное поколѣніе интеллигенціи нашей сойдутся вмѣстѣ и во многомъ гораздо ближе... чѣмъ то было въ наше время». «Вся бѣда,—замѣчаетъ онъ,—что руководителей нѣтъ у нашей молодежи, вотъ что».

Совершивъ въ 1877 г. путешествіе по Россіи, Достоевскій убѣдился въ томъ, что «народъ вездѣ говоритъ про войну», и въ немъ, стало быть, нѣтъ охлажденія къ той великой задачѣ, къ которой охладѣло общество. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній Достоевскій и остается въ своемъ «Дневникѣ» того года. «Мнѣ говорятъ,—замѣчаетъ онъ, — что я увлекаюсь сентиментализмомъ, которому нѣтъ мѣста въ политикѣ; все это вздоръ: что правда для человѣка, какъ лица, то пусть остается прав-

[1]) Вѣрнѣе, можетъ быть, было бы сказать: духу минуты.

дой и для всей націи...» «Никогда союзъ Россіи, — могъ онъ тогда утверждать и дѣйствительно утверждалъ,—не цѣнился выше какъ теперь въ Европѣ, никогда еще она не могла себя съ большею радостью поздравить съ тѣмъ, что она не старая Европа, а новая» — новая въ томъ смыслѣ, что вноситъ новую стихію въ европейскую жизнь... Освобождая илотовъ старой Европы, Россія оживляетъ ее новымъ началомъ братства. Все далѣе и далѣе увлекаясь въ своемъ пророческомъ паѳосѣ, онъ наконецъ говоритъ: «лишь Россія заключаетъ въ себѣ начала разрѣшить всеевропейскій роковой вопросъ нищей братіи безъ боя и крови, безъ ненависти и зла»: но тутъ же онъ самъ и возражаетъ себѣ устами своихъ противниковъ: «Какъ? Россія освобождаетъ народы—какая нелиберальная мысль».

Несмотря на эту и на другія «нелиберальныя» мысли Достоевскаго, къ нему напряженно прислушивалась молодежь. Время изданія «Дневника писателя» было также и временемъ хожденія къ нему молодежи и писемъ къ нему отъ нея. Чего такъ напрасно добивался Гоголь — обмѣна мыслей съ читателями—то само собою, безъ всякой просьбы о томъ, досталось Достоевскому и становилось для него наконецъ даже обременительнымъ. Въ 1878 г. случилась въ Москвѣ печальная исторія молодежи съ «мясниками Охотнаго ряда». По поводу ея нѣкоторые студенты московскаго университета написали Достоевскому письмо, прося его мнѣнія и совѣта [1]). Студенты печаловались ему о томъ, что отъ нихъ точно будто бы «отворачиваются».—«Это совершенно вѣрно,— отвѣчалъ онъ имъ, — именно *отворачиваются*, да и дѣла имъ (большинству по крайней мѣрѣ) нѣтъ до васъ никакого. Но есть люди, и ихъ не мало,—утѣшительно прибавлялъ онъ, — и въ прессѣ, и въ обществѣ, которые убиты мыслью, что молодежь отшатнулась *отъ народа*... живетъ мечтательно и отвлеченно; слѣдуя чужимъ ученіямъ, ничего не хочетъ знать въ Россіи, а стремится

[1]) Оно было напечатано въ «Руси» 1881 г. № 14.

учить ее сама. А наконецъ теперь, *несомнѣнно*, попала въ руки какой-то совершенно внѣшней политической руководящей партіи, которой до молодежи ужь ровно никакого нѣтъ дѣла и которая употребляетъ ее, какъ матеріалъ и Панургово стадо, для своихъ внѣшнихъ и особенныхъ цѣлей»... Отмѣтивъ, что еще съ 60-хъ годовъ народъ сталъ относиться къ студентамъ какъ къ *барчонкамъ* и согласившись, что народъ въ этомъ, пожалуй, и неправъ, онъ находитъ, что столько же, по крайней мѣрѣ, неправы и они, вмѣстѣ со всею интеллигентною прессою, обзывая московскій народъ «мясниками». «Что же это такое?—спрашиваетъ Достоевскій.—Почему мясникъ не народъ? Это народъ, настоящій народъ, мясникъ былъ и Мининъ. Негодованье возбуждается лишь отъ того способа, которымъ проявилъ себя народъ. Но знаете, господа, если народъ оскорбленъ, онъ всегда проявляетъ себя такъ. Онъ неотесанъ. онъ мужикъ». Этими послѣдними словами Достоевскій прямо указываетъ, насколько онъ далекъ отъ фальшивой идеализаціи народа. Кончаетъ онъ заявленіемъ «грустныхъ мучительныхъ фактовъ»: «искренняя, честнѣйшая молодежь, — говоритъ онъ, — желая правды, пошла было къ народу, чтобы облегчить его муки, и что же? Народъ ее прогоняетъ отъ себя и не признаетъ ея честныхъ усилій. Потому что эта молодежь принимаетъ народъ не за то, что онъ есть, ненавидитъ и презираетъ его основы...» «Бѣда въ томъ,—заключаетъ онъ,—что молодежь несетъ на себѣ ложь всѣхъ двухъ вѣковъ нашей исторіи. *Не въ силахъ* стало быть она разобрать дѣло въ полнотѣ, и винить ее нельзя...» А все же, «чтобы пойти къ народу и остаться съ нимъ», нужно прежде всего «*разучиться презирать его*, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества въ его отношеніяхъ съ народомъ». Говоря наконецъ, что надо къ тому же и «въ Бога увѣровать», Достоевскій проситъ молодежь, чтобы она не принимала его за «какого-то учителя и проповѣдника свысока». А между тѣмъ онъ *училъ*, онъ и *проповѣдывалъ*, но опять-таки — «какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи».

Въ «Дневникѣ» 1877 г. Достоевскій напечаталъ и свое слово, сказанное на могилѣ Некрасова, въ которомъ отвелъ покойному мѣсто вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, при чемъ раздались чьи-то голоса, что онъ «выше, выше!» Въ печатномъ текстѣ слова все уже съ полнѣйшею ясностью сводится къ тому, что «любовь Пушкина къ народу русскому была любовь всеобъемлющая» и что «вотъ это-то поклоненіе передъ правдой народа» Достоевскій «отчасти видитъ и у Некрасова» («увы! — прибавляетъ онъ, — можетъ быть одинъ я изъ всѣхъ его почитателей»). Сущность настоящей любви къ народу Достоевскій видитъ въ томъ, чтобы она удовлетворяла народному требованію: «не люби ты меня, а полюби ты мое». Некрасовъ потому и является, по мнѣнію Достоевскаго, въ числѣ прямыхъ преемниковъ Пушкина, что въ его лучшихъ стихотвореніяхъ замѣтны «не только слезы надъ народомъ, но и слезы съ народомъ».

Въ словѣ о Некрасовѣ заключался какъ бы первоначальный набросокъ значительной части будущаго слова о Пушкинѣ, произнесеннаго въ Москвѣ и составившаго, какъ извѣстно, предсмертное торжество самого Достоевскаго. Слово это напечатано, какъ всѣ, разумѣется, помнятъ, въ единственномъ № «Дневника» за 1880 г., вышедшемъ вслѣдъ за двухгодичнымъ слишкомъ перерывомъ въ его изданіи, понадобившимся Достоевскому для его послѣдняго и широчайшаго, по замыслу своему, романа—«Братьевъ Карамазовыхъ».

Въ своемъ предисловіи къ единственному № «Дневника» за 1880 г. Достоевскій указалъ намъ, что впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, по словамъ И. С. Аксакова, было цѣлымъ «событіемъ». Слова эти Достоевскій объяснялъ тѣмъ, что онъ въ своей рѣчи сказалъ: Пушкинъ своему «преклоненію передъ правдой народа русскаго» обязанъ своею «способностью всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй». Достоевскій готовъ былъ согласиться, что эти слова—событіе, но въ томъ только смыслѣ, что послѣ его рѣчи «славянофилами сдѣланъ былъ огромный

и окончательный, можетъ-быть, шагъ къ примиренію съ западниками», и именно въ томъ, что «славянофилы заявили всю законность стремленія западниковъ въ Европу, всю законность даже самыхъ крайнихъ увлеченій и выводовъ ихъ, и объяснили эту законность чисто русскимъ народнымъ стремленіемъ нашимъ, совпадаемымъ съ самымъ духомъ народнымъ». Но Достоевскій, вовсе не увлекаясь, не видѣлъ тутъ полнаго и рѣшительнаго событія потому, что съ противоположной стороны, западнической, едва ли могъ быть тогда сдѣланъ такой же рѣшительный шагъ. Правда, самъ онъ тутъ говоритъ: «едва лишь я сошелъ съ каѳедры, подошли ко мнѣ пожать мою руку и западники, не какіе-нибудь изъ нихъ, а передовые представители западничества». Но Достоевскому, благодаря его прозорливости, чуялось, что вскорѣ они, однако, заговорятъ: «ваше-то положеніе, вашъ-то выводъ о томъ, что мы въ увлеченіяхъ нашихъ совпадали будто-бы съ народнымъ духомъ и таинственно направлялись имъ, ваше-то это положеніе—все-таки остается для насъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ, а потому и соглашеніе между нами опять-таки становится невозможнымъ. Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ея и реформой Петра, но ужъ отнюдь не духомъ народа нашего, ибо духа этого мы не встрѣчали и не обоняли на нашемъ пути, напротивъ—оставили его назади и поскорѣе отъ него убѣжали..... Народъ нашъ нищъ и смердъ, какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица, ни идеи. Вся исторія народа нашего есть абсурдъ, изъ котораго вы до сихъ поръ чортъ знаетъ что выводили, а смотрѣли только мы трезво. Надобно, чтобъ такой народъ, какъ нашъ, не имѣлъ исторіи... Надобно, чтобъ имѣло исторію лишь одно наше интеллигентное общество, которому народъ долженъ служить лишь своими трудами и своими силами». Достоевскій такимъ образомъ не вѣрилъ, чтобы сразу могли у насъ исчезнуть Версиловы, которые, даже и «хороня Европу», неудержимо воображаютъ, что все тысячелѣтіе нашей исторіи имѣло въ виду только подготовить какихъ-нибудь «ты-

сячу человѣкъ болѣющихъ всемірною болью русскихъ европейцевъ».

Между тѣмъ и въ своемъ Версиловѣ онъ не безъ доли сочувствія отмѣтилъ то, что выразилъ въ своей Пушкинской рѣчи относительно Алеко: «русскому скитальцу необходимо всемірное счастье, чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится». Вѣдь не одному Версилову принадлежатъ слова: «всякій французъ можетъ служить не только своей Франціи, но даже и человѣчеству, единственно подъ тѣмъ лишь условіемъ, что останется наиболѣе французомъ; равно—англичанинъ и нѣмецъ. Одинъ лишь русскій... получилъ уже способность становиться наиболѣе русскимъ именно лишь тогда, когда онъ наиболѣе европеецъ; это и есть самое существенное національное различіе наше отъ всѣхъ». Самъ Достоевскій въ своей Пушкинской рѣчи уже прямо отъ своего лица говоритъ: «стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите».

Грустное предчувствіе не обмануло Достоевскаго. Именно *всечеловѣкъ-то* и не понравился нашимъ западникамъ. Это, видите-ли, намъ *не къ лицу* (чтобы вѣрнѣе передать сущность взгляда, слѣдовало бы, пожалуй, сказать: *не къ рылу*; но выраженіе-то слишкомъ простонародное, а потому отъ него отопрутся). Мы сами слышали отъ возвратившихся съ Пушкинскаго праздника, что все было очень хорошо—пока не окончилось «всечеловѣкомъ». При этомъ разсказывающіе сознавались, что заранѣе ожидая чего-нибудь неладнаго, сами они на рѣчь Достоевскаго такъ и не пошли. Съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ!

Грустное предчувствіе Ѳедора Михайловича окончательно оправдалось, когда появилась вразумляющая его статья А. Д. Градовскаго. Вразумленіе, между прочимъ, заключалось тутъ въ томъ, что Алеко сталъ скитальцемъ не только ради міровой боли или исканія вчужѣ правды, а также и потому, что не могъ ужиться съ

Держимордой. На это Достоевскій, не церемонясь, отвѣчалъ, что подчасъ наши скитальцы у себя дома сами оказывались Держимордами (они, по крайней мѣрѣ, ихъ *выбирали* въ лицѣ исправниковъ, такъ какъ по дворянской грамотѣ это вѣдь имъ и предоставлялось—мѣтко замѣтилъ тогда въ письмѣ къ намъ И. С. Аксаковъ). При всемъ своемъ стремленіи къ міровому счастью, въ былое время «нѣкоторые изъ нихъ,—говоритъ Достоевскій,—конечно и посѣкали своихъ крестьянъ». Ну, а другимъ «въ мѣстечкѣ Парижѣ-съ,—говоритъ онъ,—все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадахъ участвуя, такъ вотъ крѣпостные-то и присылали оброкъ... Вы увѣряете, что ихъ всѣхъ заѣдала скорбь о крѣпостномъ мужикѣ?—спрашиваетъ онъ своего противника, и отвѣчаетъ:—не то, чтобъ о крѣпостномъ мужикѣ, а вообще отвлеченная скорбь о рабствѣ въ человѣчествѣ.»

Другое вразумленіе Достоевскому заключалось въ томъ, что какъ же это онъ, въ одну сторону говоря: «смирись!» въ другую, напротивъ, говоритъ «гордись!» На это Достоевскій отвѣчаетъ съ жаромъ: «Помилуйте... Дана была только свѣтлая надежда, что и мы можемъ быть чѣмъ-нибудь въ человѣчествѣ, хотя бы *только* братьями другимъ людямъ, и вотъ одинъ только горячій намекъ соединяетъ всѣхъ въ одну мысль и одно чувство. Обнимались незнакомые и клялись другъ другу впредь быть лучшими... Это былъ единственный моментъ на праздникѣ Пушкина, и не повторялся. Видитъ Богъ, не для восхваленія своего говорю, но моментъ этотъ былъ слишкомъ серьёзенъ и я не могу о немъ умолчать. Серьёзность его состояла именно въ томъ, что въ обществѣ ярко и ясно объявились новые элементы; одна только надежда, одинъ намекъ,—и сердца зажглись святою жаждою всечеловѣческаго дѣла, всебратскаго служенія и подвига. Это отъ гордости они зажглись? Это отъ гордости пролились слезы? Это къ гордости я ихъ призывалъ?»

Еще одно вразумленіе Достоевскому заключалось въ томъ, что «мы не можемъ справиться даже съ такими

несогласіями и противорѣчіями, съ которыми Европа справилась давнымъ давно.» Тутъ Достоевскій отвѣчалъ восклицаніемъ: «Это Европа-то справилась?!» а затѣмъ указаніемъ на симптомы тѣхъ близкихъ ея «похоронъ», которыя болѣзненно предчувствуются у него Версиловымъ. Противникъ Достоевскаго позабылъ, должно быть, что и у такого «западника», какъ Герценъ, скорбно говорится объ этихъ «похоронахъ» Европы. То, что оказалось уже послѣ смерти Достоевскаго и все болѣе и болѣе оказывается у насъ на глазахъ, окончательно свидѣтельствуетъ о наступившей воочію ликвидаціи старой Европы. Достоевскій теперь имѣлъ бы такимъ образомъ еще болѣе основанія повторить старинныя слова Фонвизина: ils finissent. Но трагизмъ его положенія заключался бы въ томъ, что, при видѣ нашей, все болѣе и болѣе обнаруживающейся, застигнутости врасплохъ, при видѣ того, что теперь, какъ и прежде, даны намъ только «благіе порывы,» у него не хватило бы духу сказать: «et nous commençons.» Увы! мы не знаемъ, съ чего начать! Мы не знаемъ, куда намъ идти!

Въ 1881 г., въ день рожденія Пушкина, въ литературномъ вечерѣ въ Петербургѣ долженъ былъ участвовать и Достоевскій. Онъ собирался прочесть изъ «Евгенія Онѣгина» 8-ю главу, гдѣ поэтъ говоритъ:

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа.

Въ этомъ какъ будто сказалось у Достоевскаго предчувствіе собственнаго конца. Между тѣмъ онъ изготовилъ первый № «Дневника» за 1881 г. Тутъ говорилъ онъ, какъ всѣмъ извѣстно, о *довѣріи* къ народу. Въ теченіе всего года собирался онъ проводить эту мысль—указать, стало быть, на способы проявленія этого довѣрія, на способы узнать отъ народа его настоящую мысль, а затѣмъ руководиться этою мыслію въ государственныхъ мѣрахъ и предпріятіяхъ. Извѣстно также,

что 1-й и единственный № «Дневника» за этотъ годъ вышелъ въ свѣтъ уже въ день похоронъ Достоевскаго. Роковымъ оказался для насъ 1881 г. Черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ Достоевскаго совершилось позорное дѣло 1-го марта. Благо Достоевскому, что онъ не дожилъ до этого дня; вовсе не благо намъ, что тутъ-то учителя и не стало....

Въ концѣ своей московской рѣчи Достоевскій сказалъ: «Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ.»

Достоевскій, хотя и проживъ гораздо долѣе Пушкина, тоже умеръ «въ полномъ развитіи своихъ силъ.» Онъ много, конечно, успѣлъ намъ высказать, но тоже унесъ съ собою въ гробъ многое—прежде всего то, что собирался высказать въ «Дневникѣ» 1881 г. И вотъ «мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ».

КАРАМАЗОВЩИНА и ИНОЧЕСТВО [1]).

(посвящено отцу Іоанну Румянцеву въ Старой Руссѣ).

Іюня 9-го 1885 г. въ г. Старой Руссѣ происходило скромное, но знаменательное торжество. Въ Георгіевской церкви [2]), къ приходу которой принадлежитъ домъ покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго, за обѣднею поминалось его имя, а послѣ обѣдни изъ церкви молящіеся перешли въ новый просторный домъ возлѣ нея, который тутъ-же и былъ освященъ, чтобы отнынѣ служить помѣщеніемъ для школы въ память великаго писателя. Школа эта, основанная на пожертвованія его почитателей, помѣщалась до сихъ поръ въ наемной квартирѣ. Теперь она переведена въ свой собственный домъ, выстроенный на средства самого Достоевскаго. Это особаго рода «десятина», пожертвованная его памяти А. Г. Достоевскою, такъ успѣшно приведшею къ окончанію изданіе сочиненій своего знаменитаго мужа. Въ этомъ просторномъ двухъ-этажномъ домѣ самымъ образцовымъ образомъ будутъ теперь помѣщаться собственно цѣлыхъ двѣ школы: одна для мальчиковъ и другая для дѣвочекъ,—съ учите-

---

[1]) Воспроизведено на основаніи публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1885 году. Назначалось въ «Русское богатство», но осталось ненапечатаннымъ.

[2]) Она же называется иногда, по находящемуся въ ней придѣлу, и Благовѣщенскою.

лемъ и учительницей, которымъ назначено вполнѣ обезпечивающее ихъ содержаніе (каждому по 600 р. въ годъ). Посѣщеніе этой школы—такое-же безплатное, какъ и посѣщеніе церкви, въ тѣснѣйшей связи съ которою школѣ этой, какъ приходской, и предстоитъ оставаться. Но пусть не полагаютъ, чтобы существованіе этой школы, задуманной на такихъ основаніяхъ и помѣщенной такъ просторно и такъ удобно, было разъ на всегда обезпечено. Скорѣе можно сказать, что сооруженіе для нея зданія совершилось на прямомъ основаніи текста: «довлѣетъ дневи злоба его». Послѣ того, какъ строительный день сталъ *вчерашнимъ*, новому дню предстоитъ своя нелегкая злоба — пріобрѣтенія средствъ на *завтра* и *послѣзавтра*, такъ какъ капиталъ, составившійся изъ общественныхъ пожертвованій, равняется всего 4200 р., и доходомъ съ него, конечно, не просуществовать школѣ даже и съ присовокупленіемъ къ нему тѣхъ 300 р., которые обязалась каждогодно вносить А. Г. Достоевская, другихъ 300 руб., назначенныхъ св. синодомъ какъ-бы единовременно, съ предоставленіемъ школѣ права каждогодно ходатайствовать о повтореніи этой выдачи, наконецъ, той сотни рублей, которую назначило мѣстное земство — не знаю, прямо-ли въ видѣ каждогодной выдачи, или-же точно также яко-бы единовременно. Между тѣмъ, каждогодный расходъ на школу, по расчету «Недѣли», доходитъ до 1700 руб. [1]). Несоразмѣрность прихода съ расходомъ, такимъ образомъ, весьма значительна,—но все-же мы твердо увѣрены, что школа Достоевскаго должна устоять и дѣйствительно устоитъ подъ его надежнымъ покровомъ. Не даромъ-же сказано было недавно въ одной изъ нашихъ газетъ, что «Достоевскій жилъ нищимъ и похороненъ на общественный счетъ». Это неточно и даже невѣрно, но сказано, можно сказать, отъ чистаго сердца. Достоевскій, въ самомъ дѣлѣ, весь свой вѣкъ нуждался, трудясь въ потѣ лица, постоянно забирая деньги впередъ

---

[1]) См. № 18-го іюня 1885 г. корреспонденцію изъ Старой Руссы объ освященіи дома для школы.

и только подъ конецъ жизни уплативъ, наконецъ, всѣ долги своего покойнаго брата (взятые имъ на себя, вслѣдствіе смерти Михаила Михайловича, послѣдовавшей въ началѣ только что возобновившейся, послѣ внезапнаго перерыва, его журнальной дѣятельности). Только люди совершенно бездушные и крайне несообразительные или-же вовсе недобросовѣстные, могутъ изъ заграничныхъ писемъ Достоевскаго выносить такое впечатлѣніе, будто-бы онъ «любилъ деньги». Всякій другой увидитъ въ этихъ письмахъ только новое отраженіе той *каторжной жизни*, которая, въ видѣ нескончаемой работы изъ-за куска хлѣба, продолжалась для него и тамъ, куда русскіе люди привыкли отправляться для отдыха — въ странѣ Баденъ-Баденовъ и Женевъ. Только развѣ подъ самый конецъ, въ своей Старой Руссѣ, Достоевскій, наконецъ, увидалъ берегъ — возможность работы съ отдыхомъ, не на срокъ. Но тогда-то какъ разъ и пришла за нимъ настоящая успокоительница — смерть. Онъ не былъ похороненъ на общественный счетъ, хотя Александро-Невская Лавра, и, конечно, вполнѣ безъ грѣха, даромъ уступила землю для его могилы. Памятникъ на ней, какъ извѣстно, воздвигнутъ былъ на общественныя приношенія и на нихъ-же первоначально была открыта и его школа. Позже въ самомъ дѣлѣ на общественный счетъ былъ похороненъ Тургеневъ, а въ столь недавнее время, на глазахъ у всего міра, на общественный-же счетъ совершены были похороны Виктора Гюго. Послѣ этого можно, кажется, сказать, что передъ Достоевскимъ мы остаемся все-таки въ долгу. Вотъ этотъ-то долгъ, надо думать, земля русская и выплатитъ его школѣ. Это будетъ лучшее вознагражденіе тому, кто хотя и не завѣщалъ отвезти себя на кладбище на нищенскихъ дрогахъ [1]), но всю свою жизнь, въ самомъ дѣлѣ, прожилъ, что называется, нищимъ, оставивъ единственнымъ наслѣдствомъ своей семьѣ (кромѣ деревяннаго домика въ Ст. Руссѣ), прямо и непосредственно свои сочиненія, тѣ сочиненія, которыя до-

[1]) Какъ В. Гюго.

ставили ей вполнѣ обезпечивающій капиталъ уже послѣ его смерти.

Загляните въ этотъ скромный старорусскій домикъ по сосѣдству съ этою самою, просторною и во всѣхъ отношеніяхъ удобною, школою, въ тотъ домикъ, гдѣ проводилъ онъ лѣто въ послѣдніе годы своей жизни, посмотрите на этотъ его кабинетъ, гдѣ все остается и должно всегда оставаться такъ, какъ было при немъ. Вотъ живое толкованіе къ его сочиненіямъ—къ тому его послѣднему и самому зрѣлому труду, который обдумывалъ, а частью и писалъ онъ здѣсь, въ Старой Руссѣ, къ «Братьямъ Карамазовымъ» съ ихъ служащимъ «камнемъ преткновенья» для многихъ старцемъ Зосимой и его, столь для нихъ мудренымъ: «отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя». Загляните въ старорусскій домъ Достоевскаго и, помимо всякаго монастыря, вы поймете, что это значитъ. Да, невольно скажете вы, этому человѣку было такъ немного нужно, онъ не забиралъ себѣ львиной части, для него совершенно не существовалъ тотъ «процентъ» съ чужой жизни, о которомъ говорилъ онъ съ такимъ отвращеніемъ. Да, скажете вы, этотъ человѣкъ жилъ, какъ писалъ; да, этотъ человѣкъ имѣлъ право писать то, что писалъ.

I.

Камнемъ преткновенія остается, однако, для многихъ и очень многихъ не одинъ послѣдній романъ Достоевскаго съ писавшимся частью въ той-же Старой Руссѣ «Дневникомъ Писателя»,—камнемъ преткновенія и «камнемъ соблазна» служитъ для многихъ и въ обществѣ и въ литературной критикѣ и многое другое у Достоевскаго, а для нѣкоторыхъ, можно сказать, и *весь* Достоевскій.

Наша критика, налегая вообще только на «забитость» героевъ Достоевскаго, составлявшую будто-бы ту общественную струну у него, которую самъ онъ, по увѣренію той-же критики, едва-ли и сознавалъ, не оказывалась

способною понять его во всей глубинѣ его настоящаго, и вполнѣ сознаваемаго имъ самимъ, общественнаго значенія. Нежеланіе самого Достоевскаго ограничиваться только этою, предоставляемою на его долю, темою о *забитости*, все болѣе и болѣе объяснялось тою печальною будто-бы примѣсью къ его направленію, которая ставилась критикою въ зависимость отъ перенесенной имъ катастрофы. Въ критикѣ, такимъ образомъ, издавна уже подготовлялись тѣ теченія, которыя окончательно опредѣлились уже въ наше время. Одно изъ нихъ сказалось въ особаго рода оппортунизмѣ, который пользуется Достоевскимъ собственно ради той или другой злобы дня, выдѣляя изъ его сочиненій такъ-называемыя «природныя или здоровыя стороны» его дарованія, уцѣлѣвшія въ немъ на зло всѣмъ досаднымъ «примѣсямъ». Другое теченіе мысли, останавливаясь съ полнымъ вниманіемъ на этихъ «примѣсяхъ», съ особаго рода соболѣзнованіемъ отозвалось о «многострадальномъ» авторѣ, пользуясь такимъ сердолюбіемъ, разумѣется, опять не безъ своего рода оппортунизма. Въ особомъ опять теченіи критической мысли сказалось что-то, напоминающее г-жу Хохлакову, въ одно и то же время и увлекающуюся особаго рода популярностью старца Зосимы, и считающую нужнымъ указывать, кому слѣдуетъ, на свои сношенія съ «писателемъ Щедринымъ». Въ самомъ дѣлѣ, неожиданный для самого Достоевскаго успѣхъ именно у молодого поколѣнія, въ которомъ онъ также мало заискивалъ, какъ и въ комъ-либо другомъ, успѣхъ, доставшійся ему именно подъ конецъ жизни, несмотря на всѣ «несчастныя примѣси», заставлялъ нѣкоторыхъ изъ прогрессивныхъ критиковъ искать возможности не лишить его извѣстной доли своего сочувствія, но такъ, чтобы сами они не подвергались опасности быть заподозрѣнными въ измѣнѣ такъ-называемому «прогрессу». Болѣе рѣшительные съ другой стороны, хотя и признавая въ свою очередь этотъ досадный фактъ возрастающей популярности Достоевскаго, «ретрограда» и «обскуранта», думали спасти молодежь отъ невольнаго увлеченія имъ, понявъ совер-

шенно вѣрно, что тайна этого увлеченія именно и заключается въ «жестокости» его таланта. Ну вотъ они и задались мыслію — всѣми правдами и неправдами доказать всю *безполезность* этой жестокости, какъ какого-то мучительства «изъ любви къ искусству». Совершенною неподатливостью даже передъ самымъ фактомъ популярности Достоевскаго, т.-е. слѣпою вѣрностью изначальнымъ недоразумѣніямъ между нимъ и критикою, отличилось тотчасъ-же послѣ смерти Достоевскаго направленіе, которое объясняется прежде всего отсутствіемъ въ самой природѣ критика именно того, что было особенно развито въ самомъ Достоевскомъ. Это направленіе очень напоминаетъ его «семинариста-карьериста» г. Ракитина — съ той теоретической его стороны, которую проявилъ онъ въ качествѣ свидѣтеля на судѣ, а отчасти, быть можетъ, и съ извѣстныхъ его сторонъ практическихъ [1]).

Совершенно въ сторонѣ отъ другихъ теченій критической мысли остается то, въ которомъ сказалась уже не старая бурса съ ея полнымъ забиваніемъ способности понимать духовную жизнь, вслѣдствіе «вколачиванія вѣры розгою» [2]). Тутъ, напротивъ, сказалось какое-то сладострастное увлеченіе именно карающимъ жезломъ — увлеченіе въ духѣ гораздо болѣе Византійскомъ, чѣмъ духъ, все же не лишеннаго русской смягчительной примѣси, «домостроя». Тутъ критикъ отплевывается и открещивается отъ малѣйшаго поползновенія помочь земному горю и умножить земныя радости, и Достоевскій за поползновенія этого рода относится (за одно съ Л. Н. Толстымъ) къ какой-то сектѣ «новыхъ христіанъ», при чемъ критикъ очевидно позабываетъ о тѣхъ *очень старыхъ* хри-

---

[1]) Къ чести нашей, были у насъ примѣры и совершенно другихъ отношеній критической мысли къ Достоевскому. Таковы прекрасныя статьи Л. Е. Оболенскаго въ журналѣ «Мысль». Таковы и статьи въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ, наприм., помѣщенная въ январской книжкѣ «Чтеніи въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1883 г. Отмѣтимъ наконецъ вообще дѣльныя и сочувственныя отношенія къ Достоевскому В. С. Соловьева (о хорошихъ исключеніяхъ прежней поры уже было сказано).

[2]) По мѣткому выраженію Л. Е. Оболенскаго («Мысль» 1881 г., февраль).

стіанахъ, про которыхъ сказано въ книгѣ «Дѣяній апостольскихъ», что между ними не было неимущихъ, потому что имѣнія богатыхъ продавались, и раздавалось всѣмъ, сколько кому было нужно.

Не оправдался ли примѣромъ Достоевскаго, какъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ писателей, текстъ, что «нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ?» Но и за границей обратили на него настоящее вниманіе только недавно — уже послѣ его похоронъ, доказавшихъ, конечно, что если вообще этотъ текстъ и можетъ быть отнесенъ къ Достоевскому, то съ тѣмъ условіемъ, чтобы «отечество» понималось тутъ только въ смыслѣ «отечественной критики». Въ недавно вышедшей нѣмецкой книжкѣ о современной русской литературѣ г. Цабеля, отмежевавшаго себѣ, впрочемъ, въ особенную спеціальность Тургенева, сказалось даже такое легковѣсное отношеніе къ Достоевскому, которое могло бы поспорить съ отношеніемъ къ нему русской критики. Правда, это уже заранѣе было какъ бы искуплено многими глубокомысленными страницами Брандеса о «Преступленіи и наказаніи»», а въ послѣднее время предисловіемъ къ нѣмецкому переводу «Братьевъ Карамазовыхъ», изданному г. Генкелемъ. Высоко-талантливаго, а во многихъ отношеніяхъ и добросовѣстнаго, иностраннаго цѣнителя дождался, наконецъ, Достоевскій въ лицѣ писателя, сумѣвшаго также понять и того, кто между всѣми остальными романистами нашей поры, одинаково съ Достоевскимъ, достоинъ считаться геніемъ,—Л. Н. Толстого. Я разумѣю г. де-Вогюэ, автора блестящихъ критическихъ очерковъ появившихся въ Revue des Deux Mondes [1]). Стараясь объяснить то, что происходило на похоронахъ у Ѳедора Михайловича, французскій критикъ говоритъ:

«Достоевскій увлекалъ сердца, и его доля вліянія на современное движеніе была неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ доля другихъ... Какъ про древнихъ царей говорилось, что они «собирали русскую землю», такъ этотъ царь

[1]) О Достоевскомъ — въ книжкѣ 15 февраля 1885 г.

мысли собралъ вокругъ себя сердце русское. ...При его похоронномъ шествіи замѣчалось какъ будто бы появленіе на сценѣ исторіи новыхъ общественныхъ классовъ...»

Но, сумѣвъ такъ глубоко проникнуть въ общественный смыслъ похоронъ Достоевскаго, тотъ же самый цѣнитель, съ удивительнымъ легкомысліемъ,—слѣдствіемъ, можетъ быть, легковѣрія — объясняетъ извѣстныя недоразумѣнія между Достоевскимъ и Тургеневымъ — личностями.

«Достоевскаго, — утверждаетъ г. де-Вогюэ, — всегда разлучали съ Тургеневымъ политическія разногласія и, увы! литературная зависть... Затаенная, непростительная обида заключалась въ томъ, что Тургеневъ первый угадалъ и обработалъ выдающуюся современную тему— нигилизмъ... Въ отместку, Достоевскій написалъ своихъ «Бѣсовъ». Тонкій и сдержанный художникъ «Нови» былъ побѣжденъ драматическимъ психологомъ... Романъ Достоевскаго вышелъ и пророчествомъ, и истолкованіемъ». Собственно послѣднее вполнѣ справедливо и признано, такимъ образомъ, за границею прежде, чѣмъ сами мы успѣли это признать. Тотъ же иностранный цѣнитель, съ другой стороны, отказывается отъ сколько-нибудь точнаго опредѣленія взглядовъ, выразившихся у Достоевскаго въ «Дневникѣ писателя». «Я отрицаю,—говоритъ онъ, — чтобы можно было формулировать его идеи въ выраженіяхъ практическаго языка. Онъ занялъ мѣсто между либералами и славянофилами, но ближе къ послѣднимъ; какъ имъ, такъ и ему единственною программою служили знаменитые стихи Тютчева:

Умомъ Россіи не понять,
Въ Россію можно только вѣрить.

Особенно цѣня у Достоевскаго «Записки изъ мертваго дома», французскій критикъ, однако-же, успокаивается на исключительно мѣстномъ, чисто-русскомъ значеніи ихъ, и остается далекъ отъ того, чтобы понять ихъ

убійственный міровой смыслъ. «Онъ писалъ объ язвахъ, чтобы исцѣлять», — говоритъ г. де-Вогюэ. «Записки изъ мертваго дома» были для вопроса о ссылкѣ то же, что «Записки охотника» для крѣпостного права—ударомъ въ набатъ, который ускорилъ реформу». «...Уже одно то, что можно говорить о такихъ ужасахъ, какъ о совершенно обыкновенныхъ явленіяхъ общественной жизни, жизни текущей — уже одно это предупреждаетъ насъ, что мы вышли изъ нашего міра...» [1]).

О томъ же, совершенно съ другой стороны, могло бы предупредить критика и то слово «несчастные», которое, сколько извѣстно, нигдѣ въ Европѣ не употребляется, какъ у насъ, въ смыслѣ *преступниковъ* [2]).

Въ этомъ чисто русскомъ употребленіи слова «несчастные» заключается и народный источникъ воззрѣній на преступленіе самого Достоевскаго, вполнѣ признававшаго, какъ многимъ обязанъ онъ духу своего народа. На русское употребленіе этого слова, если не ошибаюсь, обратилъ вниманіе и г. де-Вогюэ, но онъ, надо думать, склоненъ это объяснять собственно русскими *обстоятельствами*, не предполагая, повидимому, чтобы и западные преступники, какъ и всякіе другіе, могли называться «несчастными». Въ томъ-то и заключается убійственный смыслъ книги Достоевскаго, что она является набатомъ не для русскихъ только, но и для западно-европейскихъ порядковъ, и не Достоевскій, разумѣется, виноватъ, если даже дальнозоркій и глубокомысленный г. де-Вогюэ разслыхалъ въ ней набатъ для одной Россіи. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, онъ оказался лишь столь же несообразительнымъ, какъ и покойный В. Гюго, очевидно, не сознававшій всей полноты ужасающаго смысла своихъ же собственныхъ «Misérables», рисуя въ нихъ человѣка, попадающаго въ каторгу (позволяю себѣ прямо употребить это слово, такъ какъ дѣло не въ кличкѣ) изъ-за какихъ-нибудь украденныхъ съ голода

---

1) Т.-е., хочетъ онъ сказать, міра европейскаго.
2) Такъ по крайней мѣрѣ утверждалъ Достоевскій.

булокъ и снова осуждаемаго туда же, послѣ цѣлыхъ годовъ искупительной общественной дѣятельности въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Рисуя все это, великій французскій поэтъ и не думаетъ остановиться надъ вопросомъ: какъ же подобныя явленія остаются возможными послѣ великой революціи? Ради чего же тогда были пролиты такіе потоки человѣческой крови, если, и послѣ всѣхъ этихъ кровавыхъ жертвъ, европейское общество по прежнему умѣетъ только ссылать за соціальныя преступленія, а не устранять даже такіе поводы къ нимъ, какъ опасность умереть съ голоду? Когда у Достоевскаго въ его написанной кровью и огнемъ книгѣ вырывается наконецъ кличъ: «а кто виноватъ? то-то, кто виноватъ?», то вольно же оставаться настолько ослѣпленнымъ мнимою удовлетворительностью своей культуры, что бы отвѣчать на это: «ну, конечно, не мы — это относится только къ полуварварской Россіи, къ тѣмъ ея дореформеннымъ порядкамъ, устраненію которыхъ такъ сильно содѣйствовалъ своею книгою Достоевскій!» Да проститъ насъ умный и даровитый г. де-Вогюэ, если и мы, какъ онъ выражается, «pour tout dire», на мнѣніе его о томъ, что заслуга Достоевскаго въ «Запискахъ изъ мертваго дома» ограничивается только диктуемыми тутъ улучшеніями на европейскій манеръ въ нашей пенитенціарной системѣ, отвѣтимъ въ своемъ родѣ классическимъ восклицаніемъ: «sancta simplicitas!» Да, блаженны тѣ, для которыхъ ихъ европейская самоувѣренность служитъ охраною отъ того мучительства, какому въ самомъ дѣлѣ подвергаетъ читателя Достоевскій, вымогая у него, на своего рода нравственной дыбѣ, признаніе: «да, и я виноватъ!» Но они блаженны, конечно, не въ томъ христіански-безумномъ смыслѣ, въ какомъ было сказано: «блаженны нищіе духомъ», «блаженны плачущіе». Въ этомъ христіански-безумномъ смыслѣ понималъ блаженство и самъ Достоевскій, а потому и имѣлъ несомнѣнное право сказать: «утверждаютъ, что у меня въ сочиненіяхъ все только горе, да горе; нѣтъ, у меня есть и радости, но духовныя». Между тѣмъ

г. де-Вогюэ, какъ и слѣдуетъ ожидать по всему, уже выписанному нами изъ его статьи, настойчиво читаетъ намъ такую мораль относительно Достоевскаго:

«Міръ не состоитъ только изъ мрака и слезъ; онъ представляетъ намъ, даже въ Россіи, и лучи свѣта, и веселье, и цвѣты, и радости. Достоевскій охватилъ только половину міра, такъ какъ писалъ только двухъ родовъ книги—печальныя или ужасныя... Двойственная натура,—заключаетъ г. де-Вогюэ,—съ какой-бы стороны къ ней ни подойти: сердце сестры милосердія и умъ великаго инквизитора...»

Блестящее, полное эффекта, сопоставленіе, но только вѣрно-ли оно? Почему же и нѣтъ? Вѣдь и у сестры милосердія несомнѣнно есть свои радости. Но, какъ знать? онѣ могутъ быть и у инквизитора! Когда сестрѣ милосердія удастся наконецъ смягчить страданія больного, то онъ вѣдь начинаетъ производить на нее, въ своемъ родѣ, свѣтлое впечатлѣніе, какъ бы ни была отвратительна и ужасна его болѣзнь. Когда инквизитору,—въ томъ, разумѣется, смыслѣ, въ какомъ только и хватитъ смѣлости назвать инквизиторомъ Достоевскаго—послѣ долгихъ розысковъ въ душѣ человѣка, послѣ утомительнаго преслѣдованія его по всѣмъ извилинамъ его увертливой совѣсти, послѣ тщательнаго поджиганья его на ея медленномъ огнѣ, удастся, наконецъ, уличить и испепелить въ немъ ветхаго человѣка,—тогда, привѣтствуя въ немъ спасенную для лучшей, для разумнѣйшей жизни, душу, онъ можетъ радоваться вмѣстѣ съ этою исцѣленной духовнымъ желѣзомъ душой, какъ радуется сестра милосердія вмѣстѣ съ больнымъ, почувствовавшимъ облегченіе послѣ операціи. Что самъ Достоевскій только въ упомянутомъ смыслѣ и могъ бы сочувствовать инквизиторству (своему собственному «великому инквизитору» въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», онъ, разумѣется, не сочувствовалъ — это ясно изъ того, какъ толкуется даже «адскій огонь» его старцемъ Зосимой). То «мучительство», которое несомнѣнно есть въ сочиненіяхъ Достоевскаго (ошибка извѣстнаго критика заключалась только въ томъ, что онъ выдавалъ

это мучительство за безполезное) именно и спасаетъ человѣческую душу отъ принимаемаго въ духовномъ смыслѣ «огня адскаго», заключающагося, по пониманію Зосимы, въ слишкомъ уже позднемъ, а потому и безплодномъ сознаніи, что жизнь протекла безполезно, въ печальномъ, хотя, можетъ быть, и развесело-разгульномъ, отъединеніи отъ братскихъ призывовъ ближняго, или даже во взиманіи съ него, для личныхъ своихъ обманныхъ потребъ и утѣхъ, человѣко-убійственнаго процента. Грѣховность этого «процента»—несмотря на благовидность, даже *научность* этого термина (по выраженію самого Достоевскаго) — вотъ тотъ, вовсе опять не исключительно русскій, а обще-европейскій смыслъ, котораго не разглядѣлъ въ Достоевскомъ европейскій критикъ (а взимается этотъ процентъ, между прочимъ, и въ видѣ тѣхъ преступниковъ, которыхъ всячески, такъ-сказать, вызываютъ на ихъ печальные подвиги, а потомъ просто берутъ да ссылаютъ, даже и въ самыхъ культурныхъ обществахъ). И тотъ романъ Достоевскаго, который представляетъ ближайшую связь съ «Мертвымъ домомъ», хотя выставленное въ немъ «преступленіе» и переходитъ уже на политическую почву, — даже и этотъ романъ далеко не вполнѣ оцѣненъ, а, стало быть, и понятъ г. де-Вогюэ. Вполнѣ признаваемая имъ глубина психологическаго анализа и сила художественнаго воспроизведенія въ «Преступленіи и наказаніи» вызываетъ у французскаго критика мысль, не опасенъ-ли онъ? «Преступленіе и наказаніе» будетъ представляться благотворнымъ или вреднымъ,—говоритъ г. де-Вогюэ, — смотря по тому, какъ смотрѣть на публичные процессы и экзекуціи — защищать ихъ или возставать противъ нихъ. Вопросъ совершенно того же разряда; для меня онъ рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ».

Вопросъ объ «экзекуціяхъ» — хотя бы и не публичныхъ, рѣшался, разумѣется, въ отрицательномъ смыслѣ и самимъ Достоевскимъ и едва-ли у какого-нибудь художника (не исключая и Виктора Гюго) можно встрѣтить болѣе сильный протестъ противъ смертной казни

самой по себѣ, какъ и противъ той религіозной ея обстановки, которая во всей ея святотатственной отвратительности выставлена у Достоевскаго въ эпизодѣ о женевцѣ Ришарѣ (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»). Едва-ли кто-нибудь (опять не исключая и Гюго) сильнѣе его говоритъ и противъ «каторги», испытанной имъ на самомъ себѣ и выставленной у него въ ея широкомъ всемірномъ смыслѣ, хотя проповѣдь въ пользу ея и приписывалась Достоевскому тѣми, кто не понималъ его взгляда на духовную цѣлебность страданія съ его послѣдствіями—самоуглубленіемъ, самоисповѣданіемъ и самонаказаніемъ. Въ своемъ отзывѣ о «Преступленіи и наказаніи», какъ и въ своемъ обозваніи Достоевскаго «инквизиторомъ», г. де-Вогюэ смѣшалъ грубую силу внѣшней кары съ внутреннею силою суда совѣсти.

Между тѣмъ, Достоевскій въ «Преступленіи и наказаніи», выставивъ преступника и совершенно новаго покроя все же *внутренно казнящимся*, подобно обыкновеннымъ преступникамъ, производитъ впечатлѣнье, вовсе не похожее на то, которое производится на присутствующихъ какою-нибудь позорно-жестокою экзекуціею. И въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго указывается, какъ извѣстно, на *самоосужденіе* Мити, даже послѣ несправедливаго суда надъ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возрождающее дѣйствіе такого самоосужденія. Это, какъ извѣстно, въ свою очередь, подавало поводъ къ придиркамъ той критикѣ, которая кстати хваталась и за то, что Достоевскій любилъ непрошеннымъ печальникамъ своихъ собственныхъ безвинныхъ страданій ставить въ упоръ увѣренье, что онъ ихъ вполнѣ заслужилъ. Въ связи съ подобными его выходками, и послѣдній романъ его толковался въ смыслѣ какой-то проповѣди чуть-ли не «прелести кнута» (при чемъ настойчиво повторяли, будто-бы самъ онъ въ Сибири былъ высѣченъ, тогда какъ это только могло бы быть, но на самомъ дѣлѣ этого не случилось; въ противномъ же случаѣ Достоевскій не сталъ бы этого скрывать). Другіе, между тѣмъ, усматривали въ «Карамазовыхъ» только «новые типы

забитыхъ людей», т.-е. оставались вѣрными старой Добролюбовской постановкѣ вопроса. Между тѣмъ, и тутъ, какъ вездѣ у Достоевскаго, дѣло далеко не ограничивается одною «забитостью». Вѣдь сущность всѣхъ его сочиненій въ раскрытіи той стороны человѣческой природы, которая сказывается въ симпатическомъ влеченіи обездоленнаго человѣка къ такимъ же, какъ онъ, а подчасъ и какому-нибудь разудалому Митѣ съ его: «сторонись, я ѣду!» даетъ себя знать вѣщимъ сновидѣньемъ о томъ, какъ плачетъ «дитё». Въ этомъ смыслѣ послѣдній романъ находится въ самой тѣсной логической связи со всѣмъ прежнимъ, а все, имъ написанное, служитъ многостороннимъ истолкованьемъ лирическаго аккорда, принадлежащаго тому спорному для многихъ поэту, несомнѣнный паѳосъ котораго вполнѣ признавалъ Достоевскій:

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Вся разница въ томъ, что у Достоевскаго русскій обездоленный человѣкъ — даже тотъ, съ которымъ познакомился онъ въ Сибири, не выставляется окончательно проживающимъ «безъ свѣчи». Совершенно лишеннымъ ея оказывается у него только несчастный Ришаръ, которому женевскіе пасторы и сердобольныя дамы стали за то точно въ запуски проповѣдывать наканунѣ казни, какое блаженство «умереть во Христѣ» (не давъ ему во-время и малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ «жить во Христѣ»). На этотъ разсказъ о Ришарѣ, какъ и на многое другое, поучительное и для Европы, не обратилъ вниманія г. де-Вогюэ, и вообще, впрочемъ, не

особенно оцѣнившій, т.-е. не осилившій «братьевъ Карамазовыхъ».

Послѣдній романъ Достоевскаго, сколько-бы ни говорили о томъ, что, при множествѣ превосходныхъ частностей, въ цѣломъ онъ, однако-же, неудаченъ, (можетъ быть, отъ избытка творческой, не вполнѣ владѣющей собою силы)—читался и читается, однако-же, очень много и производитъ на тѣхъ, кто прочтетъ его до конца, потрясающее даже и въ цѣломъ дѣйствіе. Многіе, правда, прямо сознаются, что они хорошенько его не понимаютъ. Между тѣмъ романъ этотъ породилъ даже особое характеристическое опредѣленіе — «карамазовщина», подобно тому, какъ когда-то Гончаровъ пустилъ въ оборотъ «обломовщину», еще-же ранѣе Гоголь «маниловщину» и «хлестаковщину», а Грибоѣдовъ «фамусовщину» и «репетиловщину». Въ русской жизни оказывается, стало быть, что-то такое, чего еще не схватывалъ до Достоевскаго никто другой, но на что теперь часто ссылаются, какъ не перестали ссылаться на знаменитыя клички, пущенныя въ оборотъ другими, только-что упомянутыми, писателями. Какъ въ этихъ знаменитыхъ кличкахъ, такъ и въ той, которая обязана своимъ происхожденіемъ Достоевскому, схвачено, стало быть, въ нашей жизни что-то, такъ сказать, стихійное. Но если мы такъ часто говоримъ о карамазовщинѣ, то это, конечно, еще не значитъ, чтобы мы вполнѣ давали себѣ отчетъ въ томъ, что выражается этой кличкой. Основаніемъ ей послужили черты, сказывающіяся въ цѣлой семьѣ, въ отцѣ и его трехъ сыновьяхъ, хотя и происходящихъ отъ двухъ его браковъ и отличающихся, даже помимо того, каждый своими особенностями, тѣмъ не менѣе носящихъ на себѣ, въ большей или меньшей степени, типическій отпечатокъ карамазовскаго рода (отчасти этотъ отпечатокъ сказывается и въ незаконномъ сынѣ старика Карамазова — Смердяковѣ). Постараемся собрать эти черты, общія карамазовскія черты, сведемъ вмѣстѣ то, что говорится у Достоевскаго про «отца» и «дѣтей», и посмотримъ, такъ-ли велико у него разстояніе между обоими поколѣ-

ніями, какъ въ знаменитомъ романѣ Тургенева. Если намъ удастся привести ихъ къ одному знаменателю, то этимъ уже и опредѣлятся существенныя родовыя, а отчасти, можетъ быть, и народныя черты «карамазовщины».

Достоевскій, конечно, гораздо менѣе щадитъ наше старое поколѣніе въ лицѣ Карамазова отца, чѣмъ Тургеневъ его пощадилъ въ лицѣ стариковъ Кирсановыхъ (не говорю уже о столь симпатичныхъ во многомъ старикахъ Базаровыхъ).

«Это былъ странный типъ,—говоритъ Достоевскій про Ѳедора Павловича,—довольно часто, однако, встрѣчающійся, именно типъ человѣка, не только дрянного и развратнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и безтолковаго, но изъ такихъ, однако, безтолковыхъ, которые умѣютъ отлично обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки». Оказывается, что онъ началъ приживальщикомъ, а оставилъ 100,000... «и все-таки всю жизнь продолжалъ быть однимъ изъ безтолковѣйшихъ сумасбродовъ... Тутъ не глупость, большинство этихъ сумасбродовъ довольно умно и хитро,—а именно безтолковость, и еще какая-то особенная, національная» (I, стр. 13). Эта безтолковость заключалась, надо думать, въ легкомъ отношеніи къ жизни, въ томъ, чтобы при самомъ обдѣлываніи дѣлишекъ обходиться безъ упорной и усидчивой дѣловитости, а полагаться болѣе на удачу, на наши «авось и «везетъ». Такое легкое отношеніе къ жизни зависитъ отъ правила, что, въ сущности, «жизнь — копѣйка», но если ужь она намъ дана, то надо проводить ее такъ, чтобы выходило «по колѣна море». Только на этомъ основаніи и стоитъ жить, а если такъ, то жить ужь и такой долгій вѣкъ, чтобы въ конецъ заѣдать чужой. «Я, — говоритъ Ѳедоръ Павловичъ младшему сыну Алешѣ, — какъ можно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить... а потому мнѣ каждая копѣйка нужна, и чѣмъ дольше буду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе... *Поганъ стану*,—поясняетъ старикъ, — не пойдутъ они ко мнѣ *доброю волею*, ну вотъ тутъ-то мнѣ денежки и понадобятся... для одного себя-съ... потому что я въ скверне моей до конца хочу прожить... *А въ рай*

твой я не хочу... По-моему, заснулъ и не проснулся, и нѣтъ ничего... вотъ моя философія...» (I, 96).

«Иванъ хвастунъ, да и никакой у него такой учености нѣтъ», — говоритъ старикъ про второго сына... (197) «молчитъ, да усмѣхается на тебя, молча,—вотъ на чемъ только и выѣзжаетъ... Ивана,—хорохорится онъ,—не признаю совсѣмъ. Откуда такой появился! Не наша совсѣмъ душа...» (198). Не признавая Ивана «своимъ» и въ то-же время не признавая «никакой даже учености» въ этомъ отлично образованномъ молодомъ человѣкѣ, старикъ, конечно, далекъ отъ указанія на то, что, въ сущности, его философія сводится къ тому-же, къ чему сведена и его собственная, хотя Иванъ и добылъ ее совершенно инымъ путемъ. Отзывъ старика, надо думать, вызванъ только высокомѣрнымъ отношеніемъ къ нему Ивана, которому, въ сущности, сродные ему инстинкты отца представляются отвратительными, но единственно потому, что они, такъ сказать, остаются у старика *сырьемъ*. Въ лицѣ незаконнаго своего брата, слуги Смердякова, Иванъ находитъ уже цѣнителя, вовсе не вторящаго отзыву Ѳедора Павловича. Дѣло въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ поразилъ Смердякова своимъ духовнымъ безудержемъ: «все, дескать, по ихнему, позволено, что ни есть въ мірѣ, и ничего впредь не должно быть запрещено,—вотъ они чему меня все учили». ...«Если есть,— говоритъ Смердяковъ, — который изъ сыновей болѣе похожій на Ѳедора Павловича по характеру, то это онъ, Иванъ Ѳедоровичъ. «*Умны вы очень-съ*,—опредѣляетъ ему его самого Смердяковъ.—Деньги любите, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а пуще всего въ спокойномъ довольствѣ жить... Вы, какъ Ѳедоръ Павловичъ, наиболѣе-съ, изо всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одною съ ними душой-съ...» (II, 408). Оказывается, что передъ старшимъ (сводным) братомъ Митей самъ Иванъ однажды проговорился въ такомъ смыслѣ, что вполнѣ подтвердилъ отзывъ Смердякова. «Братъ Иванъ,—по мнѣнію Мити,—сфинксъ, и молчитъ, все мол-

читъ... Одинъ только разъ одно словечко сказалъ... Я ему говорю: «все позволено, коли такъ» (въ силу той теоріи, которая сообщена была Иваномъ Смердякову). Онъ нахмурился: «Ѳедоръ Павловичъ, говоритъ, папенька нашъ, былъ поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно» (II, 294—95). Такъ-называемое «молчаніе» Ивана, ради котораго его и «не признавалъ» отецъ, забывая старую пословицу, что «въ тихомъ омутѣ черти водятся»,—Митя, повидимому, имѣетъ основаніе противопоставить и своему собственному состоянію, говоря про себя: «идеи бушевали во мнѣ неизвѣстныя, я и пьянствовалъ, и дрался, и бѣсился...» «Меня, — продолжаетъ онъ, — Богъ мучитъ», утверждая при этомъ, что у «Ивана Бога нѣтъ...» Но если послушать меньшого, Алешу, то у Ивана «душа бурная... Въ немъ мысль великая и неразрѣшенная. Онъ изъ тѣхъ, которымъ не надобно милліоновъ, а надобно мысль разрѣшить». И Митя признаетъ, что «у Ивана идея», но Митѣ кажется, что Иванъ вполнѣ сю овладѣлъ и что именно потому-то у него «Бога нѣтъ». Алеша-же скорѣе думаетъ, что и Ивана «Богъ мучитъ», что онъ вовсе не удовлетворенъ тѣмъ, въ чемъ, по мнѣнію Мити, заключается его «идея». Въ этомъ отношеніи, повидимому, сыновья не походятъ на отца, вполнѣ свободнаго отъ балласта какой-бы то ни было идеи (если онъ говоритъ о «своей философіи», то, конечно, только въ насмѣшку). Но все дѣло въ томъ, что, и «мучась идеею», при карамазовщинѣ, можно наконецъ ринуться въ безбрежное море дающей свободу ото всего — «безъидейности». Не даромъ-же, декламируя Шиллера и указывая на то, что природа въ удѣлъ насѣкомымъ отвела сладострастіе, Митя говоритъ: «Я, братъ, это самое насѣкомое и есть. И мы всѣ Карамазовы такіе-же, и въ тебѣ, ангелѣ, это насѣкомое живетъ и въ крови твоей бури родитъ. Это—бури, потому что сладострастіе буря, больше бури! Красота—это страшная и ужасная вещь... Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ... Иной, высшій даже сердцемъ, человѣкъ, и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кон-

чаетъ идеаломъ содомскимъ. Еще страшнѣе, кто, уже съ идеаломъ содомскимъ въ душѣ, не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и во-истину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ, я-бы сузилъ» (I, 123). Но вѣдь тотъ-же самый Митя, въ самый разгаръ своего сладострастія, чуть было, въ самомъ дѣлѣ, не доведшаго его до того, въ чемъ его потомъ и обвинили, вдругъ начинаетъ говорить про какое-то пригрезившееся ему «дитё».

«И чувствуетъ онъ, — говоритъ Достоевскій про Митю,—что плакать ему хочется, что хочетъ онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакало больше «дитё», не плакала бы и черная изсохшая мать «дити», чтобъ не было вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сейчасъ же, сейчасъ же это сдѣлать, не отлагая и несмотря ни на что, со всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ...» (II, 201).

Но вѣдь о томъ же самомъ «дитѣ», т.-е. о всѣхъ вообще такого рода дѣтяхъ, не можетъ забыть и Иванъ. Мысль о нихъ, окончательно не давая ему успокоиться на той философіи, которую сообщаетъ онъ Смердякову, не позволяетъ ему, съ другой стороны, признать и ту совершенно иную, безъ которой, при всѣхъ своихъ сладострастныхъ буряхъ, не можетъ обходиться Митя. Вспомнимъ слова Ивана Алешѣ:

«Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра — я ужь ни слова не говорю... я взялъ однихъ дѣтокъ. (I, 273—75). «Я не Бога не принимаю... — говоритъ онъ съ чисто опять Карамазовской дерзостью, — я міра имъ созданнаго не принимаю... я только билетъ ему почтительнѣйше возвращаю...» (I, 265, 275). Но, при этой неотвязчивой думѣ о дѣтскихъ страданіяхъ (не говоря уже о человѣческихъ вообще), Иванъ остается, однако, тѣмъ же, какъ выражается Митя, «насѣкомымъ», которому дано въ удѣлъ ненасытное сладострастье.

«Не вѣруй я въ жизнь... — сознается онъ, — порази

меня всѣ ужасы человѣческаго разочарованія... я все-таки захочу жить и ужь какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю. Впрочемъ, къ 30 годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не допью всего, и отойду... не знаю куда». «Я спрашивалъ себя много разъ: есть ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ такого, т.-е. опять-таки до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ ужь самъ не захочу... Эту жажду жизни иные чахоточные сопляки моралисты называютъ часто подлою... Черта-то она отчасти Карамазовская... Жить хочется и я живу, хотя бы и вопреки логикѣ...» (I, 258—9).

Въ томъ же самомъ смыслѣ говоритъ про себя и Митя: «Кажется, столько во мнѣ этой силы теперь, что я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь,—но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу; а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, это уже вся жизнь» (II, 294).

Въ Карамазовыхъ та-же жажда жизни, которою захлебывался, страшно въ то же время томясь отъ нея, тотъ поэтъ, о паѳосѣ котораго такъ горячо говорилъ Достоевскій. Вспомнимъ только стихи:

Что враги? Пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу;—
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ;
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ,—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — впередъ и впередъ!

Одолѣваемый тѣмъ, какъ выражался Достоевскій, демономъ, который присталъ къ нему съ юныхъ лѣтъ,

поэтъ готовъ былъ искать спасенія въ томъ, чтобы, если уже не дается разумная жизнь, отдать ее разомъ всю за что-либо высшее. Утопая въ омутѣ жизни, онъ восклицалъ:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Сбагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Съ такою мольбою онъ обращался къ матери, память о которой оставалась «свѣтлымъ лучомъ» въ его «темномъ царствѣ». И уже за одну его память объ этомъ свѣтломъ лучѣ мы никогда не разлюбимъ его, какъ не разлюбилъ его Достоевскій, какими бы черными красками ни рисовалъ его намъ Тургеневъ въ своей перепискѣ.

Но у Мити и у Ивана именно и недостаетъ въ памяти этого свѣтлаго луча; только младшій братъ, Алеша, вспоминаетъ о томъ, какъ протягивала его къ образу Богородицы, при косыхъ лучахъ заходящаго солнца, его мать «кликуша», бывшая, впрочемъ, и матерью Ивана. Вотъ это смутное воспоминаніе о ней и служитъ Алешѣ оберегомъ отъ карамазовщины, заставившей его бѣжать, очертя голову, въ монастырь, но все же не перестающей его пугать собою. Вспомнимъ, какъ опредѣляетъ Достоевскій Алешу: «Юноша... честный по природѣ своей, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, а, увѣровавъ, требующій немедленнаго участія въ ней всею силою души своей, требующій скораго подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя бы всѣмъ пожертвовать для этого подвига, даже жизнью... Едва только онъ, задумавшись серьёзно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ-же естественно сказалъ себѣ: «хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромисса не принимаю». Точно также, если-бы онъ порѣшилъ, что безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ бы пошелъ въ атеисты и соціалисты... Алешѣ казалось даже страннымъ и невозможнымъ жить по прежнему. Сказано: «раздай все и иди за мной, если хочешь быть

совершенъ». Алеша и сказалъ себѣ: «не могу я отдать вмѣсто «всего» два рубля, а вмѣсто «иди за мной», ходить лишь къ обѣднѣ» (I, 34—35). Не трудно, конечно, и въ этихъ просвѣтленныхъ чертахъ узнать все тотъ же родовой типъ,—съ его нетерпѣливою жаждою полнаго и немедленнаго достиженія, съ его неумѣньемъ удовлетворяться лишь половиной, или останавливаться въ раздумьи на распутьи; съ его: «или вовсе не жить, или ужъ жить вполнѣ»—(въ мѣру того или другого пониманія жизни). Но порою Алеша прямо даже чуетъ въ себѣ присутствіе родовой карамазовщины и въ ея первородномъ, грубо стихійномъ смыслѣ. Онъ говоритъ:

«Тутъ «земляная Карамазовская сила... земляная и неистовая, необдѣланная. Даже носится ли Духъ Божій вверху этой силы и того не знаю. Знаю только, что *и самъ я Карамазовъ*. ...Я монахъ, монахъ?.. А я въ Бога-то, можетъ быть и не вѣрую» (I, 248).

Вспомнимъ въ жизни его «такую минутку», когда, глубоко оскорбленный тѣмъ, что тѣло старца Зосимы не избавлено было отъ тлѣнія, онъ готовъ, подобно Ивану, «почтительно возвратить свой билетъ», съ тѣмъ, чтобы безъ оглядки пойти за Ракитинымъ, соглашаясь не только на его колбасу и вино, но даже на Грушеньку. Ракитинъ, какъ извѣстно, считаетъ при этомъ вполнѣ торжествующимъ и себя, и свою «философію». Съ торжествующимъ видомъ выступаетъ онъ и на судѣ, выходя изъ обыкновенной роли свидѣтеля и вдаваясь въ культурно-историческую оцѣнку карамазовщины. «Всю трагедію судимаго преступленія Ракитинъ изобразилъ, какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостного права и погруженной въ безпорядокъ Россіи, страдающей безъ соотвѣтственныхъ учрежденій» (II, 375).

Въ сущности вовсе не выходя изъ своей роли обвинителя, появляясь только истолкователемъ той почвы, на которой созрѣло преступленіе, характеризуетъ карамазовщину и прокуроръ и вполнѣ сходится съ Ракитинымъ въ томъ, что видитъ въ ней продуктъ только отрицательныхъ сторонъ русской жизни, даже и при го-

товности признать въ карамазовщинѣ своего рода лицевую сторону. Онъ вѣдь говоритъ: «Мы даже обуреваемы, именно обуреваемы—благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они достигались сами собою, упадали бы къ намъ на столъ съ неба, и, главное, чтобы даромъ, даромъ... О, дайте, дайте намъ всевозможныя блага жизни... и особенно не препятствуйте нраву ни въ чемъ, и тогда и мы докажемъ, что можемъ быть хороши»... (II, 409). Но вѣренъ ли этотъ судъ надъ карамазовщиной, или же онъ, если и не такъ несправедливъ, какъ судъ надъ Митей, то все-таки слишкомъ одностороненъ? Если карамазовщина—народная наша черта, то про насъ по преимуществу придется сказать: «широкъ русскій человѣкъ, слишкомъ даже широкъ». Но едва-ли у каждаго повернется языкъ, чтобъ прибавить: «я бы сузилъ». Если такъ, то не слѣдуетъ ли къ карамазовщинѣ примѣнить выраженіе, употребленное по другому поводу на томъ же судѣ? Не есть-ли карамазовщина своего рода «палка о двухъ концахъ»? Не ее ли въ широкомъ смыслѣ имѣлъ въ виду столь чуткій къ народному духу поэтъ, когда воскликнулъ:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

Русская жизнь, подобно богатырю народному, слишкомъ долго засидѣвшаяся сиднемъ, создала вдругъ историческаго богатыря, который съ самымъ неукротимымъ безудержемъ вскочилъ на ноги и, не оглядываясь назадъ, не задумываясь на распутьи, бурно увлекъ за собою Русь по пути еще небывалаго въ мірѣ ускореннаго развитія, страстно-нетерпѣливо сразу рѣшившись догнать постепенно и медленно опередившее насъ въ свое время западно-европейское человѣчество. И съ такимъ же точно бур-

нымъ безудержемъ, уже на нашихъ глазахъ, послѣ всякаго рода скороспѣлой жатвы на даровщину, послѣ цѣлаго ряда захватовъ съ чужого культурнаго пира, бѣшено проявился у насъ порывъ—взять да разомъ и опрокинуть этотъ европейскій пиршественный столъ, попрежнему оказывающійся накрытымъ не для всѣхъ.

«Русскому скитальцу необходимо всемірное счастье, чтобы успокоиться; дешевле онъ не примирится». Такъ сказалъ Достоевскій въ своей Пушкинской рѣчи, и это повторяла передъ нимъ молодежь, во время одной изъ устроенныхъ ему овацій, какъ онъ самъ намъ о томъ разсказывалъ, вполнѣ вознагражденный за ту клевету, какою не гнушались иные изъ мнимыхъ радѣтелей молодежи, увѣряя ее, что Достоевскій, можетъ быть и безъ умысла, но все-таки прямо на нее «доноситъ». Она же, эта молодежь, чѣмъ дальше, тѣмъ довѣрчивѣе прислушивалась къ его голосу—голосу неумытаго судьи и вѣрнѣйшаго друга, отнятаго у нея, къ несчастью, слишкомъ рано!

II.

Карамазовщина, какъ мы видѣли, получила у насъ даже историческое значеніе. Чисто карамазовскій «безудержъ» сказался у насъ въ стараніи наверстать потерянное, сразу усвоить себѣ цѣликомъ всю европейскую цивилизацію. Если въ гоньбѣ за ея *формами* произошла у насъ затѣмъ остановка *сверху*, то въ гоньбѣ за ея *принципами* продолжалъ сказываться тѣмъ лишь болѣе усиливаемый *внизу* «безудержъ». Онъ находилъ себѣ новыя вдохновенія въ томъ недовольствѣ формами европейской жизни, которое все болѣе и болѣе проявлялось и на западѣ. Никакія *реставраціи* послѣ французской революціи съ ея міровымъ соблазномъ, не могли, разумѣется, заглушить этого недовольства, потому что не могли устранить его основаній. Совершенно справедливо въ 1848 г. писалъ своему Августѣйшему ученику Жуковскій о тогдашнемъ ходѣ вещей въ Европѣ: «прежде, нежели удо-

влетворить нуждамъ вѣка, хотѣли привести въ границы его буйство, тогда какъ надлежало сдѣлать не первое послѣ послѣдняго, а то и другое вмѣстѣ» [1]). Между тѣмъ у насъ продолжали тогда примѣнять именно этотъ неодобряемый нашимъ писателемъ способъ, испугавшись пока только чужого «буйства», такъ какъ свое еще и не думало выступать наружу; но усиленное придавленіе у насъ мысли съ 1848 г. именно и вызывало подспудное до поры до времени накопленіе недовольства, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣмъ болѣе изощренную воспріимчивость къ самымъ «буйнымъ» принципамъ. Съ общею системою шла у насъ тогда въ униссонъ и воспитательная система—особенно же въ тогдашнихъ духовныхъ заведеніяхъ, гдѣ прямо уже практиковалось, по мѣткому выраженію одного изъ лучшихъ критиковъ Достоевскаго [2]), «вколачиваніе вѣры розгами». Потому-то именно этимъ заведеніямъ и пришлось у насъ потомъ обратиться въ главный разсадникъ самыхъ «буйныхъ» идей.

Въ 1855 г. система была круто измѣнена: просвѣщенный умъ и гуманное сердце Августѣйшаго ученика Жуковскаго поставили себѣ задачею «удовлетворить нуждамъ вѣка». Но недовольства накопилось уже слишкомъ много, а въ Европѣ на очереди оставалась революція,—и вотъ наши недовольные уже не удовлетворялись мирнымъ путемъ реформъ. Путь этотъ представлялся слишкомъ долгимъ и скучнымъ для ихъ Карамазовскаго нетерпѣнія, и увлеченіе «буйствомъ вѣка» быстро стало проявляться на почвѣ по преимуществу бурсацкой озлобленности противъ той розги, которою у насъ до тѣхъ поръ «вколачивалась вѣра». Значительная часть молодыхъ свѣжихъ силъ, которымъ предстояло бы проводить въ жизнь реформы и отстаивать ихъ въ жизненной борьбѣ отъ противодѣйствія и явныхъ ихъ ненавистниковъ и замаскированныхъ заговорщиковъ противъ нихъ изъ барскаго и служилаго стана,—значительная часть этихъ

---

[1]) Русскій архивъ, 1885 г. ч. II, стр. 269—270.
[2]) Л. Е. Оболенскаго.

пылкихъ и, въ сущности, самоотверженныхъ силъ, сама ударилась въ оппозицію, увлекаясь проповѣдью недовѣрія къ реформамъ и соблазнительной ролью — не исполнителей только, а самостоятельныхъ и дальше гораздо идущихъ дѣятелей. Слѣдствіемъ всего этого было то, что поэту-сатирику пережитой нами многосодержательной поры пришлось, наконецъ, воскликнуть:

Благодатное время надеждъ,
Такъ прошедшимъ и ты уже стало!
Къ удовольствію дикихъ невѣждъ,
Ты обѣтовъ своихъ не сдержало!

Современниками-бытописателями этой поры, которая задастъ въ свое время большую работу исторіи, являются болѣе или менѣе всѣ выдающіеся представители нашей новѣйшей литературы. Но самое видное мѣсто между ними принадлежитъ Достоевскому. Онъ воспроизвелъ ея сложныя и запутанныя явленія и въ «Преступленіи и наказаніи», и въ «Идіотѣ», и въ «Бѣсахъ». Онъ же является, наконецъ, ея разъяснителемъ и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Повидимому, мы вращаемся тутъ въ области частной жизни, повидимому, и преступленіе, тутъ совершаемое и служащее центромъ дѣйствія, преступленіе чистосемейнаго свойства; но болѣе углубленный взглядъ не можетъ не распознать тутъ подкладки очень широкой, чисто общественнаго, даже прямо политическаго характера.

Вдохновителемъ этого преступленія, новымъ Раскольниковымъ не de facto, a de idea является самое крупное и всего глубже задуманное лицо романа, Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ. Онъ—представитель Карамазовщины въ ея *идейномъ* смыслѣ. Ему нуженъ безусловный просторъ — въ дѣйствіи, безконечная глубь — въ постиженіи. Того безусловнаго простора, какого онъ хочетъ, не даетъ никакое государство, и вотъ онъ утверждаетъ, что оно должно быть поглощено, какъ нѣчто низшее, косное въ своемъ заматерѣломъ язычествѣ, поглощено церковью, да, *церковью*, о которой, со стороны ея отно-

шеній къ государству, написалъ онъ свой извѣстный трактатъ. Смыслъ этого трактата, главнымъ образомъ, отрицательный, т.-е. направленный противъ государства съ его деспотизмомъ подъ благовиднымъ знаменемъ высшаго начала церкви. Но въ томъ, что говорится тутъ о послѣдней, нѣтъ лицемѣрія. Ивану нужна она сама по себѣ—ради той глубины постиженія, которой онъ волей-неволей отъ нея ожидаетъ. Онъ не изъ тѣхъ ограниченныхъ умовъ, въ сущности напоминающихъ Гётевскаго Вагнера, которые простодушно думаютъ, что можно, въ самомъ дѣлѣ, *все постичь* путемъ научнаго изученія. Онъ изъ тѣхъ глубокихъ натуръ, которыя не въ силахъ остановиться у грани, положенной человѣческому знанію, или же легкомысленно тѣшить себя фикціей, что, произвольно перескакивая черезъ нее своимъ идействующимъ воображеніемъ, они все-таки остаются въ области чистой науки. Онъ изъ тѣхъ, кому непремѣнно нужно переступить эту грань, хотя за нею и открывается—онъ вполнѣ это сознаетъ—уже иная область—та, въ которой далеко не уйдешь съ тусклой свѣтильней нашего ограниченнаго ума. Тутъ уже надо довѣрчиво дать себя повести путеводствующей звѣздѣ откровенія. Вотъ онъ за ней и направится, только не навсегда—именно потому, что тутъ надо дать себя повести, надо *довѣриться*, а довѣриться значитъ *подчиниться*, что уже несовмѣстно съ безграничною жаждой свободы. Но онъ не останется въ лонѣ церкви также потому, что тутъ нужно подчиненіе и въ другомъ смыслѣ. Если онъ отказывается отъ подчиненія разума, хотя бы съ тѣмъ вмѣстѣ пришлось отказаться и отъ открывающагося только подъ такимъ условіемъ высшаго свѣта, то какъ же онъ подчинитъ не только свой разумъ, но и свою волю, ради полной свободы которой и бѣжалъ онъ изъ государства? Хотя церковь не станетъ насиловать его волю, но вѣдь она будетъ ограничительно дѣйствовать на нее постояннымъ напоминаньемъ ему о *ближнихъ*. А онъ не даромъ же заявилъ Міусову въ спорѣ съ нимъ, что «на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себѣ

подобныхъ, что такого закона природы, чтобы человѣкъ любилъ человѣчество, не существуетъ вовсе». Въ томъ же спорѣ онъ еще прибавилъ: «уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ же иссякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь... Тогда уже ничего не будетъ безнравственнаго, все будетъ дозволено, даже людоѣдство» (ч. I, стр. 82). Онъ говоритъ это, такъ какъ вѣры въ безсмертіе въ немъ уже нѣтъ, ибо нѣтъ уже и вѣры вообще, потому что вѣра для него подчиненіе — и онъ, такимъ образомъ, избавляетъ себя отъ другого подчиненія — любви къ ближнему. Совершенно иная постановка этихъ вопросовъ у старца Зосимы, говорящаго г-жѣ Хохлаковой, когда она ему печалуется, что не можетъ повѣрить безсмертію. «По мѣрѣ того, какъ будете преуспѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога и въ безсмертіи души вашей» (I, 67). Тутъ самая идея безсмертія выводится изъ любви, а не безсмертіе дѣлаетъ любовь обязательною, потому что дѣлаетъ ее заинтересованною, т.-е. пропитанною расчетомъ. Любите людей, хочетъ сказать Зосима, и вы откроете въ каждомъ изъ нихъ ту искорку Божества, которая приведетъ васъ къ самому Божеству и увѣритъ васъ въ томъ, что какъ само оно безконечно и вѣчно, такъ неугасима и каждая отдѣльная его искорка. Но вѣдь для Ивана Ѳедоровича съ его Карамазовскимъ размахомъ требованій этой искорки мало. Онъ и не замѣтитъ ея изъ-за того дыма и чада, съ какимъ такъ часто соединяется ея мерцающее, совсѣмъ почти гаснущее состояніе. Онъ будетъ подходить къ этимъ тусклымъ лампадкамъ и старательно ихъ оправлять лишь въ томъ случаѣ, если можно будетъ разсчитывать на большой и уже не гаснущій, самосіянный свѣтъ впереди. Этотъ вѣчный свѣтъ нуженъ ему, какъ окрыляющее на подвигъ возмездіе. Вѣдь онъ-же прямо и говоритъ: «мнѣ надо возмездіе: иначе я истреблю себя... И возмездіе, — прибавляетъ онъ подъ вліяніемъ своей Карамазовской нетерпѣливости, — не въ безконечности гдѣ-нибудь и когда-ни-

будь, а здѣсь на землѣ» (другими словами — поскорѣе и чтобъ я его самъ увидалъ) (I, 274). Но такъ какъ онъ еще не видитъ этого вознаграждающаго свѣта, а видитъ вокругъ только массу людей съ ихъ тусклымъ мерцаньемъ, то онъ и не въ силахъ понять, «какъ можно любить своихъ ближнихъ». По его мнѣнію, именно ближнихъ-то и невозможно, а развѣ лишь дальнихъ, тѣхъ, отъ которыхъ не доносится до васъ чадъ, а про которыхъ можно вообразить, что они такъ слабо свѣтятъ лишь оттого, что остаются вдали. «Чтобъ полюбить человѣка,—увѣряетъ онъ,—надо, чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое — пропала любовь. По моему,—заключаетъ онъ,—Христова любовь къ людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. Правда, онъ былъ Богъ,—невольно исповѣдуетъ Карамазовъ,—но мы-то не боги» (I, 266). Да, а между тѣмъ въ церкви эта Христова къ людямъ любовь для всѣхъ обязательна. Церковь вѣдь всѣхъ призываетъ стать подобными Христу чудотворцами, потому что помнитъ завѣтъ Христа: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». Но если такъ, то въ церкви еще труднѣе ужиться, чѣмъ въ государствѣ; положимъ, она не велитъ изъ-подъ палки, а только внушаетъ, указывая на то, что окончательно не слѣдующій ея внушеньямъ — отрѣзанный отъ нея ломоть. Но Иванъ Карамазовъ не дастъ же себя отрѣзать; онъ сознательно выйдетъ изъ церкви, онъ самъ отъ нее отвалится.

То, что говоритъ Иванъ о самомъ себѣ, сходится съ разсказомъ Зосимы объ одномъ докторѣ. «Я, говоритъ, люблю человѣчество, но... чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности... Я... можетъ-быть, пошелъ бы на крестъ за людей, если-бъ это вдругъ какъ-нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состояніи прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ... Чуть онъ близко отъ меня, и вотъ ужь его личность давитъ мое самолюбіе и стѣсняетъ мою свободу» (I, 68). Вѣдь и Иванъ Ѳедоровичъ готовъ бы, пожалуй, пойти на крестъ, какъ готовъ, ко-

нечно, и другихъ распять на крестѣ, — если бы то или другое потребовалось для полноты постиженія истины или перестроенія міра во имя ея,—того и другого *сразу*, потому что вѣдь въ томъ только и настоящая *полнота*. Но для него, какъ и для доктора, какъ и для множества «докторовъ»—потому что идейная карамазовщина у насъ въ воздухѣ—немыслимъ, потому что невыносимъ — медленный, постоянный подвигъ, тотъ терпѣливый подвигъ не ради «всего человѣчества», а именно ради «ближнихъ», къ которому дѣлаетъ насъ способными только любовь.

Трудъ «капли, долбящей камень», — капли, конечно, нравственной — сознающей и чувствующей, это никакъ не карамазовскій трудъ. Карамазовы не знаютъ середины между созиданіемъ en grand или разрушеніемъ. А такъ какъ карамазовщина у насъ въ воздухѣ, то Достоевскій и даетъ намъ ее почувствовать, въ окончательно болѣзненномъ ея извращеніи, даже въ своей истерической дѣвочкѣ, дочери этой безтолковой г-жи Хохлаковой. «Я хочу безпорядка,—говоритъ у него Лиза.—Я все хочу зажечь домъ... Они-то тушатъ, а онъ-то горитъ». Алеша при этомъ не безъ свойственнаго подчасъ простодушнымъ людямъ глубокомыслія ляпаетъ ей въ отвѣтъ: «богато живете». — «Лучше что-ль бѣдной-то быть?»—спрашиваетъ она.—«Лучше», упорствуетъ онъ въ своемъ отпорѣ той шири, тому «по колѣна море» и «подавай мнѣ все», которое онъ чуетъ и въ самомъ себѣ и котораго такъ боится. «Это вамъ вашъ покойный монахъ наговорилъ, — возражаетъ она. — Это неправда. Пусть я богата, а всѣ бѣдные, я буду конфекты ѣсть и сливки пить, а тѣмъ никому не дамъ. (Не подвергать же себя лишеніямъ ради какихъ-то противныхъ ближнихъ — вышло бы это на языкѣ Ивана). Не хочу дѣлать доброе, я хочу дѣлать злое».

«Зачѣмъ дѣлать злое?» — спрашиваетъ Алеша. «А что бы нигдѣ ничего не осталось (чтобъ перевелись всѣ эти противные ближніе съ тѣми подлыми порядками, которые терпятъ они — опять въ переводѣ на языкъ

Ивана). Я читала гдѣ-то, — продолжаетъ истерическая дѣвочка, — что жидъ 4-лѣтняго мальчика распялъ... Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть (не отказываться же отъ компота, благо онъ есть и мнѣ доступенъ, а истина мнѣ недоступна, да есть ли еще она? могъ-бы, по-своему вторя Пилату, сказать Иванъ, найди только на него такой стихъ, а что «пускай ихъ хоть всѣ переглотаютъ другъ друга живьемъ», то вѣдь подобный стихъ уже находилъ и на Раскольникова). Я послала письмо къ одному человѣку,— продолжаетъ Лиза,—онъ пришелъ, и я ему разсказала про мальчика... Онъ вдругъ засмѣялся и сказалъ, что это въ самомъ дѣлѣ хорошо... Онъ меня презиралъ?» недоумѣваетъ она, приходя въ себя. «Нѣтъ... Онъ самъ, можетъ быть, вѣритъ ананасному компоту» (успокаиваетъ ее (II, 282—285) Алеша, хорошо понимая, что человѣкъ, за которымъ она послала, его братъ Иванъ). Между тѣмъ Алеша и тутъ не взялъ бы назадъ того, что сказалъ ей когда-то прежде: «вы смѣетесь, какъ маленькая дѣвочка, а про себя думаете, какъ мученица» (I, 246). Но онъ хорошо понимаетъ, что и братъ Иванъ, «вѣрящій ананасному компоту», въ свою очередь способенъ стать мученикомъ (мученикомъ—въ «докторскомъ» смыслѣ).

Какъ будто бы также вѣрно, а между тѣмъ совсѣмъ по-своему понимаетъ Ивана и Ракитинъ, этотъ «семинаристъ-карьеристъ» Достоевскаго. «Можетъ столкновеніе произойти уголовное,—говоритъ онъ Алешѣ, по поводу ихъ карамазовскихъ несогласій.—А этого братъ твой Иванъ и ждетъ, тутъ онъ и въ малинѣ: и Катерину Ивановну пріобрѣтетъ ...да и 60000 приданаго тяпнетъ». Ракитины понимаютъ Ивана буквально: имъ невдогадъ, что онъ — способный на все эгоистъ только въ силу блужданій своей теоріи. «Слышалъ давеча его глупую теорію,—туда же еще и осуждаетъ ее Ракитинъ,—«нѣтъ безсмертія такъ нѣтъ и добродѣтели, значитъ все позволено».—«Соблазнительная теорія подлецамъ», справед-

ливо рѣшаетъ онъ, самъ-то вполнѣ ею и соблазненный, но старающійся замаскировать это отъ другихъ. «Человѣчество,—проповѣдуетъ онъ,—само въ себѣ силу найдетъ, — т.-е. безъ всякихъ подачекъ свыше; въ любви къ свободѣ, къ равенству, къ братству найдетъ» (I, 94—96). Самъ онъ дѣйствительно и нашелъ въ себѣ эту силу—нашелъ въ своемъ пониманіи этихъ идей: *свободы*, насколько она его самого разнуздываетъ, *равенства*—насколько оно его подтягиваетъ до уровня тѣхъ, что выше его; *братства* — насколько онъ самъ разсчитываетъ попользоваться отъ братьевъ.

По-своему понимаетъ Ивана и незаконный его братъ Смердяковъ. Ѳедоръ Павловичъ, папенька ихъ, замѣчаетъ не даромъ Ивану: «за обѣдомъ теперь каждый разъ сюда лѣзетъ; это ты ему столь любопытенъ». Иванъ именно *любопытенъ* Смердякову, котораго онъ вовсе «не заласкалъ», какъ оно показалось старику Карамазову. Трудно на этотъ разъ согласиться съ лучшимъ изъ критиковъ Достоевскаго, что Смердяковъ *влюбленъ* въ Ивана. Смердяковъ—это тотъ же «подростокъ», но только гораздо болѣе озлобленный несравненно большею оскорбительностью своего происхожденія и положенія. Этотъ сынъ—лакей своего отца, даже и не жаждетъ кого-либо полюбить, какъ жаждетъ «подростокъ» при всей своей озлобленности. Смердякову Иванъ любопытенъ, какъ живая книга, въ которой онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше вычитываетъ такого, что вполнѣ на руку Смердякову. Узнавая свои инстинкты въ идеяхъ умнаго и образованнаго Ивана, Смердяковъ не только получаетъ отъ него санкцію на все, но при этомъ еще и выростаетъ въ своихъ глазахъ, хотя Иванъ—онъ это хорошо понимаетъ—съ презрѣніемъ къ нему относится. Не даромъ Иванъ и отпирается отъ мнѣнія отца, что онъ чѣмъ-то «заласкалъ» Смердякова. «Это лакей и хамъ»,—говоритъ онъ про Смердякова. «Передовое мясо, впрочемъ, когда срокъ наступитъ,—прибавляетъ онъ, растолковывая: — будутъ другіе и получше, но будутъ и такіе. Сперва будутъ такіе, а за ними получше». Стало быть, отъ того, что

въ Смердяковѣ все же есть почва для пропагандируемыхъ Иваномъ идей, Иванъ нимало не отпирается. «То-то братъ,—соглашается не безъ недоумѣнія Ѳедоръ Павловичъ,—вотъ этакая Валаамова ослица думаетъ, думаетъ, да и чортъ знаетъ про себя тамъ до чего додумается».—«Мыслей накопитъ», поясняетъ Иванъ. «Что до того, что онъ тамъ надумаетъ,—продолжаетъ свое Ѳедоръ Павловичъ,—то русскаго мужика, вообще говоря, надо пороть... Русская земля крѣпка березой»... Но тою же самой березой онъ бы готовъ пороть и тѣхъ, кто, какъ онъ понимаетъ, приручаетъ народъ «своей мистикой», тою самою, подъ которую подкапывается Смердяковъ со своими думами. Ѳедоръ Павловичъ противъ «этой мистики», потому что она имѣетъ претензію приручать и такихъ, какъ онъ самъ. «Я бы съ твоимъ монастырькомъ покончилъ,—говоритъ онъ Алешѣ.—Взять бы всю эту мистику да разомъ по всей русской землѣ да и упразднить, чтобы окончательно всѣхъ дураковъ обрезонить»... Иванъ же, подобно Раскольникову, огорошивающему вольнодумствующаго Лужина, точно также огорошиваетъ старика отца: «такъ васъ же перваго сначала ограбятъ, а потомъ ...упразднятъ»... «Ну, такъ пусть же твой монастырекъ стоитъ, Алешка,—тотчасъ же и даетъ себя вразумить старикъ,—а мы умные люди будемъ въ теплѣ сидѣть да коньячкомъ пользоваться» (I, 150—152). Старикъ коньячкомъ, а дѣйствительно *умный* Иванъ—ананаснымъ компотомъ. При этомъ Иванъ, понимая, къ чему ведетъ «упраздненіе мистики», не воздержится, разумѣется, отъ упраздняющей ее пропаганды. А Смердяковы будутъ усердно слушать и просвѣщаться. Почва же въ нихъ благодарная. «Я всю Россію ненавижу,—сознается Смердяковъ,—любезничая съ Марьей Кондратьевной (онъ невольно сходится въ этомъ съ ненавистнымъ для него отцомъ, который считаетъ Россію — «свинствомъ»). Смердяковъ торжественно объявляетъ своей «душенькѣ», что вовсе не намѣренъ быть, какъ ей бы мечталось, «военнымъ гусарикомъ», потому что, напротивъ, «желалъ бы уничтоженія всѣхъ сол-

датъ»... Защищаться отъ враговъ, какъ она указываетъ ему, незачѣмъ. Если-бъ мы не выдержали въ 12-мъ году, то «умная нація покорила бы весьма глупую и присоединила бы къ себѣ», разсуждаетъ онъ, прибавляя: «Русскій народъ надо пороть-съ, какъ правильно говорилъ вчера Ѳедоръ Павловичъ, хоть и сумасшедшій онъ человѣкъ со всѣми своими дѣтьми». (Онъ, стало быть, къ нимъ относитъ и Ивана, въ которомъ цѣнитъ собственно то, что тотъ выколачиваетъ изъ него, Смердякова, мистику — да еще безъ розги, такъ что не больно). «Вы Ивана Ѳедоровича, сами говорили, такъ уважаете», основательно замѣчаетъ ему Марья Кондратьевна. «А они про меня отнеслись,—оправдывается Смердяковъ,—что я вонючій лакей. Они меня считаютъ, что бунтовать могу; это они ошибаются (т.-е. будто бы онъ годится въ «пушечное мясо» ради идеи). Была бы въ моемъ карманѣ такая сумма, и меня бы здѣсь давно не было» (I, 253). И вотъ, въ головѣ у него созрѣваетъ планъ относительно «такой суммы», чтобы можно было съ нею — взять да утечь. Такая сумма можетъ у него явиться, если только онъ сумѣетъ воспользоваться карамазовскою семейною смутой.

Смердяковъ понимаетъ, что Митя, въ пылу страсти, можетъ всякую минуту убить отца. Онъ понимаетъ и то, что, если въ теоріи «все позволено», то и всякое убійство можетъ быть оправдано во имя теоріи. Но онъ думаетъ также, что теоретически допускающій, разумѣется, и убійство Иванъ, и на дѣлѣ обрадуется ему, хотя самъ и не захочетъ марать рукъ, обрадуется потому, что это ему выгодно, а руки у него остаются чисты.

Теорія Ивана и въ самомъ дѣлѣ, въ примѣненіи къ данному положенью, такова: «одинъ гадъ съѣстъ другую гадину, туда и дорога!» Плохое возраженье ему составляетъ вопросъ Алеши, напоминающій столь же простодушныя соображенія Сони, приведенной въ ужасъ Раскольниковымъ, «Неужели,—недоумѣваетъ Алеша,—имѣетъ право всякій человѣкъ рѣшать, смотря на остальныхъ

людей: кто изъ нихъ достоинъ жить, и кто болѣе недостоинъ?» «Этотъ вопросъ,—совершенно по-раскольниковски отвѣчаетъ Иванъ,—всего чаще рѣшается... по другимъ причинамъ гораздо болѣе натуральнымъ. А на счетъ права, такъ кто же не имѣетъ права желать?»—«Не смерти же другого?»—спрашиваетъ Алеша. «А хотя бы даже и смерти?» не задумывается Иванъ, сейчасъ же, впрочемъ и успокаивая братишку: «знай, что я его всегда защищу». «Но въ желаніяхъ своихъ,—опять оговаривается онъ,—я оставляю за собою полный просторъ» (I, 160—162). Если же оно такъ, то Смердяковъ, пожалуй, и не совсѣмъ невѣрно угадываетъ мысли Ивана, Смердяковъ не видитъ только того, что, даже и при попутной теоріи, Иванъ не пойдетъ за желаньемъ такъ далеко, чтобы непремѣнно добиться осуществленья его хотя бы другими, или чтобы, въ случаѣ осуществленья, протянуть съ благодарностью руку осуществителю...

«Что же Димитрій и отецъ? — при другой уже встрѣчѣ спрашиваетъ Ивана Алеша,—чѣмъ это у нихъ кончится?»—«А, ты все свою канитель! Да я то тутъ что? Сторожъ я что-ли моему брату Димитрію?» прямо даже сердится тутъ Иванъ, хорошо помня, что это «Каиновъ отвѣтъ Богу объ убитомъ братѣ».

...«Дѣла кончилъ, и ѣду», — говоритъ онъ, и по-своему правъ, умывая заранѣе руки въ томъ, на что очень ясно намекалъ ему Смердяковъ... «Ей (Катеринѣ Ивановнѣ) нужно, можетъ быть, лѣтъ 15 или 20, чтобы догадаться, что Димитрія она вовсе не любитъ», разсуждаетъ въ немъ уже прямо ревность... «Да, пожалуй, и не догадается она никогда... Ну и лучше,—злорадствуетъ онъ самъ себѣ,—всталъ да и ушелъ на-вѣки»... А пока тутъ чего добраго, одна гадина и съѣстъ наконецъ другую, а Катя наконецъ догадается про Димитрія, что онъ за птица, и Ивану уже незачѣмъ будетъ оставаться въ отлучкѣ на-вѣки... Не уѣзжать, чтобы не допустить этого, вѣдь это прежде всего мѣшать злу, т.-е., другими словами, признавать добро, т.-е. поклоняться добру, ему подчиняться, такъ что вышло бы по Алешиной

«мистикѣ», а не по-карамазовски... Это значило бы признать, что «не все позволено», а на ихъ карамазовскомъ знамени вѣдь напротивъ того написано «все позволено».

Въ теоріи у Ивана, надо замѣтить, выходитъ такъ, что вынести это знамя на улицу и скликать подъ него всѣхъ и каждаго нужно только на время. Потомъ придется убрать это знамя въ свои хоромы и только самимъ оставаться подъ его широкою сѣнью. Вынести же знамя на улицу необходимо для того, чтобы, давъ прогуляться съ нимъ и подъ нимъ разгуляться толпѣ, «уничтожить весь порядокъ вещей», какъ выражается юная жертва этой уличной пропаганды, Коля Красоткинъ. Послѣ же уничтоженія всего стараго порядка долженъ водвориться новый, предоставляющій полнѣйшій просторъ карамазовщинѣ, размахъ ума и воли, размахъ, который по силамъ только орламъ, и отъ соблазновъ котораго имъ же придется потомъ устранить всякую мелкую птицу. Что въ концѣ-концовъ теорія Ивана сводится именно къ Раскольниковскому дѣленью человѣчества на избранныхъ и на послушную имъ толпу или, другими словами, къ шигалевщинѣ; — это ясно изъ поэмы Ивана «Великій Инквизиторъ». Она должна, по его мнѣнію, послужить убійственнымъ отвѣтомъ на Алешину «мистику», выставляя въ образѣ великаго инквизитора, этого охранителя царства вѣрующихъ, воплощенную улику въ непрактичности основателю христіанской вѣры. Онъ, потребовавшій отъ человѣка любви къ какимъ-то противнымъ ближнимъ, самообузданія и самоограниченія во имя этой любви, онъ, какъ старается растолковать ему же самому, снова появившемуся на землѣ, не ожидавшій этого вовсе «ненужнаго» появленія великій инквизиторъ, онъ, въ сущности, «вовсе не сострадалъ человѣку, потому что слишкомъ много отъ него потребовалъ». «Человѣкъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ ты о немъ думалъ» (I, 287)—говоритъ порожденный воображеньемъ Ивана, въ лицѣ великаго инквизитора, дальновидный практикъ. «Рѣши самъ,—говоритъ онъ Христу,—кто

былъ правъ: ты, или тотъ, который вопрошалъ тебя въ пустынѣ?»

Тотъ, кто, вопрошая, и искушалъ, указывалъ на хлѣбъ, въ который должны быть претворены камни, и услышалъ въ отвѣтъ, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Онъ утверждалъ, что надобно вообще пустить въ дѣло чудо, чтобы на немъ одномъ, на молвѣ о немъ, основать всю силу своего вліянія. Онъ, наконецъ, предлагалъ воспользоваться тою властью, которою можетъ надѣлить только онъ, князь міра сего, требуя за то поклоненья себѣ, своему мірскому началу. Онъ предлагалъ воспользоваться этою властью, чтобы ею собрать вкругъ себя покорныхъ людей По Христосъ, объявивъ, что его царство не отъ міра сего, захотѣлъ оставить людямъ ихъ нравственную свободу, свести ихъ— не силою, не внѣшними впечатлѣніями величества, а внутреннимъ убѣжденіемъ къ внутреннему единству. И вотъ, люди, съ этою предоставленною имъ свободою, «никогда, никогда не сумѣютъ,—говоритъ инквизиторъ,—раздѣлиться между собою», т.-е. раздѣлиться полюбовно, а потому непремѣнно скажутъ: «лучше поработите насъ, но накормите насъ». Инквизиторъ берется «исправить» дѣло Христа. «О, мы убѣдимъ ихъ,—говоритъ онъ,— что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся... Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они будутъ ясно видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ же раздать... Во-истину, болѣе чѣмъ самому хлѣбу, рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ... Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что значитъ разъ навсегда подчиниться». (I, 289—290).

Очень мѣтко замѣтилъ Л. Е. Оболенскій, что взглядъ этотъ «напоминаетъ многихъ французскихъ мыслителей, довольно презрительно смотрѣвшихъ на людей и полагавшихъ необходимымъ извѣстный деспотизмъ или, по крайней мѣрѣ, внѣшній авторитетъ для счастья людей. Этого не чуждъ, по его замѣчанью, и Ог. Контъ въ своей ре-

лигіи и идеалѣ общественнаго строя; не даромъ его называли католикомъ безъ христіанства». Самъ Достоевскій еще устами своего «идіота» указывалъ на то, что католицизмъ мудро протянетъ руку соціализму, какъ своему же, хотя быть можетъ, и незаконному дѣтищу.

Выслушавъ Ивана, не даромъ же и Алеша воскликнулъ: «Это Римъ—да Римъ-то не весь, это неправда—это худшіе изъ католичества, инквизиторы, іезуты!... Ихъ идеалъ—самое простое желаніе—власть земныхъ грязныхъ благъ, порабощенія... въ родѣ будущаго крѣпостного права—съ тѣмъ, что они станутъ помѣщиками» (I, 292).

Тотъ, вопрошавшій въ пустынѣ Христа, который и остался правъ, по мнѣнію инквизитора, т.-е. и сочувствующаго ему Ивана, является затѣмъ непосредственно и самому Ивану, какъ его галлюцинація, но вызываетъ въ немъ уже не что иное, какъ отвращеніе, отвращеніе никакъ не меньше того, какое вызвалъ въ свое время въ г. Голядкинѣ его докучный двойникъ. Если инквизиторъ приписываетъ злому духу побѣдоносный и въ этомъ смыслѣ «главный» умъ, то самому Ивану его галлюцинація представляется, напротивъ того, воплощеніемъ ума «не главнаго» (я употребляю терминологію Аглаи въ «Идіотѣ»), воплощеніемъ «его собственныхъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ» (II, 343).

Дѣло въ томъ, что галлюцинація эта представляется Ивану уже послѣ того, какъ несчастный Смердяковъ, слѣпо подчинившись идеалу Ивана,—конечно, не изъ любви къ нему (какъ это показалось г. Оболенскому), а въ расчетѣ «на хлѣбы», совершилъ преступленіе и почувствовалъ отвращеніе къ этимъ «хлѣбамъ» и къ посулившимъ ему эти «хлѣбы» идеаламъ Ивана. Именно вслѣдъ за Смердяковымъ является къ Ивану новый непрошенный гость—этотъ выдѣлившійся изъ него и воплотившійся передъ нимъ «чортъ». Въ сознаніи Ивана остался, должно быть, слѣдъ отъ указанія Алеши на то, что послѣдователи «инквизитора» — это своего рода «крѣпостники», своего рода «помѣщики». Гость и пред-

ставляется ему именно въ видѣ джентельмена, который «принадлежалъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ помѣщиковъ... съ обѣднѣніемъ послѣ веселой жизни въ молодости и недавней отмѣны крѣпостного права обратившихся въ родѣ какъ бы приживальщика хорошаго тона, скитающагося по добрымъ старымъ знакомымъ». Иванъ замѣчаетъ на немъ «пиджакъ», очевидно отъ лучшаго портного, но уже поношенный и... легкую бѣлую пуховую шляпу «уже слишкомъ не по сезону». Самъ же гость не безъ фразы указываетъ на то, что «какимъ-то довременнымъ назначеніемъ» онъ «опредѣленъ отрицать». Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это, можетъ быть, значитъ: силою обстоятельствъ озлобленъ и обратилъ себѣ отрицаніе въ «долгъ службы» (это послѣднее выраженіе заподлинно и принадлежитъ гостю). Видя, что Иванъ не хочетъ его признавать, онъ говоритъ: «воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ въ какомъ-нибудь красномъ сіяніи... Какъ дескать къ такому великому человѣку могъ войти такой пошлый чортъ» (II, 354). Гость дразнитъ Ивана тѣмъ, что, по его мнѣнію, «новому человѣку позволительно стать человѣкобогомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ... и ужь, конечно... съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка... Все позволено—и шабашъ! Все это очень мило; только, если захотѣлось мошенничать, зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истины» (II, 355—56). Но вотъ бѣда: санкція-то дается, прежняя нравственность этой санкціей отмѣняется, но совѣсть-то, несмотря ни на какую новую санкцію, остается *прежняя*. Такая ужь она косная и отсталая даже у самаго прогрессивнаго человѣка! Попутала она Раскольникова послѣ его преступленія, попутаетъ она и Ивана—хотя онъ и не совершилъ, а только далъ санкцію на преступленіе.

«Онъ все дразнилъ меня, что я въ него вѣрю, — жалуется Иванъ на гостя Алешѣ, — и знаешь, ловко, ловко!» А Иванъ не переставалъ *его* увѣрять, что онъ только его-же, т.-е. Ивана, галлюцинація. Самъ онъ себя

искушаетъ, самъ онъ себя и мучаетъ. «Совѣсть! Что совѣсть?—спрашиваетъ Иванъ.—Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ же я мучаюсь? По привычкѣ. По всемірной человѣческой привычкѣ за 7000 лѣтъ. Такъ отвыкнемъ и будемъ боги! Это онъ говорилъ, говорилъ», увѣряетъ Иванъ (II, 360).

Но онъ дразнилъ Ивана и совсѣмъ ужь другимъ — тѣмъ, что Ивану становится въ тягость его «божество», что онъ, пожалуй, не прочь бы его сложить съ себя и попросить прощенья за свое самозванство — у кого слѣдуетъ: «Я въ тебя только крохотное сѣмечко вѣры брошу,—говоритъ гость,—а изъ него выростетъ дубъ, да еще такой дубъ, что ты, сидя на дубѣ-то, въ «отцы пустынники и въ жены непорочны» пожелаешь вступить, акриды кушать будешь» (II, 354). Гость еще болѣе дразнитъ его своей откровенностью, самъ ему признаваясь, что и его собственный (гостя) «идеалъ — войти въ церковь и поставить свѣчку...» «Я былъ при томъ,—продолжаетъ онъ,—какъ умершее на крестѣ Слово восходило на небо, неся на персяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ радостные взвизги херувимовъ, поющихъ и вопіющихъ: осанна!... И вотъ... я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми: осанна! Но здравый смыслъ — о, самое несчастное свойство моей природы, удержалъ меня... и я пропустилъ мгновеніе».

Между тѣмъ, если Раскольникову нужна была Соня для того, чтобы онъ наконецъ рѣшился пойти и во всемъ признаться, то Иванъ на это самъ готовъ, но надъ этой готовностью злостно смѣется его гость—двойникъ. «Понимаю, понимаю,—говоритъ онъ,—c'est noble, c'est charmant, ты идешь защищать завтра брата и приносишь себя въ жертву... c'est chevaleresque» (II, 344). Онъ готовъ, чего добраго, повторить съ Базаровымъ: «Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ». Впрочемъ, онъ скоро мѣняетъ тактику. Вмѣсто того, чтобы, продолжая налегать на *смѣшное*, разбереживать «человѣкобога» въ Иванѣ, онъ вдругъ накидывается на новаго, на гото-

ваго смириться, Ивана, возбуждая въ немъ мысль, что это — «смиреніе паче гордости». Иванъ, по крайней мѣрѣ, жалуется Алешѣ, что гость его такъ дразнилъ: «Ты изъ гордости идешь, ты станешь, и скажешь: «это я убилъ! и чего вы корчитесь отъ ужаса?... Мнѣнье ваше презираю». «А знаешь,—дразнилъ его еще гость,— тебѣ хочется, чтобы они тебя похвалили: «преступникъ, но какія у него великодушныя чувства, брата захотѣлъ спасти и признался...» «Вотъ это ужь ложь... Я не хочу, чтобъ меня смерды хвалили», опять шевельнулась гордость въ Иванѣ. «Пойдешь потому, что не смѣешь не пойти», задразнилъ его опять гость. «Le mot qe l'énigme, что я трусъ», сообразилъ тутъ Иванъ... «Не такимъ орламъ воспарять надъ землей», это онъ прибавилъ», жалуется Иванъ на гостя (II, 361—62). Но гость вѣдь не первый это говорилъ, — то же самое говорилъ уже Смердяковъ, когда отвѣчалъ на угрозы Ивана: «ничего не посмѣете, прежній смѣлый человѣкъ-съ!...»

Выслушавъ исповѣдь брата, Алеша безъ труда его тутъ разгадалъ. «Муки гордаго рѣшенія,—опредѣлилъ онъ своимъ понятливымъ сердцемъ болѣзнь Ивана,—глубокая совѣсть. Богъ, которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали серце, все еще не хотѣвшее подчиниться... Но онъ пойдетъ и покажетъ... Богъ побѣдитъ!» (II, 362).

И Алеша не ошибся; Иванъ дѣйствительно пошелъ и на себя показалъ — такъ, что и ему оставалось только повторить съ Юліаномъ Отступникомъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Но если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду—не себя только облегчить, но и спасти Митю, то въ послѣднемъ онъ сильно ошибся. Борьба, которая въ немъ происходила (а борьба-бы въ немъ улеглась, еслибы водворилась любовь къ брату), выказалась передъ судьями такими припадочными выходками, что судъ невольно въ немъ усмотрѣлъ «психопата», и Катеринѣ Ивановнѣ, воспользовавшись этимъ, уже не мудрено было послѣднимъ своимъ показаніемъ погубить Митю. Иванъ своимъ такъ гордо совершаемымъ подвигомъ прямо и располагаетъ къ себѣ эту гордую Катю, которая тутъ только

наконецъ догадывается, что Ивана-то она въ самомъ дѣлѣ всегда и любила, а съ Митей только великодушничала, чтобы тѣшить свое самолюбіе. Не даромъ-же она говорила про Митю: «пусть стыдится всѣхъ, и себя самого, но пусть меня не стыдится. Вѣдь Богу онъ говоритъ все, не стыдясь (I, 167). Я буду богомъ его, которому онъ молится» (I, 214). А теперь она вдругъ становится его демономъ и, уже уходивъ его, говоритъ въ припадкѣ другого совсѣмъ самолюбія: «на всю жизнь въ моей душѣ язвой останешься, а я въ твоей».

Этотъ Митя, которому такъ неожиданно достается тяжелая, но благодарная роль жертвы, конечно, совсѣмъ не походя по душевному своему покрою на «идіота», напоминаетъ его, однако, своею участью. Онъ, какъ и тотъ, поставленъ между двухъ огней и, такъ сказать, съ двухъ концовъ опаляемъ. «Злы мы, мать, съ тобою, обѣ злы» (II, 482), совершенно вѣрно опредѣляетъ себя вмѣстѣ съ Катей Грушенька — эта нѣсколько иного покроя Настасья Филипповна (какъ Катя — особаго покроя Аглая). Митя зналъ, какъ Катя горда и какъ любо будетъ ей, когда-то имъ такъ униженной, узнать про его униженіе — эти украденныя у нея деньги. Митя также зналъ, какъ Груша жадна; съ ней-то онъ частью прокутилъ, для нея-то онъ частью утаилъ эти воровскія деньги— не то вѣдь она, чего добраго, очутилась-бы у его отца, не даромъ и отложившаго для нея роковыя три тысячи— то, что онъ долженъ былъ Митѣ, и то, что похищено Митей у Катерины Ивановны. Вотъ изъ стеченія этихъ-то обстоятельствъ и возникаетъ въ воображеніи Мити тотъ замыселъ отцеубійства, о которомъ онъ чисто по-карамазовски проговаривается въ письмѣ своемъ къ этой «стремительной» Катѣ—разомъ вдругъ и порѣшающей съ нимъ посредствомъ этого письма.

Митя, при своемъ безудержѣ, могъ-бы, конечно, убить отца, какъ убилъ нечаянно ему подвернувшагося, когда-то чуть не замѣнявшаго ему отца, старика Григорія. Но именно это нечаянное убійство Григорія и приводитъ его въ себя. Правда, онъ остается въ чаду, если тутъ-же,

очертя голову, скачетъ къ Грушенькѣ, но и сквозь этотъ чадъ можно въ немъ разглядѣть тотъ душевный процессъ, толчокъ которому уже данъ: «Ты ямщикъ, ямщикъ, — пристаетъ онъ къ своему неистово понукаемому возницѣ,—знаешь ты, что надо дорогу давать? Что ямщикъ, такъ ужь и никому дорогу не дать, дави, дескать, я ѣду! Нѣтъ, ямщикъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь портить!» (II, 99). Но въ томъ и дѣло, что эти мысли только впервые ему приходятъ въ голову, дѣло въ томъ, что до сихъ поръ онъ именно и держался въ своей жизни одного: «я ѣду!» «Я въ себѣ въ эти два послѣдніе мѣсяца,—исповѣдуется онъ Алешѣ уже послѣ своего осужденія, — новаго человѣка ощутилъ, воскресъ во мнѣ новый человѣкъ!.. И что мнѣ до того, что въ рудникахъ буду 20 лѣтъ молоткомъ руду выколачивать... другое мнѣ страшно теперь: чтобы не отошелъ отъ меня воскресшій человѣкъ!.. Можно найти и тамъ въ рудникахъ человѣческое сердце и сойтись съ нимъ... И всѣ-то мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось «дитё» въ такую минуту!»—вдругъ припоминаетъ онъ того голоднаго младенца у изсохшей груди изголодавшейся матери, который приснился ему, когда онъ былъ совершенно въ чаду. «Это пророчество мнѣ было въ ту минуту,—заключаетъ онъ.—За «дитё» и пойду... За всѣхъ «дитё», потому что есть малыя дѣти и большія дѣти». Да, но онъ ихъ только недавно замѣтилъ, а до тѣхъ поръ онъ вѣдь только и думалъ, что о себѣ да Грушенькѣ. «Всѣ—«дитё», — говоритъ Митя, сонъ котораго такимъ образомъ шире, болѣе обхватываетъ, чѣмъ мысли Ивана о дѣтяхъ, исключительно однихъ дѣтяхъ. И между тѣмъ, какъ эти мысли Ивана приводятъ его, по выраженію Алеши, къ «бунту», Митя, вспомнившій наконецъ-то и про малыхъ, и про большихъ дѣтей, смиренно задумывается надъ тѣмъ, что ничего-то онъ для нихъ не сдѣлалъ. За нихъ теперь и досталось ему наказанье. «За всѣхъ и пойду, — говоритъ онъ.—Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойти. Принимаю!»

Все это заранѣе чуетъ своимъ прозорливымъ сердцемъ старецъ Зосима, когда, среди разыгравшейся у него на глазахъ бурной карамазовской сцены, не чувствуя уже силъ унять разыгравшіяся въ Митѣ страсти, онъ молча какъ-бы упрашиваетъ ихъ улечься, кланяясь въ землю Митѣ. «Я вчера, — объяснялъ онъ потомъ Алешѣ,—будущему великому страданью его поклонился» (I, 318), страданью, которое старецъ хотѣлъ-бы предотвратить, но, чуя, что это не удастся, сострадательно задумалъ направить—этой-же мятежной душѣ во благо. По разсказу старца, «если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» — открывается въ евангеліи другому лицу, готовящемуся также принять страданіе (I, 345). Это и послужило Достоевскому эпиграфомъ къ «Братьямъ Карамазовымъ». Это, какъ извѣстно, начертано и на его памятникѣ, потому что онъ часто возвращался къ этой темѣ въ своихъ сочиненіяхъ. Зерну, чтобы проявить всю полноту той жизни, которая въ немъ скрыта, надо схорониться въ землѣ. Митѣ надобно было погребеніе заживо, чтобы стало въ немъ жить все то, что въ немъ только таилось. Человѣку вообще бываетъ нужно пройти сквозь очистительное горнило испытанія, чтобы выйти изъ него на свѣтъ Божій съ закаленными силами духа, окрѣпшими задатками высшей плодотворной жизни. Государство, ссылая и заточая, имѣетъ въ виду только устраненіе вреднаго для него члена, а вовсе не созданіе для его души такого очистительнаго горнила. Оно, это очистительное горнило, даетъ себя знать помимо цѣлей и видовъ государства — въ силу того внутренняго самосуда, органомъ котораго является самая совѣсть виновнаго.

Достоевскій даетъ намъ вы слѣдить пробужденіе ея въ Иванѣ, несмотря на всѣ тѣ помѣхи, какія систематически создавались его устраняющею «предразсудки» теоріею. Достоевскій даетъ намъ видѣть ту-же совѣсть окончательно уже торжествующею въ Митѣ, несмотря на неправильно взведенныя на него подозрѣнія, могущія,

повидимому, его озлобить и озлобленіемъ опять заглушить въ немъ совѣсть. «Судъ мой пришелъ, — говоритъ однако-же Митя, несмотря на это.—Слышу десницу Божію на себѣ. Конецъ безпутному человѣку! Но, какъ Богу исповѣдуюсь и вамъ говорю, — прибавляетъ онъ,— въ крови отца моего—нѣтъ, не виновенъ... И предполагать не надо было,—грустно и просто увѣряетъ несчастный... Коли пощадите, коли отпустите, — помолюсь за васъ!»—обѣщаетъ онъ судьямъ, содрагаясь передъ налитою для него горькою чашею. «Лучшимъ стану, слово даю—лучшимъ въ силу того,—хочетъ онъ сказать,—что я теперь перечувствовалъ и передумалъ, углубившись въ себя, въ глубокіе рудники своей совѣсти. А коль осудите,—покоряется онъ судьбѣ,—самъ сломаю надъ головой моей шпагу и, сломавъ, поцѣлую обломки... Но пощадите... Знаю себя—возропщу!» (II, 467). Да, онъ даже слишкомъ знаетъ себя и боится, какъ-бы, въ концѣ концовъ, все-таки озлобившись, не далъ онъ снова въ себѣ проснуться прежнему человѣку, какъ-бы такъ долго въ немъ спавшая совѣсть опять не заглохла.

Онъ взываетъ къ *милости*, которая по смыслу суда должна быть соединена съ *правдою*; онъ взываетъ къ присяжнымъ изъ того народа, который, какъ мы знаемъ, не иначе называетъ преступника, какъ *несчастнымъ*. Вполнѣ безпристрастная критика увѣряетъ насъ, что судомъ употреблены были «страшнѣйшія усилія выяснить истину». Это не совсѣмъ такъ; не мало напущено на судѣ и туману, и пыли въ глаза, сильно разыгрались на немъ страсти дѣйствующихъ лицъ, прокурора и адвоката, и страсти самой публики. Достоевскій вполнѣ даетъ намъ понять, что если это *судъ совѣсти*, т.-е. лучшій на землѣ судъ, то онъ можетъ быть исправленъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ обществѣ *не дремала совѣсть*. Между тѣмъ, вѣдь характеристика общества, исходящая изъ устъ Ивана, когда онъ такъ оригинально самобичуетъ себя вмѣстѣ съ этимъ, его породившимъ, обществомъ, далеко не такъ не вѣрна, какъ оно показалось всѣмъ. «Убили отца, — нѣсколько только ги-

перболически выражается онъ, — и притворяются, что испугались... Другъ передъ другомъ кривляются... Всѣ желаютъ смерти отца. Одинъ гадъ съѣдаетъ другую гадину... Не будь отцеубійства, всѣ-бы разсердились и разошлись злые... Зрѣлищъ! Хлѣба и зрѣлищъ!» (II, 396). Иванъ понимаетъ, что карамазовщина не ихъ однихъ достояніе, что стихійно она давно водилась въ этомъ самомъ обществѣ, недавно-же получила въ немъ еще и идейную санкцію. И тутъ кто-то «миленькій» потрудился, и всѣ вдругъ, повѣривъ ему, обзавелись столь для всѣхъ удобнымъ «аффектомъ». Значеніе его очень наивно опредѣлено г-жей Хохлаковой: «сидитъ человѣкъ совсѣмъ не сумасшедшій и вдругъ — аффектъ. Онъ и помнитъ себя, и знаетъ, что̀ дѣлаетъ, а между тѣмъ онъ въ аффектѣ... Это какъ новые суды открыли, такъ сейчасъ и узнали про аффектъ. Это благодѣяніе новыхъ судовъ» (II, 277). Г-жѣ Хохлаковой, разумѣется, не вдомекъ, что «аффектъ» тутъ самъ по себѣ, что онъ вытекаетъ изъ теорій, «упраздняющихъ предразсудки», т.-е. съ ними вмѣстѣ и совѣсть, а распространеніе такихъ теорій, къ несчастью, совпало у насъ съ появленіемъ новаго суда, этого лучшаго изъ судовъ—суда совѣсти.

Но не одна Хохлакова въ данномъ случаѣ разсчитывала на «аффектъ». По крайней мѣрѣ, всѣ дамы были убѣждены почти до самой послѣдней минуты: «виновенъ, но оправдаютъ изъ гуманности, изъ новыхъ идей, изъ новыхъ чувствъ, которыя теперь пошли...» Мужчины-же,— добавляетъ авторъ, — наиболѣе интересовались борьбой прокурора и славнаго Ѳетюковича (II, 370).

Прокуроръ выступаетъ въ этой борьбѣ съ увлеченіемъ, говоритъ не только красно, но и искренно. Онъ замѣчаетъ карамазовщину въ нашихъ нравахъ и напуганъ ею. Онъ не хочетъ въ ней видѣть никакой лицевой стороны,—той нашей шири, на которую указывалъ еще Гоголь своею «тройкою». Онъ хотѣлъ-бы предохранить общество отъ увлеченія этой «тройкой» и патетически восклицаетъ: «Пусть сторонятся, почтительно или нѣтъ, но... если въ его тройку впрячь только его-же героевъ,

Собакевичей, Поздревыхъ и Чичиковыхъ, то, кого-бы ни посадить ямщикомъ, ни до чего путнаго на такихъ коняхъ не доѣдешь. А это только еще *прежніе кони*, которымъ далеко до теперешнихъ, у *насъ почище*» (II, 406).

Адвокатъ, ведущій борьбу съ прокуроромъ, конечно, ни мало не вѣритъ Митѣ, что онъ дѣйствительно не виновенъ. Да это вѣдь и не нужно адвокату для того, чтобы добиваться судебнаго: «не виновенъ». «Пока я на этомъ мѣстѣ, я пользуюсь моею минутой», говоритъ онъ... «Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ, — ораторствуетъ онъ по адресу убитаго... — Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ», (II, 460) цитуетъ онъ даже евангеліе, что, однако-же, не мѣшаетъ ему сейчасъ-же опять вернуться на другую почву: «Рѣшимъ вопросъ,— приглашаетъ онъ,—такъ, какъ предписываютъ разумъ и человѣколюбіе, а не такъ, какъ предписываютъ мистическія понятія» (461). «Убійство такого отца,—упорствуетъ онъ въ своей логикѣ, — не можетъ даже быть названо отцеубійствомъ. Такое убійство можетъ быть причтено къ отцеубійству только по предразсудку!» (463). Словомъ, адвокатъ дѣйствительно расходится съ прокуроромъ въ томъ, что вовсе не одержимъ и малѣйшимъ даже страхомъ карамазовщины. Онъ, напротивъ, прямо пропагандируетъ въ своей рѣчи *идейную карамазовщину*. И что-же? Иванъ, должно быть, былъ правъ, когда, при своемъ показаніи, уличалъ въ соучастіи всю честную компанію. Идейному «все позволено» адвоката «апплодировали и махали платками даже сзади сидѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички со звѣздами, во фракахъ» (462).

Только «одни мужички за себя постояли»,—постояли, значитъ, за свою «мистику», ту самую, которую хотѣлъ уничтожить на Руси самъ убитый Ѳедоръ Павловичъ. Именно мужичковъ-то между присяжными и не принялъ въ расчетъ Ѳетюковичъ. Своею защитой отцеубійства онъ еще болѣе повредилъ Митѣ, чѣмъ прокуроръ своимъ обвинительнымъ паѳосомъ. А отнесись Ѳетюковичъ къ дѣлу по-человѣчески, выслушай съ прямою братскою лю-

бовью своего кліента, и онъ-бы повѣрилъ невиновности Мити въ приписываемомъ ему преступленіи и сумѣлъ-бы убѣдительно доказать присяжнымъ, что Митей оно и не совершено. Между тѣмъ, отнесясь къ своей задачѣ безъ всякаго участія совѣсти, онъ доводитъ и присяжныхъ до того, что осужденіе невиннаго остается у нихъ на совѣсти, на чуткой совѣсти того народа, который, безъ помощи какихъ-либо софизмовъ, постоянно относится къ преступнику, какъ къ несчастному.

Одинъ только человѣкъ до конца такъ и не повѣрилъ отцеубійству Мити, чутко понявъ своимъ любящимъ сердцемъ, что онъ въ этомъ не виновенъ. Для Алеши осужденіе Мити еще тяжелѣе, чѣмъ для него самого. Онъ заранѣе обдумываетъ для брата побѣгъ, потому что боится за твердость брата. «Ты не готовъ,—говоритъ онъ ему, — и не для тебя такой крестъ... Ты хотѣлъ мукой возродить въ себѣ другого человѣка... Помни только всегда во всю жизнь, и куда-бы ты ни убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ — и вотъ съ тебя и довольно» (II, 478).

Въ ораторскихъ преніяхъ на судѣ не остался не затронутымъ и онъ, этотъ любящій братъ, этотъ недоучившійся юноша съ сердцемъ и потому сердцевѣдъ. «Желаю, чтобъ его юное прекраснодушіе,—не безъ участія отозвался объ немъ прокуроръ,—и стремленіе къ народнымъ началамъ не обратились впослѣдствіи, какъ столь часто оно случается, со стороны нравственной въ *мрачный мистицизмъ*, а со стороны гражданской—въ *тупой шовинизмъ*—два качества, грозящія, можетъ быть, еще большимъ зломъ націи, чѣмъ даже раннее растлѣніе отъ ложно понятаго и даромъ добытаго европейскаго просвѣщенія» (II, 408).

Дался-же имъ всѣмъ *мистицизмъ*, невольно хочется сказать, а тутъ еще и съ *шовинизмомъ!* Но что-же онъ, наконецъ, такое, этотъ *мистицизмъ*, и въ самомъ-ли дѣлѣ мистики не только Алеша, но даже и его «покойный старецъ?» Или, можетъ быть, этотъ послѣдній даже и *шовинистъ* со своимъ изреченіемъ, что «русскій народъ—богоносецъ?»

III.

Что такое карамазовщина, мы видѣли. Постараемся теперь распознать, что-же такое эта «мистика», которая такъ непріятна всѣмъ, начиная отъ старика Ѳедора Павловича и кончая оспаривающими другъ друга, но въ отношеніи мистики совершенно сходящимися, прокуроромъ и адвокатомъ.

«Мистика» пригодилась однако-же первому, такъ какъ «мужички за себя постояли», т.-е. ради ея осудили Митю.

«Мистика», по мнѣнію прокурора, засѣла въ Алешу, а онъ, между тѣмъ, не доволенъ рѣшеніемъ присяжныхъ, потому что не вѣритъ преступности Мити, хотя и знаетъ его буйный характеръ.

«Мистику», по общему мнѣнію, напустилъ въ Алешу Зосима, но онъ вѣдь оградилъ его ею отъ карамазовщины! Или, можетъ быть (какъ сдается оно, повидимому, прокурору), такое лѣкарство хуже даже самой болѣзни?

Прежде всего, какъ-же оно могло выйти, что Алеша— это яблочко все же съ карамазовской яблони, былъ прирученъ Зосимой?

Дѣло было-бы еще понятно, если-бы это современемъ произошло съ Митей, не попадись онъ подъ судъ, произошло-бы отъ того утомленія среди бурнаго житейскаго моря, которое могло-бы наконецъ поманить его къ «тихому пристанищу». Но какъ же это могло такъ рано приключиться съ Алешей, не успѣвшимъ еще и перебродить, не только что выкипѣть? Тоже пребывающій въ монастырѣ, но вовсе не слюбившійся съ нимъ, молодой и здоровенный Ракитинъ не даромъ, можетъ быть, напоминаетъ Алешѣ о томъ, что мать Алеши была «юродивая» (старикъ Ѳедоръ Павловичъ ее называлъ «кликушей»). Но вѣдь она была также матерью Ивана, а не пошелъ же Иванъ въ монастырь. Да, но Иванъ, на котораго семья, гдѣ они оба выросли, глядѣла, какъ на

мальчика «геніальныхъ способностей», попалъ на воспитаніе къ какому-то «геніальному воспитателю» и окончилъ курсъ въ университетѣ по естественному факультету. Впрочемъ, одинъ изъ критиковъ не даромъ замѣтилъ, что въ Иванѣ, при всемъ его реализмѣ, сильно звучатъ и другія струны и что онъ еще, пожалуй, впадетъ въ самый отчаянный мистицизмъ [1]). Да, но все это «можетъ быть» и «потомъ», а Алеша на самомъ дѣлѣ и на самой зарѣ жизни попалъ въ монастырь. Первоначально воспитываясь у тѣхъ же хорошихъ людей, къ которымъ попалъ и Иванъ, онъ съ раннихъ же лѣтъ во многомъ отличался отъ брата; но вѣдь есть же—просто природныя, такъ сказать, прирожденныя черты въ характерахъ. Иванъ росъ «какимъ-то угрюмымъ и закрывшимся самъ въ себѣ отрокомъ, далеко не робкимъ, но какъ-бы еще съ десяти лѣтъ проникнувшимъ въ то, что ростутъ они все-таки въ чужой семьѣ и на чужихъ милостяхъ, и что отецъ у нихъ какой-то такой, о которомъ даже и говорить стыдно». Этому сильно, можетъ быть, помогали и «геніальныя способности» мальчика, или, выражаясь проще, его рано развившійся умъ, по преимуществу *умъ*. За Алешей «геніальныхъ способностей» не замѣчали, но онъ за то бралъ не умомъ, а сердцемъ. Оставшись послѣ матери по четвертому году, «онъ мать запомнилъ потомъ на всю жизнь, какъ сквозь сонъ, разумѣется». (I, 21—22). Тотъ «благороднѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ», въ семействѣ котораго росли оба брата, особенно полюбилъ Алешу, хотя и не замѣчалъ въ немъ особенныхъ умственныхъ способностей. Алеша «до того привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его рѣшительно считали тамъ какъ-бы за родное дитя»... Правда, и онъ былъ нѣсколько букой, подобно Ивану: «съ самаго дѣтства любилъ уходить въ уголъ и книжки читать». Отчасти такимъ онъ оставался и въ школѣ,—и «однакоже... можно было назвать его всеобщимъ любимцемъ». Дѣло въ томъ, что «между сверст-

---

1) Звѣревъ въ «Руси».

никами онъ никогда не хотѣлъ выставляться». Нѣсколько далѣе замѣчено про него, «что въ классахъ онъ всегда стоялъ по ученью изъ лучшихъ, но никогда не былъ отмѣченъ первымъ». Успѣхи, при отсутствіи блестящихъ способностей, объясняются добросовѣстнымъ прилежаніемъ; что онъ не былъ первымъ—дѣло вполнѣ возможное и безъ блестящихъ способностей—должно было у него зависѣть отъ нежеланія мозолить собою глаза другимъ. «Обиды онъ никогда не помнилъ ...просто не считалъ ее за обиду». Очень ужь мало, какъ видно, былъ онъ самъ себѣ на умѣ. За то постоянно были у него на умѣ другіе, и потому-то самъ онъ не могъ никого обижать... Огорчаться, конечно, умѣлъ, особенно когда, хотя и любившіе его, но во многомъ совсѣмъ не походившіе на него, товарищи гадко пытались расшевелить въ немъ то, что у нихъ у самихъ слишкомъ рано было пробуждено дурными инстинктами школы. «Въ немъ была изступленная стыдливость и цѣломудренность» (I, 27—28). Достоевскій не даромъ сказалъ: «изступленная». тутъ все же сказывалась, должно быть, та карамазовская чрезмѣрность, которой не могло и не быть даже въ такомъ прирожденномъ чувствѣ самообороны отъ родовой страстности. «Онъ никогда не заботился, —мѣтко указываетъ Достоевскій,—на чьи средства живетъ... Но эту странную черту,—прибавляетъ онъ,— нельзя было осудить очень строго»... Дѣло въ томъ, что тутъ вовсе не было какого-нибудь рудинскаго оттѣнка—привычки къ тому, что всѣ и все для него съ его способностями и его высшимъ призваньемъ. Алеша, по объясненію автора, былъ «изъ такихъ юношей въ родѣ какъ-бы юродивыхъ, которому попади вдругъ хотя бы даже цѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать его по первому даже спросу... Онъ какъ-бы вовсе не зналъ цѣны деньгамъ... Рѣшивъ уѣхать изъ гимназіи, онъ отдалъ половину денегъ назадъ, объявивъ, что онъ хочетъ сидѣть въ 3-мъ классѣ, т.-е. и тутъ, должно быть, не хочетъ выдѣляться. Всѣ были озадачены, что онъ, вдругъ, Богъ вѣсть почему, оставилъ гимназію.

Только немногіе люди съ особо-развитымъ и болѣзненно требовательнымъ сердцемъ могли его понять, когда «обнаружилось, что онъ разыскиваетъ могилу своей матери» (I, 28—30).

Но, отыскивая могилу матери, онъ попалъ къ живому отцу, т.-е. «положительно въ вертепъ грязнаго разврата»... «Цѣломудренный и чистый, Алеша лишь молча удалялся, когда глядѣть было нестерпимо» (II, 27). Отецъ, повидимому, цѣнилъ въ немъ то, что онъ только удаляется, а не протестуетъ. Отецъ, по-своему какъ-бы снисходительно любуясь въ немъ тѣмъ, что «еще молодо-зелено», по-своему даже его и полюбилъ. Но, молча лишь сторонясь и относясь къ отцу съ мягкимъ сердцемъ, Алеша, опять-таки по «изступленному» чувству стыдливости, т.-е. по инстинкту самообороны, долженъ былъ все-таки проситься куда-нибудь прочь изъ такой обстановки. Между тѣмъ «изъ воспоминаній его младенчества, можетъ быть, сохранилось нѣчто о подгородномъ монастырѣ, куда могла *возить его мать къ обѣднѣ*. Можетъ быть подѣйствовали и *косые лучи заходящаго солнца передъ образомъ*, къ которому протягивала его мать. Задумчивый, онъ пріѣхалъ, можетъ быть, только лишь посмотрѣть: *«все»-ли тутъ, или и тутъ только «два рубля»* (I, 35), т.-е. дѣйствительно-ли тутъ слѣдуютъ завѣту Христа: «все роздай», или же и тутъ, какъ въ мірѣ, ограничиваются тѣмъ, что пожертвуютъ кое-чѣмъ и ходятъ къ обѣднѣ (съ тою разницею, что въ монастырѣ ходятъ къ ней каждый день).

«Алеша (утверждаетъ авторъ) былъ вовсе и не мистикъ, ...былъ онъ просто ранній человѣколюбецъ и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему идеалъ исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его» (I, 25).

Достоевскій готовъ сознаться, что «онъ человѣкъ странный, даже чудакъ», только прибавляя къ этому, что «чудакъ, пожалуй, и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго» (I, 9). *Чудакъ*, очевидно, значитъ

тутъ то же, что *идіотъ*, или *Иванушка дурачокъ*—по народному. Какъ, впрочемъ, ни называй, а мистики въ самомъ дѣлѣ тутъ, пожалуй, и нѣтъ. Достоевскій хотѣлъ-бы это подтвердить даже самымъ наружнымъ видомъ своего юнаго чудака.

«Алеша,—говоритъ онъ,—былъ статный, краснощекій. со свѣтлымъ взоромъ, пышащій здровьемъ 19-лѣтній подростокъ... Скажутъ, что красныя щеки не мѣшаютъ... *мистицизму*; а мнѣ такъ кажется, что Алеша былъ даже больше чѣмъ кто-нибудь *реалистомъ*... Конечно, въ монастырѣ онъ вѣровалъ въ чудеса». ...«Но если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реализму своему долженъ непремѣнно допустить и чудо» (I, 34).

Потому-то Алеша такъ и огорченъ тѣмъ, что послѣ смерти старца Зосимы съ его тѣломъ не совершается чудо. Въ этомъ смыслѣ и къ нему могутъ быть отнесены слова: «родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія проситъ». Не дождавшись «знаменія», Алеша даже разсердился и почти готовъ сбросить съ себя броню своей изступленной стыдливости и остаться у Грушеньки. Онъ, впрочемъ, и прежде, на слова Ракитина, что одно «презрѣніе не помогаетъ», замѣтилъ: «я это понимаю», а Ракитинъ тогда уже и обрадовался: «быдто?... Ахъ ты, тихоня... Чортъ знаетъ о чемъ ты ужь не думалъ... я тебя давно наблюдаю... Ты самъ Карамазовъ... по отцу сладострастникъ, по матери юродивый» (I, 93). И на этотъ разъ онъ вѣрно понялъ: Алешу спасаетъ у Грушеньки только то, что она, хотя и поручившая «Ракиткѣ» непремѣнно его заманить къ ней, вдругъ, узнавъ о смерти Зосимы, пожалѣла Алешу и стыдно ей стало своего, въ такую какъ разъ минуту грозящаго ему искушенія... Шевельнувшаяся въ ней хорошая сторона, это своего рода чудо, но чудо чисто-душевное, даетъ опять всплыть наверхъ и въ немъ всему тому, что готовъ онъ былъ утопить въ себѣ, разсердясь, что нѣтъ чуда вещественнаго. А Алеша ужасно боится бури на своемъ душевномъ морѣ и ему именно нужна рука, прямо протянутая къ нему чудотворящая рука, чтобы не дать

ему потонуть, а съ одною вѣрой, безъ такого знаменія, онъ чувствуетъ, что не далеко уйдетъ по волнамъ. Когда Митя, разсказавъ ему про свою душевную бурю, какъ-бы вдругъ спохватившись, спрашиваетъ: «ты краснѣешь?... Довольно съ тебя этой грязи», Алеша прямо ему отвѣчаетъ: «я не отъ твоихъ рѣчей покраснѣлъ и не за твои дѣла, а за то, что я то же самое, что и ты... Все однѣ и тѣ же ступеньки. Я на самой низшей, а ты наверху, гдѣ-нибудь на тринадцатой» (I, 125). Конечно, тутъ можно бы было сказать, что «у страха глаза велики». Потому-то и говоритъ онъ Лизѣ, въ которой такъ преждевременно, отъ дурного вліянія взбалмошной матери, сказалась истерика, что она будто бы «невиннѣе его, который ужь до многаго, до многаго прикоснулся»... Тутъ онъ даже прямо на себя клевещетъ. Но все это отъ того, что его «другъ уходитъ», что «первый въ мірѣ человѣкъ землю покидаетъ»... «Если-бъ вы знали... какъ я спаянъ душевно съ этимъ человѣкомъ!—волнуется онъ, — и вотъ я останусь одинъ» (I, 248—49). Но старецъ не оставилъ его на землѣ одинокимъ. Хотя Алеша и поколебался, не дождавшись вещественнаго чуда надъ тѣломъ Зосимы—онъ вскорѣ возвращается подъ обаяніе того душевнаго чуда, которое постоянно творилось въ старцѣ, отовсюду къ нему привлекая людей, жаждавшихъ только того, чтобы онъ прочиталъ имъ вслухъ — у нихъ же самихъ въ душѣ. Придя въ нехорошемъ настроеніи къ Грушенькѣ, Алеша неожиданно убѣждается въ томъ, что читать въ душѣ ближняго подчасъ оказываются способными даже такія, какъ эта, по собственному ея опредѣленію, злая, но, выходитъ, не совсѣмъ же и не всегда же злая. Это, повидимому, должно бы только доказать Алешѣ, что, «стало быть, старецъ даже вовсе не чудотворецъ, что въ немъ только въ сильнѣйшей степени возбуждено то, что порою пробуждается въ каждомъ». Но это не только не умаляетъ, а снова усиливаетъ вліяніе на него старца. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ» — вотъ съ чѣмъ, совсѣмъ не за этимъ придя, онъ уходитъ отъ Грушеньки, тутъ-то опять и

понявъ, какъ былъ правъ снисходительный къ людямъ старецъ,—уходитъ, чтобы, снова въ себѣ ощутивъ и отдавъ въ ростъ это сѣмя любви, поддержать общеніе со старцемъ, стремиться и въ разлукѣ съ нимъ—къ общей возвышенной цѣли. Вотъ онъ и спѣшитъ вернуться опять туда, куда постоянно высылалъ его изъ монастыря и старецъ — къ своимъ обуреваемымъ въ мірѣ братьямъ. «Въ этой путаницѣ (т.-е. въ ихъ карамазовской смутѣ и безтолковщинѣ) можно было совсѣмъ потеряться». Но Алеша не потерялся, потому что «характеръ любви его всегда былъ дѣятельный»...

Критика, несмотря на это увѣреніе Достоевскаго, утверждала, будто Алеша совсѣмъ не дѣятеленъ, будто онъ только бѣгаетъ изъ угла въ уголъ (вѣдь это не дѣятельность), слушаетъ болтовню и самъ болтаетъ, оставляя даже на смертномъ одрѣ, а потомъ во время панихидъ своего же дорогого старца[1]). Но критика не хотѣла понять, что, постоянно боясь за братьевъ, онъ старается поддержать ихъ тѣмъ, что ихъ «сторожитъ». Онъ никогда бы не повторилъ съ Иваномъ: «Кто меня приставилъ сторожемъ къ братьямъ». Онъ няньчится съ ними, любя, терпѣливо выслушиваетъ и грязныя самопризнанія Мити, и полу-философскую, полу-поэтическую исповѣдь Ивана, онъ на все это тратитъ время, надѣясь еще болѣе угадать и, угадавъ, рѣшительнѣе предотвратить. Онъ именно ихъ сторожилъ и не его, конечно, вина, что все же не устерегъ. Съ ужасомъ видя, что зло совершилось, онъ, несмотря на все «позорное» въ Митѣ, нимало не вѣритъ его преступленію, а чутко открываетъ настоящаго виновника, говоря Ивану: «*не ты!*» Въ этомъ: «не ты» заключается: «убилъ, конечно, не ты, но кто вдохновилъ на убійство?» Чуя такой смыслъ своихъ словъ, Алеша и выражается: «это Богъ мнѣ тебѣ велѣлъ сказать» [2]).

---

[1]) Взглядъ этотъ проведенъ у г. Оникса въ статьѣ, напечатанной въ «Литературномъ журналѣ», ежемѣсячномъ приложеніи къ «Новому Времени». 1881 г., іюль.

[2]) Л. Е. Оболенскій понимаетъ иначе. «Не ты» Алеши должно, по его мнѣнію, приниматься въ буквальномъ смыслѣ.

Лиза, значитъ, имѣла полное основаніе удивиться: «такой молодой и ужь знаетъ, что въ душѣ» (I, 243). Если-бъ на судѣ обращено было вниманіе именно на Алешу, на его показанія, то все бы сдѣлалось ясно.

Раннимъ своимъ сердцевѣдѣніемъ Алеша обязанъ Зосимѣ. Оно, значитъ, досталось ему монастырскимъ путемъ. Только монастырь далъ ему силу выбраться и самому изъ карамазовщины, и братьевъ стараться изъ нея вытащить. Въ этомъ-то и былъ для критики «камень преткновенія и камень соблазна». Къ тому же Зосима у Достоевскаго говоритъ: «отъ монастыря избавленіе Руси». Но Зосима, какъ убѣжденный инокъ, и не можетъ глядѣть иначе. А Достоевскій? Да развѣ въ самомъ дѣлѣ устами симпатичныхъ ему дѣйствующихъ лицъ постоянно и буквально говоритъ онъ самъ? А если это только одна изъ такъ-называемыхъ «аксіомъ», т.-е. одно изъ предубѣжденій критики?

Въ своей записной книжкѣ Достоевскій очень многіе изъяны въ нашей жизни объясняетъ тѣмъ, что «у насъ нѣтъ культуры». Онъ понималъ это такъ, что къ намъ быстро переходятъ изчужа и смѣняются одно другимъ всевозможнѣйшія культурныя явленія, но что у насъ въ нихъ нѣтъ ничего устойчиваго, не остается ничего такого въ образованной нашей средѣ, что бы стоило ей немало труда, составило бы для нея нѣчто «твердое въ жизни». У Макаровъ Ивановичей есть это «твердое», а у насъ нѣтъ. То «твердое», что есть у народа, выработано еще древнею Русью и тоже, пожалуй, не чуждо наносныхъ вліяній, но такихъ, которыя глубоко, а потому и надолго пустили корни. Это «твердое» до сихъ поръ еще связано съ монастыремъ. Онъ, онъ одинъ до сихъ поръ и ведетъ въ народѣ борьбу съ безудержемъ. Но у насъ что же есть равносильнаго — въ понятіяхъ уже нашего вѣка—для борьбы съ нимъ? Такъ-называемое «послѣднее слово науки»? Но Достоевскій намъ показалъ, что оно, какъ мы его понимаемъ, только возводитъ ту же карамазовщину въ перлъ созданія.

Достоевскій далекъ отъ того, чтобы не видѣть изъя-

новъ въ иночествѣ. Онъ угадалъ, что въ немъ у насъ исторически сказались два различныхъ теченія: мрачно изувѣрное, въ самомъ смиреніи гордое, и свѣтлое — въ смыслѣ поэтической любви къ природѣ и брату-человѣку. Первое теченіе воплотилось у Достоевскаго въ лицѣ отца Ѳерапонта, недаромъ такъ не любящаго старца Зосиму, а также и въ лицѣ недовѣрчиво къ нему относящагося обдорскаго инока. Эти тупые и ревнивые изувѣры вполнѣ торжествуютъ, когда послѣ смерти старца не происходитъ ожидаемаго всѣми чуда. Но и самъ Зосима, выражая собою симпатичную сторону монашества, вовсе не является, какъ у насъ говорили, псевдонимомъ Достоевскаго. У него даже положительно свой особый языкъ, столь же типичный, какъ и онъ самъ, и это вполнѣ оцѣнилъ такой далеко не безусловный поклонникъ Достоевскаго, какъ г. Евг. Марковъ. Самое «старчество», на которое иноки-изувѣры смотрятъ, какъ на опасное новшество, вовсе не идеализируется Достоевскимъ. Говоря о томъ, что «даже письма отъ родныхъ, получаемыя скитниками, приносились сначала къ старцу — въ силу пріемовъ, усвоенныхъ старчествомъ» — Достоевскій замѣчаетъ: «предполагалось, разумѣется, что все это должно совершаться свободно и искренно, но на дѣлѣ... происходило иногда и весьма неискренно, а напротивъ, выдѣланно и фальшиво». Достоевскій не скрываетъ и нѣкоторыхъ другихъ пріемовъ, свойственныхъ не собственно уже старчеству, но монастырскому обиходу вообще, и столь же мало сочувственныхъ. Я разумѣю, напримѣръ, то, что «Ракитинъ, какъ лицо мелкое, приглашенъ быть къ обѣду не могъ» (I, 99), т.-е. это къ самому игумну. Но и у Зосимы, несмотря на всю его доброту-простоту, тотъ же Ракитинъ, а равно и Алеша, и послушникъ (опять какъ мелкія лица) оставались стоя (I, 49). Еще замѣчательнѣе, что между тѣмъ, какъ, чая выхода старца, люди изъ простонародія... «лежатъ у галлерейки, ждутъ... для высшихъ дамскихъ лицъ пристроены здѣсь же на галлереѣ, но внѣ ограды, двѣ комнатки» (I, 46). Намъ

разсказывали, что такъ оно и на самомъ дѣлѣ было въ той пустыни, которая во многомъ послужила для Достоевскаго оригиналомъ; это, стало быть, прямо списано имъ съ натуры.

Но пріемы и обычаи старчества и монастырскіе вообще—одно, а широкое сердце и свѣтлый умъ Зосимы и подобныхъ ему—другое. «Старецъ,—говоритъ Достоевскій,—былъ вовсе не строгъ, напротивъ, былъ всегда почти веселъ въ обхожденіи»... (I, 38). «Для счастья созданы люди,—говаривалъ онъ самъ,—и кто вполнѣ счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: «я выполнилъ завѣтъ Божій на сей землѣ» (I, 66). Конечно, Зосима понималъ счастье въ смыслѣ тѣхъ духовныхъ «радостей», на которыя указывалъ у самого себя и Достоевскій—въ отвѣтъ тѣмъ, кто жаловался на мрачное настроеніе, оставляемое имъ въ читателѣ. Въ этомъ смыслѣ Зосима и говоритъ Алешѣ: «въ страданьи счастья ищи», т.-е. въ томъ, что оно намъ напоминаетъ о чужихъ страданьяхъ и возбуждаетъ въ насъ стремленіе ихъ облегчить,—а въ этомъ и есть настоящее духовное счастье. «Други, просите у Бога веселья»,—завѣщаетъ своимъ ученикамъ уже умирающій старецъ,—веселья, конечно, опять духовнаго, въ смыслѣ противномъ унынію, которое заставляетъ опускать руки. «Не говорите: силенъ грѣхъ... бѣгите, дѣти, сего унынія» (I, 356). Старецъ у Достоевскаго до такой степени не суровъ, чуждъ горечи, что И. С. Аксаковъ въ разговорѣ съ нами находилъ у него напротивъ, и не безъ основанія, даже нѣкоторую слащавость. Но и это едва-ли не списано было Достоевскимъ съ живого оригинала.

Передъ нами—цѣлое житіе Зосимы, разсказанное имъ самимъ и записанное съ его словъ Алешей. Тутъ отъ начала и до конца выдержанъ особый типическій языкъ, усвоенный себѣ Зосимою у житійной литературы, въ которую онъ, съ другой стороны, внесъ тутъ и свой собственный типическій отпечатокъ. Мы узнаемъ тутъ и о братѣ его Маркелѣ, юношѣ, умершемъ такъ преждевременно, но оставившемъ первый глубокій слѣдъ въ душѣ

Зосимы (Алеша напоминалъ ему чертами лица этого брата, что и способствовало особой привязанности старца къ Алешѣ). «Былъ онъ характера вспыльчиваго и раздражительнаго, но добрый»... Доброта окончательно выступила у него наружу уже во время предсмертной его болѣзни. Началось съ того, что онъ вдругъ потѣшилъ няню позволеніемъ зажечь лампадку передъ иконой у себя въ комнатѣ, чего прежде никакъ бы не допустилъ, находясь подъ вліяніемъ какого-то тогдашняго вольнодумца. «Зачѣмъ вы меня такого любите?—сталъ онъ вдругъ спрашивать,—да и стою-ли я того, чтобъ служить-то мнѣ»... У преждевременно раскрывшихся передъ нимъ могильныхъ дверей онъ вдругъ понялъ тотъ жизненный смыслъ, который заключается не въ томъ, чтобы только мнѣ служили, но чтобъ и я съ любовью служилъ другимъ..., И какъ это мы жили,—говоритъ онъ матери,—сердились и ничего не знали тогда... Всякій предъ всѣми за всѣхъ и за все виноватъ». Эта предсмертная логика сердца, принятая докторомъ за «впаденіе въ помѣшательство»—глубоко куда-то ушла въ душу младшаго брата. Вскорѣ потомъ, засыпанная и заваленная всякаго рода житейскимъ мусоромъ, она вдругъ опять шевельнулась въ немъ, свалила съ себя все наносное и всецѣло уже завладѣла душой Зосимы.

Отвезли его послѣ смерти Маркела въ корпусъ; онъ пробылъ въ немъ долго и «преобразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое». При этомъ Зосима очень мѣтко припоминаетъ, что «служившихъ имъ въ корпусѣ солдатъ считали они какъ за скотовъ»—черта, не выводящаяся, конечно, и до сихъ поръ, несмотря ни на какой «либерализмъ» молодежи, не выводящаяся отъ сердечной невнимательности ея къ своей живой обстановкѣ. «Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести никто изъ насъ и не зналъ... Всѣ эти молодые люди,—соглашается онъ,—были хорошіе, да вели-то себя скверно...» О себѣ самомъ вспоминаетъ онъ, что «пустился жить безъ удержу, поплылъ на

всѣхъ парусахъ»... Тутъ и покажись ему вдругъ, что одна дѣвица къ нему сердечно расположена. Между тѣмъ, случилась командировка въ другой уѣздъ. Возвращаясь, онъ узнаетъ, что дѣвица замужемъ,—за человѣкомъ, какъ самъ онъ теперь сознается, весьма образованнымъ, не ему чета. Тогда онъ «запылалъ отомщеніемъ»,—точно будто-бы ему не казалось такъ только, а въ самомъ дѣлѣ онъ ей прежде нравился, точно будто она обязана была догадаться, что и она ему нравится и ждать его, непремѣнно его, и не была уже властна въ своемъ выборѣ. Впрочемъ онъ слѣдовалъ тутъ только той особой ревнивой логикѣ, которой критика наша добивалась во что бы то ни стало отъ одного изъ раннихъ героевъ Достоевскаго [1]) (правда, тому предпочли человѣка неизмѣримо плоше его—но вѣдь и тутъ только въ силу ревнивой логики можно «пылать отомщеньемъ»). Искусственно разжигая себя, т.-е. свое оскорбленное самолюбіе, Зосима оскорбляетъ своего «соперника», и дѣло доходитъ у нихъ до дуэли. Внутренно онъ, конечно, чувствуетъ, что все это глупо, подло—и злится на самого себя. Но, злясь на себя, онъ срываетъ свою злость на другомъ,—безотвѣтномъ существѣ, разумѣется. Не даромъ они еще въ корпусѣ «солдатъ считали какъ за скотовъ». Теперь ему подвернулся денщикъ, и онъ ударилъ его изо всей силы по лицу два раза, ударилъ до крови. «Сорокъ лѣтъ минуло,—говоритъ онъ,—а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой»... Многіе, конечно, преспокойно бы послѣ того заснули; но ему плохо спится. Плохо спится не потому, что завтра дуэль, а по другой причинѣ. Поутру отворяетъ онъ окно въ садъ. Видитъ, восходитъ солнце, тепло, прекрасно... что же это, думаетъ онъ... въ душѣ у него... «Не оттого ли, что *кровь иду проливать*?.. Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого... Не оттого-ли, что... *боюсь быть убитымъ?* Нѣтъ совсѣмъ не то... И вдругъ сейчасъ же и догадался, въ чемъ было дѣло: *въ томъ, что я съ*

[1]) Ивана Петровича въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ.»

вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось, точно вдругъ повторилось: стоитъ онъ передо мною, а я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ, какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ, и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смѣетъ,—*и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка*».

Неужели у тѣхъ критиковъ, которые затянули разъ навсегда свою пѣсню о «постномъ маслѣ» у Достоевскаго, и въ этомъ мѣстѣ ничто не шевельнулось въ душѣ? Или, можетъ быть, они и поютъ эту пѣсню о «маслѣ» именно потому, что «жестокій его талантъ» вызвалъ и у нихъ въ памяти какое-нибудь такое воспоминаніе—не о побитомъ, конечно, братѣ (на то, чтобъ не бить, они достаточно либеральны), а о братѣ, котораго они оттолкнули, о братѣ, которому не помогли. Да, есть за каждымъ изъ насъ, непремѣнно есть, не одно такое воспоминаніе, и если его разбереживать въ насъ—значитъ вливать въ насъ постное масло, то оно непремѣнно должно входить въ нашъ рецептъ какъ та̀ кость, которая въ свое время прописана была Н. И. Новиковымъ г. Безразсуду [1]).

Возобновивъ въ своемъ воображеніи вчерашнюю позорную сцену, будущій Зосима вдругъ вспомнилъ своего брата Маркела съ его словами: «За что вы мнѣ служите?.. Да стою-ли я, чтобы служить-то мнѣ...» «воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а еслибъ узнали — сейчасъ былъ-бы рай...» «И представилась мнѣ, — говоритъ онъ, — вся правда... Что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умнаго, благороднаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супругу его тѣмъ на вѣки счастья лишу и убью». Но вотъ за нимъ пріѣзжаютъ, а онъ и не спитъ. Вышли уже садиться въ коляску, но онъ проситъ себя

---

1) Для того, чтобы онъ могъ по ней убѣдиться, есть ли различіе между бариномъ и крестьяниномъ. (См. «Трутень»).

подождать—сбѣгаетъ за кошелькомъ. А самъ—прямо къ денщику и, «какъ былъ въ эполетахъ, бухъ ему въ ноги лбомъ до земли: прости меня,—говоритъ». Вернулся къ секунданту, сѣли, ѣдутъ. «*Восторгъ* во мнѣ такой, смѣюсь всю дорогу... «Ну, братъ, *вижу, что поддержишь мундиръ*...» Разставили ихъ, *ему первый выстрѣлъ*... «Оцарапало мнѣ щеку, да за ухо задѣло... «*Слава Богу!—кричу,—не убили человѣка*», да свой пистолетъ... швыркомъ... въ лѣсъ и пустилъ. «*Простите меня, глупаго молодого человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь стрѣлять въ себя заставилъ. — Помилуйте, если вы не хотѣли драться, къ чему же безпокоили? — Вчера, — говорю,—еще глупъ былъ, а сегодня поумнѣлъ* ..» (I, 333). Прежняя логика окончательно въ немъ смѣнилась другою. Новый человѣкъ пробудился въ немъ. Онъ «нашелъ себя въ себѣ», къ чему всѣхъ насъ приглашалъ Достоевскій въ своей пушкинской рѣчи. «Неужели такъ теперь удивительно встрѣтить человѣка, который-бы самъ покаялся, въ своей глупости повинился?..» «Да не на барьерѣ-же»—глубокомысленно отвѣчаютъ ему. Недоумѣвать и скандализоваться перестали только тогда, когда онъ имъ объявилъ, что идетъ въ монастырь: «ну, теперь все и объясняется: монаха судить нельзя» (335). Тогда идти въ монастырь еще не было вовсе такимъ немыслимымъ дѣломъ. Мы вѣдь разомъ перемѣнились въ очень короткій срокъ.

Монастырь, какъ вѣрно замѣтилъ г. Оболенскій, представился спятившему съ обычной колеи чести офицеру—единственнымъ въ то время пристанищемъ отъ той непосильной борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ, которая предстояла ему въ мірѣ. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, тутъ и въ самомъ дѣлѣ сказался даже недостатокъ воли. Впрочемъ, вскорѣ тутъ послѣдовалъ и еще-одинъ толчокъ отъ «таинственнаго посѣтителя». Приходитъ къ нему человѣкъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, и проситъ его: «опишите мнѣ, что именно ощущали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ рѣшились просить прощенія» (I, 337). Оказывается, что самому ему нужно просить

прощенія, только въ другомъ смыслѣ, еще потруднѣе... Ему нужно, какъ Раскольникову, поцѣловать землю, которую онъ обагрилъ кровью. А убилъ онъ въ свое время любимую женщину, ибо «мысль о томъ, что жертва его могла стать супругой другому, казалась ему невозможною» (341). Что должно было тутъ шевельнуться въ душѣ у недавняго дуэлиста? Что если-бы и онъ, также не выносившій подобной мысли, вмѣсто этого вызова на дуэль, пошелъ далѣе. «Богъ чудеснымъ образомъ спасъ», долженъ былъ онъ подумать въ тогдашнемъ своемъ настроеніи. Богъ спасъ отъ той крови, которую чувствуетъ на себѣ этотъ «посѣтитель», несмотря на то, что заподозрѣли тогда другого, что заподозрѣнный умеръ — и не съ горя, а отъ простудной болѣзни — все осталось шито и крыто, да еще заглажено годами общеполезной и благотворительной дѣятельности. Онъ, между тѣмъ, и женился, сталъ отцомъ. Но тѣмъ пуще его беретъ раздумье: «жена любитъ меня, что, еслибъ узнала?.. Даю жизнь, а самъ отнялъ жизнь». Вотъ онъ теперь и пришелъ къ Зосимѣ узнать, каково-то передъ всѣми виниться? Тутъ-то и раскрылось евангеліе на притчѣ о зернѣ, которое, чтобъ ожить, должно умереть. «Да въ этихъ книгахъ ужасъ, что такое встрѣтишь, — говоритъ посѣтитель...—И кто это ихъ писалъ, неужели люди?»

И хочется-то ему чрезъ страданье и добровольное поношенье уподобиться умирающему для жизни зерну,—и не можется: стыдно, страшно! Приходитъ опять и уходитъ. Приходитъ еще, чтобъ сказать: «я вѣдь убить тебя тогда приходилъ». Но, побывъ такимъ образомъ на рубежѣ еще новаго преступленія, онъ, наконецъ, рѣшается— выдаетъ себя головой; ему не вѣрятъ, объясняютъ все сумасшествіемъ, и онъ затѣмъ умираетъ отъ душевнаго потрясенія.

Но въ городѣ знали, къ кому онъ такъ часто ходилъ. «Весь городъ возсталъ на меня,—говоритъ Зосима,—когда похоронили его, и даже принимать перестали. Но я, — прибавляетъ онъ,—въ скорости изъ города совсѣмъ выбылъ, а черезъ пять мѣсяцевъ удостоился Господомъ Бо-

гомъ стать на путь твердый и благолѣпный» (I, 337—348).

Это, конечно, очень старый—для насъ совсѣмъ даже устарѣлый путь. Но нѣтъ-ли на немъ и чего-нибудь такого, что дѣлаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ *вѣчнымъ* путемъ?

Къ чему сводится взглядъ Зосимы? Вотъ онъ: «Міръ говоритъ: имѣешь потребности, а потому и насыщай ихъ... Въ этомъ и видятъ свободу». Да, но вѣдь она принадлежитъ только тѣмъ, кто имѣетъ средства насыщать свои потребности, возрастающія прогрессивно. «Права-то дали,—замѣчаетъ старецъ,—а средствъ насыщать потребности еще не указали...» «Имѣть обѣды, выѣзды, экипажи,—продолжаетъ онъ,—чины и рабовъ-прислужниковъ (а рабы, прибавимъ мы, фактически существуютъ у людей и по упраздненіи легальнаго рабства) считается ужь такою потребностью, что даже убиваютъ себя, если не могутъ утолить ее (не забудьте—при ея прогрессивномъ ростѣ). А у бѣдныхъ неутоленіе потребностей (самыхъ даже скромныхъ, еще и не думающихъ прогрессировать) и зависть (совершенно, конечно, понятная при соблазнѣ со стороны богатыхъ) пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью, къ тому ихъ ведутъ» (I, 349). А доведя ихъ до этого, ихъ-же потомъ оберутъ, не хуже прежнихъ ихъ обирателей, во имя своихъ потребностей, неизбѣжно прогрессирующихъ именно у культурнаго человѣка, во имя того, что обуздываніе природы есть non sens съ точки зрѣнія тѣхъ теорій, которыя «упраздняютъ мистику...» «Другое дѣло путь иноческій,—утверждаетъ успокоившійся на немъ Зосима,—отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя... Кто-же способнѣе,—спрашиваетъ онъ,—вознести великую мысль и пойти ей служить, уединенный-ли богачъ, или сей освобожденный отъ тиранства вещей и привычекъ?» Объ уединенности богача Зосима слышалъ еще до поступленія въ монастырь, слышалъ отъ своего «таинственнаго посѣтителя». «Всякій-то теперь стремится,—говорилъ онъ,—отдѣлить свое лицо

наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изъ всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство (т.-е. нравственное) ибо... впадаютъ въ совершенное (нравственное-же) уединеніе». Но, чтобы выйти изъ него и сдѣлаться способнымъ «вознести великую мысль», именно и надо «освободиться отъ тиранства вещей и привычекъ» и такимъ образомъ сдѣлаться неприступнымъ ни для какихъ угрозъ, ни для какихъ соблазновъ. Извѣстнаго рода критики, между тѣмъ, утверждали, что «отсѣченіе лишнихъ потребностей», проповѣдуемое Зосимою — Достоевскимъ, значитъ: «братіе труженики! если обсчитываютъ васъ въ полѣ или на фабрикѣ, не прекословьте, можно вѣдь обойтись безъ мяса и безъ чая, это все—потребности лишнія и для васъ совершенно ненужныя». На самомъ-же дѣлѣ, устами монаха Зосимы Достоевскій подъ конецъ жизни говоритъ то-же самое, что въ самомъ началѣ ея выражалъ устами совсѣмъ не монаха — Макара Дѣвушкина: «совѣстно курить табакъ, когда у другого и хлѣба-то нѣтъ». «Отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя» значитъ: не хочу взимать для себя того «освѣжительнаго процента», который приводилъ въ такой ужасъ Раскольникова. «Отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя» значитъ: не хочу, не могу, по совѣсти не могу забирать себѣ львиную часть; не могу, проповѣдуя соціализмъ, жить откормленнымъ буржуа, жуировать не хуже банкира!

«Уединеніе не у насъ, а у нихъ,—продолжаетъ Зосима, уже прямо отстаивая свое «тихое пристанище...» «А отъ насъ и издревле дѣятели народные выходили»,—ссылается онъ, и по праву. Вѣдь онъ имѣетъ въ виду тѣ времена, когда богатыя обители не посылали еще за сборомъ на себя къ каждому поѣзду желѣзной дороги,—онъ имѣетъ въ виду времена Ѳеодосіевъ Печерскихъ, Кирилловъ Бѣлозерскихъ, Сергіевъ Радонежскихъ, времена прямыхъ представителей монашеской общины, тѣхъ, чьимъ правиломъ было: «праздный да не ястъ», тѣхъ, что сами кормили голодный народъ, сильнымъ міра вѣ-

щали правду, благословляли на сверженіе ига. Но не были-ли они, коли такъ, не только «мистиками», но и «шовинистами?» Если *да*, то и Зосима не только *мистикъ*, но и *шовинистъ*.

Зосима однако-же не стоитъ исключительно за монастырь, за монастырскія стѣны. «Иноки, — говоритъ онъ,—не иные суть человѣки, а лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало-бы. Тогда лишь и умилилось-бы сердце наше въ любовь безконечную, вселенскую». Зосима даже прибавляетъ: «Не ненавидьте атеистовъ, злоучителей, матерьялистовъ, даже злыхъ изъ нихъ, не токмо добрыхъ, ибо изъ нихъ много добрыхъ, наипаче въ наше время». Все это только ищущіе пути, но, съ его точки зрѣнія, ошибающіеся въ немъ или, лучше сказать, не видящіе, что путь этотъ давно уже есть. «И отрекающіеся отъ христіанства, — поясняетъ во всемъ согласный съ Зосимой отецъ Паисій,— сами того-же Христова облика суть...» Только «до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ сердца ихъ, не въ силахъ были создать иного высшаго образа человѣка... какъ образъ, указанный древле Христомъ». Этотъ отецъ Паисій, какъ и Зосима, въ сущности, христіане-соціалисты въ духѣ временъ апостольскихъ, о которыхъ говорится въ книгѣ «Дѣяній»: «у вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее... Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» [1]). Въ этомъ смыслѣ соціалистомъ всегда оставался и самъ Достоевскій, а «соціалистъ-христіанинъ, — говоритъ въ романѣ одно административное лицо,—страшнѣе соціалиста-безбожника» (I, 79). Первый со своимъ медленнымъ, вовсе не насильственно пролагаемымъ путемъ, и добирается до самыхъ корней. Онъ не допускаетъ никакой «поправки»

---

[1]) Дѣянія апостольскія гл. IV. ст. 32, 34.

въ христіанствѣ, но онъ-то и стоитъ за поправку многаго въ государствѣ Христовою церковью. «По русскому пониманію, — утверждаетъ отецъ Паисій, — государство должно кончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью, и ничѣмъ болѣе» (I, 74). Это дѣйствительно выражаетъ взглядъ самого Достоевскаго. Мы помнимъ, съ какимъ грустнымъ раздумьемъ говаривалъ онъ послѣ достававшихся ему овацій: «главнаго-то они у меня все-таки не понимаютъ. Они носятъ меня на рукахъ за то, что я не удовлетворенъ нынѣшнимъ государствомъ, а не видятъ, что я имъ указываю на церковь».

Чего не достаетъ государству въ его области «внѣшней правды», т.-е. принудительнаго дѣйствія во имя закона и власти, объ этомъ говоритъ Зосима, говоритъ такъ, что слова его служатъ окончательнымъ выясненіемъ прежнихъ соображеній на ту же тему самого Достоевскаго.

«*Всѣ эти ссылки въ работы, а прежде съ битьемъ, никого не исправляютъ*, а главное, почти никакого преступника и не устрашаютъ, и число преступленій не только не уменьшается, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе наростаетъ... *Отсѣкается вредный членъ*, а на его мѣсто тотчасъ же появляется другой преступникъ... Если что и охраняетъ общество даже въ наше время... то это *единственно лишь законъ Христовъ, сказывающійся въ сознаніи собственной совѣсти*... Церковь не отлучаетъ отъ себя преступника, а... старается сохранить съ нимъ все христіанское общеніе... Она, какъ мать нѣжная и любящая, отъ дѣятельной кары сама устраняется, такъ какъ и безъ ея кары слишкомъ больно наказанъ виновный государственнымъ судомъ, и надо же его хоть кому-нибудь пожалѣть... Если-бъ дѣйствительно наступилъ судъ церкви... если-бы все общество обратилось лишь въ церковь, то... церковь... понимала-бы будущаго преступника и будущее преступленіе во многихъ случаяхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ, и сумѣла-бы возвратить отлученнаго, предупредить замышляющаго и возродить падшаго» (1, 76—78).

«Прекрасная утопическая мечта,—замѣчаетъ по поводу всего этого Міусовъ, очень хорошо понимая все то, что должно со временемъ вытекать изъ такой мечты:—исчезновеніе войнъ, дипломатовъ, банковъ, и проч. А то я думалъ,—признается онъ,—что церковь *теперь*, напримѣръ, будетъ судить уголовщину и приговаривать розги и каторгу, а пожалуй, даже и смертную казнь».

«Да еслибъ,—вмѣшался тутъ Иванъ Карамазовъ, истолковывая свою тогдашнюю статью,—и теперь былъ одинъ лишь церковно-общественный судъ, то и теперь бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь».

Кажется, ясно; между тѣмъ, извѣстные критики продолжали держаться прежнихъ недоразумѣній Міусова, воображая (притворно, конечно), что Достоевскій хочетъ упразднить новый усовершенствованный судъ, замѣнивъ его судомъ оффиціально-церковной администраціи, приплетали сюда даже консисторіи съ ихъ извѣстными порядками и мало-ли что еще. Не догадывались, видите-ли (такіе наивные!), что подъ церковью Достоевскій понималъ великую общину вѣрующихъ, а подъ церковнымъ судомъ—вполнѣ соотвѣтственный ей, въ самомъ дѣлѣ гуманный судъ, не только ограждающій общество отъ преступника, но и братски заботящійся о самомъ преступникѣ.

При этомъ Достоевскій не доходилъ, однако же, до того, до чего недавно дошелъ другой великій современный писатель, захотѣвшій рѣшительно упразднить всякій судъ, какъ грѣхъ превышенія человѣкомъ своей власти. Точно будто предвидя это, Зосима у Достоевскаго говоритъ:

«Не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ самъ сей судья не познаетъ, что и онъ такой же точно преступникъ, какъ и стоящій предъ нимъ... *Когда же познаетъ сіе, то возможетъ стать и судьею...* Ибо былъ бы я самъ праведенъ, можетъ и преступника, стоящаго передо-мною, не было бы. И даже, еслибъ и самый законъ поставилъ тебя его судіею, то сколь лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори

тогда въ духѣ семъ, ибо уйдетъ и осудитъ себя самъ еще горше суда твоего». Вся задача въ томъ, чтобы пробудить въ преступникѣ совѣсть, а для этого она должна проявляться у него на глазахъ и въ самомъ его судьѣ.

Крупную поправку въ человѣческомъ строѣ жизни во имя церкви имѣетъ Зосима въ виду и тогда, когда вспоминаетъ съ такимъ прискорбіемъ: «Видалъ я *на фабрикахъ* десятилѣтнихъ даже дѣтей: хилыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ и уже развратныхъ. Душная палата, стучащая машина... развратныя слова и вино, вино... Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду свѣтлый примѣръ и хоть каплю любви къ нему. Да не будетъ же сего... *да не будетъ истязанія дѣтей...*» (I, 351).

Если и это то же «постное масло», то побольше бы такого постнаго масла въ общественные наши нравы, въ законодательство, въ правительственныя распоряженія! Не забудьте, что Зосима не удовлетворится какимъ-нибудь тамъ сокращеніемъ срока дѣтской работы на фабрикахъ, сокращеніемъ, могущимъ, если станетъ значительнымъ, привести къ тому, что дѣтей только перестанутъ принимать на фабрики, а ихъ родителямъ все-таки нечѣмъ ихъ будетъ кормить. Чтобы удовлетворить Зосиму, надо съ любовью вникнуть во все, терпѣливо и до конца распутать весь безобразно перепутавшійся клубокъ. Тутъ нельзя успокоиться ни на «laissez faire et laissez aller», ни на хотя бы и самой широкой благотворительности. Тутъ, т.-е. для распутанія цѣлаго узла, разумѣется, нужно также и вмѣшательство государства, церковью вдохновляемаго и направляемаго. Иначе придешь къ тому, что, къ несчастью, сталъ проповѣдывать намъ великій, но во многомъ заблуждающійся писатель, своею теоріей «непротивленія злу», т.-е. непротивленія ему силою, хотя бы и гуманнѣйшимъ и законнѣйшимъ образомъ противъ зла направленною.

Достоевскій никогда не держался подобной теоріи, если еще въ молодости, до ссылки своей, могъ восклицать съ Пушкинымъ:

Увижу ли народъ нѐ угнетенный
И рабство, падшее по манію царя!

(Вѣдь по этой теоріи и принудительная отмѣна рабства должна представляться грѣхомъ). Онъ не держался ея и до конца своей жизни, если въ самомъ послѣднемъ своемъ «Дневникѣ», раздававшемся уже въ день его похоронъ, говорилъ: «облегчить народъ?... Гдѣ взять денегъ? Для этого непремѣнно и неотложно обложить налогомъ высшіе, богатые классы, и тѣмъ снять тягость съ бѣднаго класса». Да и сдѣлать это, разумѣется, такъ, чтобы снятое съ народа въ одномъ видѣ, косвенно не налагалось опять на него же только въ другомъ. А чтобъ сдѣлать это хорошо, не брезгать сѣрымъ мужикомъ,—не брезгаетъ же имъ церковь!—не думать, чтобъ Богъ обидѣлъ его умомъ до круглаго непониманія своихъ нуждъ, допросить этого самаго мужика, добиться отъ него правды, всей непріятной, но нужной правды... Вотъ это—по божьему, вотъ этого-то и желаетъ отъ государства церковь. Какимъ путемъ тутъ идти, о томъ должна была вестись бесѣда въ «Дневникѣ» 1881 г., къ несчастью прерванномъ смертью. Достоевскій всю жизнь оставался тѣмъ же. Онъ вполнѣ цѣленъ. Слишкомъ преждевременно и не во-время его не стало.

А Зосима-то все-таки остается монахомъ, т.-е. нигдѣ болѣе, какъ въ монастырскихъ стѣнахъ, Достоевскій идеала намъ не сыскалъ. Ну, значитъ, онъ всѣхъ насъ и хочетъ загнать за монастырскія стѣны—не перестаютъ городить свое извѣстнаго рода критики. Но не самъ ли Зосима говоритъ Алешѣ, котораго онъ и всегда такъ часто высылалъ въ міръ, высылалъ къ братьямъ: «знай, сынокъ, что и впредь тебѣ не здѣсь мѣсто... Какъ только сподобитъ Богъ преставиться мнѣ, и *уходи изъ монастыря.* Совсѣмъ иди» (I, 90). «Изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь, какъ инокъ», сказалъ онъ ему другой разъ. Между тѣмъ Зосима уже говорилъ ему, что онъ долженъ будетъ даже жениться. Значитъ, по понятію старца, это нимало не противорѣчило тому,

что Алеша будетъ «жить въ мірѣ, какъ инокъ». Старецъ, стало быть, разумѣлъ подъ этимъ мірскимъ «иночествомъ» только отсѣканіе дѣйствительно «лишнихъ и ненужныхъ потребностей», другими словами—отреченіе отъ взиманія съ другихъ людей «освѣжительнаго процента». Такъ широко понимаемое «иночество» именно и должно развестись за предѣлами монастыря; оно должно обратиться во всеобщую и вѣчную жизненную стихію, ту, безъ которой невозможно настоящее служеніе обществу. «Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь,—предсказывалъ Алешѣ Зосима,—но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь, что важнѣе всего» (I, 318). Старецъ, конечно, разумѣлъ тѣ несчастія, которыя заставляютъ насъ понимать и чужія и, облегчая ихъ, искать себѣ утѣшенія въ чужихъ радостяхъ.

«Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христосъ», проносится въ мысляхъ Алеши, когда онъ, утомленный, стоитъ на колѣняхъ передъ гробомъ старца и слышится ему въ полуснѣ чтеніе евангелія о бракѣ въ Галилейской канѣ. «Въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ», т.-е. радости людей маленькихъ, радости людей бѣдныхъ. «Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ». Это повторялъ покойникъ поминутно... И тутъ же въ полуснѣ представляется Алешѣ маленькій, сухенькій старичокъ и раздается его тихій голосъ: «веселимся, пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей?... А видишь ли солнце наше, видишь ли ты его? ...Не бойся... Страшенъ величіемъ передъ нами, но... намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣклась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь — сосуды несутъ».

Очнулся Алеша, подошелъ къ гробу, и, точно будто бы вспомнивъ завѣтъ Зосимы—выйти въ міръ—тутъ же и вышелъ изъ кельи... «Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко,

необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю... Ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ... О чемъ онъ плакалъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны... Какъ будто бы нити отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, соприкасаясь мірамъ инымъ. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія... не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а «за меня и другіе просятъ»... прозвенѣло въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его... Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ» (II, 43—46).

Если это и мистицизмъ, то ужь, конечно, не мрачный. Достоевскому не пришлось показать намъ Алешу на его дальнѣйшемъ жизненномъ поприщѣ. Смерть помѣшала ему написать особый, обѣщанный имъ романъ объ Алексѣѣ Ѳедоровичѣ Карамазовѣ. Но ясно уже, что онъ долженъ былъ у него и жить и бороться — не въ монастырскихъ стѣнахъ...

Но откуда же взялъ Достоевскій этого русскаго юношу не изъ народа — съ такою вѣрующей душой, съ такимъ религіознымъ экстазомъ?... Откуда? Критики, спрашивающіе объ этомъ, должно быть, многое проглядѣли у насъ въ послѣднюю пору... Имъ все еще мерещится прежнее, хотя и недавнее прежнее... Ихъ вниманіе даже не остановилъ на себѣ столь неожиданный успѣхъ среди молодежи В. С. Соловьева. Достоевскій имѣлъ основаніе назвать своего Алешу «юношею послѣдняго времени». Если онъ еще не видѣлъ его во плоти, то ощутилъ его замыселъ въ самой жизни—такъ быстро, такъ круто у насъ измѣняющейся.

Достоевскій не даромъ же говорилъ, что онъ «на молодежь надѣется», потому что она у насъ страдаетъ исканіемъ правды и тоской по ней... Онъ понялъ, что она сильно затосковала по той *цѣлостности*, которой не стало, съ тѣхъ поръ какъ задумали у нея отсѣчь потребности—не лишнія и ненужныя, а вѣчныя и необходимыя... Онъ подслушалъ въ душѣ у нарождающагося поколѣнія то, что такъ прекрасно выразилъ намъ современный поэтъ въ одномъ изъ своихъ новѣйшихъ стихотвореній:

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви;
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи нѣмого забытья,
Въ унынiи разврата и бездѣлья...
Нѣтъ, други, нѣтъ — такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова;
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ Божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дальней тьмѣ:
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ, въ оковахъ и тюрьмѣ.
Не вѣетъ въ міръ мечты живой дыханье—
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье—
Не то призывъ, не то воспоминанье, —
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

ДѢТИ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.[1])

I.

На похоронахъ Достоевскаго среди множества всевозможныхъ вѣнковъ можно было замѣтить и небольшой вѣнокъ «отъ русскихъ дѣтей». И если-бы этого вѣнка тутъ не было, то его-бы положительно не доставало. Достоевскій такъ любилъ дѣтей, онъ такъ часто изображалъ ихъ, такъ горячо и такъ задушевно къ нимъ относился! При нашемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ за три дня до его смерти онъ собирался играть въ пользу дѣтской больницы на домашнемъ спектаклѣ роль схимника въ трагедіи гр. А. К. Толстого: «Смерть Іоанна Грознаго». Спектакль предназначался на поддержку, какъ онъ тогда выразился, *ужасной* дѣтской больницы,—больницы для тѣхъ дѣтей, которыя наслѣдовали отъ своихъ грѣшныхъ родителей зачатокъ, а иногда и гораздо болѣе чѣмъ зачатокъ, разъѣдающаго весь организмъ, недуга. Но не менѣе ужасала Достоевскаго въ продолженіе всей его жизни и другая зараза—нравственная, точно также поражающая дѣтей подъ тлетворнымъ вліяніемъ родителей или воспитателей, наконецъ, вообще *большихъ*, такъ

---

[1]) Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ 1882 г. Напечатаны были въ журналѣ «Женское образованіе» того же года.

мало останавливаемыхъ, при своихъ сношеніяхъ съ дѣтьми, мыслью о своихъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ духовныхъ недугахъ! Какъ часто предостерегалъ Достоевскій въ своихъ сочиненіяхъ отъ тѣхъ легкомысленныхъ, а иногда и злоумышленныхъ, упражненій большихъ надъ дѣтьми, которыя могутъ быть прямо названы своего рода избіеніемъ младенцевъ! Между тѣмъ, духовная эпидемія еще далека отъ того, чтобы замѣтно идти на убыль. Давно-ли мы читали объ 11-лѣтнемъ мальчикѣ, который лишилъ себя жизни отъ безнадежной любви? О, какъ недостаетъ теперь «Дневника писателя!» Достоевскій раскрылъ-бы намъ въ немъ эту страшную тайну, хотя-бы передъ нами даже и не раскрылись непосредственные факты; онъ-бы угадалъ эту тайну тѣмъ глубокимъ своимъ ясновидѣніемъ психолога, которое доступно только такой высокой и чистой душѣ! Вспомните, какъ онъ въ 1876 г. сперва только сообщилъ въ своемъ «Дневникѣ» о томъ, какъ дѣвушка выбросилась въ окно съ образомъ въ рукахъ—значитъ, не освободившись отъ вліянія религіозныхъ преданій, — а немного спустя далъ намъ также и цѣлую повѣсть на эту тему, такую хватающую за душу повѣсть: «Кроткая». Также болѣе или менѣе отозвался-бы онъ и на это недавнее самоубійство влюбленнаго ребенка, если-бы только дожилъ до нашихъ дней. Но обратимся къ образамъ хотя и не въ такой мѣрѣ, но все-же преждевременно и болѣзненно-развитыхъ дѣтей, которыхъ успѣлъ намъ выставить Достоевскій.

Вотъ прежде всего его «Маленькій герой», которому было безъ малаго также 11 лѣтъ. Повѣсть эта, написанная въ 1848 г., когда Достоевскій находился въ крѣпости, вовсе не похожа — какъ и всѣ, впрочемъ, произведенія Достоевскаго — на повѣсть, написанную «заговорщикомъ», а затѣмъ и политическимъ «каторжникомъ!» Въ первомъ лицѣ разсказываются тутъ невиннѣйшія воспоминанія дѣтства, т.-е., если угодно, въ нихъ далеко *не невинными*—хотя и не въ томъ совершенно смыслѣ—оказываются *большіе*. Неподходящая для ребенка среда не-

сомнѣнно ему тутъ вредитъ, хотя тутъ нимало не замѣшана *нужда* или какія-нибудь *жизненныя невзгоды*. Напротивъ, мальчикъ попадаетъ въ богатую и самую веселую, безъ расклона веселую обстановку—въ наполненный гостями помѣщичій домъ, попадаетъ и самъ на гощенье—одинъ, безъ родителей. «Только одна блестящая сторона картины,—разсказываетъ онъ,—могла броситься въ мои дѣтскіе глаза, и это всеобщее одушевленіе, блескъ, шумъ—все это, доселѣ невиданное и неслыханное мною, такъ поразило меня, что я въ первые дни совсѣмъ растерялся и *маленькая голова моя закружилась*». Правда, тутъ были не одни большіе, но эти послѣдніе слишкомъ давали ему себя знать. «Тутъ были,—говоритъ онъ,—и другія дѣти, но всѣ — или гораздо моложе, или гораздо старше; да, впрочемъ, не до нихъ было мнѣ. Конечно, ничего-бъ и не случилось со мною, еслибъ я не былъ *въ исключительномъ положеніи*. На глаза всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ я все еще былъ то-же маленькое, неопредѣленное существо... *съ которымъ имъ можно было играть, какъ съ маленькой куклой*» ...И какъ часто большіе играютъ съ дѣтьми, какъ съ куклами; подчасъ играютъ съ ними такимъ образомъ и родители, не дающіе себѣ какъ-бы отчета въ томъ, что въ ребенкѣ есть уже *живая душа!* Но тутъ игра съ мальчикомъ, какъ съ куклою «прекрасныхъ дамъ», принимала для него совершенно особенный оборотъ. «Странное дѣло! — припоминаетъ онъ, — какое-то непонятное мнѣ самому ощущеніе уже овладѣвало мною; что-то шелестило уже по моему сердцу до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему, но отчего оно подчасъ горѣло и билось, какъ испуганное, и *часто неожиданнымъ румянцемъ обливалось лицо мое*». Еще счастье, можетъ быть, что игра съ нимъ, какъ съ куклой, не только подобнымъ образомъ шевелила, но и *оскорбляла* мальчика. Когда безпощадная блондинка вздумала его усадить къ себѣ на колѣни, онъ просто на нее разсердился. «Мои привиллегіи,—говоритъ онъ,—серьезно начали меня обижать и совѣстить». Но ему приходится тутъ сознаться, что «этому была еще причина тонкая, странная,

глупая». У несносной блондинки была тутъ-же, между гостями, подруга—характера совершенно противоположнаго: «возлѣ нея,—вспоминаетъ онъ,—всякому становилось какъ-то лучше, какъ-то свободнѣе, какъ-то теплѣе, и, однако-жъ, ея грустные большіе глаза, полные огня и силы, смотрѣли робко и безпокойно... и эта странная робость такимъ уныніемъ покрывала подчасъ ея тихія, кроткія черты... что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ-же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль». Въ мальчикѣ, въ сущности, пробуждалось только святое и чистое чувство *жалости*, растворяемое столь свойственнымъ дѣтскому возрасту *любопытствомъ*— желаніемъ разгадать мудреную тайну этой глубокой грусти. Но обращеніе съ нимъ «прекрасныхъ дамъ» и особенно легковѣсной блондинки заставляетъ мальчика перевести это вотъ уже на какой языкъ: «я чуть не задыхался отъ смущенія, стыда и боязни, — словомъ, *я былъ влюбленъ;* т.-е. положимъ, что я сказалъ вздоръ... но отчего-же изъ всѣхъ лицъ, меня окружавшихъ, только одно лицо уловлялось моимъ вниманіемъ». Исключительное вниманіе къ ней дѣлало для мальчика особенно мучительными насмѣшки надъ нимъ въ присутствіи m-me M*. Между тѣмъ безсовѣстная блондинка воспользовалась имъ, какъ средствомъ отвести глаза такому близкому къ ея подругѣ лицу, какъ ея мужъ. «Я былъ выдвинутъ,— вспоминаетъ мальчикъ,—на первый планъ, какъ заклятый врагъ и естественный соперникъ m-r M*., въ чемъ тиранка моя тутъ-же поклялась, дала слово.... что, напримѣръ, сегодня въ лѣсу она видѣла...» Какъ какой-нибудь юноша, дѣйствительно въ первый разъ полюбившій, этотъ ребенокъ съ ужасомъ говоритъ: «все открыто, все обнаружено, все, что я такъ ревниво сберегалъ и таилъ». Но онъ чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ, съ этой своею любовью, *смѣшонъ*, и въ отместку, чисто по-дѣтски, выставляетъ смѣшною и эту потѣшающуюся надъ нимъ даму съ ея запоздалыми шалостями: «и не стыдно вамъ... вслухъ, при всѣхъ дамахъ, говорить такую худую... неправду? вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ?

что они скажутъ? Вы, такая большая, замужняя!» Но бѣдному мальчику мало, что и она оказывается смѣшною; ему надобно заставить позабыть то глупое положеніе, въ какое она его поставила,—и вотъ онъ хватается за неожиданно представившійся случай показать себя совершенно съ другой стороны: опять и столько-же легкомысленно раздразненный своею мучительницей, онъ безстрашно вскакиваетъ на бѣшенаго коня, отъ котораго только-что отказался взрослый. Игра съ ребенкомъ, какъ съ куклой, обратилась въ опаснѣйшую игру, и взрослой шалуньѣ данъ такой урокъ, котораго она, надо надѣяться, не забудетъ. Мальчика, къ счастью, сняли съ лошади цѣлымъ и невредимымъ. Онъ выходитъ изъ всей этой передряги вполнѣ невредимымъ и нравственно. При всемъ преждевременномъ потрясеніи въ его нервной системѣ, его, такъ имъ названная, *влюбленность* остается на степени чувства состраданія къ добрѣйшему, какъ онъ чуетъ, но несчастному существу. Дѣлаясь невольнымъ участникомъ тайны, отъ которой отводились блондинкой глаза мужа m-me M*., мальчикъ, несмотря на дѣтское свое любопытство, не пытается въ нее проникнуть самъ и заботливо сберегаетъ ее отъ другихъ. Не столько понимая, сколько чуя сердцемъ, какъ важно для нея, чтобы никто ничего не узналъ, онъ старается самымъ незамѣтнымъ образомъ подать ей оброненное ею письмо... Мальчика спасаетъ то, что съ нимъ все-таки только *играли*, и что въ немъ уцѣлѣли лучшія стороны его чистой дѣтской природы... Но представьте себѣ уже не игру, а умышленное и упорное систематическое воздѣйствіе на ребенка—представьте себѣ его жертвою *пропаганды*. Пусть только позаботятся хорошенько ему внушить, что жалость, сочувствіе — прививной вздоръ, что въ природѣ вещей только любовь для себя, любовь, ожидающая отвѣта, неизбѣжно ревнивая, т.-е. никому не уступающая своего мѣста, что всякое пробудившееся стремленіе должно быть непремѣнно удовлетворено, что при неудовлетворенности нашихъ стремленій не стоитъ и жить, что оборвать свою жизнь всегда можно, что вопросъ:

«какіе *тамъ* будутъ сны»—чистый вздоръ, потому что *тамъ* ничего не будетъ... Представьте себѣ, что все это искусно напущено на ребенка—и вотъ, вмѣсто героическаго прыжка на какую-нибудь бѣшеную лошадь, уже становится возможнымъ дѣтской ручонкой пустить себѣ пулю въ лобъ... Но когда Достоевскій, сидя въ крѣпости, писалъ свою повѣсть, подобной пропаганды еще не существовало... То были не тѣ «заговорщики», которымъ-бы надобно было, ради расчистки для себя почвы, все подорвать, все разрушить. То были еще энтузіасты, идеалисты, и Достоевскому, конечно, тогда и не снилось, чему свидѣтелемъ придется ему быть потомъ, по возвращеніи его изъ Сибири, противъ чего придется ему возставать всѣми силами своей глубоко-человѣчной души, неспособной никому поддакивать.

Но возвратимся къ дѣтскимъ типамъ его первой поры. Незадолго до его катастрофы нарисована имъ, съ самою тщательною отдѣлкой въ подробностяхъ, «Неточка Незванова», опять сама же и разсказывающая, какъ и «маленькій герой», свои разнообразныя дѣтскія похожденія и *бѣдствія*, къ сожалѣнію оставшіяся недосказанными вслѣдствіе катастрофы, постигшей автора. Дѣтство, впрочемъ, разсказано все; перерывъ относится уже къ началу юности Неточки. У нея былъ отчимъ—музыкантъ, котораго можно назвать самолюбивымъ неудачникомъ. Онъ съ горя запиваетъ и все, что добывается несчастной его женой, не идетъ въ прокъ семьѣ. Понятно, что жена преслѣдуетъ своего безпутнаго мужа попреками. Неточка, ея дочь отъ перваго брака, не умѣя разсудить, какъ ребенокъ, въ чемъ тутъ дѣло, *сердцемъ* принимаетъ сторону отчима, повидимому, такого тихаго, рѣдко что-нибудь отвѣчающаго на попреки. Передъ нею разыгрываются такія сцены, которыя происходятъ подчасъ и въ очень достаточныхъ благоустроенныхъ съ виду семействахъ, гдѣ однако-же родители не стѣсняются ссориться на глазахъ у дѣтей, хотя бы у этихъ родителей и не было оправданія въ крайней нуждѣ и томъ, до чего она доводитъ.

Неточка разсказываетъ объ этомъ: «я ужасно *боялась матушки* и предполагала, что и всѣ также боятся ее». Дѣло въ томъ, что ея несчастная, ожесточенная мать постоянно относилась къ ней съ суровою строгостью, забывая, подъ гнетомъ своихъ житейскихъ заботъ, какъ необходима ребенку *ласка*. Вотъ эта-то ласка и составила ту лазейку, какою прокрался въ ея, любящее и ищущее любви, сердечко безпутный Ефимовъ. «Батюшка позвалъ меня,—говоритъ она,—поцѣловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я крѣпко-крѣпко прижалась къ груди его; *это была, можетъ быть, первая ласка родительская*»... Но вѣдь дѣти такъ наблюдательны, вдумчивы, хотя и думаютъ болѣе, такъ сказать, сердцемъ, нежели разсудкомъ. «Я замѣтила,—вспоминаетъ Неточка,—что заслужила милость отца тѣмъ, что за него заступилась...» Это, конечно, польстило въ ней самолюбивой замашкѣ дѣтей походить на старшихъ. «Съ этой минуты,—говоритъ она,—началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу, но чудная любовь, какъ будто *вовсе не дѣтская*. Я бы сказала, что это было скорѣе какое-то сострадательное *материнское* чувство, если-бы такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти»... Подчасъ ей однако-же становилось жаль и эту общую ихъ гонительницу—мать. Точно начинало чуять ея вдумчивое сердечко, что суровость и холодъ ея обхожденія въ свою очередь заслуживаютъ не чего иного, какъ состраданія... И оно бы сразу появилось въ дѣвочкѣ, если-бы только вполнѣ разъяснилась для нея судьба матери. Но отца ей было легче понять. «Мнѣ было до боли мучительно вспоминать,—сознается она,—что я такъ упорно холодна съ бѣдной матушкой... Онъ какъ-то былъ,—поясняетъ Неточка,—мнѣ болѣе *ровня*». Но вотъ сквозь ту лазейку, которую проложилъ онъ себѣ въ ея сердце, едва не прокралась туда порча нравственная. Отчимъ, видя, что мать посылаетъ ее за скудными принадлежностями ихъ хозяйства, сталъ вымогать у нея частичку довѣряемыхъ ей денегъ. Дѣвочка, изъ любви къ нему, стала пріобрѣтать привычку обманывать бѣдную мать.

Изъ благодарности онъ покупалъ ей, на остатокъ отъ ею же данныхъ денегъ, кое-какіе грошовые гостинцы, и она принимала отъ него это выраженіе его любви. Но онъ зашелъ, наконецъ, слишкомъ далеко—обнаружилъ предъ нею свое нутро, далеко не столь чистое, какъ ей представлялось, и это-то и вызвало отпоръ въ здоровой сторонѣ ея дѣтской природы, это-то и спасло ее отъ нравственной порчи. Онъ потребовалъ, чтобы она утащила у матери цѣлыхъ 15 р. (на билетъ въ концертъ къ знаменитому виртуозу), и Неточка, мучась душевно, уже было подавалась, какъ вдругъ онъ вздумалъ посулить ей впередъ гостинцевъ. «Не нужно, папа, не нужно,—оскорбилась она,—*я не хочу гостинцевъ...* я тебѣ ихъ назадъ отдамъ». «Я почувствовала въ эту минуту, —поясняетъ она,—что ему не жалко меня, что *онъ не любитъ меня,* потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему... Меня навсегда уязвило сознаніе... что я потеряла моего прежняго папочку». Она потеряла его, какъ часто съ своей стороны теряютъ дѣтей и питомцевъ, теряютъ сразу и навсегда, хотя и вовсе не замѣчая того, очень и очень многіе родители и воспитатели, теряютъ потому, что никогда и не догадываются, какая подчасъ глубина душевная заключается въ этихъ малюткахъ. Но, теряя того, кто такъ тепло, такъ сострадательно былъ любимъ ею, она, можетъ быть, только сильнѣе жалѣетъ его. «Мамочка, мама!—всхлипываетъ она,—за что ты не любишь папу?» И крикъ этотъ, такъ отчаянно вырвавшійся изъ этой дѣтской грудки, является ужасающимъ откровеніемъ для бѣдной матери: «Бѣдная, бѣдная моя! а я и не замѣтила, какъ она выросла»... Но ей, можетъ быть, при несчастномъ заполоненіи ея всей заботами о насущномъ хлѣбѣ, было даже простительно не замѣтить этого. Да одна-ли она или ей подобные не замѣчаютъ, какъ дѣти ростутъ у нихъ на виду—или даже въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ переростаютъ?..

Семья князя, куда, послѣ внезапной гибели своихъ родителей, попадаетъ Неточка, находится, конечно, со-

вершенно въ другихъ условіяхъ. Но и тутъ пользующаяся, казалось бы, самымъ полнымъ досугомъ, мать замѣчаетъ-ли, что такое творится съ ея Катей, до какой степени уже сложенъ психическій составъ этого ребенка, у котораго завелись уже, по замѣчанію Неточки, свои пороки? Между тѣмъ Неточка привязалась къ этой Катѣ со всею беззавѣтною привязанностью ребенка, въ первый разъ, наконецъ, сошедшагося съ такимъ же ребенкомъ. «Я была влюблена въ мою Катю, — говоритъ она, — все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею; *всѣ были приняты* и находились въ состояніи борьбы...» Безъ малѣйшей зависти или ревности замѣчаетъ Неточка, что, когда ихъ бывало выводили гулять, всѣ прохожіе останавливались, какъ пораженные, т.-е. они останавливались передъ Катей, дивясь неописанной красотѣ этого ребенка, который, по замѣчанію Неточки, точно будто родился на счастье. И Неточка вмѣстѣ съ другими восторгается своей Катей и радуется всею душой, что она «родилась на счастье». За то Катя далеко не способна ни восторгаться Неточкой, ни радоваться за нее. Катя, при всемъ, окружающемъ ее такъ любовно и такъ привольно уже съ колыбели, вполнѣ способна и ревновать и завидовать. Но «главнымъ порокомъ Кати,—по замѣчанію Неточки,—была *гордость*... Противорѣчіе, каково-бы оно ни было, не обижало, не сердило ее, а только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что-нибудь иначе, нежели какъ бы она захотѣла. Но чувство справедливости,—замѣчаетъ, однако, ея маленькая подруга,—всегда брало верхъ въ ея сердцѣ». Кто знаетъ? это, можетъ быть, именно оттого, что, хотя отъ колыбели на нее, какъ на Державинскаго «Вельможу», расходовался каждодневно «всеміpный трудъ», и она привыкла видѣть во всемъ и во всѣхъ только *средства* для достиженія одной *цѣли*—ея удовольствія, и ей однако-же случалось подчасъ испытать въ своемъ маленькомъ, но сильно требовательномъ сердцѣ горькое чувство очевидной несправедливости. Вотъ тутъ и могло выходить по пословицѣ: нѣтъ худа безъ добра.

Большое «худо» была, конечно, въ воспитательномъ отношеніи *неровность* въ обращеніи съ нею матери,—*нервной*, какъ множество матерей, дѣвическіе годы которыхъ протекли въ большомъ свѣтѣ съ его безпутнымъ образомъ жизни и въ гостяхъ, и дома. Мать то безумно ее баловала, то вдругъ причудливо преслѣдовала ее, Богъ вѣсть за что, чтобы потомъ опять зацѣловать и залить всю слезами.

Но это «худо» оборачивалось отчасти «добромъ»: Катя узнала, что значитъ несправедливость, и стала способна подмѣчать поползновенья на несправедливость въ самой себѣ. Съ другой же стороны обиды, не разъ достававшіяся на ея долю отъ блажной матери, ожесточали ее, т.-е. усиливали въ ней эгоизмъ, который и сказывался въ ней по отношенію къ Неточкѣ ревностью и завистью. Неточку хвалили передъ Катей за прилежаніе и кроткій нравъ, и всѣ эти похвалы западали въ сердце Кати, какъ обида, наносимая ей, и тѣмъ болѣе тяжелая, что такую «обиду» былъ способенъ ей наносить даже всегда ровный и спокойный отецъ. Эгоизмъ, поддерживаемый произволомъ матери, окончательно сдѣлалъ изъ Кати маленькаго деспота. «Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать», вспоминаетъ Неточка. Но увы! ей рѣшительно не поддавалось такое важное лицо въ домѣ, какъ бульдогъ Фальстафъ, когда-то вытащившій изъ воды маленькаго брата Кати и пользовавшійся за то безграничнымъ фаворомъ княгини. Фальстафъ въ свою очередь только одной княгинѣ и позволялъ себя погладить. Катя рѣшила во что бы то ни стало добиться хоть разъ того же,—конечно, на глазахъ у этой несносной Неточки, которую ставили ей такъ часто въ примѣръ: пусть она видитъ, какая Катя храбрая, пусть ее натерпится за Катю страха, когда Фальстафъ будетъ огрызаться и рычать, а Катя все-таки добьется своего. И Катя, въ самомъ дѣлѣ, добилась, хотя, какъ сама потомъ сознавалась, ужасно трусила «этакаго чудовища». Бѣдная же Неточка, свидѣтельница безразсуднаго подвига Кати, просто изстрадалась за свою гордую шалунью. «Погладивъ Фальстафа,—

вспоминаетъ она,—княжна бросила на меня неизъяснимый взглядъ — взглядъ, пресыщенный, упоенный побѣдой». Но вскорѣ другая побѣда должна была достаться уже на долю Неточкѣ, побѣда совсѣмъ въ иномъ родѣ, ставшая глубоко внушительною для Кати. Властолюбивая шалунья вздумала поощрить Фальстафа за то, что онъ передъ нею сдался, да притомъ же и проучить старушку княжну, тетку князя, которую Катя недавно еще слишкомъ храбро подразнила, да и поплатилась за то у княгини. Катя отворила Фальстафу заповѣдную дверь наверхъ къ старой княжнѣ. Вышелъ страшный переполохъ на весь домъ; когда же дѣло дошло до допроса, то маленькая озорница вдругъ струсила. Вотъ тутъ-то и настанетъ чередъ Неточкѣ показать свою совершенно другого рода храбрость—храбрость изъ самоотверженной любви къ Катѣ. Она беретъ вину на себя. Въ сладостномъ упоеніи отъ своего подвига, Неточка идетъ въ «темницу», какъ называли онѣ на своемъ дѣтскомъ фантастическомъ языкѣ ту темную комнату, которая служила имъ для наказанія. Катя допускаетъ это, Катя преспокойно молчитъ. Впослѣдствіи она сознается Неточкѣ: «а вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла». Она видѣла въ этомъ выраженіе безграничной любви къ себѣ Неточки; она приняла эту жертву, какъ какую-то подобающую ей дань. Но когда Неточка, по случайной забывчивости m-me Леотаръ, слишкомъ долго просидѣла въ «темницѣ», Катѣ вдругъ ее стало жаль, Катя вдругъ за нее испугалась и пустилась освобождать ее. Дѣло въ томъ, что въ сердцѣ Кати, наконецъ, неудержимо сказалось чувство отвѣтной любви къ Неточкѣ,—чувство, въ сущности, давно въ ней таившееся, но котораго Катя, по своей гордости, до сихъ поръ стыдилась. Неточка, по неудачному выраженію извѣстнаго критика 60-хъ годовъ, «уничтожавшаяся» передъ Катей (вспомнимъ, что критикъ все у Достоевскаго подводилъ подъ одно понятіе о «забитости»), оказываетъ на Катю такое воспитательное вліяніе, какого не имѣли не только нервная мать, но и спокойный и ровный отецъ, и добрая, хотя и безтолково-

набравшаяся взглядовъ Руссо, m-me Леотаръ. Неточка открываетъ въ Катѣ цѣлую непочатую руду *любви*, которой она съ этихъ поръ не будетъ уже стыдиться, и которая окончательно побѣдитъ въ ней ея прививную *гордость*. Начинаются долгія откровенныя объясненія между двумя дѣвочками. Катя сознается, что долго она чувствовала какую-то антипатію къ Неточкѣ (ту *антипатію*, въ которую подчасъ маскируется непризнающаяся, по тѣмъ или другимъ причинамъ, любовь). «Я вѣдь глупа была, Неточка,—объясняется сдавшаяся наконецъ княжна,—я все зла была на тебя». Да «за что же?» недоумѣваетъ Неточка. «Прежде за то, что ты лучше меня, потомъ за то, что тебя папа больше любитъ...» «Мнѣ очень хотѣлось любить тебя,—продолжаетъ она свою исповѣдь,—а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется и такъ ненавижу, такъ ненавижу... А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужь замучу я ее, скверную... Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе, сама глупенькая, плакса такая, глаза голубенькіе, си...ро... точка ты моя!!!»

Но не кто иной, какъ ея мать, та-же блажная мать, вскорѣ позаботилась устранить это новое воспитательное начало изъ жизни маленькой Кати. «Княгиня,—говоритъ Неточка,—уже ревновала ко мнѣ свою дочь. Она увѣрила себя и стала увѣрять другихъ, что «какъ бы ни была мала эта сиротка, нельзя ни за что ручаться. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ матери всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ быть, правила». Между тѣмъ, если и было что-нибудь нездоровое въ отношеніяхъ Неточки въ Катѣ, то развѣ крайняя нервозность Неточки, сообщавшаяся и ея подругѣ— но вѣдь едва ли менѣе раздражительно дѣйствовала на Катю сама мать, не выкупавшая этого раздражительнаго на нее дѣйствія тѣмъ, чѣмъ выкупала его Неточка [1].

[1]) Когда вышла въ свѣтъ книжка для дѣтей, составленная изъ сочиненій Достоевскаго, и въ ней оказался и эпизодъ Неточки и Кати, одинъ журналъ

Какъ бы то ни было, Катя съ матерью уѣзжаетъ въ Москву и результатомъ разлуки двухъ сдружившихся дѣвочекъ является то, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя Катя уже не знаетъ, о чемъ писать «своей сироточкѣ». Между тѣмъ Неточка попадаетъ въ новую среду—къ замужней дочери князя. У нея нѣтъ дѣтей и Неточкѣ не съ кѣмъ завязать новой дружбы. Къ счастью, такая дружба мало-по-малу завязывается у нея съ самой, пріютившей ее, Александрой Михайловной, завязывается, несмотря на всю разницу возраста. Дѣло въ томъ, что Неточка, по ея собственнымъ словамъ, «прежде чѣмъ начала жить, уже угадала многое въ жизни», а Александра Михайловна, при всей блестящей своей обстановкѣ, очень несчастлива. Потому то и смотритъ она на прошлое Неточки совсѣмъ не тѣми глазами, какъ княгиня. «Я съ моимъ несчастнымъ дѣтствомъ, — говоритъ Неточка, — внушала Александрѣ Михайловнѣ вмѣстѣ съ состраданіемъ какъ будто какое-то уваженіе». Но тутъ начинается уже для Неточки переходъ къ отрочеству, а затѣмъ и къ юности, и намъ остается оставить ее съ дальнѣйшимъ развитіемъ ея отношеній къ несчастной Александрѣ Михайловнѣ. Приведемъ въ заключеніе воспоминанія Неточки о вліяніи на нее того чтенія безъ разбора, которому она все болѣе и болѣе предавалась. «Судьба, — говоритъ Неточка, — хранила меня: то, что я узнала и выжила до сихъ поръ, было такъ благородно, такъ строго, что теперь меня уже не могла соблазнить какая-нибудь лукавая, нечистая страница. Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и все мое прошедшее».

Неточка имѣла возможность сказать, что ее *хранило* ея прошедшее. Оно, при всѣхъ тягостныхъ впечатлѣніяхъ, все же оберегало ее отъ впечатлѣній грязныхъ, развращающихъ. Далеко не таково было прошлое другой дѣвочки Достоевскаго, Нелли, съ которою онъ насъ знако-

---

замѣтилъ, что ихъ дружескія отношенія подробностями ихъ проявленія могутъ подѣйствовать соблазнительно на дѣтское воображеніе. Должно быть у самого редактора оно очень загрязнено.

митъ въ 12—13 лѣтъ (въ романѣ «Униженные и Оскорбленные»). Чего только не испытала, чего не видала она въ свою короткую, но полную уже всяческимъ опытомъ, жизнь! Но и ее спасаетъ ея дѣтскій инстинктъ—тотъ инстинктъ добра, упорную живучесть котораго, несмотря ни на что, такъ любилъ выставлять Достоевскій. Нелли брошена отцомъ на рукахъ у матери, которую онъ въ свое время склонилъ на побѣгъ отъ ея отца, оскорбленнаго ею и разореннаго, не соглашающагося простить ее и послѣ того, какъ она оказывается брошенною мужемъ. Нелли приходится быть посредницею между больною и нищею матерью и почти столь-же нищимъ, озлобленнымъ дѣдомъ. Сострадательное сердце ребенка не выноситъ этого озлобленія. Безгранично любя свою несчастную мать, Нелли говоритъ дѣду, что не уйдетъ отъ него, пока онъ не дастъ ей денегъ на лѣкарство для матери. Когда дѣдъ, наконецъ, выбрасываетъ ей на лѣстницу свои, въ самомъ дѣлѣ, послѣднія семь гривенъ — въ разсыпающихся по лѣстницѣ мѣдныхъ пятакахъ, она подбираетъ ихъ, покупаетъ лѣкарство, а потомъ идетъ собирать милостыню, чтобы добыть эти семь гривенъ и швырнуть ихъ дѣду въ дверь точно такъ же, какъ онъ ихъ ей вышвырнулъ. Она не хочетъ, чтобы мать одолжалась ему;—пусть ужь лучше чужимъ, незнакомымъ людямъ. Занимая съ матерью уголъ, она научилась ходить за милостыней отъ нанимателей другихъ угловъ. Тѣмъ, что удавалось собрать, она хоть на время зажимала ротъ злющей квартирной хозяйкѣ, не перестававшей попрекать ея мать даже послѣ ея смерти. Считая эту дѣвочку какъ-бы живою уплатою за долги покойной, Бубнова, съ гнуснымъ умысломъ, вдругъ начинаетъ ее рядить въ кисейное платье. Такая необычайность вызываетъ въ Нелли какой-то инстинктъ опасности, заставляющій ее съ отвращеніемъ рвать на себѣ это нарядное платье. Какъ разъ во-время судьба посылаетъ ей человѣка, который ее вырываетъ изъ рукъ Бубновой. Но она слишкомъ не избалована людьми, слишкомъ не привыкла имъ довѣрять. Она относится недовѣрчиво и къ своему неудачному благодѣтелю,—она сейчасъ-же и хо-

четъ ему заплатить своими трудами на него. Когда онъ на-отрѣзъ отказывается отъ этого, Нелли, не привыкшая никому *лично* одолжаться, готова оставить его и вернуться къ Бубновой—тѣмъ болѣе, что считаетъ себя еще не совсѣмъ расквитавшейся съ нею за мать. Тотъ-же критикъ 60-хъ годовъ, о которомъ говорено выше, подводя и Нелли подъ общее начало «забитости», находилъ, что она даже «злобно рада побоямъ, достававшимся ей отъ Бубновой». Да, она готова на нихъ промѣнять даровой пріютъ и ласку Ивана Петровича, чтобы только не жить у него даромъ, не одолжаться; а это едва-ли можно назвать «забитостью». Когда Иванъ Петровичъ ей говоритъ, что Бубнова ее погубитъ, Нелли, все же хорошенько не понимая (несмотря на свое кисейное платье у Бубновой) настоящаго смысла этихъ словъ, съ какимъ-то сладострастіемъ мученичества восклицаетъ: «пусть погубитъ, пусть мучаетъ—не я первая; другія и лучше меня, да мучаются. Это мнѣ нищая на улицѣ говорила. Я бѣдная и хочу быть бѣдною. Всю жизнь буду бѣдная; такъ мнѣ мать велѣла, когда умирала. Я работать буду». И тутъ опять *забитость* едва ли достаточное опредѣленіе. Но критикъ уже вполнѣ проглядѣлъ ту, такъ сказать, *философію нищенства*, съ которою познакомилась Нелли на улицѣ, и которая подѣйствовала на нее въ своемъ родѣ воспитательно, потому что въ этой философіи сказывается начало *братской любви*. Не вѣря въ отдѣльности ни въ кого, Нелли, въ силу этой философіи, спасаетъ въ себѣ вѣру *въ людей вообще*, какъ спасаетъ въ себѣ и любовь къ нимъ, когда говоритъ: «другія и лучше меня, да мучаются». Нелли настойчиво исповѣдуетъ передъ Иваномъ Петровичемъ эту философію нищенства, говоря: «милостыню не стыдно просить; я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу, а всѣ не одинъ человѣкъ; *у одного стыдно, а у всѣхъ не стыдно;*—такъ мнѣ одна нищенка говорила». Но Иванъ Петровичъ заставляетъ ее, наконецъ, увѣровать и въ доброту *отдѣльнаго человѣка*—и вотъ она отдается ему беззавѣтно, всѣмъ сердцемъ, всею полнотою своей, не по-дѣтски развитой, любви. Но вѣдь

развитіе Нелли было, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ ускорено преждевременно. Ея любовь къ Ивану Петровичу прямо переходитъ въ то чувство, которое только вообразилъ въ себѣ «маленькій герой» Достоевскаго, но которое дѣйствительно сказывается въ ней—*влюбленность*. Она хочетъ всецѣло владѣть сердцемъ своего благодѣтеля и начинаетъ его ревновать къ той взрослой дѣвушкѣ, въ которой онъ также принимаетъ участіе. Иванъ Петровичъ долго даже не можетъ понять, что всѣ капризы Нелли именно и объясняются ревностью. Нарочно разбивъ поданную ей чашку съ лѣкарствомъ, она, больная, убѣгаетъ отъ него просить по старой привычкѣ милостыню, чтобы купить ему другую чашку, потому что не хочетъ оставаться должною человѣку, который ее *обижаетъ*: она вѣдь считаетъ заботы его о Наташѣ обидой себѣ. Но этотъ болѣзненный, выработанный ненормальнымъ развитіемъ, *эгоизмъ* вскорѣ встрѣчаетъ отпоръ въ томъ *сострадательномъ* началѣ, которое также развито въ ней тою же горькой участью. Ивану Петровичу стоитъ только сказать ей, что ея «соперница» Наташа несчастна, такъ же точно несчастна, какъ ея покойная мать, но что она, Нелли, могла бы помочь ей, могла бы ее помирить съ отцомъ, разсказавъ ему исторію своей бѣдной матери,—и Нелли немедленно на то соглашается. Она влагаетъ въ этотъ разсказъ всю свою душу. Отецъ Наташи растроганъ и тутъ же принимаетъ въ свои объятія свою опальную дочь. Она спасена задушевнымъ заступничествомъ этого ребенка, вторично переживающаго во время своего разсказа свою многострадальную жизнь, съ которой при всей ея краткосрочности не можетъ сравниться по глубинѣ содержанія и самая долгая жизнь, протекшая при обыкновенныхъ условіяхъ. Но то душевное напряженіе, съ какимъ соединяется для Нелли этотъ разсказъ, оказывается не по ея физическимъ силамъ: совершивъ свой великій подвигъ любви, Нелли вскорѣ затѣмъ умираетъ. Но таже энергія, которую проявляетъ этотъ, столь преждевременно созрѣвшій, ребенокъ въ *любви*, проявляется

у него и въ прямо противоположномъ чувствѣ — *ненависти*. И на смертномъ одрѣ она не прощаетъ обидчика своей матери, хотя этотъ обидчикъ — ея отецъ. «Поди къ *нему*, — говоритъ она Ивану Петровичу, — и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я евангеліе недавно читала, а *его* все-таки не простила потому что, когда мамаша умирала и еще могла говорить, то послѣднее, что она сказала, было: *проклинаю его*: ну, такъ и я *его* проклинаю, не за себя, а за мамашу проклинаю...» При этомъ Нелли завѣщаетъ послѣ своей смерти снять съ ея груди ладонку. Въ этой ладонкѣ находится письмо къ *нему* ея матери, которая, какъ оказывается, готова была простить его *тамъ*, если онъ не отвергнетъ свою дочь, свою *настоящую дочь*. Выходитъ, что Нелли должна была съ этимъ письмомъ пойти къ нему, къ *настоящему* своему отцу. Но Нелли не исполнила завѣщанія: она знала все, но не пошла къ князю и умерла непримиренная. Тотъ же знаменитый критикъ 60-хъ годовъ утверждалъ, будто вся сила въ томъ, что ей «нужны документы, а у нея ихъ нѣтъ; нужно быть юристомъ, чтобъ затѣять дѣло, да и у князя есть деньги и связи подѣйствительнѣе всѣхъ юристовъ». Между тѣмъ Достоевскій хотѣлъ сказать несравненно болѣе. Если-бы самые неподкупнѣйшіе юристы стали за Нелли и заставили князя ее обезпечить — она точно такъ-же швырнула-бы ему назадъ его тысячи, какъ прежде швырнула дѣду его пятаки. Никакое правосудіе въ мірѣ не поправило бы въ глазахъ этого ребенка *той обиды*, сознаніе которой она уноситъ съ собою *туда*... «Я лучше хотѣла быть у Бубновой, а къ нему не пошла», — говоритъ она.

У Бубновой? Конечно, она все-таки хорошенько не понимаетъ, что бы сдѣлали съ ней у Бубновой, еслибъ не вырвалъ ее оттуда еще во-время Иванъ Петровичъ. А сколько дѣтей погибаетъ у подобныхъ Бубновыхъ — по такому же небреженью своихъ случайныхъ и даже не случайныхъ отцовъ! Вотъ передъ нами Полечка (въ «Преступленіи и наказаніи»), охватившая своими худень-

кими ручонками Раскольникова и промолвившая сквозь слезы: «папочку жалко» послѣ того, какъ этотъ папочка былъ раздавленъ на улицѣ «пьяненькій» (какъ онъ, бывало, самъ выражался) наѣхавшею на него каретою! Что же ждетъ впереди этого нѣжнаго, любящаго ребенка? Самъ этотъ ихъ «благодѣтель»—Раскольниковъ, отдавшій имъ послѣдніе двадцать рублей и нравственно было воскресшій отъ своего добраго дѣла послѣ уже совершеннаго имъ тогда преступленія, — самъ онъ, когда этотъ мгновенный просвѣтъ въ его душѣ померкъ, въ отчаяніи задаетъ ея старшей сестрѣ, этой уже «погибшей» Сонѣ, такіе понятные и убійственные для нея вопросы: «Развѣ Полечка не погибнетъ? Неужели не видала ты здѣсь дѣтей по угламъ, которыхъ матери милостыню высылаютъ просить? Я узнавалъ, гдѣ живутъ эти матери и въ какой обстановкѣ. Тамъ дѣтямъ нельзя оставаться дѣтьми. Тамъ семилѣтній развратникъ и воръ. А вѣдь дѣти — образъ Христовъ: «сихъ есть царствіе Божіе». Онъ велѣлъ ихъ чтить и любить, они будущее человѣчество...»

Но Полечка, можетъ быть, и не погибнетъ. Нашелся человѣкъ, позаботившійся найти ей пріютъ и дать ей образованіе, чтобы хоть подъ конецъ своей многогрѣшной, собственною-же рукою прерываемой, жизни, сдѣлать доброе дѣло... Да, Полечка обязана своимъ, не совсѣмъ еще, однако, вѣрнымъ спасеньемъ тому, что когда-то погибла другая дѣвочка...

Вотъ какой сонъ снился г. Свидригайлову наканунѣ его самоубійства. Ему снился гробъ; гирлянды, цвѣты обвивали его со всѣхъ сторонъ. «Вся въ цвѣтахъ лежала въ немъ дѣвочка... строгій и уже окостенѣлый профиль ея лица былъ какъ-бы выточенъ изъ мрамора, но улыбка на блѣдныхъ губахъ ея была полна какой-то не дѣтской, безпредѣльной скорби и великой жалобы. Свидригайловъ зналъ эту дѣвочку; ни образа, ни зажженныхъ свѣчей не было у этого гроба и не слышно было молитвъ. Эта дѣвочка была самоубійца-утопленница; ей было только 14 лѣтъ...»

Но есть у Достоевскаго дѣтскій образъ, писанный уже прямо съ натуры. Онъ написалъ его за границей—въ Лондонѣ, который изображается у него въ его «Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» вслѣдъ за Парижемъ въ главѣ подъ заглавіемъ: «Ваалъ». Вотъ въ какомъ видѣ представляется у него одна изъ безчисленныхъ неповинныхъ жертвъ, приносимыхъ этому старому божеству, культъ котораго вовсе не упраздненъ новѣйшею цивилизаціею «христіанскихъ» (какими онѣ все-же числятся) націй: «Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести, не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивающее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ-бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ-знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько отчаянія и проклятія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги».

Мы еще далеко не исчерпали всего, что относится у Достоевскаго до дѣтей, но и этого уже достаточно, чтобы признать его самымъ сильнымъ проповѣдникомъ на убійственный для нашей совѣсти текстъ: «блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ».

II.

Что нужно большимъ для того, чтобы стать въ настоящія, въ здоровыя отношенія къ дѣтямъ? Отвѣтъ на

это Достоевскій всего яснѣе даетъ своимъ «Идіотомъ», у котораго, по его болѣзненности, такъ дологъ былъ, если можно такъ выразиться, дѣтскій возрастъ. — Каковы-же отношенія его, взрослаго ребенка, къ тѣмъ настоящимъ дѣтямъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ Швейцаріи? Пасторъ въ той швейцарской деревнѣ, гдѣ проживалъ въ лѣчебномъ заведеніи «идіотъ», былъ еще молодой человѣкъ и «вся его амбиція была сдѣлаться большимъ проповѣдникомъ». Слѣдствіемъ подобной его амбиціи могла-бы быть окончательная порча тѣхъ дѣтей, которыя ходили въ церковь съ большими, и безъ того уже успѣвшими достаточно извратить сердце у этихъ «хорошенькихъ птичекъ, глядящихъ на васъ такъ довѣрчиво и счастливо» (по выраженію «идіота»). Своими двусмысленными намеками въ присутствіи дѣтей (яко-бы вытекавшими изъ нравственнаго чувства), намеками, относившимися къ несчастной Мари, соблазненной и потомъ брошенной какимъ-то негодяемъ, большіе довели дѣтей до того, что и они стали въ своемъ родѣ двусмысленно подсмѣиваться надъ сострадательными отношеніями къ Мари кн. Мышкина, предполагая въ этихъ отношеніяхъ что-то другое [1]. Ему пришлось испытать со стороны этихъ маленькихъ деревенскихъ озорниковъ и озорницъ, такъ прекрасно развиваемыхъ большими, даже всѣ тѣ преслѣдованія, какія доставались отъ нихъ самой Мари въ ея жалкихъ лохмотьяхъ и съ ея чахоточнымъ кашлемъ. Безсердечіе большихъ, внушаемое имъ «строгою нравственностью», такъ эпидемически сообщилось дѣтямъ (не даромъ они любятъ во всемъ подражать большимъ), что они «всей ватагой—ихъ было человѣкъ сорокъ слишкомъ школьниковъ — стали дразнить Мари и даже грязью въ нее кидали». И вотъ этому безсердечію вскорѣ представился случай найти себѣ опору даже въ церкви — дождаться благословенія съ высоты проповѣднической каѳедры. Померла старушка мать Мари и на ея похоро-

[1]) Вотъ такіе-то намеки сдѣланы были и въ томъ журналѣ, который нашелъ эпизодъ Неточки и Кати вреднымъ для дѣтскаго воображенія.

нахъ пасторъ «не постыдился всенародно опозорить» несчастную дѣвушку... Сошлось много народу смотрѣть, какъ она будетъ плакать и за гробомъ идти... «Вотъ кто былъ причиной смерти этой почтенной женщины,—воскликнулъ пасторъ—(и неправда,—поясняетъ «идіотъ»,—потому что она уже два года была больна). Вотъ она стоитъ передъ вами и не смѣетъ взглянуть, потому что она отмѣчена перстомъ Божіимъ; вотъ она — босая и въ лохмотьяхъ — примѣръ тѣмъ, которыя теряютъ добродѣтель! Кто-же она? это дочь ея!» И все въ этомъ родѣ. «И представьте,—прибавляетъ кн. Мышкинъ, — эта низость почти всѣмъ имъ понравилась».

Но амбиціонный «профессоръ религіи» не воображалъ, что въ этомъ-же храмѣ присутствовало лицо, уже успѣвшее противопоставить ему свою тихую проповѣдь внѣ храма, но проповѣдь, въ которой именно и сохранился духъ настоящей Христовой церкви. Это и былъ тотъ заброшенный въ швейцарскую деревню послѣдній болѣзненный отпрыскъ захудалаго рода кн. Мышкиныхъ, который въ качествѣ «идіота» и передаетъ свой простодушный разсказъ великосвѣтскимъ барышнямъ въ Петербургѣ. Именно его такъ-называемое «идіотство» и составляло живой противовѣсъ «религіозной профессурѣ», потому что прямо было сродни «божественному безумію» Новаго Завѣта. Кн. Мышкинъ мало-по-малу успѣлъ опять пробудить въ дѣтяхъ, несмотря на ихъ скопированныя съ большихъ преслѣдованія и его за одно съ Мари, здоровыя стороны ихъ дѣтской природы. Онъ сумѣлъ имъ растолковать то, что пересталъ понимать просвѣщенный пасторъ, — что Мари «несчастная» (хотя кн. Мышкинъ и воспитывался вдали отъ нашего простого народа съ его глубокимъ христіанскимъ пониманіемъ этого слова). Растолковавъ это имъ, онъ сейчасъ же отбилъ у дѣтей охоту кидать въ Мари грязью, которая замѣнилась стараньемъ чѣмъ-нибудь потѣшить ее и утѣшить. Въ то время, когда пасторъ въ церкви давалъ просторъ своему обличительному краснорѣчію, дѣти уже были на сторонѣ «идіота». Вся тайна его вліянія на дѣтей—въ его безгра-

ничной любви къ дѣтямъ. «Я останавливался и смѣялся отъ счастья,—разсказываетъ онъ,—глядя на ихъ маленькія, мелькающія и вѣчно бѣгущія ножки, на мальчиковъ и дѣвочекъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, на смѣхъ и слезы... и я забывалъ тогда всю мою тоску (а она подчасъ одолѣвала его въ Швейцаріи). Потомъ-же... я и понять не могъ, какъ тоскуютъ и зачѣмъ тоскуютъ люди? *Вся судьба моя пошла на нихъ*»—т.-е. на дѣтей. И вотъ въ этомъ-то, по мнѣнію Достоевскаго, и заключается весь секретъ воспитанія. Надо отдаться этому дѣлу всею душою,—тогда оно пойдетъ хорошо. Вотъ и вся педагогика.

Школьный учитель Тибо да и самъ профессоръ Шнейдеръ (содержатель заведенія, гдѣ лѣчился кн. Мышкинъ) не были, конечно, согласны съ тѣмъ, чтобы дѣло заключалось собственно въ этомъ. Они находили даже, что вліяніе кн. Мышкина на дѣтей просто вредно, и дѣтямъ рѣшительно запретили встрѣчаться съ нимъ (конечно, они не слушались) [1]). Дѣло въ томъ, что «идіотъ» даже думалъ, будто дѣтямъ надо всегда говорить правду, будто «стыдно обмануть ребенка». Дѣти, по его мнѣнію, гораздо умнѣе, чѣмъ обыкновенно воображаютъ большіе; они непремѣнно все узнаютъ и могутъ «скверно узнать», а «отъ меня они не скверно узнаютъ»,—утверждалъ онъ. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ *чистъ сердцемъ*—и вотъ въ этомъ опять заключается для воспитателя «единое на потребу». Но это «единое» не легко; къ нему, конечно, можетъ быть отнесенъ текстъ: «жестоко слово сіе». Да, тутъ опять сказалось то «божественное безуміе», которое окончательно выразилось въ словахъ: «будьте совершенны, какъ совершенъ отецъ вашъ небесный».

«Шнейдеръ много спорилъ со мной,—разсказываетъ «идіотъ»,—о моей вредной системѣ съ дѣтьми. *Какая у меня система!* Наконецъ, Шнейдеръ мнѣ высказалъ одну очень странную свою мысль... что я самъ совершенный

---

[1]) Такъ же точно кое-кому у насъ показалось вредною и самая мысль о дѣтской книжкѣ изъ Достоевскаго.

ребенокъ, т.-е. вполнѣ ребенокъ»... На самомъ же дѣлѣ эта-то мысль и не была странная: «идіотъ» именно и былъ *самъ дитя*, т.-е. одинъ изъ тѣхъ «чистыхъ сердцемъ», которые «Бога узрятъ». Потому-то онъ такъ и насмѣшилъ Тибо, сказавъ ему разъ, что «мы ничему не научимъ дѣтей, а они еще насъ научатъ». Только ему бы надо было при этомъ исключить самого себя. «Черезъ дѣтей душа лѣчится»,—тутъ же прибавилъ онъ; только его собственной душѣ нечего было лѣчиться (хотя тѣломъ онъ и былъ боленъ съ дѣтства). Именно какъ «чистый сердцемъ» онъ и успѣлъ вылѣчить дѣтей отъ того, чѣмъ успѣли они заразиться отъ взрослыхъ, уже не «чистыхъ сердцемъ». И вотъ дѣти въ свою очередь стали эпидемически дѣйствовать на большихъ — только въ хорошемъ смыслѣ. Сперва они одни ухаживали за окончательно разболѣвшеюся Мари, а потомъ къ ней стали ходить и при ней дежурить и деревенскія старухи. Но дѣти и послѣ этого не оставляли Мари. Они по-прежнему приносили ей гостинцевъ, хотя она почти ничего не ѣла. «Черезъ нихъ,—заключаетъ свой разсказъ «идіотъ»,—она умерла почти счастливая. Черезъ нихъ она забыла свою черную бѣду, *какъ бы прощеніе отъ нихъ приняла*»—то прощеніе, въ которомъ почти отказывалъ ей пасторъ въ своей обличительной проповѣди. Но когда она умерла, «пасторъ въ церкви уже не срамилъ мертвую». Не посмѣлъ, стало быть. Дѣти украсили ея гробъ цвѣтами и отнесли его сами на кладбище. «Съ тѣхъ поръ могила Мари постоянно почиталась дѣтьми».

Не случись тутъ этого «идіота», — и даже храмъ, можно смѣло сказать, обратился бы въ мѣсто нравственнаго «избіенія младенцевъ». А все отъ того, что пастору хотѣлось сдѣлаться «большимъ проповѣдникомъ». Но своего рода *храмомъ* является и *судъ*. На вратахъ этого храма у насъ написано: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Достоевскій своими сочиненіями (по мѣткому выраженію г. Кони въ его прекрасной рѣчи о психолого-криминалистическомъ значеніи Достоевскаго) какъ бы постоянно взывалъ «милость! милость!». И что

же, въ самомъ храмѣ этой «милости» было нанесено жестокое оскорбленіе ребенку. А все отъ того, что амбиція адвоката была остаться большимъ адвокатомъ—показать неотразимость своего краснорѣчія даже въ защитѣ отца-истязателя, хотя бы для этого пришлось клеветать на ребенка и даже ловкимъ образомъ «конфисковать», по выраженію Достоевскаго, его возрастъ (всего семь лѣтъ). Любящая душа Достоевскаго не могла не отозваться на это въ «Дневникѣ писателя», который имъ тогда уже издавался (февраль, 1876 г.). Онъ тутъ выступилъ пламеннымъ защитникомъ дѣвочки и обвинителемъ ея адвоката. Обѣ судебныхъ роли слились тутъ въ томъ «святѣйшемъ изъ званій—человѣкъ», котораго лучшимъ представителемъ являлся всегда Достоевскій. Въ отвѣтъ на замѣчаніе знаменитаго адвоката въ дѣлѣ Кронеберга, что на шестой день послѣ родительской экзекуціи на спинѣ у ребенка, при освидѣтельствованіи, оказались только красныя полосы, Достоевскій привелъ, что и спины наказанныхъ шпицрутенами, не разъ имъ видѣнныя въ сибирскомъ острогѣ, подживали довольно скоро! Но адвокату нужно было позаботиться о томъ, какъ бы картина страданій ребенка не вызвала въ присяжныхъ — не ровенъ часъ — человѣческихъ чувствъ. Именно они-то вѣдь тутъ и опасны — тогда, пожалуй, дѣло не выгоритъ и его кліента не оправдаютъ!

«Отецъ судится; за что же? (спрашиваетъ адвокатъ). За злоупотребленіе властью; гдѣ же предѣлъ этой власти? Кто опредѣлитъ, сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ, не повреждая при этомъ наказаніи организма дитяти?»—«То-есть,—замѣчаетъ Достоевскій,—не ломая ему ногу, что ли? А если не ломаетъ ноги, то ужь можно все? Серьезно вы говорите это, г. защитникъ? Серьезно вы не знаете, гдѣ предѣлъ этой власти и «сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ?» Если вы не знаете, то я вамъ скажу, гдѣ этотъ предѣлъ! Предѣлъ этой власти въ томъ, что нельзя семилѣтнюю крошку, безотвѣтную вполнѣ во всѣхъ своихъ «порокахъ» (которые должны

быть исправляемы совсѣмъ другимъ способомъ), нельзя, говорю я, это созданіе, имѣющее ангельскій ликъ, несравненно чистѣйшее и безгрѣшнѣйшее, чѣмъ мы съ вами, и чѣмъ всѣ, бывшіе въ залѣ суда, судившіе и осуждавшіе эту дѣвочку, — нельзя, говорю я, *драть* ее девятью рябиновыми «шпицрутенами», и драть четверть часа, не слушая ея криковъ: «папа, папа!», отъ которыхъ почти обезумѣла и пришла въ изступленіе простая деревенская баба, дворничиха, — нельзя, наконецъ, по собственному сознанію говорить, «что сѣкъ долго, внѣ себя, безсознательно, какъ попало!» — нельзя быть *внѣ себя*, потому что есть предѣлъ всякому гнѣву и даже на семилѣтняго безотвѣтнаго младенца за ягодку чернослива и за сломанную вязальную иголку!» (Къ тому же вѣдь небреженіе отца его и испортило).

«Когда обнаружилась въ дѣвочкѣ привычка лгать,— говорилъ адвокатъ,—присоединившаяся ко всѣмъ другимъ ея недостаткамъ, когда отецъ узналъ, что она и *воруетъ*, то дѣйствительно пришелъ въ большой гнѣвъ. Я думаю, *что каждый изъ васъ пришелъ бы въ такой же гнѣвъ*, и я думаю, что преслѣдовать отца за то, что онъ наказалъ больно, но *по дѣломъ*, свое дитя—это плохая услуга семьѣ, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ...» «Постойте, г. защитникъ,—восклицаетъ Достоевскій,—я пока не останавливаю васъ на словѣ «воруетъ», употребленномъ вами; но поговоримте немного про эту «справедливость гнѣва отца». А воспитаніе съ трехлѣтняго возраста въ Швейцаріи у де-Комба (куда забросилъ дѣвочку этотъ *случайный* отецъ) [1]), у которыхъ, сами же вы свидѣтельствуете, дѣвочка испортилась и пріобрѣла дурныя наклонности? Вы сказали о Кронебергѣ въ вашей рѣчи, что онъ «плохой педагогъ»; это все то же, по моему, что и неопытный отецъ, или, лучше сказать, непривычный отецъ. Я поясню это: эти

---

[1]) Въ родѣ Версилова и другихъ (хотя бы у нихъ была и законная семья, но такая, которой они обзавелись какъ-то такъ — *случайно*).

созданія тогда только вторгаются въ душу нашу и прирастаютъ къ нашему сердцу, когда мы, родивъ ихъ, слѣдимъ за ними съ дѣтства, не разлучаясь, съ первой улыбки ихъ, и затѣмъ продолжаемъ родниться взаимно душою каждый день, каждый часъ въ продолженіе всей жизни нашей. Вотъ это семья, вотъ это святыня»!

Но адвокатъ утверждалъ, что «государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ».

«На это и я позволю себѣ,—говорилъ Достоевскій,—включить одно лишь маленькое словечко. Оно многосодержательно. Мы, русскіе — народъ молодой; мы только что начинаемъ жить, хотя и прожили уже тысячу лѣтъ; но большому кораблю большое и плаваніе. Мы народъ свѣжій и у насъ нѣтъ святынь quand même. Мы любимъ наши святыни, но потому лишь, что онѣ въ самомъ дѣлѣ святы. Мы не потому только стоимъ за нихъ, чтобъ отстоить ими l'ordre. Святыни наши не изъ-за полезности ихъ стоятъ, а по вѣрѣ нашей. Мы не станемъ и отстаивать такихъ святынь, въ которыя перестанемъ вѣрить сами, какъ древніе жрецы, отстаивавшіе въ концѣ язычества своихъ идоловъ, которыхъ давно уже сами перестали считать за боговъ. Ни одна святыня наша не побоится свободнаго изслѣдованія, но это именно потому, что она крѣпка въ самомъ дѣлѣ. Мы любимъ святыню семьи, когда она въ самомъ дѣлѣ свята, а не потому только, что на ней крѣпко стоитъ государство».

Но Достоевскій предвидѣлъ, что его упрекнутъ въ оскорбленіи такой святыни, какъ новые судебные порядки.

«Что-жъ, неужто я посягаю на адвокатуру, на новый судъ?—говоритъ онъ.—Сохрани меня, Боже, *я всего только хотѣлъ бы, чтобъ всѣ мы стали немного получше.* Желаніе самое скромное, но увы, и самое идеальное. Я неисправимый идеалистъ; я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь, но все же я хотѣлъ бы святынь хоть капельку посвятѣе; не то стоитъ ли имъ поклоняться!»

Пріемы, употребленные при защитѣ Кронеберга, были таковы, что невольно спрашиваешь: что если-бы пришлось искать себѣ адвоката тому купцу, который, по разсказу Макара Ивановича (въ «Подросткѣ»), засѣкъ мальчика у бѣдной вдовы, за то, что тотъ нечаянно стукнулся головкой купцу въ животъ, а другого ея ребенка, въ видѣ вознагражденія взятаго имъ къ себѣ на хлѣбы, довелъ до того своимъ нравомъ, что мальчикъ стремглавъ отъ него бѣжалъ и попалъ въ воду, гдѣ и утонулъ? Конечно, мы бы дождались такой же софистики, какъ по дѣлу Кронеберга. А все отъ того, что не худо бы всѣмъ намъ «стать немного получше».

Не мало глубокихъ и теплыхъ замѣтокъ о дѣтяхъ заключаетъ въ себѣ «Дневникъ писателя», начиная съ тѣхъ дѣтей, которыхъ великосвѣтски искажаютъ достаточные родители («Елка въ клубѣ художниковъ» — январь 76 года) и кончая тѣми, на которыхъ нужда отражается не закаляющимъ, а развращающимъ образомъ («Колонія малолѣтнихъ преступниковъ»—въ томъ же нумерѣ). Тутъ мы встрѣчаемъ и «мальчика съ ручкой», тщательно обученнаго нищенскому искусству ее протягивать,—одного изъ тѣхъ, которымъ обыкновенно говорятъ: «стыдно, стыдно, зачѣмъ въ школу не ходишь», а не думаютъ о томъ, возможно ли для него это и какъ бы вырвать его изъ той, другого рода школы, которая вырабатываетъ изъ него «дикое существо, не понимающее иногда ничего, ни гдѣ онъ живетъ, ни какой онъ націи, есть ли Богъ, есть ли государь». Тутъ мы встрѣчаемъ и «мальчика у Христа на елкѣ», т.-е. замерзающаго на улицѣ въ ночь на Рождество и видящаго чудный сонъ.

«О, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ (не тѣмъ чета, которыя онъ только что видѣлъ на улицѣ въ окна)! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки,—но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да

и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно. «Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки?»—спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это «Христова елка», — отвѣчаютъ они ему.—У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки...» И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такія же, какъ онъ, дѣти, но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы къ дверямъ петербургскихъ чиновниковъ, другія задохлись у чухонокъ отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у изсохшей груди своихъ матерей (во время самарскаго голода), четвертые задохлись въ вагонахъ третьяго класса отъ смраду, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...»

Тутъ, въ легендарной формѣ, печальная картина озаряется религіознымъ свѣтомъ — тою высшею идеею, о которой говоритъ Достоевскій въ томъ же «Дневникѣ писателя» (декабрь, 1876 г.). «Высшая идея на землѣ лишь одна и именно идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя «высшія» идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ». Дѣло въ томъ, что идея безсмертія есть идея *достижимости человѣческихъ стремленій всѣми и каждымъ*, достижимости хотя и не здѣсь, но навѣрное гдѣ-то тамъ. Это идея того высшаго *равенства*, безъ котораго многое-множество людей будетъ оставаться какими-то кирпичами въ фундаментѣ подъ жилье для избранныхъ—для прямыхъ людей. Безъ этой идеи безсмертія сильная любовь къ человѣчеству обращается въ неистощимый источникъ страданія. Такъ понималъ это До-

стоевскій, выставивъ намъ въ лицѣ своего Ивана Карамазова атеиста съ глубоколюбящею душой. Уже г. Оболенскій въ прекрасной статьѣ своей («Мысль», 1881 г.) о «Братьяхъ Карамазовыхъ» указалъ на то, въ какомъ выгодномъ свѣтѣ выставленъ тутъ у Достоевскаго человѣкъ совершенно не его направленія. Иванъ Карамазовъ (какъ и его братья) испыталъ на самомъ себѣ, что значитъ не имѣть отца—хотя отецъ его живъ. Вотъ онъ и особенно сострадаетъ всему, уже съ дѣтства брошенному на произволъ судьбы, человѣчеству. Какою глубокою болью проникнутъ его разсказъ Алешѣ—единственному счастливцу изъ Карамазовыхъ, нашедшему себѣ отца въ старцѣ Зосимѣ и не теряющему этого отца даже послѣ его смерти.

«Есть у меня одна прелестная брошюрка,—говоритъ Иванъ,—переводъ съ французскаго, о томъ, какъ въ Женевѣ, очень недавно, всего лѣтъ пять тому, казнили одного злодѣя и убійцу, Ришара, двадцатитрехлѣтняго, кажется, малаго, раскаявшагося и обратившагося къ христіанской вѣрѣ передъ самымъ эшафотомъ. Этотъ Ришаръ былъ чей-то незаконнорожденный, котораго еще младенцемъ лѣтъ шести *подарили* родители какимъ-то горнымъ швейцарскимъ пастухамъ, и тѣ его взрастили, чтобъ употреблять въ работу. Росъ онъ у нихъ какъ дикій звѣренокъ, не научили его пастухи ничему, напротивъ, семи лѣтъ уже посылали пасти стадо въ мокреть и въ холодъ, почти безъ одежды и почти не кормя его. Кончилось тѣмъ, что дикарь сталъ добывать деньги поденною работой въ Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ, убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его схватили, судили и присудили къ смерти. И вотъ, въ тюрьмѣ его немедленно окружаютъ пасторы и члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительныя дамы, и проч. Научили они его въ тюрьмѣ читать и писать, стали толковать ему евангеліе, усовѣщевали, убѣждали, напирали, пилили, давили, и вотъ онъ самъ торжественно сознается наконецъ въ своемъ преступленіи. Все, что было высшаго и благовоспитаннаго, ринулось

къ нему въ тюрьму; Ришара цѣлуютъ, обнимаютъ: «ты братъ нашъ, на тебя сошла благодать!» — «Да, да, Ришаръ, умри въ Господѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть въ Господѣ. Пусть ты невиновенъ, что не зналъ совсѣмъ Господа, когда завидовалъ корму свиней и когда тебя били за то, что ты кралъ у нихъ кормъ — но ты пролилъ кровь и долженъ умереть». И вотъ наступаетъ послѣдній день. Разслабленный Ришаръ плачетъ и только и дѣлаетъ, что повторяетъ ежеминутно: «Это лучшій изъ дней моихъ, я иду къ Господу!» И вотъ, покрытаго поцѣлуями братьевъ, брата Ришара втащили на эшафотъ, положили на гильотину и оттяпали-таки ему по-братски голову за то, что и на него сошла благодать. Нѣтъ, это характерно. Брошюрка эта переведена по-русски какими-то русскими лютеранствующими благотворителями высшаго общества и разослана для просвѣщенія народа русскаго при газетахъ и другихъ изданіяхъ даромъ. Штука съ Ришаромъ хороша тѣмъ, что національна». Такова судьба человѣка, котораго въ дѣтствѣ родители *подарили* — даже не *продали* — хотя это происходило въ Европѣ и даже въ европейской *республикѣ*. Но не лучше выходитъ подчасъ и тогда, когда дѣтей не дарятъ, а оставляютъ въ родной семьѣ. «О дѣткахъ есть у меня,—продолжаетъ Иванъ,—и еще получше; у меня очень, очень много собрано о русскихъ дѣткахъ, Алеша. Дѣвчоночку маленькую, пятилѣтнюю, возненавидѣли отецъ и мать, «почтеннѣйшіе и чиновные люди, образованные и воспитанные». Видишь, я еще разъ положительно утверждаю, что есть особенное свойство у многихъ въ человѣчествѣ — это любовь къ истязанію дѣтей, однихъ дѣтей. Во всякомъ человѣкѣ, конечно, таится звѣрь, — звѣрь гнѣвливости, звѣрь сладострастной распаляемости отъ криковъ истязуемой жертвы, звѣрь безудержа, спущенный съ цѣпи, звѣрь нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ печенокъ и проч. Эту бѣдную пятилѣтнюю дѣвочку эти образованные родители подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Они били, сѣкли, пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили

все тѣло ея въ синяки...» А все оттого, что, вступивъ въ бракъ, родители будто и не предвидѣли, что имъ предстоитъ стать *родителями:* они озлобились на своихъ дѣтей просто потому, что *дѣти* не входили въ ихъ расчеты! «Понимаешь-ли ты,—говоритъ Иванъ (точно самъ Достоевскій въ своей прокурорской рѣчи противъ адвоката Кронеберга),—понимаешь-ли ты это, когда маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить, что съ нимъ дѣлается, бьетъ себя крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку и плачетъ своими кровавыми незлобивыми, кроткими слезками къ «Боженькѣ», чтобы тотъ защитилъ его, понимаешь-ли ты эту ахинею, послушникъ ты мой Божій. Безъ нея, говорятъ, и пробыть бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда этихъ слезокъ ребеночка къ «Боженькѣ». Я не говорю про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли... но эти, эти!».

А вотъ и еще картина у того же неистощимаго на такіе разсказы Ивана. «Это было,—говоритъ онъ,—въ самое мрачное время крѣпостного права, еще въ началѣ столѣтія, *и да здравствуетъ освободитель народа*» (теперь уже приходится сказать: «вѣчная ему память!») Былъ тогда въ началѣ столѣтія—одинъ генералъ, генералъ со связями большими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ, которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не бывали увѣрены, что выслужили себѣ право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ. И вотъ дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ какъ-то, играя камнемъ, и зашибъ ногу любимой генеральской гончей. Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ; на утро чѣмъ свѣтъ выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на охоту, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальщики, собаки, псари, ловчіе, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. «Гони его!» командуетъ генералъ, «бѣги, бѣги!» кричатъ ему псари, мальчикъ бѣжитъ... «Ату его!» вопитъ генералъ

и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ глазахъ матери, и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Я взялъ однихъ дѣтокъ, — поясняетъ Иванъ Карамазовъ,—потому что тутъ неотразимо ясно то, что мнѣ надо сказать. Слушай: если всѣ должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то причемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ, пожалуйста? Совсѣмъ не понятно, для чего должны были страдать и они и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны».

Алеша стоитъ передъ нимъ безъ отвѣта, но у Алеши есть, конечно, отвѣтъ—та «высшая идея» самого Достоевскаго, которая и есть-то счетомъ всего одна, та идея безсмертія, безъ которой, по его пониманію, въ самомъ дѣлѣ, не мыслима правда и справедливость. Алеша выступаетъ исповѣдникомъ этой идеи въ концѣ романа. Онъ выступаетъ ея исповѣдникомъ передъ дѣтьми.

Не мало выведено Достоевскимъ въ послѣднемъ его романѣ этихъ дорогихъ для него дѣтскихъ образовъ. Своего рода противнемъ къ давно имъ нарисованной Нелли является тутъ Илюша—этотъ надежный стоятель и оберегатель чести своего запивающаго отца. Боясь упрековъ Илюшечки, капитанъ, уже взявшій было у Алеши деньги, вдругъ бросаетъ ихъ, какъ милостыню, на землю и топчетъ ногами. Подобно Нелли, и Илюшечка умираетъ ребенкомъ, умираетъ на рукахъ тѣхъ самыхъ товарищей, передъ которыми такъ храбро постоялъ за своего отца.

Въ особомъ смыслѣ выдвинулся у Достоевскаго, изъ всѣхъ этихъ товарищей Илюши, и преждевременно развитой, и настоящій, однако, ребенокъ—Коля Красоткинъ.

Коля—одинъ сынъ у матери--вдовы; она на него не надышется. Онъ знаетъ это и, какъ всѣ умныя дѣти,

пользуется этимъ. Коля—своего рода глава въ домѣ. Свое рано развившееся самолюбіе и властолюбіе проявляетъ онъ и въ гимназіи—съ товарищами. «Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ»,—говоритъ онъ. Но Коля, хоть и баловень, а добрый мальчикъ. «Илюшу перестали бить,—съ удовольствіемъ замѣчаетъ онъ,—я взялъ его подъ мою протекцію». Если Илюша на время теряетъ эту спасительную протекцію, то по своей винѣ. Послушался «дурачокъ» обозленнаго на все и на всѣхъ Смердякова и подбросилъ Жучкѣ мякишу съ воткнутою въ него булавкою. Коля возгорѣлъ благороднымъ негодованіемъ и велѣлъ ему объявить, что прерываетъ съ нимъ всякія сношенія. Но вѣдь и Илюша характерный мальчикъ. Вмѣсто того, чтобъ сконфузиться и просить прощенья, онъ велѣлъ сказать Колѣ, что теперь всѣмъ собакамъ будетъ куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ! «А,—думаетъ Коля,—вольный душокъ завелся, его надо выкурить». Сталъ онъ отворачиваться отъ Илюши, а другіе мальчики стали опять приставать къ Илюшѣ и смѣяться надъ его отцомъ. Коля видитъ—и не выручаетъ, а бѣдный Илюша до того обозлился, что ткнулъ Колю своимъ перочиннымъ ножичкомъ. Но Коля благородный мальчикъ; онъ, разумѣется, не пошелъ фискалить, стерпѣлъ про себя и все зажило безъ огласки. А Илюшечка, между тѣмъ, слегъ въ постельку. «Это меня Богъ наказалъ за то, что я Жучку убилъ»,—говорилъ онъ отцу. Колѣ, онъ самъ въ этомъ сознается, тутъ же надо бы было пойти къ Илюшѣ и помириться. Но у Коли сложился особый планъ. Онъ зналъ, что Жучка жива, но вмѣсто того, чтобы сейчасъ же вести ее къ Илюшѣ, онъ предварительно обучаетъ ее всѣмъ собачьимъ хитростямъ, что бы разомъ доставить Илюшѣ большое счастье. Между тѣмъ на это уходитъ время, а бѣдный больной мучится угрызеньями своей дѣтской совѣсти. Но у Коли какъ рѣшено, такъ уже непремѣнно и будетъ. Онъ самъ потомъ сознается, что перемудрилъ непростительно: приведи онъ Жучку поранѣе, и Илюшечка,—разсуждаетъ онъ,—можетъ быть бы еще и по-

правился. Во всемъ этомъ такъ и видно, что Коля еще настоящій ребенокъ; но его уже начали *развивать* въ его 13—14 лѣтъ—въ томъ смыслѣ, какъ еще не развивали мальчугановъ въ ту пору, когда Достоевскій въ крѣпости писалъ своего «Маленькаго героя». Съ тѣхъ поръ мы ушли впередъ въ *развитіи*, а самолюбіе и властолюбіе Коли представляло благородную почву для воспріятія всякихъ «идей». Напрасно извѣстная воспитательная система, по выраженію Достоевскаго (въ его записной книжкѣ), рѣшила: «чтобъ не было идей»: мальчуганы, соскучившись за вѣчной грамматикой, стали сами ихъ набираться внѣ школы—и вышло хуже. Коля, напримѣръ, заявляетъ съ важностью Алешѣ Карамазову, что «глупостей у насъ гораздо больше, чѣмъ у животныхъ; это мысль Ракитина (семинариста)—мысль замѣчательная». «Я соціалистъ», не совсѣмъ даже кстати добавляетъ Коля. Въ немъ самымъ диковиннымъ образомъ ребячество совмѣщается съ напускнымъ «развитіемъ». Идетъ нашъ шалунъ по улицѣ и задираетъ встрѣчнаго мужика, а тотъ отплачиваетъ ему вопросомъ: «а что васъ въ школѣ чай порютъ»? Коля пресерьёзно поддакиваетъ. «По идеѣ мужика, школьника порютъ,— разсуждаетъ онъ,—и вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ; вѣдь онъ этимъ огорчится... Съ народомъ надо умѣючи говорить». Выставляя себя своего рода знатокомъ народа, Коля «всегда готовъ признать въ немъ умъ». Коля даже рѣшается утверждать: «мы отстали отъ народа, это аксіома... Я вѣрю въ народъ»—съ оговоркой однако: «отнюдь не балуя его, это *sine qua*» (не даромъ же Коля классикъ, хотя и презираетъ классицизмъ и «всю эту подлость»). Вѣря въ народъ, Коля, набравшись всего такого, конечно, думаетъ, что народу нужно бы просвѣтительное начало повыше церковнаго. «Согласитесь,—убѣждаетъ онъ Алешу,—что христіанская вѣра послужила лишь богатымъ и знатнымъ, чтобъ держать въ рабствѣ низшій классъ»... Замѣчая, однако, что это огорчаетъ Алешу, онъ снисходительно оговаривается: «если хотите, я не противъ Христа. Это была вполнѣ

гуманная личность, и, живи онъ въ наше время, онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и можетъ быть игралъ бы важную роль...» Но тутъ уже Алеша не выдерживаетъ: «Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватились?—спрашиваетъ онъ,—съ какимъ дуракомъ вы связались?..» «Я, конечно, часто говорю съ г. Ракитинымъ,—поясняетъ Коля,—но... Это еще старикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.»—«Бѣлинскій? не помню. Онъ этого нигдѣ не писалъ... А Бѣлинскаго вы читали?», думаетъ его срѣзать Алеша.—«Видите ли, нѣтъ,—не задумывается Коля,—я не совсѣмъ читалъ, но... то мѣсто о Татьянѣ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ...» Но Коля не даромъ самолюбивъ, потому-то и мнителенъ, подозрителенъ: какъ бы кто не посмѣялся въ немъ надъ ребенкомъ, корчащимъ изъ себя большого? «Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презираете?»—спрашиваетъ онъ.—«Презираю васъ?.. мнѣ только грустно, — говоритъ Алеша,—что прелестная натура, какъ ваша, уже извращена всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ...» «О моей натурѣ не заботьтесь—важничаетъ Коля, хотя и не тѣмъ тономъ, какъ при другомъ случаѣ,—я никому не позволяю анализовать свои поступки...» «Вы сейчасъ усмѣхнулись»,—замѣчаетъ онъ.—«Я недавно прочелъ отзывъ заграничнаго нѣмца, жившаго въ Россіи,—говоритъ Алеша объ нашей учащейся молодежи,—никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе». Коля отражаетъ ударъ тѣмъ, что начинаетъ хвалить: «вѣрниссимо! браво, нѣмецъ», но тутъ же еще и ввертываетъ, не безъ своего рода патріотизма—патріотизма въ видѣ нѣмцеѣдства, какъ-то допускаемаго подчасъ радикальнѣйшими изъ нашихъ космополитовъ: «однако-жъ чухна не разсмотрѣлъ и хорошей стороны... Самомнѣніе—это пусть... за то смѣлость мысли и убѣжденія... а не духъ ихняго колбасническаго раболѣпства передъ авторитетами... Но все-таки нѣмецъ хорошо сказалъ,» — продолжаетъ онъ безпристрастничать—однако-же съ оговоркою, что «все-таки нѣмцевъ надо душить.»

Коля боится насмѣшекъ со стороны Алеши, хотя

самъ между тѣмъ не безъ снисхожденья относится къ этому «монашку». Мы видѣли, что по добротѣ души онъ готовъ, такъ и быть, ему уступить Христа: «все же былъ замѣчательная личность». Точно также, чтобы не огорчить Карамазова, Коля его успокоиваетъ: «я ничего не имѣю противъ Бога... еслибъ его не было, то надо бы его выдумать,»—а самъ между тѣмъ краснѣетъ и ужасно досадуетъ на себя, что покраснѣлъ.—«Я терпѣть не могу вступать во всѣ эти препиранія,—хотѣлъ-бы какъ будто покончить Коля,—можно вѣдь и не вѣруя въ Бога любить человѣчество? Какъ вы думаете? Вольтеръ же не вѣровалъ въ Бога, а любилъ человѣчество,—вспоминаетъ онъ автора приводимой у него въ русскомъ переводѣ фразы: Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer!—«Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но, кажется, мало, и, кажется, мало любилъ и человѣчество» тихо, сдержанно и совершенно натурально произноситъ Алеша, не вполнѣ увѣренный въ своей памяти, въ которой смутно, должно быть, отпечатлѣлся отзывъ о Вольтерѣ Луи Блана... Но Колю сильно поражаетъ «эта неувѣренность Алеши въ свое мнѣніе о Вольтерѣ»... Въ этой неувѣренности звучитъ для него правдивость и откровенность, уличающія его самого въ его дѣтски самолюбивомъ замазываніи своего незнанія. Карамазовъ привязываетъ къ себѣ Колю именно такимъ чистосердечіемъ, а также и тѣмъ, что держитъ себя съ нимъ совершенно на ровной ногѣ. Самолюбивый Коля, безъ всякаго умысла со стороны Алеши, этимъ польщенъ и задобренъ. А все дѣло въ томъ, что Алеша почти такой же большой ребенокъ, какъ и «идіотъ».—«Я знаю, что вы мистикъ,—съ важностью говоритъ ему Коля,—но... это меня не остановило. Прикосновеніе съ дѣйствительностью васъ излѣчитъ...»

Но не одинъ Коля, этотъ резонирующій мальчуганъ, такъ снисходительно, но все-таки *отрекается* отъ «мистицизма» Алексѣя Карамазова; точно такъ же поступала съ самимъ Достоевскимъ извѣстная часть нашей печати. «Нива проситъ сѣятеля, — еще недавно читали мы въ одномъ даже педагогическомъ изданіи по поводу Коли

Красоткина и Алексѣя Карамазова,—но ей нужно сѣмя не мистической горней мудрости, но здоровое сѣмя человѣческой мудрости отъ міра сего».

Алеша Карамазовъ, какъ и «идіотъ» Достоевскаго, конечно, крайній «идеалистъ», но должно же изъ этого «идеализма» хоть что-нибудь переходить въ дѣйствительность, становиться *реальною силою*, чтобы «тиною и плѣсенью не покрылась жизнь» даже въ Швейцаріяхъ и Америкахъ и при всевозможныхъ усовершенствованіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ. Во всякомъ случаѣ, ничего таинственнаго, *мистическаго* тутъ нѣтъ.

И «идіотъ», и «монашекъ» Алеша, эти люди *съ разумомъ сердца*, нужны, особенно нужны для подростающаго поколѣнія. Только они и спасутъ его отъ тѣхъ героическихъ экспериментовъ надъ нимъ безсердечной, матеріалистической, отрицательной разсудочности, которой жертвою могъ бы сдѣлаться, со всею своею «прелестной натурой», и Коля Красоткинъ.

Не чѣмъ инымъ, какъ «разумомъ сердца» проникнуто слово Алексѣя Карамазова на похоронахъ у Илюшечки.

— Господа, мы скоро разстанемся. Согласимся же здѣсь, у Илюшина камушка, что не будемъ никогда забывать,—во-первыхъ, Илюшечку, а во-вторыхъ, другъ объ другѣ. И что-бы тамъ ни случилось съ нами потомъ въ жизни, хотя бы мы и двадцать лѣтъ потомъ не встрѣчались,—все-таки будемъ помнить о томъ, какъ мы хоронили бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни, помните, тамъ у мостика-то?—а потомъ такъ всѣ его полюбили. Онъ былъ славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ честь и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. И такъ, во-первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу жизнь. И хотя бы мы были заняты самыми важными дѣлами, достигли почестей или впали-бы въ какое великое несчастье,—все равно не забывайте никогда, какъ намъ было разъ хорошо здѣсь всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ бѣдному мальчику, можетъ

быть, лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ. Знайте, что ничего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома. Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, можетъ быть, самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. Я слово вамъ даю отъ себя, господа, что я ни одного изъ васъ не забуду; каждое лицо, которое на меня теперь, сейчасъ, смотритъ, припомню, хоть бы и черезъ тридцать лѣтъ. Ну, а кто насъ соединилъ въ этомъ добромъ, хорошемъ чувствѣ, о которомъ мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будемъ, и вспоминать намѣрены, кто, какъ не Илюшечка, добрый мальчикъ, милый мальчикъ, дорогой для насъ мальчикъ на вѣки вѣковъ! Не забудемъ же его никогда, вѣчная ему и хорошая память въ нашихъ сердцахъ, отнынѣ и во вѣки вѣковъ!»

«Карамазовъ,—крикнулъ Коля,—неужели и взаправду религія говоритъ, что мы всѣ возстанемъ изъ мертвыхъ, и оживемъ, и увидимъ опять другъ друга?»

«Непремѣнно возстанемъ, непремѣнно увидимъ...» — въ восторгѣ отвѣтилъ Алеша.

Указаніемъ на «безсмертіе» и «вѣчною памятью» закончилъ Достоевскій свой послѣдній романъ; «вѣчною памятью» (Скобелевскимъ героямъ Ахалъ-Текинскаго похода) заканчивается и предсмертный номеръ его «Дневника Писателя». Заключимъ же и мы «вѣчною памятью» Достоевскому! Но да будетъ ему вѣчная память — не только у насъ на устахъ, но и въ насъ самихъ — въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашемъ образѣ дѣйствій!

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ КАКЪ НАШЪ УЧИТЕЛЬ [1]).

Сегодня у насъ поминальный день. Мы думали поминать Пушкина вмѣстѣ съ Достоевскимъ, то-есть думали, что Достоевскій будетъ сегодня съ нами читать вамъ стихи Пушкина, читать «Пророка». Намъ приходится теперь поминать вмѣстѣ съ Пушкинымъ самого Достоевскаго — поминать умершаго Достоевскаго...

Еще въ это воскресенье онъ говорилъ со мною о томъ, что именно выбрать ему для чтенія. Сперва (за недѣлю) онъ совсѣмъ отказался читать. Его впечатлительная душа находилась подъ вліяніемъ свѣжихъ еще попрековъ, что онъ любитъ оваціи. Потомъ онъ согласился во имя Пушкина, но долго отказывался именно отъ «Пророка»... Наконецъ, онъ взялся и за эти стихи, но съ тѣмъ, чтобы прочесть вмѣстѣ съ ними «изъ Корана», «изъ Данта», «Странника»... Онъ собирался при этомъ говорить о всеобъемлемости Пушкина — на тему «всечеловѣка».

Мы надѣялись, что, какъ всегда, онъ выступитъ передъ нами своими тихими, неслышными шагами — и сразу опять раздастся тотъ громъ привѣтствій нетерпѣливо ожидающихъ слушателей, тотъ громъ привѣтствій, который раздавался только для него. Этихъ рукоплесканій

---

1) Сказано 29-го января 1881 г. на Пушкинскомъ литературномъ вечерѣ. Напечатано въ «Недѣлѣ» 1881 г. № 5.

нельзя было себѣ заказать, принести ихъ съ собой. Они раздаются неудержимо передъ тою всепокоряющей силой духа, которой не могутъ не признавать и сами враги. Увлекаемые потокомъ всѣхъ охватившаго чувства, и они, надо думать, рукоплескали подчасъ Достоевскому. А враговъ было у него не мало. «Кого много любятъ, того много и ненавидятъ» [1]). Теперь уже не встрѣчать намъ его никогда, никогда... попрекать за оваціи не придется! [2]) И скоро-ли-то явится между нами другой, все невольно себѣ подчиняющій, какъ дѣйствительно «власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи?» Нѣтъ, не скоро!...

Достоевскій горячо любилъ Пушкина, горячо любилъ народъ русскій — любилъ «черезъ край», какъ того не слѣдовало по мнѣнію людей, во всѣхъ чувствахъ своихъ и помыслахъ «умѣренныхъ и аккуратныхъ».

Въ этомъ разгадка того, что произошло въ Москвѣ. Достоевскій говорилъ о Пушкинѣ, говорилъ такъ, какъ онъ лишь одинъ былъ способенъ, выливая въ словахъ свою душу, безъ малѣйшей заботы о томъ, что подумаютъ и что скажутъ... Отъ избытка чувства явилась мѣстами и та горячая преувеличенность выраженій, которая напоминала у него языкъ библейскихъ пророковъ. Подобная рѣчь не могла не увлечь, не поднять моментально всѣхъ на одну высоту съ говорившимъ;—всѣ, и противники, увлеклись, во всѣхъ водворилось единодушіе... Не увлеклись только тѣ благовоспитанные охранители умственнаго порядка, которые сразу рѣшились совсѣмъ не идти на рѣчь Достоевскаго. Но вскорѣ оказалось, что не имъ однимъ, но и многимъ у насъ, по неустарѣвшему выраженію Пушкина, «посредственность одна и по плечу, и не страшна», т.-е. непосредственность дарованія, а посредственность въ мысли, такъ-называемая «золотая се-

---

1) Шиллеръ (въ «Маріи Стюартъ»).

2) Я тогда ошибся. Никто другой, какъ бывшій пріятель Өедора Михайловича. докторъ Яновскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, попрекнулъ его тѣмъ, будто по возвращеніи изъ Сибири въ немъ обнаружилась «страсть порисоваться» (Р. Вѣстникъ 1885 г. Апрѣль, стр. 819).

редина». Да, ея-то и не было у Достоевскаго. И вотъ къ его кипучему, высоко бьющему слову чуть-ли не на другой-же день приложили мелкій аршинъ холоднаго разсудка, тупымъ ножомъ скептицизма распластали каждую его фразу—и съ видомъ высокой благонамѣренности пошли охранять отъ него молодежь. Онъ, видите-ли, могъ ее увлечь въ мистицизмъ. Для охраненія ея—быть можетъ и скрѣпя сердце—надо было сразу сбросить его съ той высоты, на которую они-же невольно его вознесли заодно съ другими. Но какъ-же долженъ былъ подѣйствовать такой переходъ отъ своего рода обоготворенія прямо къ растоптанію на человѣка, правда, съ закаленной душою, но съ душою, державшеюся въ «скудельномъ сосудѣ», сосудѣ, надломленномъ давно, давно—всѣмъ хорошо было извѣстно, когда и почему. Но это не удержало, никто не одумался. А все это дѣйствовало на Достоевскаго. Онъ писалъ намъ изъ Руссы, среди самаго разгара того продолжительнаго торжества развѣнчиванія, которымъ смѣнилось краткое торжество увѣнчанія заживо: «я точно совершилъ преступленіе, точно какъ новый Юханцевъ растратилъ общественныя деньги». Если скудельный сосудъ Достоевскаго надломился уже давно—не по нашей винѣ, то мы сами недавно—никто какъ мы—помогли его окончательно надломить. Что дѣлать! Мы какъ дѣти увлеклись игрой сбрасыванья его съ высоты. Нѣкоторымъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ представлялось возможнымъ окончательно его сбросить. Но со вчерашняго вечера для Достоевскаго наступило потомство. Оно будетъ къ нему справедливо. Оно прочно, незыблемо воздвигнетъ его безсмертный ликъ на той высотѣ, на которой стоятъ у насъ Пушкинъ, Гоголь и еще немногіе.

Да, и онъ «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный», потому что и онъ «призывалъ милость къ падшимъ». Нo нѣтъ: онъ призывалъ къ нимъ не милость, а другое чувство... да для него и не существовало «падшихъ». Для него существовали только «несчастные»—въ томъ смыслѣ, какъ понимается это слово русскимъ народомъ. Въ этомъ отношеніи—онъ вполнѣ народный русскій писатель, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и писатель міровой. Произведенія, подобнаго «Мертвому дому», не представляетъ ни одна другая литература.

Но постоянный живописецъ и адвокатъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» мало заботился, какъ говорятъ, объ общепринятыхъ способахъ врачеванія того общественнаго зла, которымъ постоянно опять порождаются «униженные и оскорбленные». Да, этотъ упрекъ ему дѣлали и, вѣроятно, еще будутъ дѣлать, но въ немъ-то и заключается глубочайшее недомысліе. Именно потому, что онъ особенно живо принималъ къ сердцу судьбу «униженныхъ и оскорбленныхъ», что онъ ихъ видѣлъ вездѣ, во всемъ мірѣ,—именно потому, что онъ требовалъ такого врачеванія, которое распространялось-бы не на одныхъ избранныхъ, но и на маленькихъ людей, на *людишекъ*, какъ говорятъ иные, именно потому-то ему плохо вѣрилось въ общепринятые способы врачеванія общественнаго зла. То, что многимъ и очень многимъ представляется достаточно радикальнымъ, представлялось ему только «сдѣлочками, подпорочками, уступочками». Для коренного уврачеванія зла считалъ онъ необходимымъ, прежде всего, будить въ насъ самихъ нашу внутреннюю силу, наше лѣнивое душевное *я*... Нѣтъ, онъ будилъ въ насъ *личность во множественномъ числѣ* на скрижаляхъ души нашей онъ старался начертать: *мы*. Для того, чтобы слово *мы* могло прочнымъ образомъ водвориться въ общественномъ строѣ, онъ прежде всего пробуждалъ его въ каждомъ отдѣльномъ *я*.

Достоевскій былъ весь охваченъ настоящимъ религіознымъ энтузіазмомъ. Онъ былъ между нами пророкомъ,—онъ,—по выраженію Пушкина, «глаголомъ жегъ сердца людей». Недаромъ никто не читалъ такъ «Пророка», какъ онъ. Теперь его читать некому [1]).

---

[1]) Еще передъ произнесеніемъ этого слова всѣ, участвовавшіе въ чтеніи, рѣшили между собою не читать въ этотъ вечеръ «Пророка».

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ И СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ [1]).

Никогда еще торжественное собраніе Славянскаго общества не было такъ многолюдно, какъ нынче! Этимъ множествомъ не только своихъ сочленовъ, но и гостей мы обязаны грустной злобѣ дня—поминовенію Ѳ. М. Достоевскаго, вслѣдъ за столькими другими его поминовеніями справляемому въ томъ обществѣ, которое имѣло счастье въ послѣднее время считать его товарищемъ предсѣдателя.

Была полоса, когда къ намъ стекались толпой — не сразу такой многолюдной, но за то постоянной, не оскудѣвавшей ни въ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней въ недѣлю, въ которые собиралась особо избранная комиссія Славянскаго общества, стремившаяся откликнуться на запросъ, сказавшійся въ самомъ русскомъ обществѣ, въ цѣломъ русскомъ народѣ. То было лѣто 1876 г. — пора сербской войны и русскаго добровольчества. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, при свойственной ему всегда прозорливости психолога и наблюдателя нравовъ, провидѣлъ, конечно, уже тогда, что такое необычайное одушевленіе неизбѣжно должно у насъ смѣниться настроеніемъ, прямо

---

1) Произнесено въ торжественномъ собраніи Славянскаго общества 14-го февраля 1881 г. Вошло въ книжку, изданную обществомъ «Въ память Ѳ. М. Достоевскаго».

противоположнымъ. Недаромъ писалъ онъ еще въ 60-хъ годахъ: «Увизжаться и прорваться отъ восторга—это у насъ самое первое дѣло; смотришь—года черезъ два и расходимся вновь, повѣсивъ носы» [1]). Съ славянскими восторгами оно у насъ вышло такъ даже какихъ-нибудь *мѣсяца* черезъ два, черезъ три. Но Достоевскій никогда не унывалъ и не падалъ духомъ при всей впечатлительности и болѣзненной нервности своей природы. Твердый въ своихъ славянскихъ сочувствіяхъ, онъ вѣрилъ, что общество наше рано или поздно уже прочнымъ образомъ вернется къ нимъ. Дѣло въ томъ, что для него эти сочувствія не представлялись только мимоходною данью и этого рода благотворительности, данью, вызванною приглашеньемъ на то со стороны какихъ-нибудь добрыхъ знакомыхъ. Славянскія сочувствія не могли не выдвинуться у него прямо на первый планъ, ибо къ нимъ неизбѣжно приводили его задушевныя основы его направленія.

Достоевскій сталъ съ самаго начала и навсегда остался честнѣйшимъ, а потому и вполнѣ послѣдовательнымъ адвокатомъ всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». Могъ-ли онъ не почувствовать въ себѣ неотразимаго призыва на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ народностей? А не такими-ли издавна являлись въ Европѣ славяне всѣхъ отраслей (за исключеніемъ развѣ поляковъ — но вѣдь и тѣ приголубливались ею лишь лицемѣрно, въ пику Россіи). Не такими-ли окончательно оказались славяне передъ послѣдней турецкой войной, а еще болѣе послѣ нея — въ лицѣ самихъ побѣдителей русскихъ, обратившихся въ подсудимыхъ на Берлинскомъ конгрессѣ? Но дѣло въ томъ, что мы вѣдь и сами себя издавна унижали и оскорбляли. Мы сами забивали себя, свою народную личность, отрекаясь отъ своей исторіи, представлявшейся намъ какою-то «глуповщиной», еще задолго до употребленія этого слова сатирикомъ. Между тѣмъ Достоевскій любилъ и умѣлъ выставлять не вполнѣ забитыми самыхъ маленькихъ, самыхъ даже несчаст-

[1]) Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ, глава 3.

ныхъ людей, хотя ему приходилось подчасъ, съ болью въ сердцѣ, выставлять ихъ и вполнѣ опустившимися. Каково же было ему узнавать черты самой глубокой опущенности и приниженности въ русскомъ обществѣ—тѣмъ болѣе вызывавшемъ у него жалость, что само оно, это общество, не чувствовало своего положенія, а напротивъ того, въ этой народной своей обезличенности видѣло какую-то благовоспитанную печать европейскаго благородства. Каково было ему замѣчать, какъ, гордое этой печатью, оно унижало и оскорбляло родной народъ, видя въ немъ лишь голодные желудки и ненасыщенные мозги, которые бралось оно наполнять со всѣми обычными презрительными пріемами *благодѣтелей*? Вспомните же, наконецъ, не могъ онъ не говорить, что эти, какъ вамъ представляется, пустые сосуды—живые люди, достойные не одной же милостыни, но и уваженія и любви! Вспомните, что ваша умственная подачка—только чужое доброе, усвоенное старой привычкой жить не своимъ умомъ, подобно тому, какъ вы уже давно привыкли и физически жить не своимъ, а народнымъ трудомъ; да, трудомъ этого самаго народа, въ которомъ вы вдругъ взялись изгладить будто присущій ему «звѣриный образъ».

Не мало различныхъ видовъ униженности и оскорбленности, унизителей и оскорбителей представляла Достоевскому наша русская жизнь при всѣхъ, обращаемыхъ къ ней, запросахъ совсѣмъ на иное, — запросахъ всего славянства. Но съ тѣми же запросами *на иное* нужно куда-нибудь обратиться и европейскому міру—со всѣми его уцѣлѣвшими, на зло вѣковой и великой цивилизаціи, «несчастными»—въ широкомъ русскомъ смыслѣ этого слова.

Достоевскій былъ вполнѣ причастенъ европейской цивилизаціи со всѣми ея «святыми чудесами». Но именно потому, что, при всемъ величіи этихъ «чудесъ», при ней все же остаются неисцѣлимые недуги, онъ обращается къ Европѣ, нашей путеводной звѣздѣ не со вчерашняго дня, съ непочтительными словами: «врачу,

исцѣлися самъ». Впрочемъ, сочувствіе этимъ словамъ явственно слышалось ему въ самой Европѣ — въ лицѣ ея лучшихъ людей, — тѣхъ, что, подобно ему, способны были принимать къ сердцу застарѣлые недуги, хотя бы гнѣздо ихъ оказалось вѣковѣчно свитымъ собственно въ той толпѣ, которую они, эти лучшіе люди Европы, уже не рѣшались вслѣдъ за Вольтеромъ называть la canaille. Достоевскій еще въ 60-хъ годахъ писалъ подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ Европой:

«Предрекъ же аббатъ Сіэйсъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа—это *все*. «*Что такое* tiers-etat? *Ничего. Чѣмъ должно оно быть. Всѣмъ*» [1]). Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались... Въ самомъ дѣлѣ, провозгласили вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté?—Свобода. Какая свобода?—Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что угодно, въ предѣлахъ закона. *Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь милліонъ*. Даетъ-ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? *Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно* [2]). Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что, кромѣ свободы, есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что-жъ остается изъ формулы: *братство*? Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ, какъ о великой движущей силѣ человѣчества, и не догадывается, что *негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности*. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство

---

[1]) Подчеркнуто авторомъ.
[2]) Подчеркнуто ораторомъ.

во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братства нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской, да и вообще западной, его въ наличности не оказалось, а оказалось *начало личное*, начало особняка, усиленнаго самохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ*, а все то это *остальное* должно бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я*, и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т.-е. всему остальному, что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *Я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою; она требуетъ права, она хочетъ *дѣлиться*—ну и не выходитъ братства... Что-жъ, скажете вы, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: *самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ непринужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть по моему признакъ высочайшаго развитія личности*, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за собою ни-

какого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то-есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. *Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка.* Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который, если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: *бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды* [1]... Сдѣлать братства нельзя, а надо, чтобъ оно *само собой сдѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ* [2], безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ, чтобъ было братское, любящее начало,—надо любить, надо, чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплеменниковъ,—однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, еслибъ переложить его на разумный сознательный языкъ? Въ томъ, чтобы каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя, сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность; не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько,—я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуйста располагайте мною. Это высшее счастье мое—вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба». А братство напротивъ должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. Мы не въ правѣ не принять, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣ-

---

[1] Все это подчеркнуто ораторомъ.
[2] Подчеркнуто авторомъ.

лать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія»... ...«Послѣ этого, разумѣется, ужь нечего дѣлиться, тутъ ужь все само собой раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится...»

«Но опять-таки, что же дѣлать соціалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а, напротивъ, начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее съ мечомъ въ рукахъ своихъ правъ? Соціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство... опредѣлять будущее братство, разсчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, и сколько каждый долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину... Впрочемъ, провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго»... Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу, и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ... Кажется, ужь совершенно гарантируютъ человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу ему доставить и за это требуютъ съ него самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому—полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой; такъ нѣтъ же, все-таки кажется чудаку, что своя воля лучше.

И вотъ, въ самомъ послѣднемъ отчаяніи соціалистъ провозглашаетъ наконецъ: liberté, égalité, fraternité *ou la mort*. Ну, ужь тутъ нечего говорить, и буржуа оконча-

тельно торжествуетъ. А если буржуа торжествуетъ, такъ, стало быть, и сбылась формула Сіэйса буквально и въ послѣдней точности».

Эта большая выписка была совершенно необходима. Важно, что уже тогда, въ 60-хъ годахъ, у Достоевскаго вполнѣ сложились основы всего того, что онъ впослѣдствіи проводилъ въ своемъ «Дневникѣ Писателя», что внушило ему самыя горячія мѣста его Пушкинской рѣчи, оборону ея въ единственномъ лѣтнемъ номерѣ «Дневника» за 1880 г., наконецъ его лебединую пѣснь—тотъ первый и послѣдній № «Дневника» за 1881 годъ, который вышелъ въ свѣтъ въ день выноса его тѣла.

Корень европейскаго зла Достоевскій усматривалъ въ историческомъ началѣ Запада—*развитіи личности во всей ея исключительности*. Но недаромъ, характеризуя *индивидуализмъ*, извѣстный французъ-радикалъ, историкъ революціи, яркимъ образчикомъ противоположнаго — de la fraternité — выставлялъ явленіе славянскаго міра—гуситство. Оно-же сложилось на почвѣ *общины*, коренившейся, по выраженію Достоевскаго, «въ природѣ всего племени», хотя, вслѣдствіе (его-же выраженіе) «вѣковыхъ страданій», «варварской грубости и невѣжества», «нашествія иноплеменниковъ» и т. п., издавнее расположеніе къ общинѣ могло быть и дѣйствительно было всячески заглушаемо и извращаемо. Несмотря на весь этотъ фактическій упадокъ общинности въ самомъ славянскомъ мірѣ, Достоевскій продолжалъ возлагать всѣ свои надежды на ея принципъ—на воспитательную силу ея преданій, воспитательную не столько въ *политическомъ*, сколько въ *нравственномъ* смыслѣ. Потому-то и говорилъ Достоевскій въ своей Пушкинской рѣчи: «О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, будущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ

нашихъ братьевъ, а въ концѣ-концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи... Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ». Онъ не раскаивался и послѣ того, какъ въ отвѣтъ ему было указано на тѣ европейскія учрежденія, при помощи которыхъ на Западѣ справились съ тѣмъ, съ чѣмъ не можемъ справиться мы. «Это Европа-то справилась?—спрашивалъ онъ въ отвѣтъ.—Да кто только могъ вамъ это сказать?.. Муравейникъ, давно уже созидавшійся въ ней безъ церкви и безъ Христа (ибо церковь, замутивъ идеалъ свой, давно уже и повсемѣстно перевоплотилась тамъ въ государство), съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утратившимъ все, все общее и все абсолютное, — этотъ созидавшійся муравейникъ, говорю я, весь подкопанъ». Слова эти опять послужили у насъ «камнемъ преткновенія и соблазна» для многихъ, но именно на Западѣ они-бы не смутили и не оскорбили ни одной дѣйствительно вѣрующей души, такъ-же точно, какъ именно *радикальные* западные политики не смущаются и не оскорбляются такими нелестными картинами европейскаго политическаго строя. Въ словахъ Достоевскаго объ этомъ «муравейникѣ» нѣтъ и тѣни мысли, чтобы въ нѣдрахъ католичества и порожденнаго имъ протестанства не было дѣйствительно вѣрующихъ,—но сами эти вѣрующіе, по его представленію, давно уже жаждутъ и ищутъ церкви—дѣйствительной церкви, т.-е. *вѣрующей общины*. Увы! она давно уже замѣнилась въ католичествѣ единоличнымъ авторитетомъ государя-папы, въ протестантствѣ—авторитетностью личнаго разумѣнія каждаго (т.-е. каждаго развитого человѣка). А въ результатѣ выходитъ издавнее безвѣріе именно оффиціальныхъ блюстителей вѣры въ католичествѣ (такъ глубокомысленно разоблаченное Достоевскимъ въ его «Великомъ Инквизиторѣ» [1]) и неизбѣжность перехода отъ положительной вѣры къ раціонализму въ

---

[1]) «Братья Карамазовы» т. I, кн. 5, гл. 5.

протестантствѣ, напрасно думающемъ остановиться на половинѣ дороги—въ качествѣ исповѣданія, формулированнаго государственною властью, къ соблазну искренно вѣрующихъ протестантовъ, ищущихъ и не находящихъ настоящей точки опоры. На расшатанное до основанія религіозное начало указывало и указываетъ въ Европѣ многое множество числящихся какъ католиками, такъ и протестантами; но, на дѣлѣ, часто оказываясь просто пребывающими внѣ всякой церкви, они эту утрату «всего общаго и всего абсолютнаго» не хотятъ или не умѣютъ себѣ объяснить тѣмъ, что усовершенствованный механизмъ европейскаго общества движется «безъ Христа». Между тѣмъ, для Достоевскаго этимъ-то и объясняется непрочность того, что держится такимъ механизмомъ. «Грядетъ четвертое сословіе,—говоритъ онъ,—стучится и ломится въ дверь и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякъ доселѣ бывшій законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочки только разжигаютъ, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки, жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно—кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить, такъ что имъ даже въ руку будетъ работа. Все это «близко при дверяхъ». И это служило, конечно, «камнемъ преткновенія», представляясь какимъ-то юродствованіемъ великаго таланта, юродствованіемъ даже и не совсѣмъ гуманнымъ—между прочимъ, потому, что тутъ задѣвались *жиды*. Но Достоевскій зналъ очень хорошо, что они даже вовсе *не національность*, что *жиды* могутъ быть и между *не евреями* всѣхъ національностей. Разумные между *евреями* (интеллигентные — какъ они сами себя называютъ) не обижались и даже писали Достоевскому теплыя, задушевныя письма. За то вовсе не евреи обижались и сильно обижались — за Европу! «Вы смѣетесь?—продолжалъ Достоевскій.—Блаженны смѣющіеся. Дай Богъ вамъ

вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мнѣ, смѣясь: «Хорошо-же вы любите Европу, коли такъ ей пророчите». А я развѣ радуюсь? Я только предчувствую, что подведенъ итогъ. Окончательный-же расчетъ, уплата по итогу, можетъ произойти даже гораздо скорѣе, чѣмъ самая сильная фантазія могла-бы предположить. Симптомы ужасны. Ужь одно только стародавне-неестественное политическое положеніе европейскихъ государствъ можетъ послужить началомъ всему. Да и какъ-бы оно могло быть естественнымъ, когда неестественность заложена въ основаніи ихъ и накоплялась вѣками? *Не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ какъ рабомъ* [1]). А вѣдь для этой единственно цѣли и слагались до сихъ поръ *всѣ* гражданскія (уже давно не христіанскія) учрежденія Европы, теперь совершенно языческой. А теперь-то вы, господа, теперь-то указываете намъ на Европу и зовете пересаживать къ намъ тѣ самыя учрежденія, которыя тамъ завтра-же рухнутъ, какъ изжившій свой вѣкъ абсурдъ и въ которыя и тамъ уже многіе умные люди давно не вѣрятъ, которыя держатся и существуютъ тамъ до сихъ поръ лишь по одной инерціи. Да и кто, кромѣ отвлеченнаго доктринера, могъ принимать комедію буржуазнаго единенія, которую видимъ въ Европѣ, за нормальную формулу человѣческаго единенія на землѣ? Они-де у себя давно справились. *Это послѣ двадцати-то конституцій менѣе чѣмъ въ столѣтіе и безъ малаго послѣ десятка революцій*» [2])! Живое воображеніе Достоевскаго, въ которомъ, при всѣхъ его свойствахъ психолога и философа, постоянно сказывался и художникъ,—рисовало ему эту неизбѣжную картину, точно будто уже открывающеюся—къ вящему соблазну и преткновенію людей разсудительныхъ. «Завтра,—говорили они,—завтра уже не станетъ Европы, всей Европы— и это намъ приходится слышать отъ такого таланта, какъ Достоевскій»! Но изъ чего-же выводили вы, господа,

1) Подчеркнуто ораторомъ.
2) То-же.

что онъ предсказывалъ гибель *всей* Европѣ, а не той лишь, которая, при всѣхъ своихъ «святыхъ чудесахъ», до сихъ поръ держала и держитъ въ положеніи *илотовъ*—свое-же «четвертое сословіе»? Хоть-бы вы немножко вдумались въ слова Достоевскаго, что вѣдь собственно только для *малой части человѣчества*, для ея интересовъ и наслажденій до сихъ поръ слагались всѣ—и самыя даже прогрессивныя учрежденія Европы.

Но вы считаете ее, эту Европу, единою спасающей владѣтельницей ключей отъ земного рая, безъ которыхъ, коли оно такъ, и намъ никогда туда не войти. Но подумали-ли вы о томъ, что соотвѣтствующее у насъ европейской «малой части» властнаго человѣчества тѣмъ паче есть *малая* часть — сравнительно съ громаднымъ численнымъ преобладаніемъ у насъ того, что соотвѣтствуетъ «четвертому сословію?» Хорошо-бы вышло представительство для подавляющаго у насъ, какъ нигдѣ, крестьянскаго большинства,—при простой пересадкѣ къ намъ любой, хотя бы и самой просторной, западной формы! Каково бы пришлось «стихійному большинству» отъ горсти интеллигенціи, состоящей изъ рѣдкихъ «захудалыхъ родовъ», болѣе частыхъ «потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», изъ различныхъ бароновъ, пановъ, и наконецъ *жидовъ*—какъ изъ евреевъ, такъ и изъ христіанъ (т.-е. людей, по выраженію Достоевскаго, «съ аппетитомъ» и притомъ вооруженныхъ культурными способами удовлетворять аппетиту). Вѣдь опасность отъ этой «интеллигенціи» неизбѣжно усиливалась бы тою запущенностью, въ какой оставалось и остается у насъ дѣло просвѣщенія *народа*, т.-е. болѣе 80% всего населенія Россіи. А если вспомнить, что часть этой интеллигенціи выросла еще на крѣпостномъ правѣ, наслѣдовала его, хотя бы и замаскированныя, преданія, то какъ же не признать поразительной глубины вопроса, задаваемаго Достоевскимъ въ предсмертномъ его «Дневникѣ»:

«Захочетъ-ли прежній помѣщикъ стать интеллигентнымъ народомъ?.. Не захочетъ-ли, напротивъ, опять воз-

гордиться и стать опять надъ народомъ властью силы... изъ самаго образованія своего создать новую властную и разъединительную силу и стать надъ народомъ аристократіей интеллигенціи, его опекающей? Или,—какъ замѣчаетъ онъ тутъ-же нѣсколько выше, — теперь уже эта интеллигенція не думаетъ-ли про себя:

«А народъ опять скуемъ!»

Но самъ Достоевскій предвидѣлъ и оправдательные отвѣты на свои возраженія. «Да не мы-ли, скажете вы, о народѣ болѣемъ, не мы-ли объ немъ столь много пишемъ, не мы-ли его и къ нему призываемъ?—выражается онъ языкомъ своихъ противниковъ.—Такъ, вы все это дѣлаете,—отвѣчаетъ онъ,—но русскій народъ убѣжденъ почему-то, что вы не объ немъ болѣете, а объ какомъ-то иномъ народѣ, въ вашу голову засѣвшемъ и на русскій народъ не похожемъ, а его такъ даже презираете. Это презрительное отношеніе къ народу, въ нѣкоторыхъ изъ насъ даже совсѣмъ безсознательное, положительно, можно сказать, невольное. *Это остатокъ крѣпостного права*».

Да, именно оно и сказывается до сихъ поръ, сказывается совершенно невольно у людей, считающихъ себя великими либералами, сказывается въ этомъ, постоянно повторяющемся, превозношеніи нашей интеллигенціи заодно съ столь-же часто повторяющимся приниженіемъ народа, признаваніемъ въ немъ на всѣ лады не чего иного, по выраженію Достоевскаго, какъ «печати звѣриной», «звѣринаго образа». Въ послѣднемъ своемъ «Дневникѣ» Достоевскій вспомнилъ басню Крылова про свинью, готовую, дорожа только жолудями, подрыть корни дуба Но также умѣстно было бы вспомнить другую, болѣе приличную басню—о «листахъ и корняхъ». Все сводится у насъ теперь именно къ отношеніямъ между ними. Хотите-ли узнать человѣка? Добейтесь прежде всего, за кого онъ: за листы, или за корни? Немногіе будутъ чистосердечно увѣрять, что они за корни, тогда какъ на повѣрку выйдетъ, что они только за листы. Достоевскій всегда стоялъ за корни.

Въ послѣднемъ своемъ «Дневникѣ» онъ говорилъ про одно магическое словцо, именно: «оказать довѣріе». «Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду. И не нужно никакихъ великихъ подъемовъ и сборовъ; народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по хижинамъ. Ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ сидя, скажетъ точь-въ-точь все то же, что сказалъ бы и весь вкупѣ, ибо онъ единъ. И разъединенный единъ и сообща единъ, ибо духъ его единъ. Каждая мѣстность только лишь свою мѣстную особенность прибавила бы, но въ цѣломъ, въ общемъ, все бы вышло согласно и едино. Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужикъ, одинъ только заправскій мужикъ. О, не изъ какихъ-либо политическихъ цѣлей я предложилъ-бы устранить на время нашу интеллигенцію,—не приписывайте мнѣ ихъ пожалуйста, — но предложилъ-бы я это (ужъ извините пожалуйста) — изъ цѣлей лишь чисто *педагогическихъ*. Да, пускай въ сторонкѣ пока постоимъ и послушаемъ, какъ ясно и толково сумѣетъ народъ свою правду сказать, совсѣмъ безъ нашей помощи, и объ дѣлѣ, именно объ заправскомъ дѣлѣ въ самую точку попадетъ, да и насъ не обидитъ, коли объ насъ рѣчь зайдетъ. Пусть постоимъ и поучимся у народа, какъ надо правду говорить. Увидавъ отъ народа столько дѣловитости и серьезности, мы будемъ озадачены и ужъ, конечно, явятся изъ насъ такіе, что не повѣрятъ глазамъ своимъ, но такихъ будетъ слишкомъ мало, ибо всѣ дѣйствительно искренніе, всѣ воистину жаждущіе правды присоединятся къ премудрому слову народному; всѣ же неискренніе разомъ обнаружатъ все свое содержаніе и обнаружатся сами. А если останутся и искренніе, что и тогда въ народъ не увѣруютъ, — то это какіе-нибудь старовѣры и доктринеры сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, *старыя неисправимыя дѣти, и они будутъ только смѣщены и безвредны.*

Я,—продолжалъ Достоевскій,—*на молодежь надѣюсь; и она у насъ страдаетъ «исканіемъ правды»* и тоской по ней, а стало быть она народу сродни наиболѣе и сразу пойметъ, что и народъ ищетъ правды. А познакомясь столь близко съ душою народа, броситъ тѣ крайнія бредни, которыя увлекли было столь многихъ изъ нея, *вообразившихъ, что они нашли истину въ крайнихъ европейскихъ ученіяхъ.* Совсѣмъ новая идея вошла бы вдругъ въ нашу душу, обличила бы ложь и прогнала ее. И, кто знаетъ, можетъ быть это было бы *началомъ такой реформы,* которая по значенію своему даже могла бы быть выше крестьянской: тутъ произошло бы тоже «освобожденіе»—*освобожденіе умовъ и сердецъ нашихъ отъ нѣкоей крѣпостной зависимости, въ которой и мы тоже пробыли цѣлыхъ два вѣка у Европы, подобно какъ крестьянинъ, недавній рабъ нашъ, у насъ.* Я желалъ бы только, *чтобъ поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ,—какъ въ святыню вѣрую* [1]), главное въ спасительное ихъ назначеніе, въ великій народный охранительный и зиждительный духъ, и жажду лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ. Только что узрятъ, тотчасъ же начнутъ понимать и все остальное» [2]).

Слова эти — только восторженный набросокъ мысли, которая должна была практически выясниться въ теченіе года—въ остальныхъ нумерахъ «Дневника». Въ нихъ собирался онъ подробно высказать, какъ это, какимъ способомъ «оказать довѣріе», т.-е. полное довѣріе. Онъ разсчитывалъ, какъ я заключаю изъ недолгаго разговора

---

[1]) Все это подчеркнуто ораторомъ.

[2]) Между тѣмъ вотъ какъ къ этому отнеслась наша заграничная пресса въ брошюркѣ: «Ѳ. М. Достоевскій» (примѣчаніе къ оваціямъ): наши патріоты совѣтуютъ намъ дождаться того великаго часа, когда *кроткіе поселяне,* при теперешней свободѣ ходатайствъ въ компаніи съ становыми, урядниками, сопровождаемые жандармами и розгами, наконецъ соберутся у подножія трона и, бія челомъ, выдумаютъ себѣ форму правленія, а пока пусть *насъ всѣхъ* передушатъ (т.-е. за исключеніемъ *кроткихъ поселянъ*).

съ нимъ при нашемъ предпослѣднемъ свиданіи, на участіе извѣстной части интеллигенціи—той, которая ближе къ народу, а она у насъ все-таки есть. Составить какой-нибудь сколокъ съ готоваго европейскаго образца, конечно, могли бы и просвѣщенные *бюрократы*, но на творческую работу въ духѣ «корней» способны лишь просвѣщенные *земскіе люди.* А именно къ *творчеству* и призывалъ Достоевскій! Страна съ нигдѣ не бывалымъ численнымъ перевѣсомъ «основныхъ, коренныхъ людей» должна себѣ выработать совершенно своеобразныя соціальныя формы, — подобно тому, какъ съ другой стороны она неизбѣжно должна создать себѣ и совершенно своеобразную учебную систему. Творчество, только творчество, находилъ Достоевскій, послужило бы намъ настоящею «живою водою»!

«Оказать довѣріе»—полное довѣріе именно и значило-бы вызвать творчество. А русскій народъ, — пояснялъ Достоевскій, — заслуживаетъ довѣрія потому уже, что самъ никогда не переставалъ довѣрять своей верховной власти. Дѣло выходитъ тутъ обоюдное. «У насъ, — рѣшился онъ даже утверждать, — гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ...»

Опираясь на старое историческое наше начало *довѣрія*, Достоевскій тѣмъ самымъ призывалъ верховную власть на ничѣмъ несмущающееся постоянство въ великомъ освободительномъ подвигѣ. Вполнѣ захотѣть дать народу то, чего онъ еще нигдѣ не имѣетъ — значило-бы, конечно, пойти на зло всѣмъ предостереженіямъ изчужа относительно «тождества» такъ называемой русской партіи, панславизма и «нигилизма»! Это значило-бы смѣло прочесть и признать на русскомъ, на обще-славянскомъ знамени новое слово, слово дѣйствительно страшное для «Европы», — *той* Европы, которая въ сущности составляетъ только, по пониманію Достоевскаго, малую властную часть человѣчества. Это значило-бы пойти прямо на встрѣчу стремленіямъ той Европы, которая, по выраженію Достоевскаго, «стучится въ двери», т.-е. за-

гладить передъ нею, какъ и передъ собою, передъ своимъ *славянскимъ*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *міровымъ* призваніемъ, старый вольный и невольный грѣхъ состоянія на службѣ у «меттерниховщины». Это значило-бы неразумную службу Европѣ искупить разумнымъ служеніемъ человѣчеству! Тогда-бы успокоился наконецъ и тотъ нашъ «скиталецъ», про котораго Достоевскій сказалъ въ Москвѣ, что «ему необходимо именно всемірное счастье... дешевле онъ не примирится».

Достоевскій вѣрилъ и увѣрялъ, что оно такъ будетъ. Его-бы устами да медъ пить! [1]).

Достоевскій, — говорятъ намъ, — былъ *утопистъ* (въ сущности это то же, что *пророкъ*—званіе, котораго не хотятъ ему предоставить); но онъ, пожалуй, и самъ признавалъ себя утопистомъ. Да, онъ вѣрилъ въ концѣ концовъ въ *добрую волю* человѣка. Онъ вѣрилъ въ возможность конечнаго совпаденія доброй воли единоличной верховной власти съ природными стремленіями и задушевными чаяніями народа—отчасти отражающагося и въ своихъ интеллигентныхъ «скитальцахъ», хотя сами они не признаютъ этого. Вотъ онъ и говорилъ имъ въ Москвѣ: «смирись, гордый человѣкъ!» т.-е. смирись передъ своимъ народомъ, признай себя духомъ отъ его духа. Но Достоевскій говоритъ также: «найди себя въ себѣ»—т.-е. запасись-же и самъ у себя тою доброю волею, недостатокъ которой въ другихъ сферахъ тебя такъ возмущаетъ.

Оглянись на тотъ-же народъ, поучись у него, несмотря на то, что порою онъ можетъ быть грубъ до животности. Въ немъ, при всякихъ грѣхахъ, живо *сознаніе грѣха*, т.-е. личной отвѣтственности передъ всѣми, а есть-ли оно въ тебѣ? Привыкнувъ винить только все постороннее, ты и надежду привыкъ возлагать лишь на то, что опять-таки внѣ тебя—*на формы, на механизмъ*; а что если даже при величайшемъ его совершенствѣ ты испор-

---

1) Извѣстно, что та редакція, съ которою, по особымъ издавнимъ отношеніямъ, оставался онъ связаннымъ до конца, систематически проводитъ теперь вполнѣ противоположную его взглядамъ «дворянскую эру», какъ единственную для насъ панацею.

тишь все дѣло собой? вѣдь довольно, по замѣчанію Достоевскаго, и того «тоненькаго волоска», какимъ является малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды; а что если въ тебѣ, по его-же замѣчанію, засѣло вовсе не маленькое желаніе: «а самому-то мнѣ пусть будетъ *какъ можно лучше?*» Что если, между тѣмъ, какъ ты ораторствуешь о братствѣ, тебя даже вовсе не тянетъ на братство? Что если и самые твои подвиги—въ угоду тебѣ-же, твоему тщеславію, а «долго тебѣ не вытерпѣть, особенно безъ шуму и безъ широкой огласки?» Что если, даже трудясь, ты остаешься чуждъ сознанья, что лишь «трудомъ спасенъ будешь?» Что если при всемъ твоемъ высшемъ уровнѣ—въ сущности твоему «аппетиту», твоему хотя-бы и утонченному, но все-же чувственному, т.-е. животному Я, постоянно приносится въ жертву то духовное, высшее, властное надъ собою Я, которое именно и сказывается въ самопожертвованіи — единственномъ, настоящемъ самопожертвованіи,—въ постоянномъ, неказистомъ самообереженіи отъ малѣйшаго залѣзанья въ чужія права? Загляни въ свою душу, не кривя душой! Вспомни московскій кличъ Достоевскаго: «Найди себя въ себѣ!» [1]).

---

[1]) Послѣ Пушкинской рѣчи это иными передавалось такъ: «убей себя въ себѣ» — къ великому ужасу тѣхъ, кто могъ сдуру повѣрить такой редакціи!

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ЧИТАНО ВЪ СОБРАНІИ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕСТВА 11 МАЯ 1881 г. [1]).

Именно къ настоящему тяжкому времени пришлось, на-ряду съ цѣлымъ русскимъ обществомъ, осиротѣть и той скромной его части, которая называется славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. Въ рядахъ его не стало того геніальнаго человѣка, который еще такъ недавно его украшалъ собою, котораго оно такъ любило, которымъ оно такъ гордилось.

Счастье, конечно, для самого Достоевскаго, что онъ не дожилъ до того, до чего пришлось дожить намъ; но это, конечно, вовсе не счастье для насъ, именно теперь-то и особенно нуждающихся въ его твердомъ, прямомъ и горячемъ голосѣ. Именно въ настоящее время онъ не можетъ быть замѣненъ никѣмъ, положительно никѣмъ! Но когда умираетъ писатель, а тѣмъ болѣе великій писатель, то развѣ онъ умираетъ? Прекращается дальнѣйшая производительность его творческой силы, но все уже произведенное ею остается съ нами, остается на вѣки. Не даромъ уже приводились и будутъ не разъ еще приводиться слова самого Достоевскаго (объ его Зосимѣ): «праведникъ отходитъ, а свѣтъ его остается».

---

[1]) Напечатано было въ «Новомъ Времени» того же года, № 1882 (26-го мая).

Будемъ-же чаще подходить къ этому свѣту, чтобы все болѣе и болѣе озарять имъ потемки въ нашей душѣ и нашемъ умѣ, чтобы наконецъ отогрѣться при этомъ теплом свѣтѣ отъ холода нашего равнодушія или нашего унынія! Но въ записной книжкѣ Достоевскаго сохранились наброски мыслей, предназначавшихся для будущихъ номеровъ его «Дневника». Я выберу изъ этой драгоцѣнной книжки все то, что или совершенно не затрогивалось покойнымъ прежде съ такой стороны, или-же, напоминая прежнее, отличается тою неотдѣланностью формы, которая именно и носитъ на себѣ отпечатокъ первобытной свѣжести и не успѣвшей еще остановиться ни передъ чѣмъ непосредственности. Начинаю съ находящагося въ записной книжкѣ опредѣленія покойнымъ самого себя, особенностей своего направленія.

«При полномъ реализмѣ,—говоритъ онъ тутъ,—найти въ человѣкѣ человѣка—это русская черта по преимуществу, и въ этомъ смыслѣ я, конечно, народенъ (ибо направленіе мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго), хотя и неизвѣстенъ русскому народу теперешнему, но буду извѣстенъ будущему. Меня зовутъ психологомъ; неправда,—я лишь реалистъ въ высшемъ смыслѣ, т.-е. изображаю всѣ глубины души человѣческой»!

Найти въ человѣкѣ человѣка, т.-е. во внѣшнемъ дѣйствительномъ человѣкѣ найти не менѣе дѣйствительнаго человѣка внутренняго (въ этомъ-то смыслѣ и взывалъ Достоевскій въ Москвѣ: «найди себя въ себѣ»)—это, стало быть, и есть нашъ народный реализмъ, вмѣщающій въ себѣ, стало-быть, и настоящій, т.-е. не приподнятый, трезвый, здоровый идеализмъ. Достоевскій считалъ себя обязаннымъ этимъ своимъ направленіемъ народному духу, почерпнувшему его изъ самыхъ глубинъ христіанства. Къ этимъ-то глубинамъ христіанства приводилъ Достоевскій всю сущность своего и народнаго настроенія, и какъ болѣзненно чуялось ему до конца жизни, что многіе изъ его поклонниковъ его вовсе не понимаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ самомъ

дѣлѣ, сконфуженные указаніями противниковъ Достоевскаго на то, что они у него называли «постнымъ масломъ», выкидывали изъ Достоевскаго это «постное масло», тогда какъ самъ онъ и не мыслилъ себя безъ него.

«Дразнили меня,—говоритъ онъ въ одномъ изъ набросковъ,—необразованною и ретроградною вѣрою въ Бога... Имъ и не снилось такое сильное отрицаніе Бога, какое положено въ «Инквизиторѣ» [1]) (и въ предшествовавшей главѣ), которому отвѣтомъ служитъ весь романъ...

Въ виду этихъ главъ могли-бы отнестись ко мнѣ хотя и научно, но не столь высокомѣрно по части философіи, хотя философія и не моя спеціальность. И въ Европѣ такой силы атеистическихъ выраженій нѣтъ и не было. Стало быть, не какъ мальчикъ-же я вѣрую въ Христа и Его исповѣдую, а черезъ большое горнило сомнѣнья моя осанна прошла, какъ говоритъ у меня-же въ томъ-же романѣ чортъ».

Извѣстно, какимъ глумленіямъ подвергся со стороны извѣстной части нашей печати этотъ карамазовскій чортъ, являющійся на самомъ дѣлѣ геніальнымъ русскимъ олицетвореніемъ (среди геніальныхъ европейскихъ олицетвореній) духа отрицанія и зла. Духъ этотъ понятъ и выставленъ Достоевскимъ именно въ своей современнѣйшей нашей формѣ—какъ готовый уже примкнуть къ хору вопіющихъ «осанна», но удержанный такъ-называемымъ «здравымъ смысломъ», и продолжающій свое старое дѣло «по долгу службы и соціальному своему положенію» [2]).

Достоевскій, со своею «прошедшею черезъ большое горнило сомнѣнья осанною», продолжаетъ въ другомъ наброскѣ: «Огромный фактъ появленія на землѣ Іисуса и всего, что за симъ прошло, требуетъ, по моему, и научной разработки. А между тѣмъ не можетъ-же погнушаться наука и значеніемъ религіи въ человѣчествѣ,— хотя-бы въ виду историческаго только факта, поразительнаго своею непрерывностью и стойкостью. Убѣжде-

---

[1]) Извѣстный эпизодъ «Братьевъ Карамазовыхъ».
[2]) Братья Карамазовы, т. II, стр. 498.

ніе-же человѣчества въ прикосновеніи мірамъ инымъ, упорное и постоянное, тоже вѣдь весьма значительно. Нельзя-же вѣдь рѣшить его однимъ почеркомъ пера, тѣмъ способомъ, какъ вы рѣшили про Россію, т.-е. «у всѣхъ младенческихъ народовъ» и т. д.»

Но кромѣ людей, готовыхъ отнести народную «осанну», какъ и различныя бытовыя черты нашего народа, къ давно пережитымъ другими «ребячествамъ», есть и люди, признающіе религію вообще и высшее ея проявленіе—христіанство—вѣчною стихіею въ человѣчествѣ, но именно религіи-то въ настоящемъ смыслѣ и не находящіе въ русскомъ народѣ. Но и въ этомъ смыслѣ они неизбѣжно становились противниками Достоевскаго. Онъ, разумѣется, признавалъ и самъ, что въ русскомъ народѣ нѣтъ настоящаго христіанскаго *просвѣщенія*, но, вмѣстѣ со славянофилами, онъ думалъ, что русскій народъ, при всемъ своемъ религіозномъ «невѣжествѣ», болѣе всякаго другого народа усвоилъ себѣ сердцемъ нравственное ученіе христіанства, духъ котораго вѣрнѣе сохраняется въ православіи, чѣмъ въ западныхъ его формахъ—католичествѣ и протестантствѣ. Вполнѣ согласно съ Хомяковымъ, Достоевскій считалъ Западъ въ сущности утратившимъ вѣроисповѣдныя преданія и пришедшимъ къ равнодушному относительно религіи раціонализму. На возраженія съ противной стороны служитъ, повидимому, отвѣтомъ слѣдующій набросокъ:

«Вы говорите: да вѣдь Европа сдѣлала много христіанскаго помимо папства и протестантства. Еще-бы! Не сейчасъ-же тамъ умерло христіанство, умирало долго, оставило слѣды. Да тамъ и теперь есть христіане, хотя и страшно много извращеннаго пониманія христіанства».

Это извращенное пониманіе христіанства, легшее въ самую основу европейскаго общества и его несомнѣнно высокой культуры, и прежде усматривалось Достоевскимъ въ томъ, что и до сихъ поръ въ этомъ обществѣ, несмотря на всѣ формальныя усовершенствованія его строя, «одна малая часть человѣчества владѣетъ всѣмъ

остальнымъ человѣчествомъ, какъ рабомъ», и именно въ наше время эта малая властная часть всѣ свои фактическія права основываетъ на исключительномъ служеніи мамонѣ. Христіанство, по пониманію Достоевскаго, издавна перестало на Западѣ быть «царствомъ не отъ міра сего»; заразившись міродержавіемъ стараго языческаго Рима, оно проповѣдывалось на единомъ міровомъ языкѣ, помимо всякой заботы объ общедоступности такой проповѣди, проповѣдывалось при помощи меча и при постоянномъ заревѣ тѣхъ костровъ, которые возжигались и для колдуновъ и вѣдьмъ, и для всякаго рода еретиковъ (въ томъ числѣ и такихъ, какъ Гусъ, какъ Галилей, какъ Савонарола). Та-же чисто мірская ревность по вѣрѣ въ сущности перешла и въ протестантство; и только выработавшійся изъ него раціонализмъ пришелъ наконецъ къ идеѣ свободы совѣсти путемъ все болѣе и болѣе водворяющагося равнодушія къ вѣрѣ. Въ противоположность всему этому Достоевскій могъ указывать на непрерывность преданій первобытнаго любвеобильнаго христіанства на греческомъ Востокѣ, несмотря на доставшееся и Византіи наслѣдіе римской міродержавности со всею ея языческою закваскою. Онъ могъ указывать на тѣ-же преданія чистаго христіанства у насъ на Руси, сказавшіяся не только въ отсутствіи процессовъ колдуновъ и вѣдьмъ и святой инквизиціи, но и въ проповѣди прямо противоположнаго духа, проповѣди свободы совѣсти на чисто религіозной, чисто вѣрующей основѣ. Достоевскій могъ указывать и на то, что духъ религіозной нетерпимости сталъ сказываться у насъ не безъ ссылокъ на примѣры католическаго Запада, а окрѣпъ и перешелъ въ открытое ученіе подъ прямымъ вліяніемъ западной схоластической школы, послужившей образцомъ для нашихъ первыхъ духовныхъ академій.

«Полная свобода вѣроисповѣданія и свобода совѣсти, — говорится у Достоевскаго въ одномъ изъ набросковъ,— есть духъ настоящаго христіанства. Увѣруй свободно— вотъ наша формула. Не сошелъ Господь со креста, чтобы насильно увѣрить внѣшнимъ чудомъ, а хотѣлъ именно

свободы совѣсти. Вотъ духъ народа и христіанства, если-же есть уклоненія, то мы ихъ оплакиваемъ».

Такія уклоненія, разумѣется, есть и уже издавна, начиная съ Геннадія Новгородскаго и Іосифа Волоцкаго. Они сильно сказались въ Никонѣ (этомъ патріархѣ, не чуждомъ вожделѣній папства), приведены въ систему Стефаномъ Яворскимъ. Эти печальныя уклоненія продолжаютъ сказываться и въ теперешнихъ нашихъ отношеніяхъ къ старообрядству, исповѣдникъ котораго былъ изученъ Достоевскимъ еще въ «Мертвомъ домѣ» и съ любовью изображенъ имъ въ «Запискахъ» объ немъ.

Да, Достоевскій оплакивалъ подобныя уклоненія потому, что стоять за нихъ можно только при мнимой, книжнической религіозности. А религіозность Достоевскаго отличалась совершенно инымъ характеромъ. Съ нею не даромъ неразрывно соединялась у него и нравственность, единая настоящая нравственность, даже и немыслимая, по мнѣнію его, внѣ религіозной, т.-е. чисто религіозной, безъ всякихъ примѣсей, почвы. Въ записной его книжкѣ сохранились слѣдующія его возраженія одному изъ противниковъ:

«Недостаточно опредѣлять нравственность вѣрностью своимъ убѣжденіямъ. Надо еще безпрерывно возбуждать въ себѣ вопросъ: вѣрны-ли мои убѣжденія?.. Сожигающаго еретиковъ я не могу признать нравственнымъ человѣкомъ, ибо не признаю тезисъ, что нравственность есть согласіе съ внутренними убѣжденіями. Это лишь честность (русскій языкъ богатъ), но не нравственность. Нравственный образецъ и идеалъ есть у меня—Христосъ. Спрашиваю: сжегъ ли бы Онъ еретиковъ? Нѣтъ. Ну, такъ значитъ сжигать еретиковъ есть поступокъ безнравственный. Инквизиторъ уже тѣмъ однимъ безнравственъ, что въ сердцѣ его, въ совѣсти его могла ужиться идея о необходимости сожигать людей [1]). Орсини тоже. Конрадъ Валленродъ тоже...

---

[1]) Вспомнимъ, какъ дико звучитъ у г. де-Вогюэ сравненіе самого Достоевскаго съ «инквизиторомъ».

Иногда нравственнѣе бываетъ не слѣдовать «убѣжденіямъ» и самъ убѣжденный, вполнѣ сохраняя свое убѣжденіе, останавливается отъ какого-то чувства и не совершаетъ поступка. Бранитъ себя и презираетъ умомъ, но чувствомъ, значитъ совѣстью, не можетъ совершить и останавливается (и знаетъ наконецъ, что не изъ трусости остановился). Это единственно потому остановился онъ, что призналъ—остановиться и не послѣдовать «убѣжденію» поступкомъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ еслибъ послѣдовать. Засуличъ: «тяжело поднять руку пролить кровь». Это колебаніе было нравственнѣе, чѣмъ само пролитіе крови».

Замѣчу мимоходомъ, что взглядъ Достоевскаго на борьбу между такъ-называемымъ «убѣжденіемъ» и совѣстью могъ бы послужить темою для объясненія съ новыхъ сторонъ «Гамлетовскаго» начала въ человѣкѣ. То, что въ немъ представляется слабостью воли, тогда-бы представилось въ иномъ свѣтѣ. Само собой разумѣется, что побѣда совѣсти должна наконецъ сильно измѣнить и самое «убѣжденіе», которому, можетъ быть, вѣрнѣе бы называться въ подобномъ случаѣ просто *мнѣніемъ*, такъ какъ мнѣніе есть только головной выводъ, убѣжденіе же гармонически обнимаетъ весь душевный составъ человѣка.

Извѣстно, что та основа Достоевскаго, которую называютъ «постнымъ масломъ», навлекала на него нареканія самаго неблаговиднаго свойства, едва-ли впрочемъ искреннія даже со стороны самыхъ явныхъ враговъ. Вотъ отвѣтъ имъ въ одномъ изъ набросковъ:

«Я ничего не ищу и ничего не приму, и не мнѣ хватать звѣзды за мое направленіе.

Я, какъ и Пушкинъ, слуга царю, потому что дѣти его, народъ его не погнушаются слугой царевымъ. Еще больше буду слуга ему, когда онъ дѣйствительно повѣритъ, что народъ—ему дѣти. Что-то очень ужь долго не вѣритъ».

Достоевскій очень хорошо зналъ и прямо говорилъ, на какой онъ сторонѣ. Онъ находилъ, что и всякій долженъ

бы это знать и стойко стоять на своей сторонѣ. Впрочемъ, онъ все болѣе и болѣе увѣрялся въ томъ, что у насъ дѣйствительно выяснились въ послѣднее время и, такъ сказать, выстроились другъ противъ друга двѣ стороны. Въ одномъ изъ его набросковъ мы читаемъ:

«Двѣ партіи въ бою, въ настоящемъ организованномъ бою. Ложно, если говорятъ, что нѣтъ партій».

Далѣе въ записной книжкѣ попадаются однако-же оговорки: «У насъ дошло до того, что Россіи надо учиться, обучаться, какъ наукѣ, потому что непосредственное пониманіе ея въ насъ утрачено. Не совсѣмъ, конечно; и блаженъ тотъ, который не утратилъ непосредственнаго пониманія ея. Но такихъ немного. Всякій такой уже не западникъ и уже не партія. Партія только западничество, ибо за нею власти, русская же партія не собрана и не организована, но за то опирается на весь народъ, а нѣкоторые вожаки ея понимаютъ непосредственно народныя начала, въ нихъ вѣруютъ и ихъ исповѣдуютъ. Роль этой партіи еще вся впереди, но она будетъ несомнѣнно».

Тогда, быть можетъ, анахронизмомъ представится мнѣніе, что власти за западничество. Дѣло въ томъ, что именно оно-то—эта давно сложившаяся и окрѣпшая партія—представлялась Достоевскому не имѣющею глубокой основы. Она казалась ему, какъ это ни покажется обиднымъ для нашихъ западниковъ, не культурною—она, прямо основывающаяся на культурномъ переворотѣ Петра. Но культурой признавалъ Достоевскій только то, что органически развилось изъ своихъ корней. Такою имъ всегда и признавалась сама по себѣ западная культура; но мы, только взявшіе ее на прокатъ, представлялись ему просто не имѣющими культуры. Въ этомъ онъ и видѣлъ причину цѣлаго множества нашихъ золъ. Вотъ что находится, между прочимъ, въ его набросках:

«*У насъ не только готовыми мыслями, но и готовыми страданіями живутъ*» (безъ культуры-то).

«Нигилизмъ явился у насъ потому, что мы всѣ нигилисты. Насъ только испугала новая оригинальная

форма его проявленія (всѣ до единаго Ѳедоры Павловичи [1])...»

«Нѣтъ, какъ можно, толкуютъ мудрецы,—мы не нигилисты, а мы только на отрицаніи Россіи хотимъ спасти ее...»

«Сравненіе нигилизма съ расколомъ (Уманца). Да расколъ много пользы принесъ...»

«Безпрерывныя жалобы, что не оживляется общество (комично)». Да какъ же ему и оживиться, т.-е. откуда взять оживляющую силу, когда у него, по мнѣнію Достоевскаго, корней нѣтъ и почвы нѣтъ. Потому-то нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ устойчивыхъ руководящихъ началъ, которыми только и вызывается настоящая жизнь, а есть лишь одна сумятица, одинъ разбродъ. Сюда относится въ записной книжкѣ слѣдующій набросокъ:

«Нѣмцы, поляки, жиды—корпораціи и себѣ помогаютъ. Въ одной Руси нѣтъ корпораціи—она одна раздѣлена. Да сверхъ этихъ корпорацій еще и важнѣйшая прежняя административная рутина. Говорятъ: наше общество не консервативно. Правда. Самый историческій ходъ вещей (съ Петра) сдѣлалъ его не консервативнымъ. А главное: оно не видитъ, что сохранять. Все у него отнято, до самой законной инціативы. Всѣ права русскаго человѣка отрицательныя. Дайте ему что положительное, и увидите, что онъ будетъ тоже консервативенъ. Вѣдь было-бы что охранять. Не консервативенъ онъ потому, что нечего охранять... Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей, съ необычайнымъ желаніемъ каждый разъ, съ воспріятіемъ новаго, растоптать все старое—съ ненавистью, съ оплеваньемъ, съ позоромъ. Какъ бы жажда отмщенія старому...»

Возможность оживленія открывалась передъ Достоевскимъ только въ томъ, что забылось именно съ Петра и забвенье чего представлялось Ѳедору Михайловичу чѣмъ-

---

[1]) Старики Карамазовы съ ихъ безпутствомъ, т.-е. не всѣ непремѣнно съ безпутствомъ въ правахъ, за то почти всѣ съ безпутствомъ въ мысляхъ. (Такъ, вѣроятно, понималъ это Достоевскій).

то въ родѣ Исавова права первородства, проданнаго за чечевичную похлебку чужой культуры. Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ крестьянинъ Посошковъ, вполнѣ однако сочувствовавшій просвѣтительнымъ стремленіямъ Петра, указалъ ему, во имя простого здраваго смысла и подъ вліяніемъ старыхъ преданій, на народосовѣтіе, не какъ право, а какъ обязанность передъ государствомъ,—съ тѣхъ поръ это слово такъ и не употреблялось никѣмъ изъ нашихъ самыхъ передовыхъ, самыхъ культурныхъ писателей—такъ оно и забылось, вплоть до славянофиловъ. Достоевскій совершенно проникнутъ былъ духомъ этого слова, именно въ его непритязательномъ смыслѣ, въ смыслѣ искренняго подспорья для власти, существующей, по народному пониманію, для народа, а потому и справляющейся объ его нуждахъ—у кого-же, какъ не у него самого. Въ набросказъ Достоевскаго мы читаемъ:

«Земскій соборъ... Доктринеры пусть поучатся у народа смиренію и какъ такое великое дѣло надобно дѣлать. А великое это дѣло: царю всю правду сказать...

И какъ плодотворно будетъ обученіе, сколько перебѣгутъ, какъ осиротѣютъ доктринеры, вся молодежь отъ нихъ отшатнется, даже взрыватели отшатнутся и примкнутъ къ русской правдѣ. Останутся только старые доктринеры; отжившіе свой срокъ колпаки 40-хъ годовъ» [1]).

Когда-же со стороны даже нѣкоторыхъ изъ этихъ доктринеровъ стали раздаваться голоса какъ будто-бы не за что иное, какъ за то-же посошковское безхитростное «народосовѣтіе», то Достоевскому не совсѣмъ-то этому вѣрилось, и онъ во всякомъ случаѣ видѣлъ тутъ недоразумѣніе со стороны доктринеровъ. Въ записной книжкѣ у него говорится по этому поводу:

---

[1]) Между тѣмъ та редакція, съ которою былъ связанъ Достоевскій, не желая вразумиться этимъ, продолжаетъ только тянуть свою пѣсню о «дворянской эрѣ» да «сильной (т.-е. губернаторской и полицейской) власти». Достоевскому дѣйствительно *сильная* власть не представлялась возможною безъ *народосовѣтія*.

«Наши либералы, стоящіе за земство противъ чиновничества, противорѣчатъ себѣ. Земство, правильное земство — это поворотъ къ народу, къ народнымъ началамъ (столь осмѣянное ими словечко). Такъ устоитъ-ли европеизмъ въ настоящемъ-то видѣ, если правильно укоренится земство? Это еще вопросъ и, вѣроятнѣе всего, что не устоитъ».

Достоевскій, однако, не думалъ ограничиваться силами одного непочатаго народа Онъ считалъ необходимою, онъ призывалъ и разыскивалъ и интеллигенцію — но такую, которая дѣйствительно могла-бы стать, какъ выражаются, «историческою душою народа», т.-е. онъ разыскивалъ интеллигенцію, ставшую духомъ отъ народнаго духа. Намъ помнится, что онъ находилъ невозможнымъ обойтись даже безъ самаго этого выраженія «интеллигенція», хотя оно и бьетъ какъ-то по уху, несмотря на свою затасканность, или, можетъ быть, именно вслѣдствіе ея. Въ записной книжкѣ Достоевскій касается этого вопроса, обозначая впрочемъ такъ-называемую интеллигенцію русскимъ терминомъ.

«Что такое у насъ лучшіе люди? Дворянство разрушено. Во Франціи тоже было разрушено. Почетный легіонъ привился, но не исчерпалъ задачи (въ Европѣ лучшихъ людей создаетъ власть). У насъ Петръ Великій, чтобы подавить аристократію бояръ, ввелъ 14-ть классовъ. Есть аналогія съ почетнымъ легіономъ. Привилось, но и не начинало исчерпывать задачи. Не признано духомъ народнымъ, да и у чиновниковъ начало банкрутиться (чиновники по найму, аферисты, адвокаты болѣе пересолятъ). А между тѣмъ, безъ лучшихъ людей нельзя. Но Петръ тоже поступилъ по западному духу, надѣлавъ 14-ть классовъ. Лучшіе пошли отъ правительства, а не отъ духа народнаго. Лучшіе пойдутъ отъ народа и должны пойти. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь это должно организоваться. Правда, народъ еще безмолвствуетъ, хоть и называетъ, кромѣ Алексѣя человѣка Божія, Суворова, напримѣръ, Кутузова... Но у него еще нѣтъ голоса. Голосъ-же интеллигенціи сбитъ и народу не понятенъ, да и

не слышенъ. Богъ знаетъ, кого интеллигенція поставитъ лучшимъ. Парижская коммуна и западный соціализмъ не хотятъ лучшихъ, а хотятъ равенства и отрубятъ голову Шекспиру и Рафаэлю. У насъ въ народѣ нѣтъ зависти. Сдѣлайте народу полезное дѣло и станете народнымъ героемъ (но не возвышая его до себя, любите народъ, а сами принизившись передъ нимъ)».

Чтобы показаться народу дѣйствительно своими, лучшіе люди, по понятію Достоевскаго, должны быть совершенно свободны отъ всякихъ высокомѣрно-благодѣтельскихъ, т.-е. презрительныхъ отношеній къ нему. Хотя-бы и считая себя листами дерева, они, по глубокому смыслу Крыловской басни, должны постоянно помнить о питающихъ ихъ корняхъ, помнить, что они отъ народа и немыслимы сами по себѣ. Въ январьскомъ (предсмертномъ) своемъ «Дневникѣ» Достоевскій говорилъ объ оздоровленіи корней, какъ объ основной задачѣ для государства. Вотъ, что должны понять наши лучшіе люди, скромно помогая государству въ безотлагательномъ дѣлѣ оздоровленія корней. И въ записной книжкѣ Достоевскій говоритъ:

«Облегчить народъ... Гдѣ взять денегъ? Для этого непремѣнно и неотложно обложить налогомъ высшіе, богатые классы и тѣмъ снять тягость съ бѣднаго класса...

Аксіома, что тамъ и благосостояніе, гдѣ твердо стоитъ земледѣліе... «Не будетъ земледѣлія—не будетъ и финансовъ»».

Но Достоевскому плохо вѣрилось въ безпритязательную простоту отношеній къ народу нашихъ наличныхъ лучшихъ людей. А только при такой безпритязательной простотѣ отношеній и возможна истинная объ немъ заботливость. Отсутствіе этой настоящей заботливости слишкомъ часто изобличалось передъ зоркимъ взглядомъ покойнаго тѣмъ, что кажущіеся друзья народа даютъ себя отпугивать отъ него ходячими, яко-бы либеральными фразами. Сюда относится въ его записной книжкѣ слѣдующая замѣтка:

«Жиды. И хоть-бы они стояли надъ всей Россіей кагаломъ и заговоромъ и высосали всего русскаго мужика—и пусть, пусть, мы ни слова не скажемъ. Иначе можетъ случиться какая-нибудь нелиберальная бѣда: чего добраго подумаютъ, что мы считаемъ свою религію выше еврейской и тѣснимъ ихъ изъ религіозной нетерпимости. Что тогда будетъ? Подумать только, что тогда будетъ!»

Какъ оправдались теперь эти слова! Не наша-ли «либеральная» печать [1]) подготовила тотъ взглядъ, по которому современныя избіенія жидовъ въ столь различныхъ мѣстахъ объясняются совершенно помимо издавнихъ хищническихъ отношеній къ народу «жидовства» (Достоевскій постоянно употреблялъ этотъ терминъ, какъ обозначеніе цѣлаго жизненнаго направленія, способнаго проявляться въ самыхъ различныхъ народностяхъ, хотя преимущественно развившагося, въ силу историческихъ причинъ, въ еврейской національности). Возставая противъ всякаго насилія, Достоевскій, конечно, возсталъ-бы и противъ этихъ избіеній, только не позабылъ-бы сказать и жертвамъ, чтобы они прежде всего оглянулись на самихъ себя, не успокоиваясь взваливаніемъ всего происшедшаго исключительно на однихъ агитаторовъ. Какъ-бы то ни было, они, а не кто другой, представили въ данномъ случаѣ наиболѣе благодарную почву, какъ они-же съ другой стороны поставляютъ въ ряды агитаторовъ едва-ли не самыхъ безшабашныхъ сторонниковъ, а отчасти, быть можетъ, поставляютъ и капиталы. При помощи этихъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно одурманивается часть нашей читающей публики, т.-е. и нашего общественнаго мнѣнія».

Вполнѣ сознавая всю несостоятельность этого послѣдняго, Достоевскій, однако-же, возлагалъ на него большія надежды въ будущемъ.

«Общественное мнѣніе,—говорится въ одномъ изъ набросковъ,—у насъ дрянное, кто въ лѣсъ, кто по дрова, но

[1]) Въ этомъ случаѣ даже въ тонъ съ «Московскими Вѣдомостями».

его кое-гдѣ боятся, стало быть оно своего рода сила, а стало быть и годиться можетъ. Скажутъ: существованіе нашего общественнаго мнѣнія мало обезпечено; такъ, но оно уже тѣмъ хорошо, что существуетъ, дрянненькое, а существуетъ, но главное такъ существуетъ, что сократить его теперь не только невозможно, но даже немыслимо, несмотря на то, что существованіе его, какъ выражаются, не обезпечено. Уничтожить общественное мнѣніе—такъ не то, что ничего больше не будетъ, а и то, что есть, исчезнетъ. Общественное мнѣніе—дрянное, потому что до сихъ поръ еще только что зародилось и кто въ лѣсъ, кто по дрова. Слагается-же оно долгимъ ходомъ исторіи, многими поколѣніями».

Свидѣтельствомъ о легковѣсной дрянности нашего общественнаго мнѣнія служило для Достоевскаго, между прочимъ, и постоянное звучаніе въ немъ ругательной ноты.

«Только и дѣлаютъ, что ругаются,—говоритъ онъ,—и хоть дѣйствительно иногда дурное ругаютъ, такое, что ужь никакъ нельзя похвалить, но когда прочтешь, какъ они ругаются, то всегда невольно спросишь себя: что-же гаже? То-ли, что́ они такъ обругали, или они сами?»

Вполнѣ признавая, однако, что не вся-же наша печать сплошь и кряду проникнута такою нечистоплотностью, онъ далеко также не былъ доволенъ и тою частью ея, которая вполнѣ благовоспитана и никакъ уже не легковѣсна. Онъ справедливо замѣчалъ у насъ много совершенно трезвыхъ, спокойныхъ, чисто кабинетныхъ дѣятелей,—но они за то отталкивали его отъ себя своею отвлеченною книжностью.

«Чрезмѣрная ученость,—читаемъ мы въ записной книжкѣ,—не всегда есть тоже истинная ученость. Истинная ученость не только не враждебна жизни, но въ концѣ-концовъ всегда сроднится съ жизнью и даже указываетъ и даетъ въ ней новыя откровенія. Вотъ существенный и величавый признакъ истинной учености. Не истинная-же ученость, хотя-бы и чрезмѣрная, въ концѣ-концовъ всегда враждебна жизни и отрицаетъ ее. У насъ объ ученыхъ

перваго разряда что-то не слыхать, второго-же разряда было довольно и даже только и есть, что второй разрядъ. Такъ что, будь расчрезмѣрная ученость, и все-таки второй разрядъ. Но ободримся,—будетъ и первый. Когда-нибудь да вѣдь будетъ-же онъ. Къ чему терять всякую надежду?»

Главную надежду на исправленіе нашихъ культурныхъ изъяновъ (которыми, конечно, и объясняются указанныя явленія), возлагалъ Достоевскій на русскую женщину, какъ будущую проводницу здравыхъ культурныхъ началъ въ семью, а черезъ нее, наконецъ, и въ общество. Не даромъ Достоевскаго съ особенною любовью проводило въ могилу именно женское учащееся поколѣніе. Нимало не смущаясь никакими сплетнями объ уродливостяхъ въ проявленіи нашего «женскаго вопроса», онъ не переставалъ благословлять женщину на тотъ умилительно выносливый учебный трудъ, отъ котораго не отвлекаетъ ее у насъ ни безвыходная нужда, ни обидная брань. Онъ зналъ, что, поставивъ себя умственно въ уровень со своимъ учащимся братомъ, трудясь на одномъ полѣ знанія съ мужемъ или юношей-сыномъ, она наконецъ получитъ въ семьѣ не только питающее (въ чисто хозяйственномъ смыслѣ), но и высокое воспитывающее значеніе.

«Вся ошибка женскаго вопроса,—говорится въ записной книжкѣ,—въ томъ, что дѣлятъ недѣлимое. Берутъ мужчину и женщину раздѣльно, тогда какъ это единый цѣлокупный организмъ: «мужа и жену создалъ ихъ». Да, и съ дѣтьми, и съ потомками, и съ предками, и со всѣмъ человѣчествомъ человѣкъ единый цѣлокупный организмъ. А законы пишутся, все раздѣляя и дѣля на составные элементы. Церковь не дѣлитъ.

Въ природѣ все разсчитано на нормальность, все разсчитано на святого и на безгрѣшнаго (мужчинѣ 30 лѣтъ и женщинѣ 30). Красота дается женщинѣ вначалѣ, чтобы привязывать мужчину, ибо нравственная связь еще слаба. Потомъ и не надо ужь красоты, любятъ женщину потому, что сживутся душами (органическое соединеніе)».

Это соединеніе, по его взгляду, держится тѣмъ, что одною стороною внутренно, духовно восполняется другая, такъ что только въ обѣихъ вся полнота человѣческой природы. Понятно изъ этого, что Достоевскій не могъ не стоять за сохраненіе въ самой развитой женщинѣ, или, лучше сказать, за высшее развитіе въ ней той женственности (въ ея настоящемъ смыслѣ), которая услужливыми медвѣдями женскаго вопроса именно и выбрасывается за бортъ.

Ожидая для народа руководителей въ лицѣ образованныхъ «лучшихъ людей», Достоевскій не могъ не желать, чтобы они все болѣе и болѣе выходили непосредственно изъ рядовъ самого народа. Онъ не могъ, стало быть, не придавать особеннаго значенія народному образованію. Въ записной книжкѣ у него набросано:

«Два разряда народныхъ школъ: въ однѣхъ только читать, кое-какъ писать (выучатся, будутъ писаря, очень многіе забудутъ) и три молитвы; а потомъ другой разрядъ школъ для крестьянъ-же, повыше. 2-го разряда пока очень мало, но былъ-бы первый разрядъ, и вотъ уже вы породили силу. Кто грамотенъ, тотъ уже двинулся, тотъ уже пошелъ и поѣхалъ, тотъ уже вооружился, и увидите, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ у васъ уже сами собой явятся школы для крестьянъ повыше: потребность выростетъ, охота родится, и школы сами произойдутъ. А у насъ все вдругъ».

Понятно, что въ непосредственной связи съ народными школами должны быть и дальнѣйшія школы—тѣ, въ которыя могли-бы наконецъ переходить и заканчивать образованіе будущіе «многочисленные Ломоносовы». Въ записной книжкѣ указывается на постановку всей системы воспитанія на самобытную, національную почву. Какъ реалистъ въ высшемъ смыслѣ слова, реалистъ, относящій къ реальностямъ и идеальный міръ, Достоевскій не могъ быть реалистомъ въ обыкновенномъ смыслѣ, смыслѣ, подчасъ какъ будто подходящемъ къ матеріализму. Вотъ почему онъ не могъ быть тѣмъ, что у насъ называется реалистомъ, а былъ, наоборотъ, классикомъ. Но классиче-

ское образованіе представлялось ему гуманитарнымъ, т.-е. никакъ не приводимымъ къ одному словарю и грамматикѣ ради «идеебоязни». Потому-то онъ не могъ не быть во многихъ отношеніяхъ противъ нашего педагогическаго классицизма, проводимаго часто въ ущербъ его міровому смыслу — въ маломъ видѣ какъ-бы à la Pierre le Grand. Въ записной книжкѣ Достоевскаго мы читаемъ:

«Все вдругъ и съ классицизмомъ... Постепенность не была соблюдена вовсе. Произвели классическую реформу отвлеченно. Главное, забыли, что мы—не Европа. За насажденіе великой мысли спасибо Каткову и покойному Леонтьеву, ну, а въ примѣненіи мысли нельзя похвалить. Ввели дубиной. Чтобъ не было идей. Наберутся своихъ, тогда хуже. Исторія у насъ дала-бы духовныя идеи. Духовныя идеи у нѣмецкаго мальчика другія,—его строй, его бытъ, его національность. А у насъ въ семействѣ лишь растлѣніе. Исторія-бы спасла отъ растлѣнія и направила-бы умъ юноши хотя-бы въ міръ историческій изъ отвлеченнаго бреда и бурды, составляющихъ духовный міръ нашего общества. Однимъ словомъ, поступили не національно (а нашъ мальчикъ развитѣе нѣмецкаго). Регулировать только-бы учителей словесности, чтобы не преподавали либеральныхъ абсурдовъ. Пришло-бы само собою».

Въ другомъ мѣстѣ онъ еще яснѣе развиваетъ ту-же мысль.

«Нѣмецкій ребенокъ: «оттого что мы культура, оттого мы всѣхъ умнѣе и всѣхъ сильнѣе (ужъ коли нѣмецъ начнетъ хвалиться); не армія побѣдила Францію, а школьный учитель». На взглядъ отца и сына—гимназія святое дѣло.

У некультурнаго русскаго отца—или чиновничество, или картежъ, или, если онъ чѣмъ-нибудь занимается,— отвлеченность, міровые вопросы, жажда внѣшнихъ формъ, конституція, матеріализмъ, вѣчное lamento, при малѣйшемъ сознаніи, что такое честь и совѣсть (чего не можетъ-же не видѣть и не замѣтить сынъ его) и, главное,

полное непониманіе всего того, что подъ носомъ, отвращеніе отъ всего того, что подъ носомъ. Ну, такъ то-же самое и у его сына. Но исторія, всемірная исторія, по крайней мѣрѣ, вселила-бы уваженіе къ историческимъ формамъ жизни человѣческой, дала-бы смыслъ...

Вѣдь кричали о преимуществѣ естественныхъ наукъ всѣ тѣ, которые въ нихъ ничего не знали. Взгляните на редакторовъ и издателей газетъ — развѣ они что знаютъ?.. А во-истину ученый нашъ (иной даже замѣченъ въ Европѣ по своей спеціальности) — это большею частью превосходные спеціалисты... но большею частью люди необразованные и которые, конечно, уже ничего не понимаютъ въ классической системѣ образованія. Надъ этими—вершители дѣла, въ невинности своей считающіе себя блестящими европейцами, по невинности, именно, большею частью, по совершенной невинности своей, ровно ничего не понимающіе въ Россіи — ну и что-жъ выйдетъ? Ничего не выйдетъ, какъ ничего и не вышло... Нѣтъ культуры.

Вводя постепенно, не насаждая образованія, а постепенно подготовляя почву, талантливѣйшіе вышли бы классиками, и вотъ мало-по-малу получился бы контингентъ молодежи съ правильнымъ образованіемъ. Она бы и послужила началомъ будущему. Тѣмъ временемъ, черезъ извѣстные періоды, каждыя 8 лѣтъ, напримѣръ, или каждые 4 года, можно бы и умножать постепенно часы для классическихъ языковъ... Долго ждать, но было бы вѣрнѣе, а то все разомъ, какъ бы въ 20,000 верстъ желѣзныя дороги, которыя построились у насъ въ 10 лѣтъ, отвлекши всѣ свободные капиталы отъ земли и отъ промышленности. У насъ все вдругъ. Выдумали чеховъ (пусть не оскорбяются этимъ, прибавлю я отъ себя, наши почтенные соплеменники: гуртомъ пустились къ намъ изъ отечества, конечно, большею частью плохіе чехи, и, конечно, не могли стать хорошими русскими), голодныхъ, безучастныхъ, враждебныхъ къ юношеству, не знающихъ русскаго языка и свысока смотрящихъ на русскій языкъ. Ихъ не полюбили, презирали и смѣялись

надъ ними. Иногда даже патріотическое чувство въ мальчикѣ было оскорблено, а у насъ ужасъ какъ немного оставалось его».

Изъяны нашего классицизма объяснялъ Достоевскій, какъ это ясно, его посторонними, не прямо педагогическими цѣлями—назначеніемъ его служить отводомъ идей, вслѣдствіе того, что есть идеи нигилистическія. На взглядъ же Достоевскаго эти послѣднія скорѣе даже совсѣмъ не идеи, а наше отечественное (по некультурности) опошленіе идей западныхъ—соціалистическихъ. Но Достоевскому и эти послѣднія представлялись существенно угрожающими собственно Западу; у насъ же, по его мнѣнію, онѣ могли бы найти себѣ самый мирный и безопасный исходъ, только бы нашлось умѣніе совладать съ ними, переставъ подтверждать пословицу, что «у страха глаза велики».

Вотъ что читаемъ мы въ записной книжкѣ со ссылкою на «Новое Время» № 1667: «Пророчество барона Гюбнера о ближайшемъ соціалистическомъ движеніи во Франціи и Европѣ». Приглашается Россія къ союзу (Россія не должна. Она должна наблюдать свои выгоды. Соціализмъ рухнетъ у ея ногъ). Во Франціи же неминуемо примкнутъ къ соціализму іезуиты и всѣ католики, выгнанные по глупости Гамбетты изъ Парижа, примкнутъ легитимисты, всѣ бонапартисты. Правда, консервативная Франція еще сильна, несмотря на глупость правителей и на глупость республики. Но это начало конца. Конецъ міра идетъ. Конецъ столѣтія обнаружится такимъ потрясеніемъ, какого еще никогда и не бывало. Россіи надо быть готовой, не двигаться, взирать и ждать. Только бы Россія не увлеклась въ союзъ. О ужасъ! конецъ ей тогда, совсѣмъ конецъ! Нѣтъ у насъ соціализма, совсѣмъ нѣтъ. Есть только нѣсколько птенцовъ гнѣзда Петрова. Здоровая же часть Россіи не двинется, а она безчисленна».

Съ западнымъ соціализмомъ Достоевскій, какъ извѣстно уже изъ напечатаннаго въ его «Дневникѣ», оригинально сближалъ западное «жидовство».

Вотъ что набросано въ записной книжкѣ:

«Жидовство, какъ фактъ всего міра. Католичество, уступающее жидовству. Франція, разрушающая себя окончательно въ католичествѣ, ибо если не католичество, то должны были сейчасъ принять соціализмъ. Они же не хотятъ ни того, ни другого. Остался одинъ буржуазный либералъ со своими безсмертными принципами 89-го года. Скудное содержаніе».

Та-же мысль набросана тутъ въ другомъ мѣстѣ такимъ образомъ: «Бисмаркъ, Биконсфильдъ, французская республика, и Гамбетта, и т. д. — все это, какъ сила, одинъ только миражъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Господинъ и имъ, и всему, и Европѣ — одинъ только жидъ и его банкъ. И вотъ услышимъ: вдругъ онъ скажетъ veto, и Бисмаркъ отлетитъ какъ скошенная былинка. Жидъ и банкъ — господинъ теперь всему: и Европѣ, и просвѣщенію, и цивилизаціи, и соціализму. Соціализму особенно: имъ онъ съ корнемъ вырветъ въ Европѣ христіанство и разрушитъ ея цивилизацію. И когда останется лишь одно безначаліе, тутъ жидъ и станетъ во главѣ всего. Ибо, проповѣдуя соціализмъ, онъ останется межъ собой въ единеніи, а когда погибнетъ все богатство Европы, останется банкъ жида. Антихристъ придетъ и станетъ на безначаліи».

Но у нашей границы, по мнѣнію Достоевскаго, могъ бы быть остановленъ и этотъ «антихристъ». Для Европы отъ давнишнихъ соціальныхъ золъ дѣйствительно нѣтъ излѣченія, кромѣ такъ-называемыхъ героическихъ способовъ, въ которыхъ, съ другой стороны, уже пришлось тамъ отчаяться. У насъ же далеко не столь глубокое зло вполнѣ поправимо—самымъ мирнымъ государственнымъ способомъ. Стоитъ лишь дѣйствительно озаботиться оздоровленіемъ корней — поднятіемъ экономическаго благосостоянія народа, такъ величаво освобожденнаго рукою того, кто палъ позорящею насъ жертвою дикаго отраженія у насъ западныхъ соціально-революціонныхъ ученій. Народъ проклинаетъ и будетъ проклинать убійцъ, несмотря ни на какіе громкіе ихъ посулы,

и считаетъ своего освободителя мученикомъ. Такой народъ, сказалъ бы и теперь Достоевскій, заслуживаетъ довѣрія, заслуживаетъ того, чтобы все наше вниманіе, всѣ наши усилія устремлены были на него и на его долю.

О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ДОСТОЕВСКАГО и ТУРГЕНЕВА [1]).

Знаете-ли, что можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ — и ничего не прибавляя, замѣтьте — что всякій ужаснется!

Тургеневъ (въ «Рудинѣ»).

Невольно вспоминаются эти слова при кое-какихъ сообщеніяхъ послѣдняго времени какъ о Достоевскомъ, такъ и о самомъ Тургеневѣ, особенно-же о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Даже въ привлекательныхъ задушевной своей простотой воспоминаніяхъ о Тургеневѣ Я. П. Полонскаго (въ «Нивѣ») оказывается кое-что въ этомъ родѣ. Сообщая (въ № 4) эпиграмму Тургенева на Достоевскаго, какъ автора «Бѣдныхъ людей», авторъ воспоминаній замѣчаетъ: «Въ ней нѣтъ ничего особенно обиднаго, соль ея далеко не ѣдкая; но Достоевскій, уже и въ то время болѣзненный, былъ не изъ числа тѣхъ юношей, которые, прочтя эпиграмму, отнеслись-бы къ ней шутя, какъ Дружининъ, или-бы охотно ему за нее простили, какъ Кетчеръ. Достоевскій могъ впослѣдствіи

1) Напечатано было въ «Недѣлѣ» 1884 г. № 8.

совершенно забыть эту эпиграмму, но сѣмя вражды, глухое и безсознательное, осталось въ немъ» [1]).

Я. П. Полонскій говоритъ это, конечно, со словъ самого Тургенева, который въ 1872 г. писалъ М. А. Милютиной по поводу отношеній къ нему Достоевскаго (въ «Бѣсахъ»): «Поступокъ Ѳ. Д. не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя».

Между тѣмъ, изъ одного давнишняго письма Достоевскаго (Я. П. Полонскій, вѣроятно, не успѣлъ его прочитать въ I т. полнаго собранія его сочиненій) прямо видно, что если онъ въ молодости питалъ къ Тургеневу «безпричинную» или другого рода страсть, то ее никакъ нельзя назвать ненавистью. Вотъ что писалъ Достоевскій брату Михаилу Михайловичу 17-го ноября 1845 года: «На-дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ, — я не знаю, въ чемъ природа отказала ему. Наконецъ: характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ...»

---

[1]) Вотъ эта эпиграмма:

Рыцарь горестной фигуры,
Достоевскій, юный пыщъ!
На носу литературы
Ты вскочилъ, какъ яркій прыщъ.
Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужь всѣхъ повергъ.
Тебя хвалитъ Императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ.

(Стихотвореніе И. С. Тургенева. Спб. 1885 г., стр. 222).

Письмо это писано до появленія въ печати «Бѣдныхъ людей», но когда съ ними уже хорошо познакомились въ нашемъ литературномъ мірѣ. Эпиграмма Тургенева появилась, конечно, уже по напечатаніи романа, и ею, разумѣется, не подтверждается воображаемая Достоевскимъ «влюбленность» въ него Тургенева. Но ни въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ Өедора Михайловича не видимъ мы и малѣйшаго указанія на эпиграмму или на зависящія отъ нея ненавистныя отношенія его къ Тургеневу. Въ концѣ своей сибирской поры, жалуясь на то, что ему, сравнительно съ Тургеневымъ, мало платятъ, Достоевскій говоритъ: «Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ-же хуже и, наконецъ, я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже». По поводу «Отцовъ и дѣтей» у Тургенева съ Достоевскимъ завязалась переписка, изъ которой видно, что тогдашнія ихъ отношенія были самыя дружественныя.

Относящіяся сюда письма Тургенева переданы были А. Г. Достоевскою, взявшему на себя изданіе Тургеневскихъ писемъ, В. П. Гаевскому. Изъ этихъ писемъ видно, что Тургеневъ считалъ оцѣнку Достоевскимъ «Отцовъ и дѣтей» самою безпристрастною и глубокою. (Желательно, чтобы и письма Достоевскаго объ этомъ, находящіяся, надо думать, въ бумагахъ Тургенева у г-жи Віардо, были доставлены А. Г. Достоевской для будущаго дополненнаго изданія писемъ ея покойнаго мужа).

Размолвка между двумя знаменитыми писателями произошла только послѣ «Дыма» при свиданіи ихъ въ Баденъ-Баденѣ въ 1878 г. Если судить по тому, что разсказалъ объ этомъ со словъ Тургенева г. Евг. Гаршинъ въ «Историч. Вѣстникѣ» (ноябрь 1883 г.), со стороны Достоевскаго сказалась и тутъ чисто-личная подкладка. «Не добрый онъ былъ человѣкъ,—говорилъ при г. Гаршинѣ Тургеневъ увлекавшемуся Достоевскимъ послѣ его пушкинской рѣчи московскому студенту,—не добрый онъ былъ человѣкъ и не могъ равнодушно относиться къ чужому успѣху». Въ Баденъ-Баденѣ Достоевскій, находясь въ затруднительномъ положеніи, взялъ у Тургенева ка-

кую-то незначительную сумму денегъ. Уже отдавъ деньги, онъ все-таки, по словамъ Тургенева, «чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ, какъ нарочно, пищей для этого раздраженія оказался злополучный «Дымъ».—«Эту книгу надо сжечь рукой палача», будто-бы сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, считаетъ нужнымъ замѣтить самъ г. Гаршинъ, вся эта сцена происходила одинъ-на-одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь на тему: «вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее» и т. д. — однимъ словомъ, Достоевскій отождествлялъ Потугина съ самимъ Тургеневымъ [1]). При этомъ г. Гаршинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ числѣ матеріаловъ для біографіи Достоевскаго находится письмо его къ А. Н. Майкову, относящееся къ этому самому эпизоду. Но письмо это напечатано съ такими пропусками, что трудно и догадаться, въ чемъ его главное содержаніе. Послѣ того, что разсказано о печальномъ эпизодѣ со словъ Тургенева, деликатность, руководившая издателями писемъ Достоевскаго, оказывается совершенно излишнею. На основаніи стараго правила: «audiatur et altera pars», слѣдовало-бы припечатать письмо Достоевскаго въ полномъ видѣ, какъ дополненіе къ I-му тому, бывшему уже готовымъ къ выходу въ свѣтъ въ то время, когда появилась статья г. Гаршина. Я читалъ это письмо въ подлинникѣ и знаю, что какъ-бы «невыгодно,—по словамъ г. Гаршина,—ни отзывался Тургеневъ о нравственныхъ качествахъ Достоевскаго», съ Тургеневымъ его развели не какія-ни-

---

[1]) Спустя нѣсколько времени, прибавляетъ г. Гаршинъ, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе отъ издателя «Русскаго архива», что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: «я ненавижу Россію, и т. д.» При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню, 10 — 15-лѣтняго). Извѣстно, что г. Бартеневъ уже сообщилъ въ отвѣтъ на это о полученіи имъ — не письма Достоевскаго, а выписки изъ письма его къ А. Н. Майкову, писанной неизвѣстно чьею рукой.

будь личныя побужденія или счеты, а исключительно то, что Достоевскій не могъ помириться съ Потугинымъ, въ которомъ, по словамъ Ѳедора Михайловича, Тургеневъ призналъ свое собственное исповѣданіе (это, конечно, могло произойти только въ пылу раздраженія, на самомъ-же дѣлѣ вѣдь и то, что говоритъ Потугинъ, оказывается у Тургенева «дымомъ»). Изъ-за Потугина, можно сказать, т.-е. изъ-за направленія, олицетвореннаго Тургеневымъ въ лицѣ Потугина и сказывавшагося, по мнѣнію Достоевскаго, уже въ Бѣлинскомъ, Достоевскій возненавидѣлъ и знаменитаго критика, несмотря на подкупавшее самолюбіе Достоевскаго, преувеличенно восторженное, по мнѣнію Тургенева, отношеніе Бѣлинскаго къ «Бѣднымъ людямъ». Тургеневъ, видѣвшій въ этомъ «прославленіи свыше мѣры» «одинъ изъ первыхъ промаховъ Бѣлинскаго», объясняемый «уже начинавшимся ослабленіемъ его организма» [1]), былъ великодушно далекъ отъ объясненія тѣмъ-же самымъ и того, что Бѣлинскій считалъ Тургенева способнымъ только на очерки въ родѣ Даля и лишеннымъ настоящаго творчества. Что-же касается Достоевскаго, то въ письмѣ 1871 г. о Бѣлинскомъ, которое такъ покоробило многихъ, онъ приводитъ въ числѣ другихъ крупныхъ промаховъ критика и то, что «онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ, а между тѣмъ это сказано по прочтеніи чрезвычайно значительнаго разсказа Тургенева «Три портрета» [2]). Не значитъ-ли это, что баденъ-баденская размолвка нимало не измѣнила прежнихъ отношеній Достоевскаго къ Тургеневу, какъ *художнику*. Если-же въ 1870 г. онъ писалъ про Тургенева, «что художественная способность его ослабѣла и должна была ослабѣть», то не сходится-ли онъ тутъ съ мнѣніемъ самого Тургенева въ письмѣ къ г-жѣ Милютиной отъ 17-го мая 1871 г.: «Голосъ остался, — говоритъ онъ тутъ про себя,—да пѣть нечего. Слѣдовательно,—лучше замолчать. А пѣть нечего, потому что я

---

[1]) Воспоминанія о Бѣлинскомъ.
[2]) Сочиненія Достоевскаго, томъ I (письмо), стр. 313

живу внѣ Россіи,—а не жить внѣ Россіи я по обстоятельствамъ всесильнымъ не могу» [1]). Только въ концѣ слѣдующаго 1872 г. Тургеневъ имѣлъ дѣйствительно основаніе жаловаться на то, что онъ назвалъ «поступкомъ» Достоевскаго, нимало не удивившимъ его потому, что онъ, по его увѣренію, считалъ Достоевскаго возненавидѣвшимъ его еще съ молодыхъ ихъ лѣтъ. Мы видѣли, что Тургеневъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи ошибался. «Поступокъ» 1872 г. однако-же остается несомнѣннымъ. «Достоевскій,—пишетъ Тургеневъ,—позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію [2]); — онъ представилъ меня, подъ именемъ К*** (Кармазинова, разумѣется), тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами [3]). Эти письма сохраняются у меня,—говоритъ Тургеневъ.—Вотъ было-бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю». Теперь, когда обоихъ на свѣтѣ нѣтъ, эти письма, какъ и всякія письма того и другого, должны *непремѣнно* быть напечатаны, потому что когда дѣло касается такихъ людей, какъ они, всякая утайка должна считаться непозволительной. Такіе люди должны предстать передъ потомствомъ во всей полнотѣ и ясности своего настоящаго, а не подтасованнаго, такъ сказать, значенія. И такіе люди всегда сумѣютъ сами за себя постоять передъ потомствомъ, которое съ своей стороны всегда оказывается и болѣе безпристрастнымъ и менѣе близорукимъ, чѣмъ современники. Тургеневъ въ своемъ письмѣ 1872 г. кончаетъ словами: «мнѣ остается жалѣть, что Достоевскій употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ

---

1) «Русская Старина», 1884 г. январь, стр. 190.

2) Въ «Бѣсахъ».

3) Тургеневъ тутъ разумѣетъ «Призраки», напечатанные въ 1-ой (двойной) книжкѣ «Эпохи» 1863 г. Насколько редакція дорожила Тургеневымъ, можно судить по доставленному ему гонорару въ 1.000 руб. (всего, по послѣднему изданію, $2^1/_2$ печатныхъ листа). (Сообщено Н. Н. Страховымъ).

чувствъ». Тургеневъ, очевидно, предполагалъ все тѣ-же *личности*, которыми онъ себѣ объяснилъ и баденъ-баденскую размолвку, силою воображенія даже создавъ для нея, какъ мы видѣли, небывалый издавній задатокъ въ какой-то «безпричинной ненависти» къ нему Достоевскаго. На самомъ-же дѣлѣ Ѳедоръ Михайловичъ, всегда отдававшій должное художественному таланту Ивана Сергѣевича, могъ благодарственно превозносить его за повѣсть совершенно помимо редакторскаго расчета (ужъ этого-то не могло быть у Достоевскаго), а вполнѣ искренно, ради ея художественнаго значенія. Потомъ-же, по страстной впечатлительности своей болѣзненно-нервной натуры, Достоевскій могъ усмотрѣть у Тургенева—не столько въ «Призракахъ», сколько въ «Довольно» (въ пародіи, которая помѣщена въ «Бѣсахъ»—заглавіе «Merci», а это скорѣе похоже именно на «Довольно») своего рода *позированіе* передъ публикой. Не что иное, какъ только *позированіе*—противное ему уже потому, что это что-то совсѣмъ не наше, чему у насъ даже своего названія нѣтъ и чего и признаковъ нѣтъ у такого народнаго поэта, какъ Пушкинъ—не что иное, какъ *позированіе* выставилъ Достоевскій и въ Кармазиновѣ, а именно разсчитанное на возвращеніе себѣ популярности позированіе передъ молодежью. Онъ могъ невѣрно понять объяснительныя статьи Тургенева по поводу «Отцовъ и дѣтей», такъ высоко оцѣненныхъ имъ самимъ, Достоевскимъ, за такъ ярко сказавшуюся тутъ неумытную правду художника. Но Достоевскій совершенно искренно оскорбился и огорчился за художническое и гражданское достоинство Тургенева вслѣдствіе того, что онъ, по мнѣнію Достоевскаго, принималъ уже слишкомъ къ сердцу то обстоятельство, что на имя его будто-бы «налегла тѣнь» (т.-е. во мнѣніи общества). «Я себя не обманываю,—писалъ въ 1869 г. Тургеневъ,—я знаю, эта тѣнь съ моего имени не сойдетъ» [1]. Достоевскому казалось, что такой преемникъ общаго ихъ учителя Пушкина, какъ Тургеневъ, могъ-бы съ большимъ спокойствіемъ слѣдовать совѣту поэта:

---

[1]) По поводу «Отцовъ и дѣтей».

...Дорогою свободной
Иди, куда зоветъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный!

Достоевскому, при его прямо *страстной* правдивости, показалось, что Тургеневъ, за предѣлами своего творчества, вдается въ исканіе популярности, а съ этимъ-то и не могъ онъ никогда помириться, и это-то и пародировалъ онъ въ Кармазиновѣ. Между тѣмъ, Тургеневъ, съ не меньшею въ данномъ случаѣ страстностью, подумалъ, что Достоевскій выставляетъ его «тайно сочувствующимъ нечаевской партіи». Ту-же самую *страстность* Достоевскій вносилъ несомнѣнно и въ свои отношенія къ Бѣлинскому, т.-е. страстность въ служеніи правдѣ или тому, что онъ всѣми силами своей души считалъ за правду (тогда какъ лично Бѣлинскій долженъ бы былъ навсегда его подкупить «прославленіемъ свыше мѣры», по выраженію Тургенева, его перваго литературнаго шага). Между тѣмъ, и страстности Достоевскаго по отношенію къ «великому критику» способны у насъ придавать какое-то неблаговидное, такъ сказать, «докладывающее» значеніе. Это послѣднее выраженіе мною-же и было употреблено въ моихъ публичныхъ лекціяхъ [1]) о современной русской литературѣ, о которыхъ напоминаетъ мнѣ К. К. Арсеньевъ въ своей статьѣ о біографіи Достоевскаго [2]), находя противорѣчіе между тогдашнимъ моимъ взглядомъ на «Бѣсовъ» и позднѣйшимъ (высказаннымъ въ біографіи). Сколько помнится, я и тогда не относилъ «Бѣсовъ» къ «докладывающему» направленію. Этого слова, многимъ тогда понравившагося, впрочемъ, мнѣ и не напоминаетъ К. К. Арсеньевъ, озадаченный тѣмъ, что я въ біографіи Достоевскаго называю романъ «Бѣсы» — въ «психологическомъ смыслѣ автобіографическимъ и такъ странно у насъ непонятымъ». «Желательно было-бы знать, —гово-

---

[1]) Прежнемъ, т.-е. 2-мъ изданіи.
[2]) Въ «Вѣстникѣ Европы».

ритъ г. Арсеньевъ,—упрекаетъ ли г. Миллеръ въ этомъ странномъ непониманіи и самого себя?» Положительно упрекаю, могу я ему отвѣтить, указавъ уже на невѣрность, по моему мнѣнію, моего прежняго пониманія «Бѣсовъ» и въ университетѣ, и на высшихъ женскихъ курсахъ, и въ позднѣйшихъ моихъ публичныхъ лекціяхъ о Достоевскомъ [1]). Теперь я считаю этотъ романъ—въ художественномъ отношеніи наименѣе выдержанный — однимъ изъ самыхъ глубокихъ по замыслу, служащимъ дальнѣйшимъ воспроизведеніемъ тѣхъ жизненныхъ явленій, происхожденія которыхъ Достоевскій коснулся еще въ «Преступленіи и наказаніи». Ту святотатственную «игру на благородныхъ струнахъ человѣческой души», которая воспроизводится въ «Бѣсахъ», окончательно пойметъ и оцѣнитъ потомство, и, понявъ, воздастъ дань тому, кто еще долго, какъ писатель и человѣкъ, будетъ оставаться у насъ предметомъ частью настоящаго, частью напускного непониманія.

Равнымъ образомъ, и та «тѣнь», которая, по мнительному мнѣнію Тургенева, «не сойдетъ съ его имени»,— въ будущихъ поколѣніяхъ обратится въ яркій ореолъ художника, съ неумытною правдою относившагося къ самымъ щекотливымъ и самымъ загадочнымъ явленіямъ нашей жизни.

Видѣлись Тургеневъ и Достоевскій въ послѣдній разъ въ Москвѣ на Пушкинскомъ праздникѣ. Вдохновенная рѣчь Достоевскаго увлекла, говорятъ, и Тургенева, пожавшаго руку оратору, когда онъ спускался съ каѳедры. Впрочемъ, слово *ораторъ* тутъ совершенно невѣрно, и объяснять громовое впечатлѣніе, произведенное рѣчью (даже не сказанною, а прочитанною), собственно «ораторскимъ искусствомъ» Достоевскаго, какъ дѣлаетъ это К. К. Арсеньевъ, значитъ не понимать Достоевскаго. Вся сила была (конечно, при мастерскомъ чтеніи) въ искренности, прямотѣ и безстрашной досказанности рѣчи. То, что въ ней наряду съ Пушкинской Татьяной поста-

---

[1]) Въ настоящемъ изданіи онѣ воспроизведены.

влена была Тургеневская Лиза, зависѣло, конечно, не отъ присутствія тутъ Тургенева, а все отъ той-же честности Достоевскаго. А Тургеневъ, конечно, подалъ Достоевскому руку не ради хвалебнаго отзыва о себѣ. Потомъ, говорятъ, Тургеневъ вышелъ изъ-подъ обаянія рѣчи—въ качествѣ того «неисправимаго западника», какимъ онъ себя считалъ.

А между тѣмъ, и проповѣди Потугина обозвалъ онъ все тѣмъ же «дымомъ». Это позабывалъ самъ Тургеневъ, и на это не обращалъ вниманія Достоевскій. Въ сущности-же оба сходились въ томъ, что *не дымомъ* представлялось имъ только великое слово *свобода* и та народная почва, надъ которой носилось оно, «какъ Божій духъ надъ водами», по высоко-поэтическому сравненію Тургенева. При такомъ заключеніи «Дыма», Достоевскій, не будь онъ такъ нервно страстенъ въ беззавѣтномъ служеніи своей идеѣ, могъ бы совершенно иначе понять романъ. Но его также недостаточно и односторонне понимаютъ и считающіе себя руководимыми трезвымъ разумомъ почитатели Тургенева. Впрочемъ, полный смыслъ того, чтó проводилось Тургеневымъ какъ художникомъ, подчасъ, можетъ быть, оставался несовершенно яснымъ и для него самого. Такъ оно, по крайней мѣрѣ, очень часто бываетъ съ тѣми представителями *чистаго искусства*, къ которымъ несомнѣнно принадлежалъ Тургеневъ и къ которымъ, какъ по свойствамъ своей натуры, такъ и по обстоятельствамъ своей жизни, не можетъ быть отнесенъ, да никогда и не относилъ себя самъ Достоевскій [1]).

---

[1]) Въ февральской книжкѣ «Ист. Вѣстника» 1884 г. г. Евг. Гаршинъ въ любопытной статьѣ «Испорченная жизнь» пытается выставить Достоевскаго художникомъ по преимуществу, которому только судьба помѣшала отдаться вполнѣ своему призванію (въ этомъ и испорченность его жизни). Мнѣ кажется, что и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ Достоевскій, какъ слишкомъ живая натура, былъ-бы, такъ сказать, воплощеніемъ евангельскаго тезиса, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка». Сложись его жизнь иначе, онъ-бы только имѣлъ досугъ окончательно вырабатывать и выправлять до малѣйшихъ тонкостей свои произведенія, но въ нихъ бы всегда сказывался не только художникъ, но и душевѣдъ-мыслитель и публицистъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2p.

